И. Зимин, Л. Орехова, Р. Мусаева

ИЗ ИСТОРИИ ЗУБОВРАЧЕВАНИЯ

или Кто лечил зубы российским монархам

Annotation

Перед вами продолжение серии о жизни правителей России. В книге затрагивается такая деликатная область, как состояние здоровья первых лиц государства. Перед лицом болезни все равны, и никто, ни царь, ни его слуга, не застрахован от беспощадной зубной боли… Книга разделена на две части: первая – краткий экскурс в историю зубоврачевания. К сожалению, зубная боль сопровождает человека во все времена и практически не обходит никого, но долгое время лечение и протезирование могли позволить себе лишь сильные мира сего, о чем достаточно подробно и рассказывают авторы. Вторая часть книги посвящена непосредственно лечению российских монархов: Екатерина II, Александр I и Николай I, Александр II и Александр III, а также Николай II и его семья. Большое количество иллюстративного материала и живой язык авторов делают чтение этой книги весьма занимательным.

- И. Зимин, Л. Орехова, Р. Мусаева
  - Введение
  - Глава 1
    -
    - Древний Египет и Месопотамия
    - Древняя Индия, Китай и Япония
    - Древняя Греция и Рим
    - Зубоврачевание в период Средневековья
    - Зубоврачевание в Европе в XVII–XVIII вв
    - Зубоврачевание в Южной, Центральной и Северной Америке
  - Глава 2
  - Глава 3
    -
    - Царственный дантист
    - Зубоврачевание времен Екатерины II
    - Зубоврачебные мелочи XVIII в.
  - Глава 4
    -
    - Зубные врачи Александра I
    - Зубные врачи и дантисты Николая I
    - Дантисты Александра II

        - Дантисты и зубные врачи Александра III
        - Медицинские зубоврачебные звания
    - Глава 5
        -
        - Зубные врачи семьи Николая II
        - Посмертная экспертиза
    - Заключение
    - Приложения
        - Приложение 1
        - Приложение 2
        - Приложение 3
        - Приложение 4
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65

- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104

- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143

- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182

- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221

- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260

- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289

И. Зимин, Л. Орехова, Р. Мусаева
Из истории зубоврачевания, или Кто лечил зубы российским монархам

Введение

Стоматологическая составляющая в истории человечества была всегда весьма значимой. Зубная боль, сводящая с ума, буквально не дающая жить, могла и может застигнуть человека в любом возрасте.

Говоря о возрасте, следует иметь в виду такой фактор, как продолжительность жизни в различные цивилизационные эпохи. Понятно, что время жизни палеолитических охотников и время жизни бюргеров второй половины XIX в. серьезно различались. Средняя продолжительность жизни в эпоху палеолита не превышала 30 лет. До 50 лет (и более) доживали в исключительных случаях [1]. У упомянутых охотников шансы «испортить себе жизнь» плохим уходом за полостью рта были минимальны. Зато шансы погибнуть от клыков пещерного медведя или саблезубого тигра – вполне реальны. Но и тогда, как свидетельствуют археологические находки, кариес, как говорится, «никто не отменял».

При всех опасностях жизни палеолитических охотников и тогда зубная боль была столь свирепа, что проблему как-то пытались решать. Открытия археологами останков людей времен палеолита свидетельствуют о необычайно ранних опытах зубоврачебного вмешательства. По крайней мере эксперты свидетельствуют, что некоторые углубления в зубах охотников времен палеолита могли образоваться только в результате механического вмешательства.

Кариозный зуб, обнаруженный в Пакистане, со следами сверления, проведенного 9000 лет назад

Реконструкция. Устройство для сверления зуба с кремневым бором. Основой механизма стало хорошо освоенное устройство для разжигания огня

Об этом свидетельствуют находки археологов в Пакистане (Roberto Macchiarelli). Им удалось обнаружить в этой стране в местечке Мегара 11 зубов (из 4000 обследованных), имевших следы стоматологического вмешательства, от скелетов четырех женщин, двух мужчин и трех людей, пол которых определить не удалось. Подчеркнем, что только 11 зубов имели признаки такого вмешательства из обследованных 4000, что составляет мизерную величину в 0,2 %.

Исследования зубов со следами стоматологического вмешательства показали: сверление было выполнено на живых людях, продолжавших жить и после упомянутой процедуры. Маловероятно, что отверстия эти просверлили в декоративных целях, так как все зубы со следами неолитической «бормашины» находились глубоко во рту. По мнению исследователей, эта работа была сделана, чтобы ослабить боль, так как четыре из найденных зубов показали признаки разрушения, а челюсть одного человека – следы обширной инфекции. Один из древних пациентов имел три просверленных зуба, а другой – один зуб, который сверлили дважды. Отверстия имеют диаметр от 1 до 3 миллиметров и глубину от 0,5 до 3,5 миллиметров. При таких параметрах сверление вызывало, очевидно, сильную боль.

Впрочем, к боли тогда относились немного иначе, чем сегодня. На

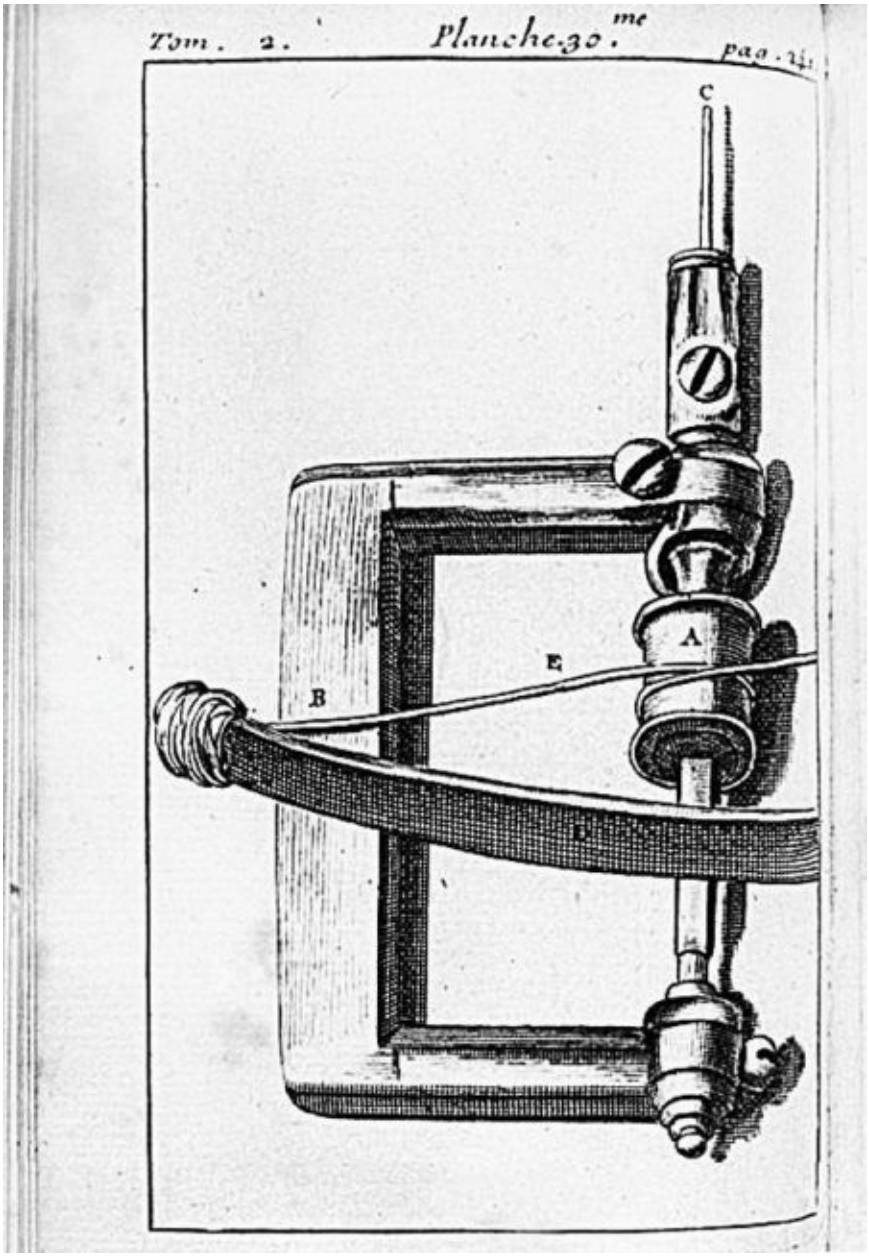
участке раскопок археологи нашли вместе с бусинками из кости, ракушек, бирюзы и кремниевые «сверла».

Авторы исследования полагают, что умение создавать крошечные сверла древние «дантисты» позаимствовали у создателей украшений. Отметим, что эта связь «ювелиров» и «стоматологов», обозначившаяся столь рано, устойчиво сохранялась и в последующие исторические эпохи.

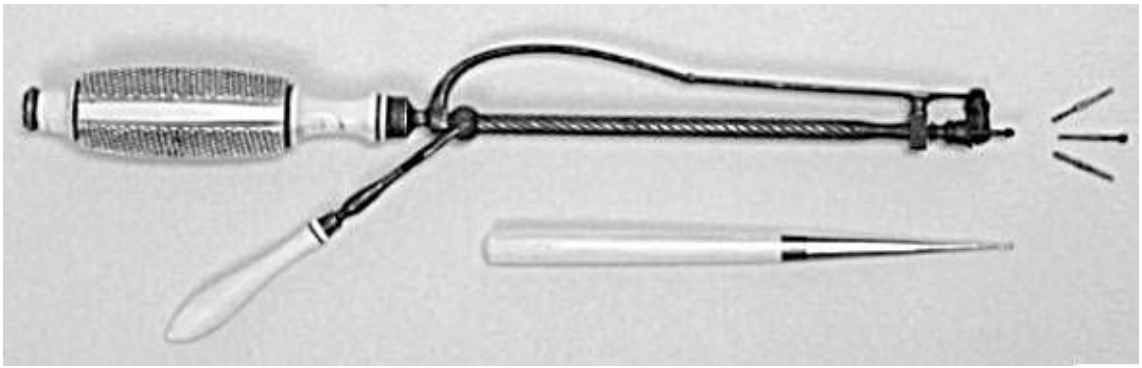
Стоматологический бор времен палеолита. Реконструкция. Пакистан. 9000 лет назад

В качестве примитивного бора, видимо, использовалось хорошо освоенное устройство для разжигания огня, которым до сих пор пользуются индейцы на берегах Амазонки. Исследователи реконструировали такой «бор» и попытались повторить сверление зуба. Опыт оказался удачным.

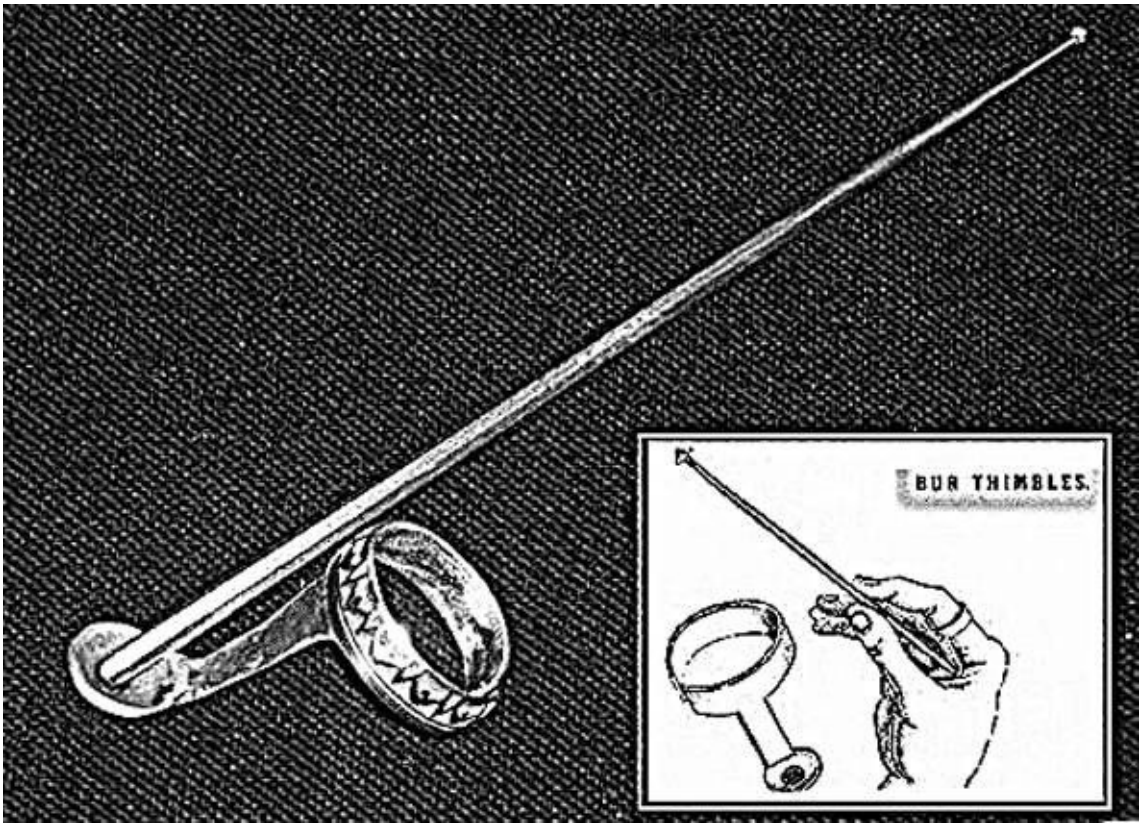
Конструкция зубного бора из книги Пьера Фошара. XVIII в.

Отметим, что принцип умножения крутящего момента бора с помощью бечевки использовался в зубоврачевании очень долго. В книге Пьера Фошара, изданной во второй четверти XVIII в., фактически приведена та же самая конструкция, только в более компактном и технологичном ее варианте. Даже во второй половине XIX в. в ручных борах использовался принцип «архимедова винта», пока не появились первые конструкции ножных (механических) и электрических боров.

Ручной зубной бор («Архимедов бор», ручка из слоновой кости). Сер. XIX в.

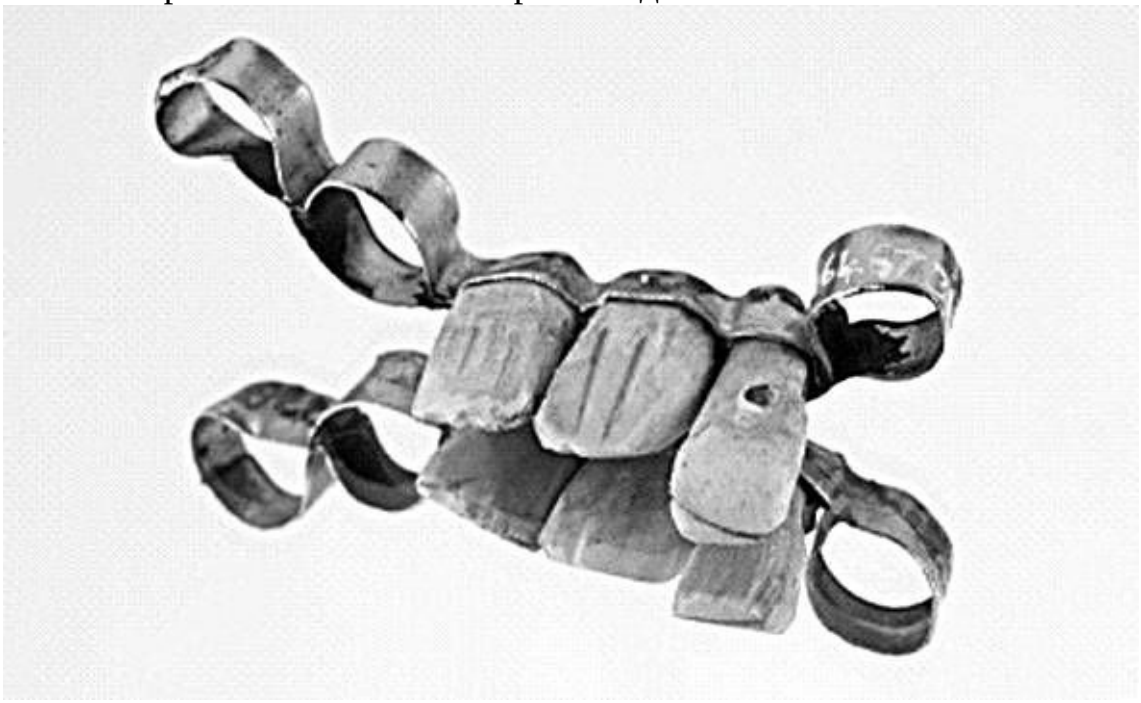
По мере развития цивилизации продолжительность жизни людей увеличивалась, менялось качество жизни, и то, что было нормально и приемлемо в начале, постепенно уходило в прошлое. Поэтому уже в древнейших культурах здоровые зубы стали выполнять роль некоего *многогранного индикатора.*

Бормашина «Вращающийся палец». 1870 г. Инструмент крепился на пальце, и дантист крутил бор руками так быстро, сколько имел навыка и

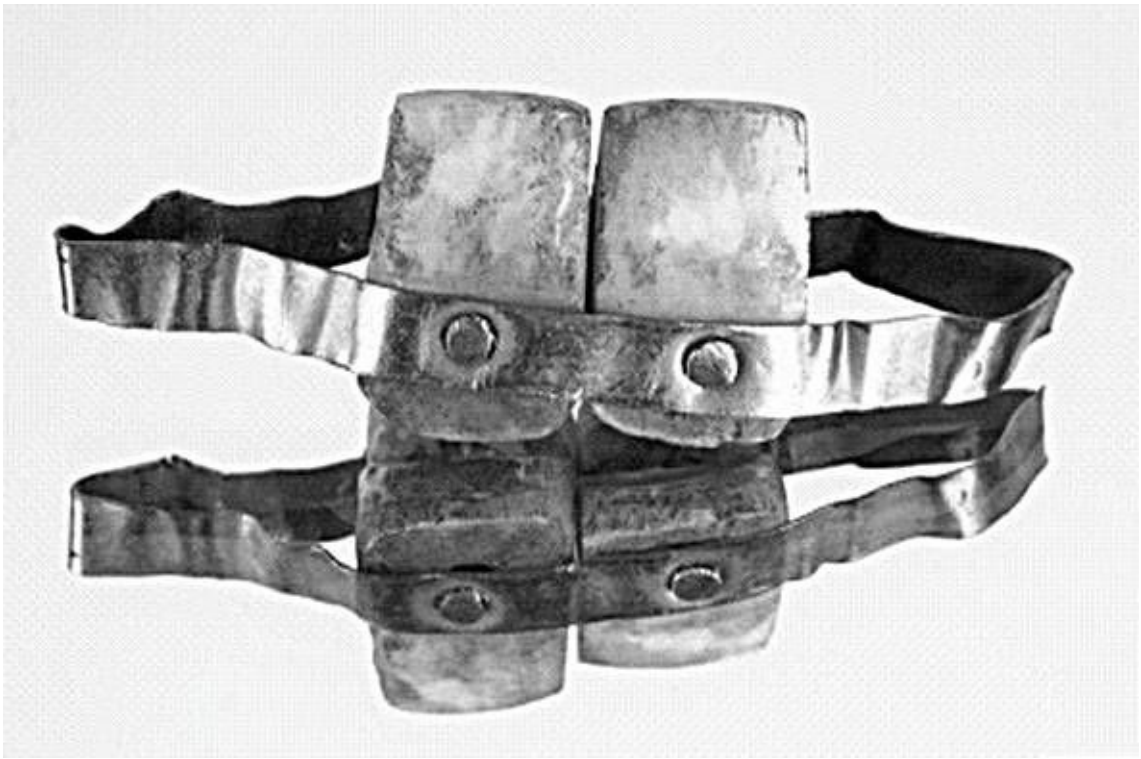
сил

Во-первых, здоровые зубы служили одним из *индикаторов хорошей физической формы.*Поэтому у многих народов при формировании региональных канонов красоты внешний вид зубов играл важнейшую роль. Особенно этот фактор был важен для женщин, стремившихся подчеркнуть свое хорошее здоровье для реализации своих матримониальных планов. Например, в Европе у женщин очень рано сформировался стандарт «сахарных зубов». Именно с этим фактором, а не со стремлением соблюдать некие стандарты гигиены полости рта, связано распространение практики чистки зубов различными составами, стремление каким-то образом нейтрализовать запах изо рта и т. д.

Копия этрусского протеза 1-е тыс. до н. э. Европа. 1901–1930 гг.

Вождь племени, в силу тех или иных причин лишившийся зубов, подсознательно воспринимался, как старик, которого пора менять на Олимпе власти.

Копия этрусского протеза 1-е тыс. до н. э. Европа. 1901–1930 гг.

Поэтому уже в Древнем Египте и у этрусков на территории современной Италии появились зубные протезы. Ряд исследователей утверждает, что жевать ими было невозможно, поэтому протезы только декорировали утраченные зубы и подчеркивали социальный статус, но не выполняли какие-либо функциональные задачи. Зубные протезы, в изготовлении которых рано стали применять пластичное и не дающее побочных эффектов золото, использовались преимущественно для того, чтобы скрыть отсутствие зубов. Поэтому упомянутое золото, да и сами протезы, служили наглядным символом власти и богатства.

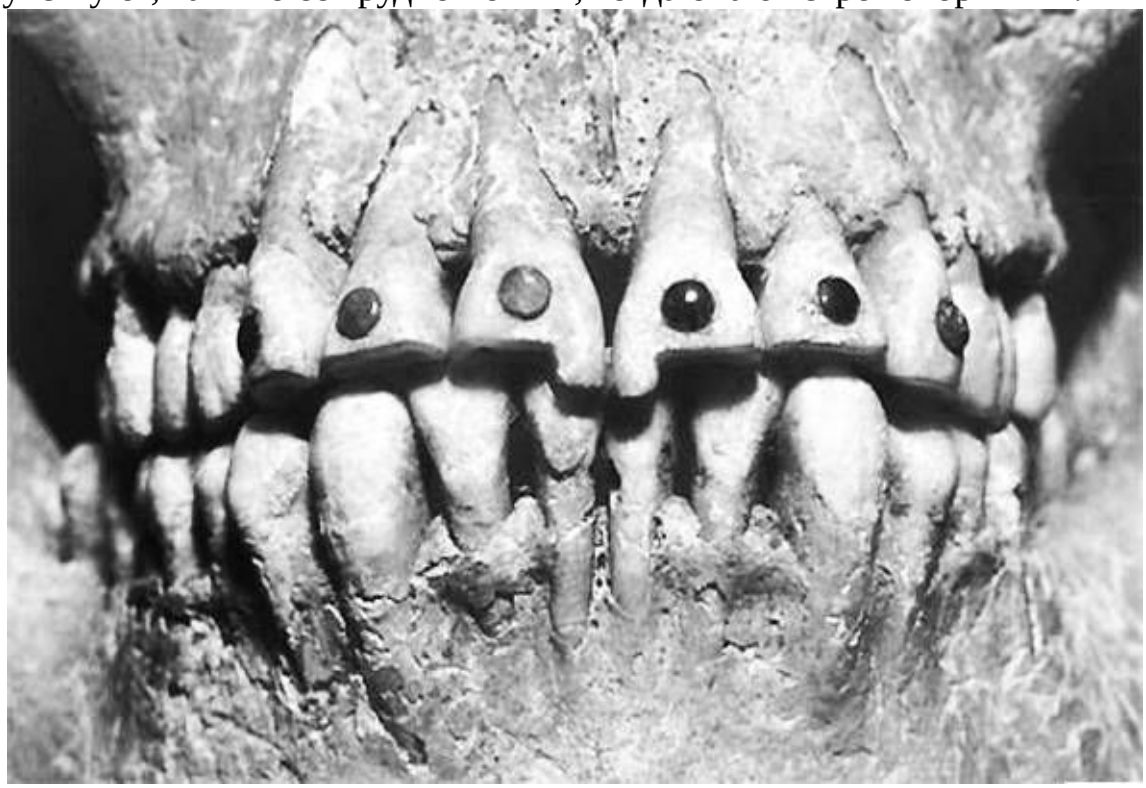
Известны времена, когда изъеденные кариесом зубы считались символом материального благополучия, поскольку только состоятельные люди могли есть такое количество сладкого, что платой за это становился кариес. Связывают эту моду с эпохой великих географических открытий XVI в., когда в Европу хлынул тростниковый сахар. В качестве примера, как правило, приводится английская королева Елизавета I (1533–1603), с молодых лет имевшая очень плохие зубы. Настолько плохие, что во время церемоний, на которых она должна была только присутствовать, ей укладывали на зубы кусочек белого полотна, имитируя здоровые зубы.

Английская королева Елизавета I. Около 1575 г.

Мемуаристы оставили множество описаний внешности королевы Елизаветы I, подчеркивая при этом, как правило, ее плохие зубы. Например, французский посол, описывая внешность Елизаветы, пребывавшей в уже преклонном возрасте, писал: «Что касается ее лица, то на нем сказывается весь ее возраст. Оно длинно и тонко, ее зубы очень желты и неровны, по сравнению с тем, какими они были прежде. Говорят, что на левой стороне их меньше, чем на правой. Многие из них

отсутствуют, так что ее трудно понять, когда она быстро говорит» [2].

Косметическая стоматология. Центральная Америка. Цивилизация майя. IX в. н. э.

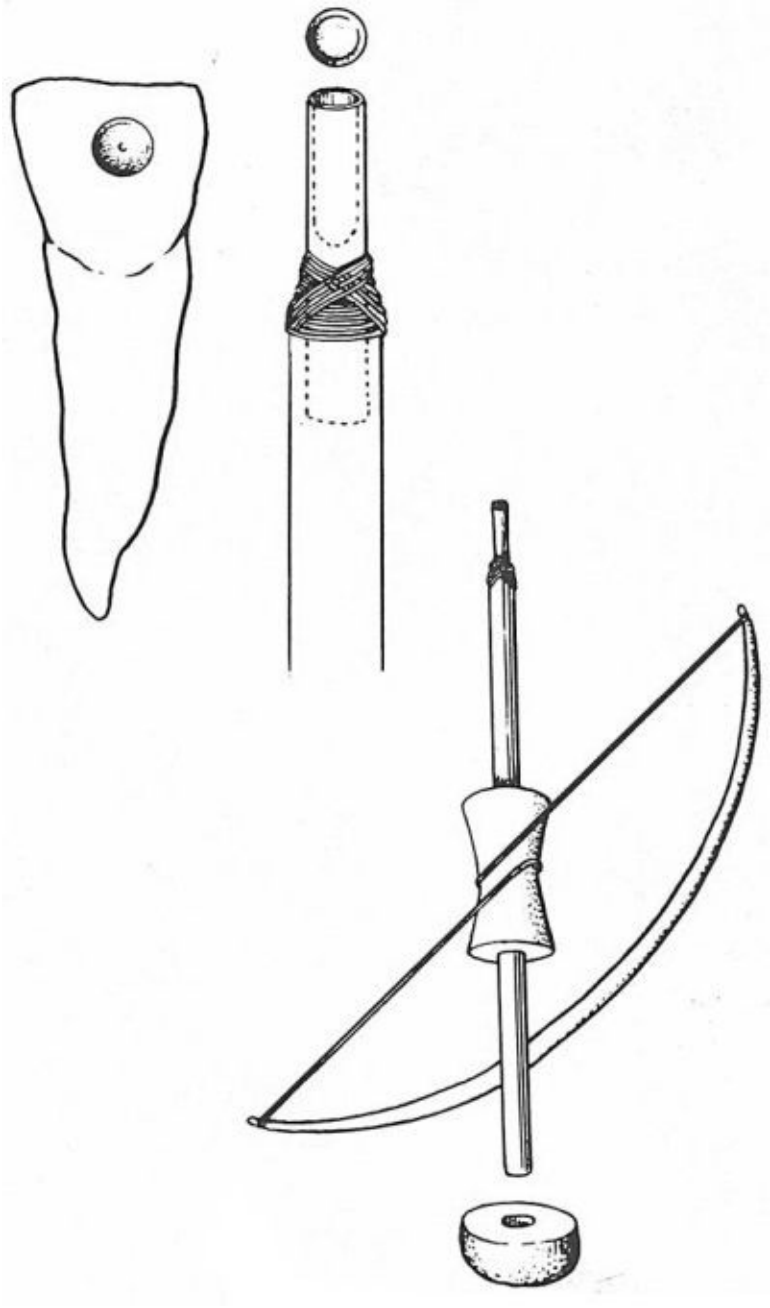
Впрочем, королева сделала свои стоматологические проблемы некой модой, введя кариозные зубы в моду. Такое в истории моды бывало не единожды. Так, по преданию, «мушки» (круглые кусочки ткани, вырезанные из черной тафты) появились на лице аристократок XVIII в. благодаря британской герцогине Ньюкасл, которая заклеивала ими прыщи на лице, превратив «мушки» в модные искусственные родинки, оттенявшие белый цвет лица.

Во-вторых, здоровые зубы очень рано стали *индикатором*определенного *социального статуса*.

Зубы в буквальном смысле показывали, какое место занимал тот или иной человек в социальной структуре общества [3]. С одной стороны, «золотая улыбка» свидетельствовала о богатстве, власти и влиянии, а, например, стертые, неухоженные зубы свидетельствовали о низком статусе человека. Дело в том, что на заре человеческой истории характер питания разных социальных слоев очень отличался (впрочем, как и сегодня). В результате мука грубого помола, содержавшая многочисленные включения

каменной крошки от мельничных жерновов, стачивала зубы у питавшихся ею бедняков, формируя феномен «съеденных зубов». Более состоятельные слои населения дольше сохраняли здоровые зубы, используя более качественную муку.

В-третьих, зубы могли просто *украшать*человека. Поэтому начало *косметической стоматологии*восходит к самым ранним этапам цивилизации. С косметической стоматологией тесно связаны традиции, длительное время бытовавшие у народов Центральной и Южной Америки, которые активно применяли различные методики «украшения» зубов – зубодекоративную пластику. Вот уж буквально – «Красота требует жертв…».

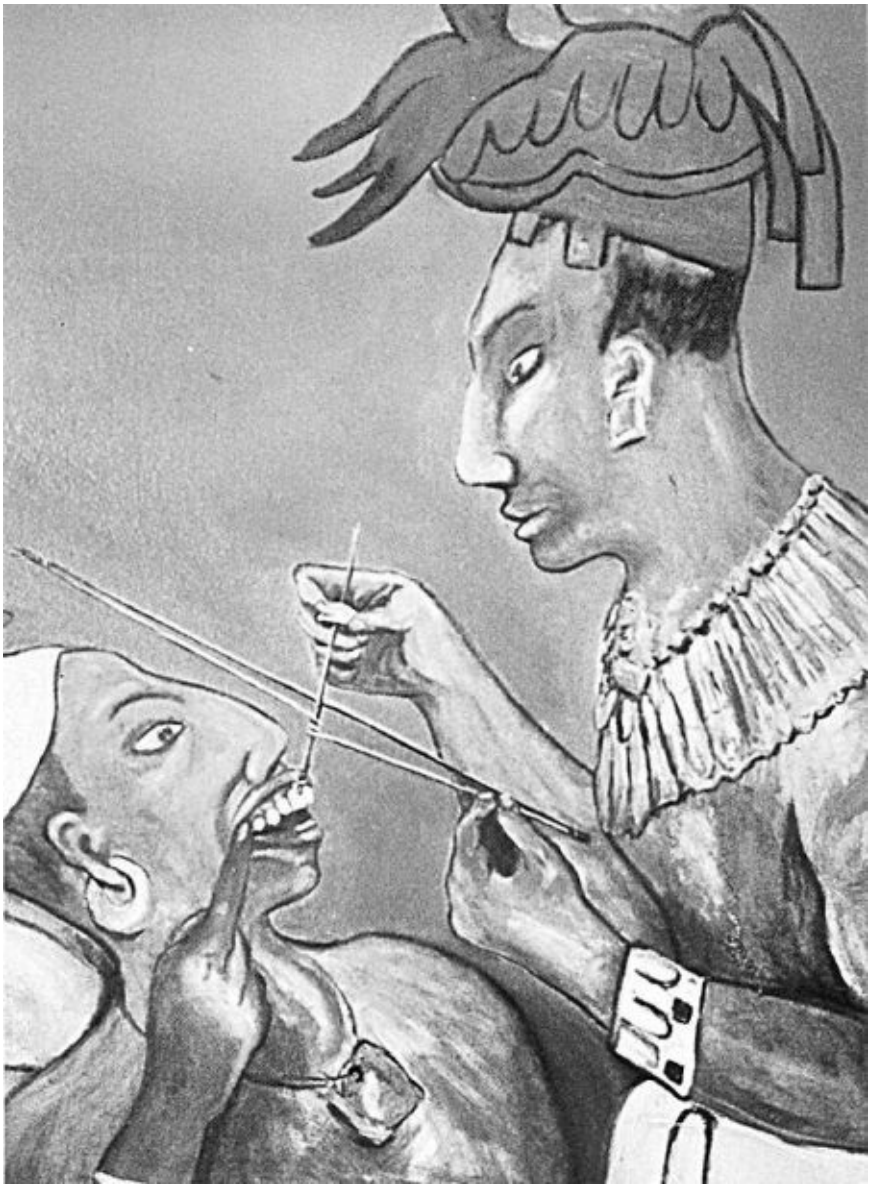
Реконструкция инструментария майя, необходимого для косметической стоматологии

Любопытна техника подобных косметологических операций. Исследователи выяснили, что майя помещали драгоценные камни в тщательно подогнанные под их форму выемки в зубах. Эти выемки вытачивались в зубах живых людей с помощью трубочки, изготовленной из нефрита, позже индейцы стали пользоваться медными трубочками. Вне

всякого сомнения, подобные операции были весьма болезненными. Вероятнее всего, боль снималась препаратами коки, столь распространенными в Центральной и Южной Америке. Трубочку прокатывали между ладонями или с помощью веревки, добавляя под рабочую плоскость жидкий раствор кварца, замешанный на воде; он, действуя как абразив, постепенно проникал через эмаль в тело зуба, формируя необходимую для инкрустации выемку.

Точность подгонки выемки под камень (или наоборот) была столь высока, что камни, инкрустированные в зубы, остались на месте спустя многие тысячелетия. Драгоценные и полудрагоценные камни укреплялись в выемках с помощью цемента, основой которого преимущественно являлся фосфат кальция. Вместе с тем исследования выявили, что в цементе имелись и мельчайшие крупицы кремния, являвшиеся либо составной частью цемента, либо остатками абразива [4].

Следует отметить и то, что при наличии такой изощренной техники декоративной стоматологии никаких следов лечения зубов исследователями выявлено не было.

Методика инкрустации зуба индейцами майя

Поэтому декоративное украшение зубов, наряду с косметологической составляющей, вероятнее всего, имело и религиозную подоплеку. Для цивилизации майя были характерны сложные религиозные церемонии, и, вероятно, частью «декоративного оформления сценария» этих церемоний являлись зубы жрецов, украшенные инкрустированным в них жадеитом, нефритом и бирюзой.

Впрочем, бывало и так, когда функции демонстрации социального статуса тесно связывались с представлениями о красоте. Так, археологи не единожды отмечали факт наличия искусственных зарубок (черточек) на

зубах в захоронениях викингов. Ряд исследователей считает, что у викингов имелась традиция отмечать число одержанных побед на полях сражений, делая зарубки на зубах в соответствии с числом убитых им врагов (в XX в. эта традиция трансформировалась в зарубки на прикладах снайперских винтовок или звездочки на бортах истребителей).

Использование методик косметической стоматологии. Пропилка зубов в форме «пилы». Центральная Америка. Цивилизация Майя

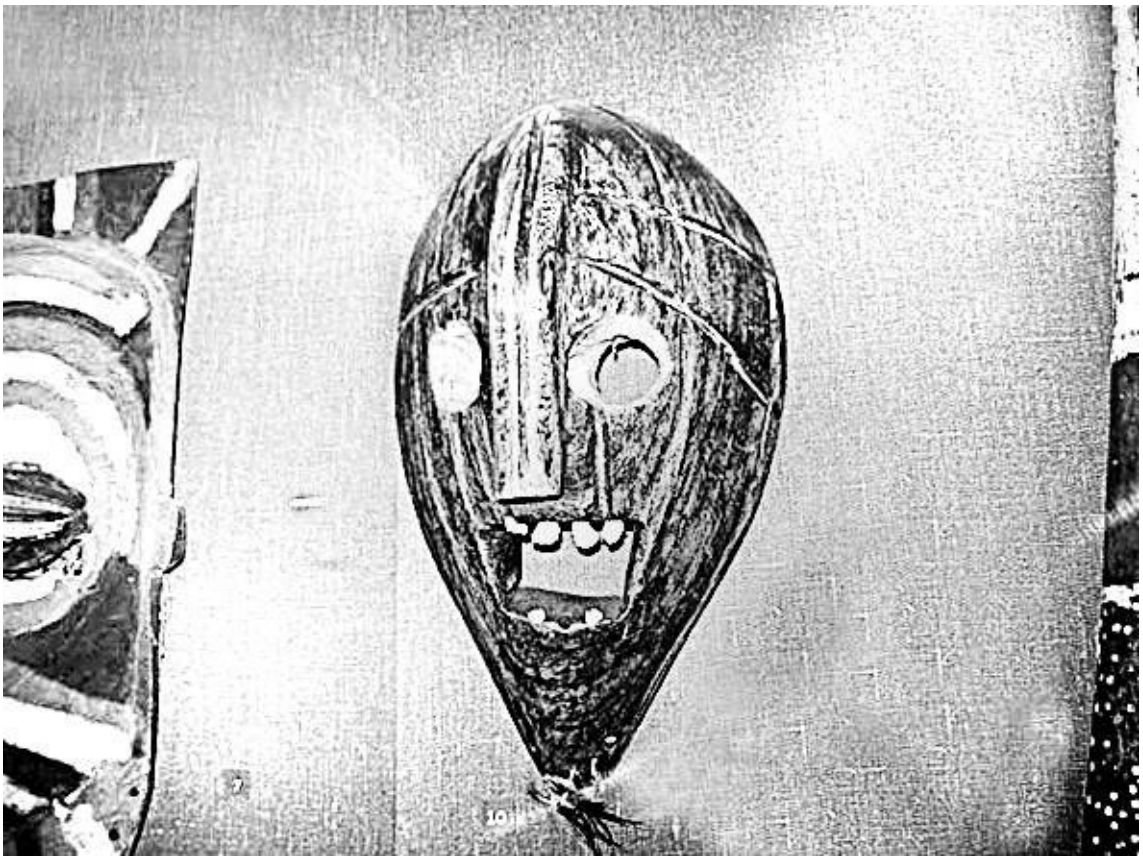
Эти методики были, несомненно, болезненными, поскольку сохранились артефакты, где мы можем видеть подпиленные зубы, которым предавали сходство с зубами того или иного тотемного племенного животного. Например, зубам могла придаваться форма «зубов крокодила». В самом «щадящем» варианте зубы выделялись темной краской: «украшая» лицо, она одновременно маскировала имеющиеся дефекты зубов. Вариантов косметической стоматологии у неевропейских народов имелось множество.

Эта косметическая стоматология была также средством племенной идентификации или служила частью «декоративного оформления» различных примитивных религиозных культов. Малазийцы подпиливали зубы, придавая им острый вид, чтобы походить при оскале на собак, поскольку считали, что именно от собак они начали свой род. А на острове Шри-Ланка женщины заостряли свои резцы, как у акул. Индейцы майя в Центральной Америке примерно тысячу лет назад украшали себя, стачивая зубы до формы треугольника. Они же подпиливали зубы, придавая им пилообразную форму. Дусуны (о. Борнео) стачивали свои зубы при помощи камня до корня. У сенегалок, начиная с самого раннего детства, вытягивали

передние зубы до поразительных размеров. У народов юин (северо-восток Австралии) старейшинам племени выбивали передние зубы или вытачивали выемки и узоры в виде украшения на зубах. Ботаки (о. Суматра) высверливали в передних зубах отверстия, дополняя их кружочками из меди, золота или перламутра. На острове Борнео просверливали каждый зуб и вставляли в него медный гвоздь со звездообразной или круглой головкой. Племена Океании, как и африканские народы, выламывали нижние резцы у своих шести-семилетних детей, полагая, что этим демонстрируют различие между человеком и животным. На острове Ява была мода стирать эмаль с наружной поверхности зубов.

Крайне болезненная практика удаления одного или нескольких резцов часто становилась элементом обряда инициирования юноши, становясь своеобразным посвящением его во взрослые члены племени. Важной частью этих обрядов становилась демонстрация личной храбрости и умения переносить боль. Зубы «удаляли» разными способами, от очень жестких, когда их просто выбивали, до щадящих, когда зуб старались раскачать до такой степени, чтобы его можно было удалить с помощью примитивных приспособлений. Напомним и о том, что долгое время в Европе золотая фикса (золотая коронка на зубе) была признаком принадлежности к преступному миру.

Различные декоративные стоматологические манипуляции носили символический характер, их связывали с лунной магией и применяли на церемониях посвящения во взрослые члены племени при достижении половой зрелости или иных торжественных событиях. На Новой Гвинее существовал обычай спиливать зубы девушкам в знак совершеннолетия, а в Африке выбивали зуб у невесты в день свадьбы или по иным значимым причинам. Человеческими зубами декорировались фигурки первобытных божеств.

Маска шута султана Кизибы. Танзания. Дерево. Человеческие зубы. Кунсткамера

Можно утверждать, что и ныне здоровые зубы или зубной декор, как и в прежние времена, выполняют свои репрезентативные и иные социальные функции в социуме, но уже с учетом достижений современной декоративной стоматологии, использующей драгоценные металлы, сапфиры, бриллианты и их имитацию (стразы, скайсы и другие современные материалы) [5].

Необходимость решения возникающих стоматологических проблем достаточно рано привела к появлению профессиональной касты людей, обладавших навыками для совершения зубоврачебных и иных манипуляций. Эти ранние «стоматологические методики» нарабатывались исключительно эмпирическими методами. Данная традиция вполне укладывалась в рамки народной медицины, включавшей достаточно широкий спектр манипуляций – от психо-эмоционального воздействия с использованием различных наркотических препаратов до радикальных методик, связанных с удалением зубов.

Глава 1
Стоматологические артефакты

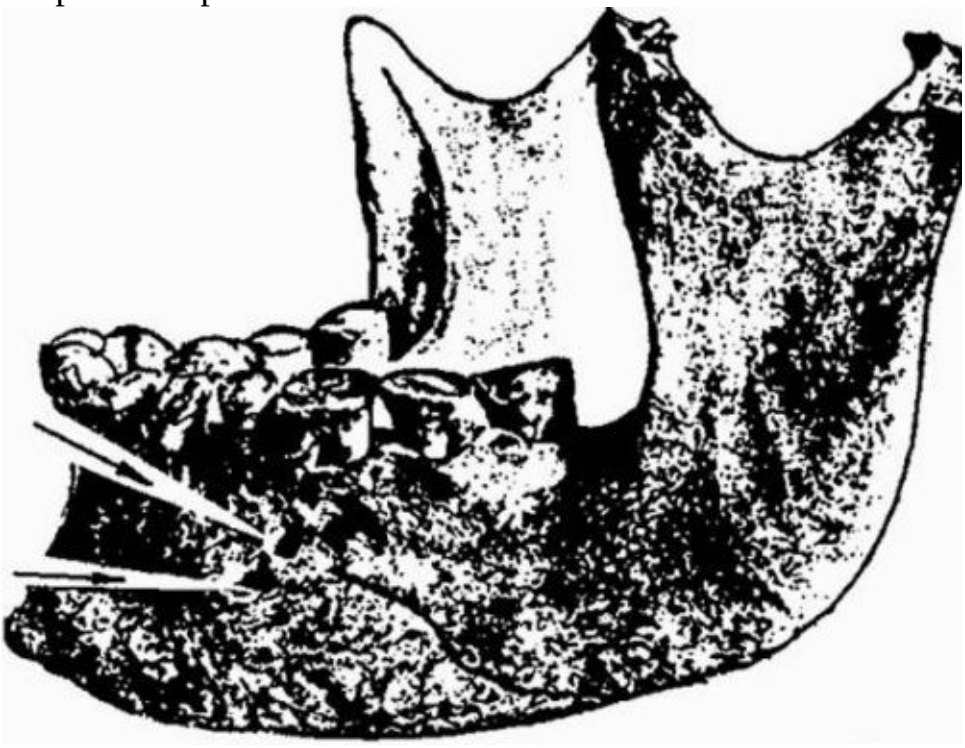
В археологии издавна существует понятие артефакта. Как пишут в академических словарях, артефакт (от лат. *Artefactum* —искусственно сделанное) – явление, процесс, предмет, свойство предмета или процесса, появление которого в наблюдаемых условиях по естественным причинам невозможно или маловероятно. У археологов бытует множество историй о том, как в непотревоженном культурном слое обнаруживаются предметы, совершенно несовместимые с исследуемым периодом. Появление артефакта, следовательно, является признаком целенаправленного вмешательства в наблюдаемый процесс или наличия неких неучтенных факторов. Часть таких предметов имеет отношение и к стоматологии.

Как известно, многие из крупных музеев имеют свои спецхраны, экспонаты которых очень редко появляются «на публике». Дело в том, что сам факт существования артефактов буквально «выламывается» из общепринятой картины мироздания или истории цивилизации. Практика таких спецхранов восходит к эпохе средневековья, когда предметы языческой культуры уже перестали уничтожать, но показывать их в силу ряда причин было невозможно.

Примерно то же самое происходит и в истории стоматологии. По интернету «гуляет» множество «картинок» различных стоматологических артефактов, как правило, без указания на место их хранения или иных исходных данных. И даже если такие данные приводятся, то из указанных артефактов делаются подчас слишком уж причудливые выводы.

Так, нам встречалось изображение челюсти со следами хирургического вмешательства времен Древнего Египта. Рассматривая фотографию, некий уважаемый автор с явно воспаленным воображением прочел «на зубах» челюсти буквы «кириллического облика» и «расшифровал» их следующим образом: «киста хряща отрока… храм Мары». Из этой многозначительной надписи он сделал незатейливый вывод, что в Древнем Египте в храме Мары действовал центр по подготовке стоматологов, а указанный артефакт был тогда просто учебным пособием. На основании этого автор приходит к сенсационному заключению: якобы во времена Древнего Египта «русский язык» (!!! – так и написано. – *Прим. авт.)*являлся первым языком международного общения.

Из всего этого следует, что к заявлениям о существовании стоматологических сверл (видимо, с алмазным напылением. – *Прим. авт.)*,активно использовавшихся в эпоху неолита, надо относиться по меньшей мере с осторожностью.

Нижняя челюсть со следами хирургической операции. Древний Египет

Тем не менее стоматологические артефакты действительно имеются. Их исследование и объяснение крайне затруднено нашими мизерными знаниями реалий ранней истории человеческой цивилизации. Казалось бы, история Древнего Египта, активно исследовавшаяся с начала XIX в., ясна «как стекло». Однако все далеко не так просто, и это подтверждает знакомство с серьезными трудами профессиональных египтологов.

«Расшифровка» уважаемым автором «стоматологических» текстов

Сравнительно недавно – в 2006 году – широко прошла новость об обнаружении в Египте захоронения трех зубоврачевателей. По сообщениям прессы, захоронение датируется временем пятой династии фараонов Древнего Египта (более 4 тыс. лет назад). Как полагают египтологи, в захоронении покоились дантист Ий Мрай (Iy Mry) и два его помощника, лечившие фараона и членов его семьи. По мнению специалистов, это древнейшее свидетельство существования касты профессиональных зубоврачевателей [6].

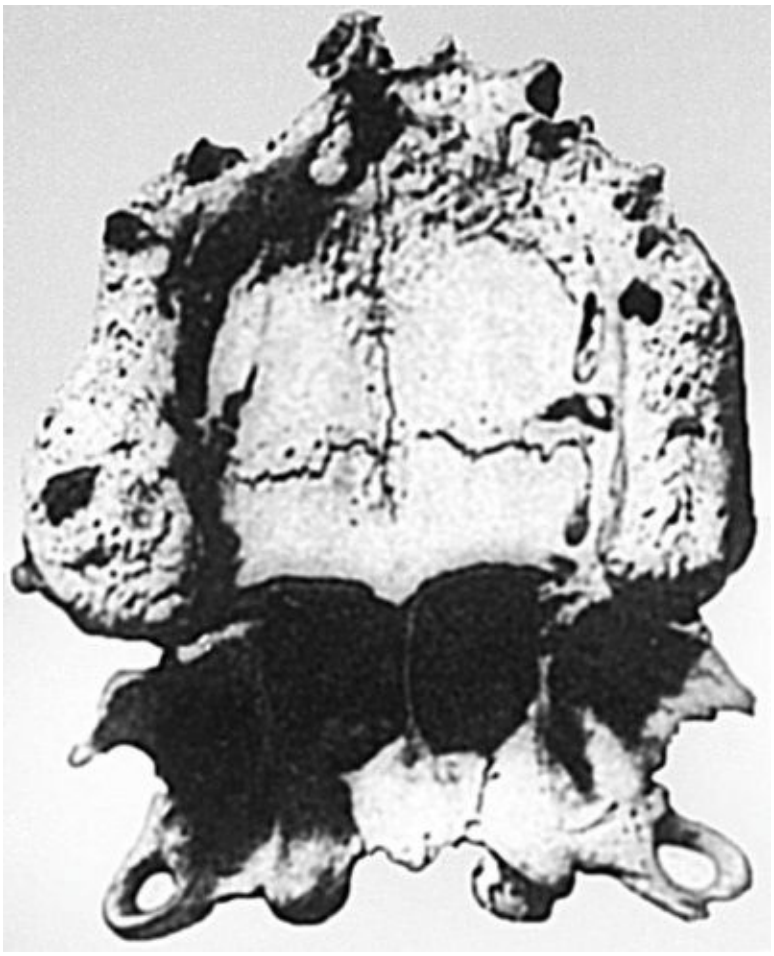
Идентифицировать «стоматологическую составляющую» гробницы позволили ключевые иероглифы, обозначающие «клык» и «глаз», вырезанные на каменных плитах гробницы. По традиции на стенах и колоннах гробницы представлены сценки из повседневной жизни придворного зубоврачевателя. На них изображено, как он и члены его семьи выполняют разные ритуалы – от жертвоприношений до участия в спортивных состязаниях.

Интерьер гробницы египетских зубоврачевателей. Древний Египет. V династия. 2.000 лет до н. э. Иероглифы «клык» и «глаз» внизу справа

Египтологи отмечают два фактора. Во-первых, это близость захоронения зубоврачевателей к древнейшей в Египте ступенчатой пирамиде фараона Джосера. Сам факт захоронения на этой территории свидетельствует о принадлежности зубоврачевателей к «ближнему кругу» фараона. Во-вторых, материальное положение захороненных специалисты оценивают как довольно скромное, поскольку гробница зубоврачевателей сложена из кирпича, т. е. не самого статусного материала, не обеспечивавшего хранение мумий «на всю вечность».

Вместе с тем указанные изображения «клыка» и «глаза» имеют еще несколько толкований, известных только узкому кругу специалистов. Версия же о захоронении зубоврачевателей проста и понятна. Обывателям так и представляется «стоматологическое кресло» в погребальной камере фараона, украшенное золотыми накладками. Поэтому данная версия так широко и разошлась в печати, оставив в тени другие ее варианты.

Верхняя челюсть взрослого египтянина (остеолиелит). Новое царство

Еще раз отметим – археологических артефактов стоматологического профиля довольно много, и в совокупности они дают некое фрагментарное представление и об уровне развития зубоврачевания в период существования древнейших цивилизаций, и о методиках лечения тех или иных заболеваний полости рта. При этом следует иметь в виду, что многие из этих артефактов дают возможность для широкого спектра предположений и версий: от «стоматологических фантазий» до теорий палеолитического контакта с инопланетными цивилизациями. Например, уже упоминавшиеся этрусские зубные протезы одни специалисты толкуют как исключительно косметологические компенсации утрат зубов, а другие утверждают, что этими протезами можно было жевать даже жесткую пищу.

Но, так или иначе, в историко-медицинской литературе бытует некий устоявшийся набор фактов, основывающихся на археологических или древнейших письменных источниках. Некоторые из них мы приведем

ниже, «рассортировав» их по регионам. Хронологически мы ограничим их началом XX в.

Древний Египет и Месопотамия

Египтология начала стремительно развиваться в Европе после знаменитых находок, сделанных во время наполеоновских походов в Египет в конце XVIII в. Примерно в то же время началось научное изучение останков древней цивилизации Месопотамии. Исследователи по сей день дискутируют, какая из этих цивилизаций более древняя. Но мы обратимся только к «стоматологической составляющей» этих дискуссий.

Одним из самых известных памятников этого региона является стела из черного диорита, хранящаяся в Лувре, на которой высечены статьи так называемого кодекса Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.). Имеются в этом памятнике и «статьи», косвенно связанные с ответственностью в сфере зубоврачевания. В «параграфе» 200 указано, что «если человек выбил зуб человеку, равному ему, то должны ему выбить зуб». Далее в «параграфе» 201 значилось: «Если он выбил зуб мушкенуму [7], то он должен отвесить $^{x}/$ мины серебра» [8]. Хотя в данном случае речь идет о зубе, выбитом в драке, для нас любопытна денежная оценка стоимости зуба, которая не намного ниже «ценности» выбитого глаза.

Важнейшим источником по истории зубоврачевания в Месопотамии являются глиняные таблички из библиотеки Ашшурбанипала (669–627 гг. до н. э.). Это более 20 тыс. глиняных табличек с текстами, найденными при раскопках города Ниневия в 1849–1859 гг. Медицинские тексты, встречающиеся в этих табличках, свидетельствуют, что как и во всех центрах ранних цивилизаций, медицина уходила корнями в религиозные культы.

В ассирийской клинописной библиотеке сохранилось письмо, написанное придворным врачом во второй половине VII в. до н. э.: «Что касается лечения [болеющих] зубов, о которых правитель написал мне, я [теперь] начну с этого; есть большая партия средств от [больных] зубов» [9]. К сожалению, о средствах лечения зубов в письме не указывается.

В Вавилоне оперативное врачевание касалось только ран и травм. Нет данных, позволяющих говорить

о развитой практике удаления зубов. При раскопках (1890–1900 гг. и 1945 г.) в Ниппуре, городе-государстве, религиозном центре Шумера, были найдены клинописные таблички жреческой библиотеки, одна из которых содержала перечень рецептов лекарств, в том числе используемых в стоматологии. Большинство лекарств растительного происхождения: они

изготовлялись из горчицы, ивы, пихты, сосны. Датируются находки примерно 3500 годами до н. э.

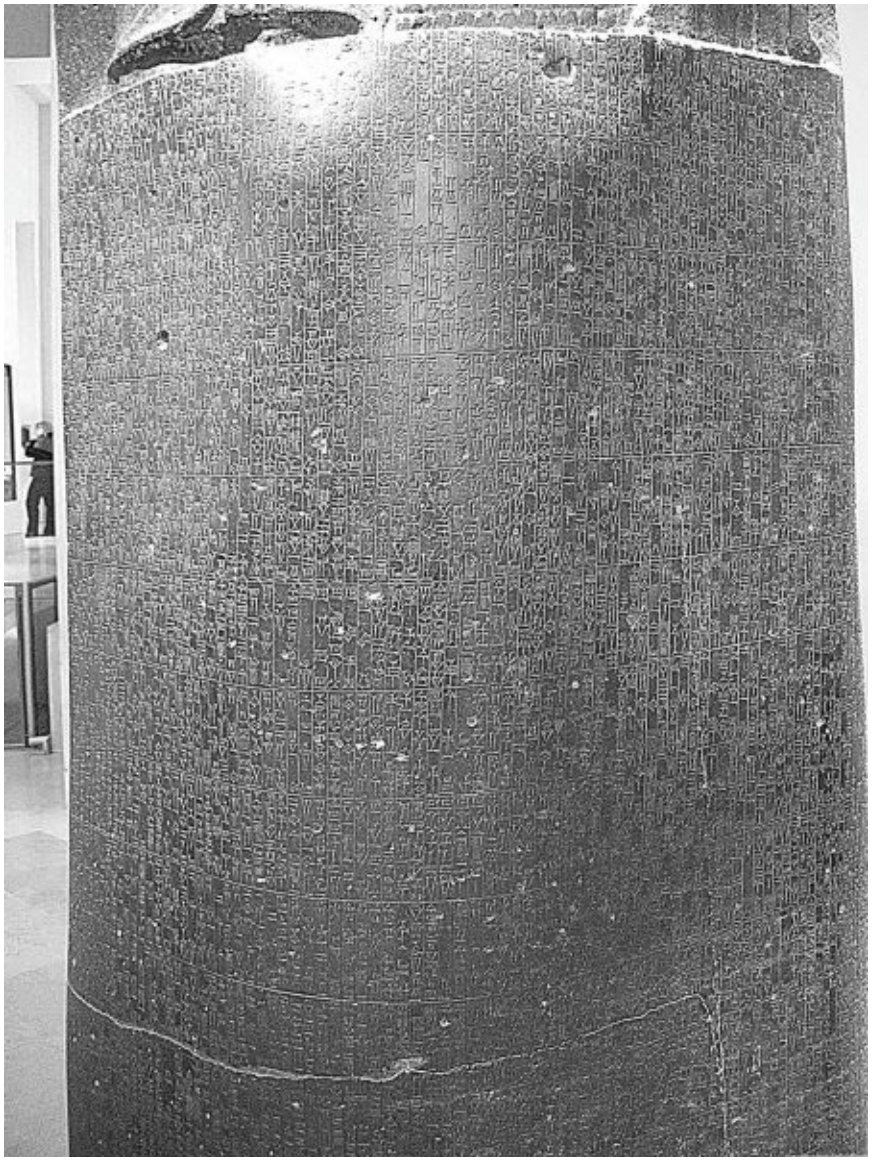
Особо отметим, что многовековая легенда о зубном черве, пожирающем зубы, впервые зарегистрирована именно в письменных источниках Месопотамии. Эта версия происхождения кариеса, считавшаяся в Европе бесспорной вплоть до конца XVIII в., породила свои «методики» лечения кариеса.

В обнаруженных медицинских текстах огромное внимание уделялось правилам ежедневного ухода за полостью рта. Так, в Древней Ассирии зубы рекомендовалось очищать пальцем, обернутым тканью. Вавилонским врачам предписывалось при обследовании больного обращать внимание на состояние полости рта, носа, губ, внешний вид ладоней. Врачи того времени уже могли проводить операции по трепанации черепа.

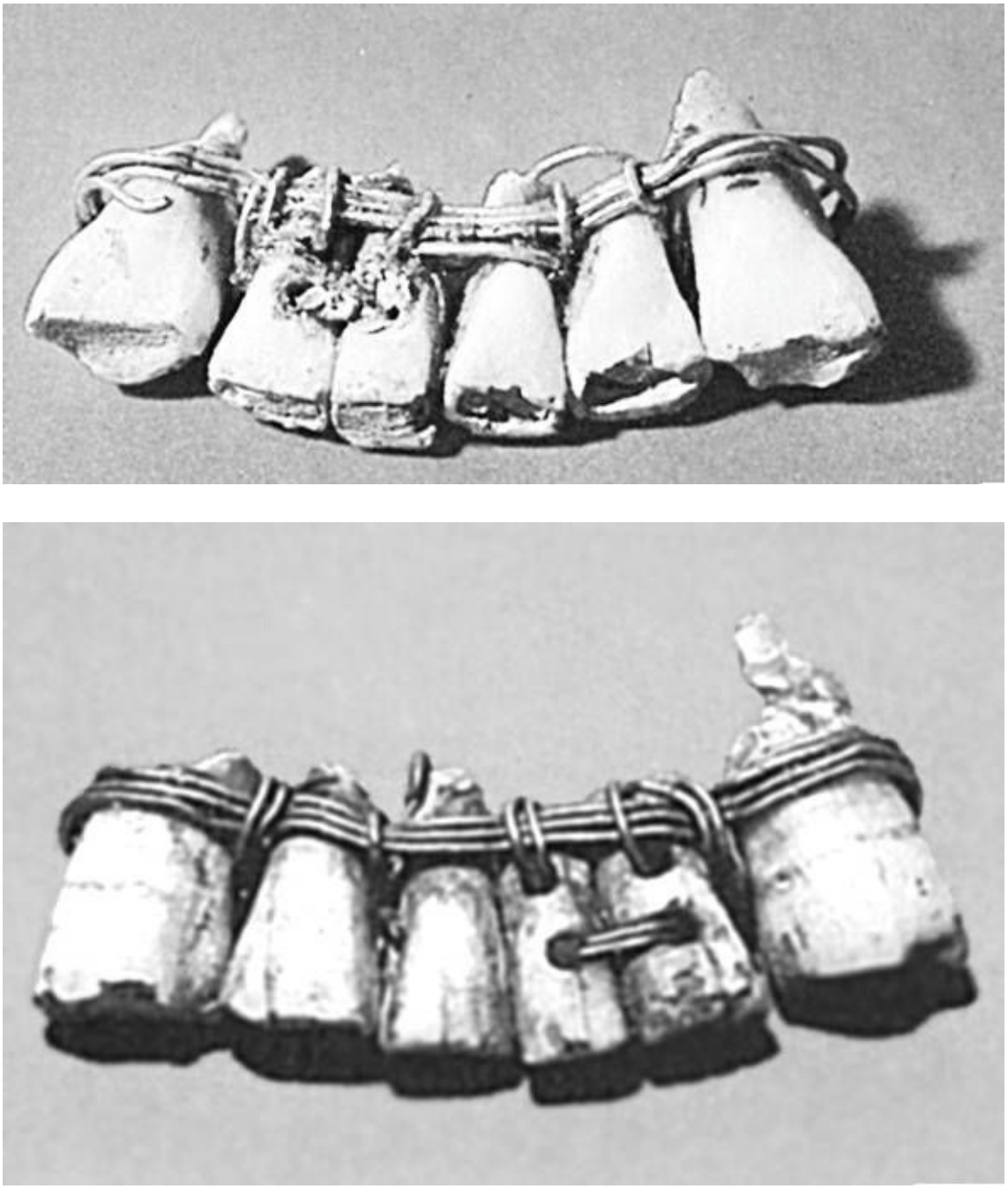
Стела с кодексом Хаммурапи. Лувр

Древнеегипетской цивилизации, насчитывавшей несколько тысячелетий, посвящено огромное количество научной литературы. Вместе с тем рядом с Египтом развивались страны, находившиеся под сильнейшим культурным влиянием этой древнейшей цивилизации. На территории этих государств, так же как и на территории Египта, археологи обнаружили немало стоматологических артефактов.

Фрагмент плиты с клинописным текстом законов Хаммурапи

Например, на территории современного Ливана археологи обнаружили один из первых зубных протезов. Много тысяч лет назад в этих местах сформировалось одно из древнейших государств – Финикия. Об уровне этого государства говорит то, что финикийцы дали миру первый алфавит и металлические деньги из сплава серебра и золота. Расцвет Финикии пришелся на 1200-800 гг. до н. э. В VI в. до н. э. Финикия попала под владычество персов во главе с Киром Великим. Затем Финикию подчинил Александр Македонский, и в конце I в. до н. э. ее территория вошла в состав Римской империи.

Зубной протез, обнаруженный в 1862 г. в Сидоне. Лувр. Париж

В 1862 г. английский археолог (Gharles Gaillar-dot, 1814–1883), ведший раскопки близ древнего города Сидона, обнаружил зубной протез, датируемый приблизительно 400 г. до н. э.

Нижняя челюсть, обнаруженная в 1901 г.

Зубной протез нижней челюсти включал шесть зубов. Четыре из них были человеческими, а два крайних резца были вырезаны из слоновой кости. Вставные зубы были связаны между собой золотой проволокой.

В 1901 г. также в Сидоне археологи обнаружили нижнюю челюсть человека, датируемую примерно 500 г. до н. э., в которой находились зубы, ослабленные пародонтом и связанные вместе золотой проволокой. Эти зубные протезы прямо свидетельствуют о прочных научно-практических контактах между Финикией и Египтом, где применялись подобные «стоматологические методики».

В самом Египте, как позволяют утверждать имеющиеся артефакты и письменные источники, медикаментозное лечение началось 4600 лет назад. По мере накопления медицинских знаний древнеегипетские медики начали специализироваться в различных областях медицины. Древнегреческий историк Геродот писал о медиках современного ему Египта: «Медицинская

практика так разделена среди них, что каждый врач – целитель одной болезни и не больше. Вся страна полна врачами, одни лечат глаза, другие – зубы, некоторые специализируются на внутренних болезнях, другие специалисты – по скрытым болезням». Сам факт наличия «узких специалистов» в Древнем Египте свидетельствует о высоком уровне развития медицины.

Среди этих «узких специалистов» упомянуты и практикующие профессиональные зубоврачеватели, именовали их: «он, который о зубах». В Египетском музее Каира хранится рельеф на деревянной панели из мастабы [10]зодчего Хесира – древнейшего из известных в истории врачевателей зубов, времен III династии (XXVIII в. до н. э.) [11]. Любопытно, что этот известный архитектор, с именем которого связывают возведение известных пирамид фараонов, занимался также и зубоврачеванием. Впрочем, такое «совмещение» специальностей было довольно типичным явлением для интеллектуалов времен ранних цивилизаций.

Кроме этого, о специализации в области зубоврачевания свидетельствует другая стела, в нижней части которой размещена иероглифическая надпись, читаемая как «человек зуба».

В научной литературе с давних времен идет дискуссия по поводу методик лечения зубов в Древнем Египте. Ряд артефактов указывает на преобладание в зубоврачевании многовековых методик консервативного лечения. Дело в том, что при исследовании мумий фараонов не выявлено следов оперативного хирургического вмешательства. Более того, зубы фараонов недвусмысленно свидетельствуют о серьезных стоматологических проблемах у первых лиц Древнего Египта и при этом не имеют следов зубоврачебного вмешательства.

Деревянная панель из мастабы зодчего Хесира

В знаменитых папирусах Эберса и Херста также доминируют тексты с рецептами консервативных методик в зубоврачевании. Так, в папирусе Эберса [12](Библиотека Лейпцигского университета, Германия. 1550 г. до н. э. Новое царство. XVIII династия) описана терапия заболеваний десен и содержатся советы по укреплению расшатавшихся зубов. Отметим, что в папирусе нет упоминаний о методиках оперативного зубоврачевания. Вместе с тем в папирусе Эберса есть упоминания о том, что лечение «подвижных» зубов проводят особые специалисты. Папирус также содержит рецепт порошка для чистки зубов: «Возьми сухие мирру, ладан, кау, ветки мастикового дерева, бараний рог, хебут из Северной Сирии, гинекун и изюм, чтобы зубы уподобились жемчугу». Следует подчеркнуть, что папирус Эберса является компиляцией более ранних медицинских

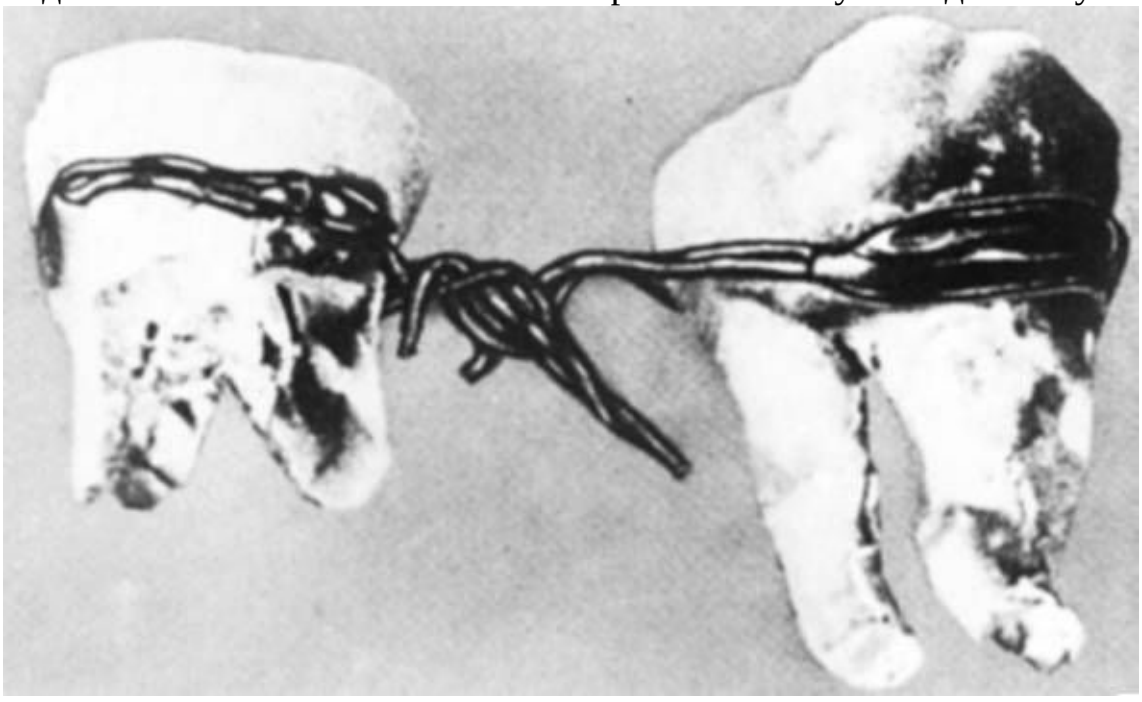
текстов, датируемых 3500 г. до н. э.

Аналогичные рецепты, связанные с лечением зубов, приводятся в папирусе Херста (Калифорнийский университет, США. Около 1450 до н. э. Новое царство. XVIII династия).

Различные болезни зубов и десен описаны в папирусах Среднего и Нового царства. Среди прочего исследование мумий показало, что древние египтяне страдали тяжелыми поражениями зубов и надкостницы. Зубную боль и разрушение зубов они объясняли, как и в Древней Месопотамии, наличием «червя, который растет в зубе».

Лечение зубов было преимущественно консервативным. Оно заключалось в прикладывании к больному зубу или деснам лечебных паст и растворов. В папирусе Эберса приведено 11 прописей таких лекарств, которые способствовали оздоровлению полости рта и укреплению зубов, лечили воспаление десен и снимали зубную боль, т. е. оказывали местный лечебный эффект, но не останавливали дальнейшего развития заболевания [13].

Конечно, консервативное лечение не только могло облегчить страдания больных в острых случаях, но рано или поздно приводило к катастрофическим потерям зубов. В результате среди египтян были широко распространены тяжелые воспалительные заболевания надкостницы, приводившие к изменениям челюсти и прижизненному выпадению зубов.

Зубной протез для мумии. Древний Египет. 2720–2560 гг. до н. э.

Египтолог М.А. Раффер писал: «На египетских кладбищах нередки находки больных зубов, почти выпавших из воспаленных полостей, или кариозных зубов, которые явились причиной обширных заболеваний челюсти. Однако пациент умирал без облегчения, которое могло быть результатом простой операции» [14]. Даже у фараонов, при которых служили «главные зубоврачеватели Великого дома», не обнаружено никаких следов пломбирования кариозных полостей, заполнения зубов золотом или другими металлами.

Единственным свидетельством использования золота в зубоврачевании в Древнем Египте является находка (Hermann Junker) в 1914 г. двух нижних моляров, соединенных тонкой золотой проволокой по линии шеек обоих зубов [15].

Некоторые из ученых считают, что золотой проволокой шатающиеся зубы были укреплены при жизни пациента. Другие считают подобную конструкцию посмертной «косметологической доработкой» для того, чтобы обеспечить умершему достойный внешний вид.

Подобные дискуссии ведутся и по поводу другой конструкции из трех зубов, найденной египтологами (Shafik Farid) в 1952 г. Найденные зубы также связаны золотой проволокой. Большая часть специалистов склоняется к мнению, что подобные конструкции являлись посмертными. Это вполне вписывалось в религиозные концепции египтян, исходивших из того, что тело умершего должно сохраняться в том виде, в котором оно было при жизни.

Зубы, найденные в 1952 г. близ Каира

Вместе с тем ряд исследователей утверждает, что наряду с консервативными методиками зубоврачевания египетские «стоматологи» использовали и оперативные вмешательства. Так, имеется несколько артефактов, свидетельствующих о «стоматологических» вмешательствах: зубы, шинированные золотой проволокой, челюсти, просверленные при прижизненной операции. Самые ранние черепа со следами сверления челюсти для выпуска гноя относятся ко времени Древнего царства.

Кариозный зуб (1570–1085 гг. до н. э.) с отверстиями, просверленными в челюсти. Вероятно, сверление предпринято для удаления гноя, скопившегося в корне кариозного зуба

Среди упомянутых артефактов можно назвать обнаруженный египтологами череп человека времен Нового царства (1570–1085 гг. до н. э.) с зубами, пораженными кариесом. У корня первого коренного зуба имеются два цилиндрических отверстия диаметром в 2 мм и глубиной в 5 мм, ведущих к вершине корня пораженного зуба. Факт наличия подобных отверстий свидетельствует об обширной практике подобных вмешательств.

Упомянем и о том, что при раскопках египетских захоронений эпохи эллинизма у мумий обнаруживались следы операций по исправлению прикуса зубов.

Стела времен царства династии Птолемеев (304-30 гг. до н. э.) с медицинским инструментарием

Египтолог Д. Райснер обнаружил в районе Гизы фрагмент челюсти в слоях, датируемых периодом правления фараонов IV династии (2680–2563 гг. до н. э.). Установлено, что найденный фрагмент челюсти принадлежал человеку среднего возраста, его зубы в значительной степени были подвержены истиранию. На челюсти сохранилось свидетельство проведения успешной хирургической врачебной операции по удалению гноя из-под нижнего правого первого коренного зуба. Два небольших отверстия были просверлены в челюсти до зубной лунки. Отсутствие острых кромок в просверленных отверстиях позволяет заключить, что пациент еще долгое время жил после этой операции. Этот артефакт

предполагает наличие неких методик, позволяющих сверлить зубы, и, возможно, использование местного обезболивания [16].

О существовании методик оперативного зубоврачевания свидетельствуют изображения на гранитных стелах специализированного инструментария. Эти изображения также являются свидетельством широкого распространения подобных методик.

В 1807 г. при вскрытии пирамиды египетского фараона Хефрена, жившего примерно до 2550 лет до н. э., археологи нашли деревянный зубной протез, лежавший вблизи его мумии. Кроме того, в пирамидах археологи находили золотые зубочистки, глиняные пластинки с «медицинскими» записями, на одной из которых была описана техника массажа десен. Возраст находок колеблется в границах от 3000 до 2000 лет до н. э.

Древняя Индия, Китай и Япония

В древнеиндийской цивилизации уровень хирургических вмешательств был довольно высок. Что касается зубоврачевания, то там издавна практиковалось прижигание нерва раскаленной иглой или кипящими составами (мед, нефть или воск), заливаемыми в полость больного зуба. Отметим, что в жестко структурированном обществе Индии кариесом страдали прежде всего представители наиболее влиятельных каст, которые имели возможность ежедневно баловать себя различными сладостями. Для лечения кариеса использовались различные, с сегодняшней точки зрения более чем противоречивые, средства: клизмы; кровопускания; использование жидкостей для полоскания рта; средства, стимулирующие чихание (например, перец, смешанный с мочой коровы).

Врачи Древней Индии умели делать трепанацию черепа, владели искусством пластических операций на лице. Зубоврачевание в то время рассматривалось как отрасль хирургии. Выдающимся врачом той эпохи был Сушрута. Годы жизни его неизвестны, предположительно VI–V вв. до н. э. Он мог производить ампутации, лапаротомию, пластические операции (в частности, индийский способ пластики носа). В качестве анестезирующих средств применял белену и гашиш. В своих сочинениях перечислил 65 заболеваний органов полости рта, из которых 23 заболевания – зубные болезни.

В древнеиндийском трактате «Аюверда» («Знание жизни», IX–III в. до н. э.) упоминается о заболеваниях пародонта и зубов. В трактате предписывается жевать лакричник, который очищает рот и зубы, препятствует разрушению зубов, стимулирует слюновыделение. При кровоточивости десен рекомендовалось пить сок лимона, выжатого в чашку с водой, или массировать десны с кокосовым маслом.

Один из трех авторов «Аюрведы» (хирург Vagbhata VII в. н. э.) упоминал о зубных червях, вызывающих кариес. Он, также, как, и все авторы, рекомендовал лечить кариес окуриванием, предварительно заполнив кариозную впадину горячим воском, и только в случае неудачи в использовании этого метода рекомендовал оперативное вмешательство специальными щипцами, клювы которых были стилизованы под челюсти различных животных.

В Индии сохранился любопытный стоматологический артефакт в виде известного рельефа из Бхарухты с изображением гиганта, которому

удаляют зуб при помощи слона, тянущего привязанный к зубу канат (классический период II в. до н. э. Калькутта, Индийский музей).

Рельеф из Бхарухта. Гиганту удаляют зуб, прибегая к помощи слона. Древняя Индия. Классический период II в. до н. э. Калькутта. Индийский музей

Следует подчеркнуть, что индусы придавали очень большое значение регулярному уходу за полостью рта, считая его сакральным входом в тело.

Следуя религиозным заповедям, ни один индус не приступал к первой трапезе, не почистив зубы, поскольку верил, что именно плохие зубы служат источником множества телесных недугов. На протяжении столетий индусы начинали день чисткой зубов, разжевывая прутик дерева манго. Язык они чистили специальными скребками, а затем ополаскивали рот эликсирами, настоянными на ароматических травах (например, камфары и

кардамона) и различных специях.

К числу стоматологических артефактов можно отнести храм Зуба Будды в городе Канди (Шри-Ланка). Легенда повествует о том, что перед тем, как умершего Будду кремировали, один из его учеников извлек из челюсти Учителя верхний левый клык. Этот зуб был привезен на Цейлон в IV в. н. э. из Индии. По преданию, священный зуб привезла дочь правителя Калинги, бежавшая от индуистской армии, осаждавшей королевство ее отца в Индии. Она спрятала священный зуб в своей прическе. После покорения Индии англичанами буддисты всеми силами старались сохранить реликвию. Однако это сделать не удалось. В 1560 г. зуб был захвачен и сожжен в присутствии губернатора Индии. После этого буддисты вырезали из слоновой кости копию сожженного зуба, которая в настоящее время и хранится в Канди.

Храм Зуба Будды в городе Канди (Шри-Ланка)

В 1687–1707 гг. для хранения святыни возвели храм Далада Малигава. Зуб скрыт в семи ларцах, вложенных один в другой. Сам зуб видели очень немногие. В крайне редких случаях священный зуб демонстрируют во время религиозных церемоний. Тогда его укладывают в особую золотую

петлю, выходящую из центра золотого лотоса, поскольку, по преданию, священный зуб нашли в Индии именно на цветке лотоса.

Вклад Древнего Китая в копилку знаний мировой цивилизации общеизвестен. Поэтому неудивительно, что практики зубоврачевания в Древнем Китае восходят к очень давним временам. В медицинских текстах Древнего Китая (около 2500 лет до н. э.) описан гингивит и пародонтальный абсцесс. Каждому китайцу той эпохи с восходом солнца предписывалось умываться и полоскать рот. В древнекитайских литературных источниках упоминаются различные болеутоляющие средства и зубные протезы, изготовленные из бамбуковых палочек. Понимание роли полости рта в поддержании здоровья организма отражено в афоризме того времени: «Больной рот – причина и наших несчастий, и наших болезней».

Судя по всему, именно в Китае начали использовать мышьяк, для того чтобы убить нерв в зубе перед проведением зубоврачебных манипуляций. Именно в Китае появились первые методики пломбирования зубов серебряной амальгамой (начало XII в.: 100 частей ртути, 45 частей серебра и 900 частей олова). В результате получаемый состав по прочности не уступал серебру. Есть упоминания о том, что первые полные зубные протезы использовались в Древнем Китае уже в XII в. Итальянский купец Марко Поло, оказавшийся в Китае в 1270-х гг., упоминал о жителях Китая, носивших на зубах тщательно подогнанные золотые пластинки, фактически игравшие роль золотых коронок.

Очень рано в Китае появились методики челюстно-лицевых операций. Первой из них стала операция по ушиванию «заячьей губы», выполненная в период царствования династии Цинь (255–206 г. до н. э.). Это самое раннее упоминание о подобной операции.

Кроме этого, в Китае зубоврачевание традиционно было связано с практиками акупунктуры. Как известно, в традиционной китайской медицине на теле человека насчитывается более 360 точек, воздействие на которые тем или иным образом оказывает влияние на состояние здоровья человека. Из этих точек более 100 непосредственным образом связаны с зубами и другими органами, представляющими интерес для челюстно–лицевых хирургов [17]. Сегодня не оспаривается, что методы иглоукалывания довольно эффективны, в том числе и для обезболивания при различных оперативных вмешательствах, вплоть до извлечения зубов, лечении гингивита и стоматита. Врачи Древнего Китая примерно 4000 лет назад знали о заболевании, именуемом сегодня пульпитом и умели его лечить с помощью иглоукалывания.

В Древнем Китае, как и в других цивилизациях, была широко распространена вера в зубного червя, который поедал зубы, вызывая кариес. Но боролись с кариесом не окуриванием.

В Китае широкое распространение получил прообраз зубной щетки, изготовленной из натуральной щетины, которая располагалась перпендикулярно ручке, т. е. фактически выглядела, как современная зубная щетка.

Соседство с Древним Китаем не могло самым благотворным образом не сказаться на уровне развития японского зубоврачевания. Медицинские знания во многом были привнесены в японскую культуру китайскими монахами-буддистами, которые в числе прочего сделали регулярный уход за полостью рта частью религиозного ритуала.

В Японии подготовка медицинских кадров полностью контролировалась государством, и во многом благодаря этому в эпоху Хэйан (794-1185 гг.) готовили медиков по специализациям (терапия, хирургия, педиатрия и все болезни, относящиеся «к голове», – от офтальмологии до стоматологии). В начале XII в. зубоврачевание превращается в самостоятельную область медицинского знания, отделяясь от отаринголоГии и офтальмологии.

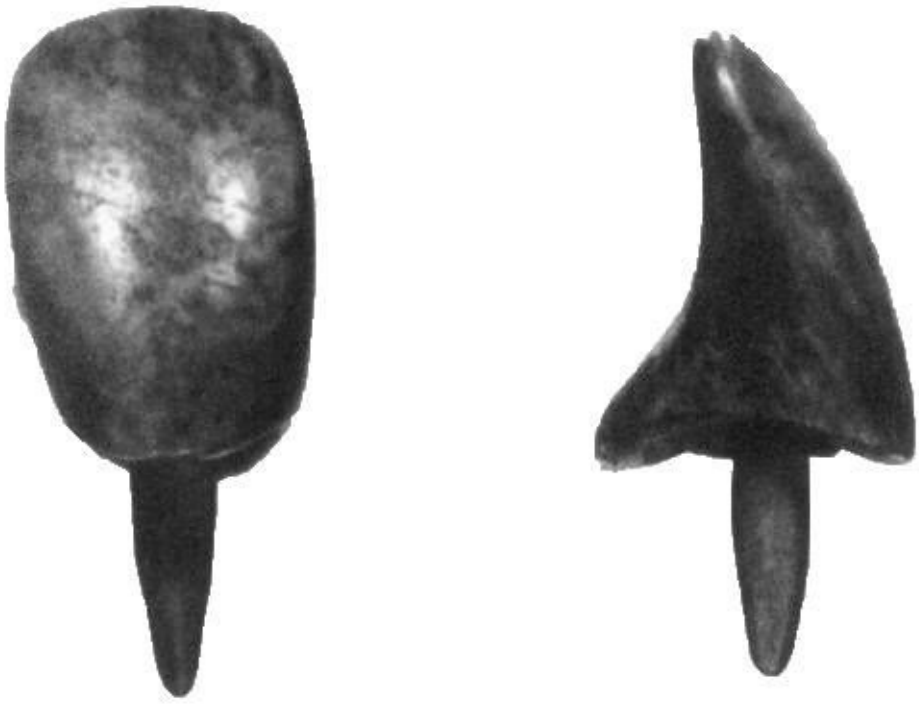
Имена многих из японских дантистов эпохи средневековья дошли до нашего времени, как и некоторые из их медицинских трактатов. Дантисты такого уровня, как правило, служили при дворе японских императоров, а многие методики зубоврачевания превратились в строго охраняемые семейные секреты, передаваемые по наследству только членам собственного клана.

Об уровне зубоврачебных методик свидетельствует деревянный штифтовый зубной протез эпохи сегуната Токугава (1603–1868 гг.) [18]. Штифт вставлялся в корневой канал отсутствующего зуба.

Отметим, что в Европе Пьер Фошар описал методику изготовления зубных протезов в 1728 г. В Японии подобные деревянные (!!!) зубные протезы (верхние и нижние), фиксировавшиеся на принципе «залипания», появились почти на 100 лет раньше. Самые ранние известные японские деревянные зубные протезы датируются началом XVI в., и эти методики использовались вплоть до середины XIX в.

Такие деревянные зубные протезы вырезались из цельного куска древесины (использовался, как правило, массив вишневого дерева) по восковым слепкам верхней и нижней челюсти. Когда деревянные челюсти были вчерне отделаны, начиналась их тонкая подгонка. Внутренняя часть полости рта окрашивалась ярко красным пигментом, туда помещалась

деревянный протез, после чего с него удаляли окрашенную «лишнюю» древесину. Работа была настолько тонкой, что самым обычным делом было вырезание на деревянном протезе «рельефа» неба в полости рта. Аналогичная методика используется по сей день, когда зубной врач подтачивает свежепоставленную пломбу, предварительно попросив сжать между зубами кусочек копировальной бумаги (в Европе аналогичным образом «подгоняли» зубные протезы, изготовленные из слоновой кости).

Штифтовые зубы, вставлявшиеся в деревянные протезы или в корневой канал отсутствующего зуба

Для того чтобы максимально сохранить функцию жевания, зубоврачеватели Японии могли закреплять в деревянном протезе с помощью медных или железных штифтов отдельные зубы из мрамора или костей животных. Для того чтобы максимально долго сохранить деревянный протез от воздействия слюны, его могли (вместе с зубами) покрасить в черный цвет и покрыть лаком.

Японский зубоврачеватель, удаляющий зуб у пациента. Пациент стоит на коленях перед дантистом, рядом на листочке рисовой бумаги лежат три деревянных зубных протеза. Раскрашенный рисунок. Около 1800 г.

В XVII в. в Японии зубоврачеванием занималось множество врачей. Среди них были и женщины. В литературе упоминается о буддийской жрице Nakaoka Tei, которая в XIV в. использовала для лечения зубов целый набор инструментов. Она вытачивала из дерева протезы зубов, предварительно получив их восковые слепки.

Японская дама, чистящая зубы кончиком расщепленного ивового прутика. Перед нею коробочка с зубным порошком. Раскрашенный рисунок. Около 1830 г.

В Японии широко использовались для обезболивания китайские методики иглоукалывания и прижигания. Практиковалось и извлечение зубов. В Древней Японии зубы удаляли голыми руками, предварительно расшатав их с помощью деревянного долота и молоточка. Специалисты в

области зубоврачевания уже тогда широко использовали рекламу для привлечения клиентуры в виде примитивных «проспектов».

Наряду с зубоврачевателями, имевшими стационарные «клиники», на улицах японских городов, как и в Европе, зубоврачеванием занимались различные шарлатаны и знахари. Только в столице сегуната Эдо их насчитывалось в середине XVII в. до 5600 человек.

Когда коммодор Пирри принудительно «открыл» (1852–1854 гг.) Японию для Европы, то больше всего европейцев поразили рассказы о японских красавицах, красящих зубы в черный цвет. Для японок это была совершенно обычная процедура, свидетельствующая о замужнем статусе женщины. В начале XVIII в. эта мода прочно вошла в быт японских гейш, став их отличительным признаком.

Чернение зубов, сопровождалось устоявшимися приемами ухода за полостью рта. Как правило, это были «зубные щетки», изготовленные из молодых, расщепленных до состояния кисточки веточек ивы. Сам же прутик ивы делался плоским, для того чтобы было удобнее выскабливать язык. В качестве «зубной пасты» использовались ароматизированные мускусом минеральные и органические смеси различной рецептуры. Отметим, что факт продажи подобных «зубных порошков» зафиксирован уже в 1634 г.

Первым европейским дантистом, принесшим в Японию европейские зубоврачебные методики, стал американец. А в 1875 г. первый японец получил лицензию европейского образца, дававшую право на зубоврачебную практику.

Древняя Греция и Рим

Зарождение зубоврачевания в европейском регионе связано с формированием и становлением древнегреческой цивилизации. К началу VI в. до н. э. на территории Греции и островов бассейна Эгейского моря сложилась система городов-государств, основой материального благополучия которых являлось классическое античное рабовладение. Именно на этом экономическом фундаменте сложились самые разнообразные системы гуманитарного и естественно-научного знания. Медицина была важнейшей частью этой интеллектуальной среды.

Медицинские школы Древней Греции достигли расцвета к V в. до н. э. Они были связаны с культом Асклепия [19]; выдающимся представителем школы асклепиадов стал Гиппократ (460–377 гг. до н. э.). В его трудах рассеяны многочисленные упоминания о заболеваниях полости рта и о методах лечения этих заболеваний. Так, Гиппократ утверждал, что имеется связь между расшатыванием зубов и гингивитом, который он объяснял накоплением зубного камня. В своих работах Гиппократ отмечал, что прорезывание зубов сопровождается зудом десен, лихорадкой, диареей. Чаще это наблюдается при прорезывании клыков у полных детей.

Конечно, Гиппократ и его современники были детьми своего времени, и в их текстах встречается много наивных (по меркам сегодняшнего дня) рассуждений. Так, Гиппократ считал, что молочные зубы образуются из молока матери. Гиппократ, исходя из своей концепции циркулирующих жидкостей, считал, что холод приводит к сокращению кровеносных сосудов, а это, в свою очередь, приводит к застаиванию крови и ее загниванию. Некоторые органы были очень чувствительны к холоду, в том числе и зубы. По его мнению, зубы начинали разрушаться под воздействием «слизи» и тех продуктов, которыми питался больной. Врач Диокл (IV в. до н. э.) предложил для пломбирования зубов мастику, состоявшую из камедистой смолы, опиума, перца.

В универсальных лечебных центрах того времени, именовавшихся асклепионами, лечили не только телесные хвори, но и душевные. По сложившейся традиции, излечившиеся больные оставляли в асклепионах вырезанные из камня муляжи излеченных частей тела. В числе этих муляжей сохранились каменные зубы и челюсти, что свидетельствует о том, что в асклепионах, в числе прочего, занимались зубоврачеванием.

Зубоврачебные щипцы. Национальный археологический музей. Афины

В трудах Гиппократа встречается одно из первых упоминаний о щипцах для удаления зубов. Археологические находки подтвердили данные письменных источников. Зубные щипцы, сделанные из железа и известные как «odontagra», были обнаружены археологами при раскопках в различных местах Греции.

Наряду с железными щипцами встречаются зубоврачебные щипцы, сделанные из довольно мягкого металла – свинца. Конечно, свинцовые щипцы не могли обеспечить надежного захвата больного зуба для его

извлечения. При этом в то время в широком обиходе имелись довольно прочные бронзовые инструменты. По мнению ряда исследователей, использование мягких металлов для зубоврачебных щипцов было связано с тем, что удалению подлежали только слабо держащиеся зубы, и их извлечение не требовало значительных нагрузок на инструмент. Кроме этого, мягкий металл при небольшом усилии «обволакивал» больной зуб, обеспечивая его максимально плотный захват.

Аристотель, который жил спустя сто лет после Гиппократа, в своих естественно-научных трудах также упоминал о заболеваниях зубов. Однако то, что он был далек от медицины, привело к множеству ошибок. Самой известной из них является утверждение Аристотеля о том, что у мужчин зубов больше, чем у женщин. Кроме этого, Аристотель утверждал, что зубы сохраняют способность расти на протяжении всей жизни человека. Труды Аристотеля считались непогрешимыми и в эпоху христианства, поэтому в средневековой Европе эти ошибочные утверждения Аристотеля имели самое широкое хождение.

В своей знаменитой «Механике», иллюстрируя принцип действия рычага, Аристотель описывает действие зубных щипцов. Судя по всему, во времена Аристотеля действие зубоврачебных щипцов с мягкими наконечниками было общеизвестным и вполне годилось для иллюстрации теоретических рассуждений. Кроме этого, такое широкое распространение зубоврачебных щипцов говорит о том, что в это время извлекались не только больные расшатанные зубы, но и зубы, плотно сидящие в челюсти.

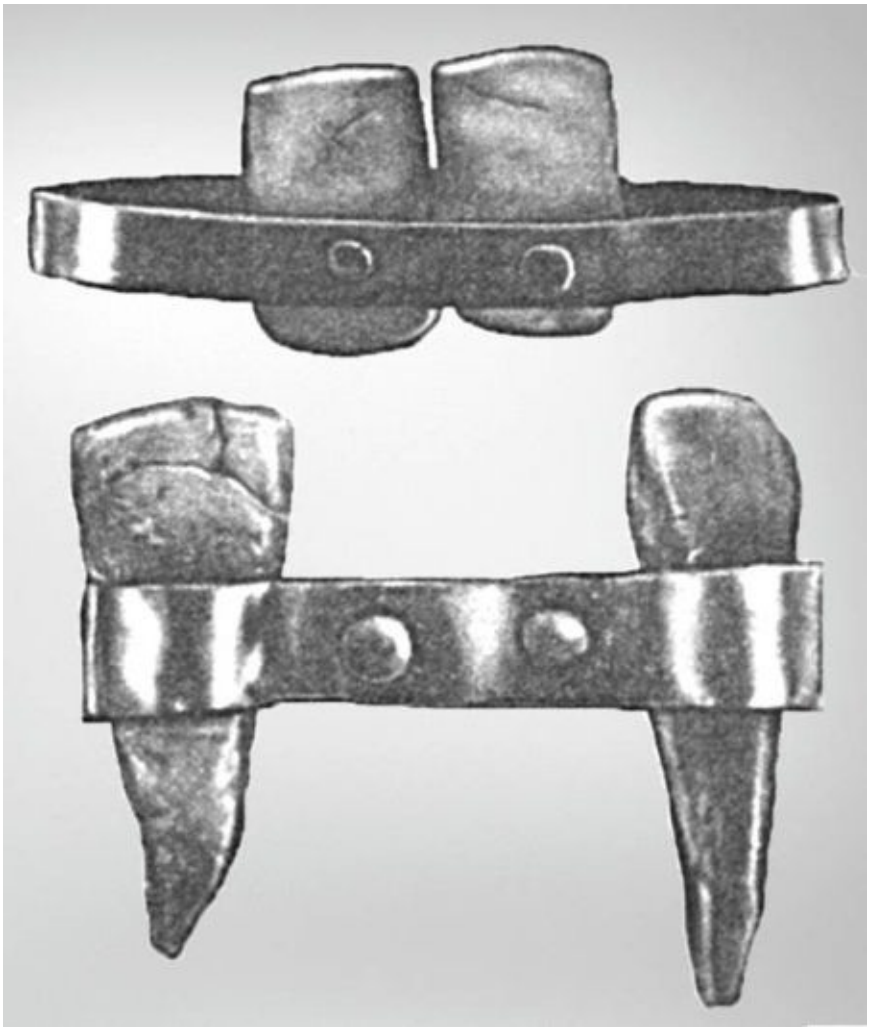
Греческие философы не разделяли научную среду на отдельные сферы, поэтому в работах естественнонаучного характера они часто обращались к медицине, в том числе и к зубоврачеванию. Например, древнегреческий ученый Теофраст (372–287 гг. до н. э.) в своем трактате «Естественная история растений» описал целебные свойства лекарственных растений (алтея, грецкого ореха, календулы, облепихи, скумпии и др.), которые до сего дня применяются в стоматологической практике. Теофраст в своих трудах также упоминал и о средствах гигиены полости рта. К этому времени Греция попала под контроль Рима, и распространение средств гигиены полости рта связано с римским влиянием. Греки начали использовать для чистки зубов пемзу, тальк, коралловый порошок и окислы железа.

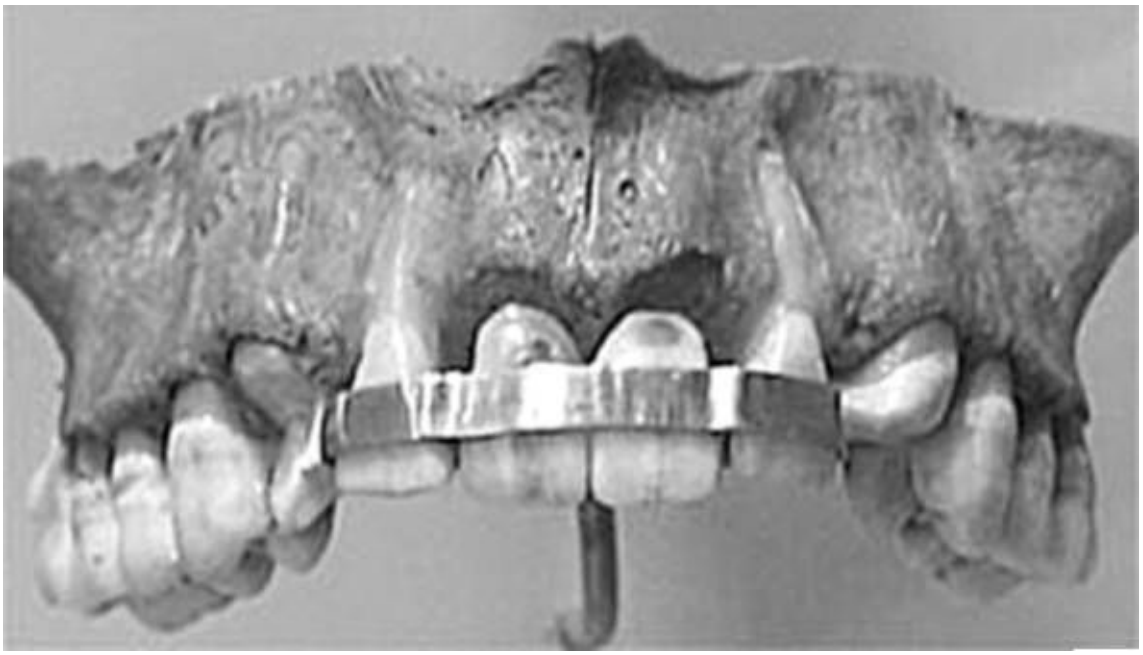
Обращаясь к истории Древнего Рима, отметим, что первой высокоразвитой культурой, сформировавшейся на Апеннинском полуострове, стала культура этрусков (VIII–IV вв. до н. э.), населявших север Италии. В конце VII в. до н. э. этруски основали маленькое

поселение на реке Тибр, со временем превратившееся в столицу могучей Римской империи. От этого народа остались, по сути дела, только смутные предания и многочисленные надгробия.

Одним из самых ярких артефактов ушедшей культуры стали зубные мосты. Древние этруски вытачивали искусственные протезы из зубов животных. В их гробницах (примерно VII в. до н. э.) найдены своеобразные мостовидные протезы, укрепленные при помощи золотых колец или полос.

Зубные протезы этрусков, несмотря на их разнообразие (для одного или нескольких зубов), изготовлены по одной компоновочной схеме. Как правило, изготовленная из мягкой расплющенной золотой проволоки полоска закреплялась на здоровых зубах, а утраченные зубы заменялись искусственными и обжимались золотой проволокой. Часто, для того чтобы жестко зафиксировать искусственные зубы, использовались золотые заклепки, соединявшие искусственный зуб и золотую пластинку. В результате формировалась довольно жесткая конструкция. Искусственные зубы, как правило, вырезались из зубов телят или волов. Судя по всему, эти зубы извлекались из челюстей животных, когда они еще не прорезались. Иногда использовались широкие зубы волов, которые, будучи вставленными в зубной протез, заменяли сразу два утраченных человеческих зуба.

Зубные протезы работы этрусских мастеров

Древний Рим сформировался и развивался как военная держава. Постоянные войны, которые велись республикой, а затем и империей, давали обильный материал для врачей, специализировавшихся в области хирургии.

Кроме этого, врачи Древнего Рима охотно перенимали достижения в области медицины эллинистического мира. Греческие врачи, в том числе и специализировавшиеся в области зубоврачевания, были необычайно популярны в Древнем Риме. И к тому были веские основания. Например, в 401 г. до н. э. в греческих письменных источниках зафиксировано первое письменное упоминание о язвенном стоматите. Им заболели воины армии греческого полководца Ксенофона, отступающие из Азии после неудачного похода против персов.

Все это в совокупности вывело уровень зубоврачебной практики в Древнем Риме на достаточно высокий уровень. О зубных золотых мостах, видимо, изготовленных по этрусским методикам, упоминается в «Законах 12 таблиц» (450 г. до н. э.). В одном из законов (таблица 10, п. 8) зафиксирован запрет на похороны усопших вместе с золотыми

украшениями, надетыми на них: «А также золота с покойником пусть не кладут. Но если у умершего зубы были скреплены золотом, то не возбраняется похоронить или сжечь его с этим золотом». Так тогда препятствовали выводу золота из повседневного обращения, но этот запрет не распространялся на упомянутые золотые протезы. Само существование закона, упоминающего о зубных протезах («зубы были скреплены золотом»), свидетельствует, что зубоврачебные технологии времен этрусков не были утрачены, и римляне не только изготовляли примитивные зубные протезы, но и квалифицировано закрывали кариозные зубы золотыми коронками.

Отметим, именно римляне первыми вывели процесс изучения медицины на государственный уровень. При императоре Веспасиане (9-79 гг. н. э.) была учреждена первая государственная медицинская школа – Schola Medicorum. Особо отметим – на законодательном уровне женщинам позволялось изучать медицину и заниматься медицинской практикой.

Так как в Древнем Риме зубоврачевание не было выделено в качестве медицинской специализации, а являлось частью общемедицинской деятельности, в латинском языке той эпохи отсутствовал термин, обозначающий врача, занимающегося зубоврачеванием. В результате в дошедших до нас письменных источниках времен императора Тиберия среди хирургических инструментов упоминаются и щипцы для извлечения корней зубов.

Практически все виднейшие римские врачи так или иначе обращались к проблемам зубоврачевания. Древнеримский энциклопедист Авл Корнелий Цельс (25 г. до н. э. – 50 г. н. э.) в своих трудах описывал заболевания десен, сопряженные с расшатыванием зубов. Лечить эту болезнь он рекомендовал жеванием незрелых яблок или груш и держанием их сока во рту, а также наложением на подвижные зубы лигатур. В трудах Цельса зубная боль именовалась «худшей из пыток», и тем не менее врач рекомендовал использовать сначала все возможные средства консервативного лечения (разнообразные горячие припарки, полоскания рта и пр.), прежде чем удалять больной зуб.

Личные врачи римских императоров врачевали не только телесные болезни своих хозяев, но и лечили их зубы. Например, в I в. н. э. древнеримский хирург Архиген [20], врач императора Траяна, одним из первых с лечебной целью просверлил полость зуба с применением специального инструмента. Врач римского императора Клавдия – Скрибониус Ларгус (Scribonius Largus) составил труд, включивший в себя 271 рецепт. Часть из них была посвящена борьбе с зубной болью. Ряд этих

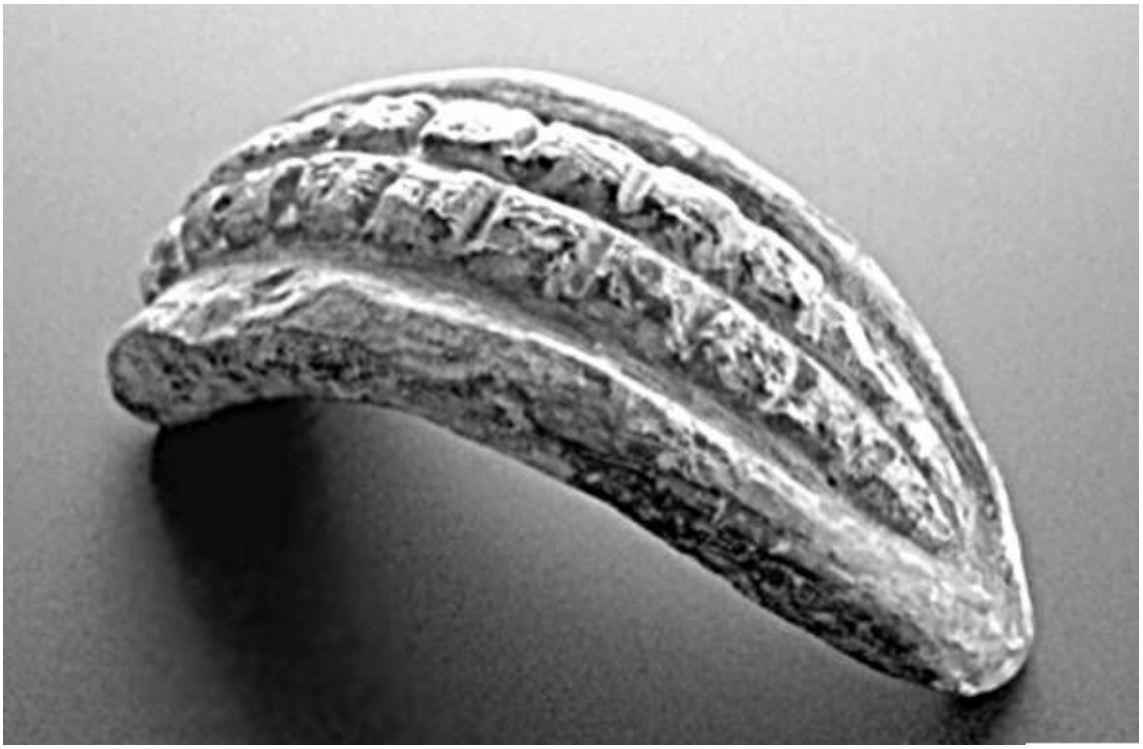
рецептов основан на искренних заблуждениях, но именно эти мифические рецепты потом прожили долгую жизнь. Так, вслед за другими медиками, Скрибониус Ларгус утверждал, что кариес вызывается зубными червями, и одним из эффективных методов борьбы с ним является окуривание тлеющими на древесном угле семенами белладонны. Окуривание должно было сопровождаться ополаскиванием рта горячей водой, с которой якобы и удалялись зубные черви.

Древнеримские бронзовые щипцы для удаления зубов

Римская медицина была частью своего времени, поэтому наряду с рационалистическими идеями включала в себя древние мифы, восходившие к эпохе древних цивилизаций Месопотамии (миф о зубных червях), суеверия эллинистического мира, магические манипуляции, восходившие ко времени этрусков. Поэтому даже известный Плиний Старший всерьез описывал следующую методу борьбы с зубной болью: необходимо поймать лягушку при свете полной луны, открыть ей рот и плюнуть в него, произнося некую магическую формулу: «Лягушка уходи, забрав мою зубную боль вместе с червями». Он же в качестве профилактики советовал дважды в месяц откусывать голову летучей мыши, при этом честно добавляя, что не ручается за эффективность подобных профилактических мер.

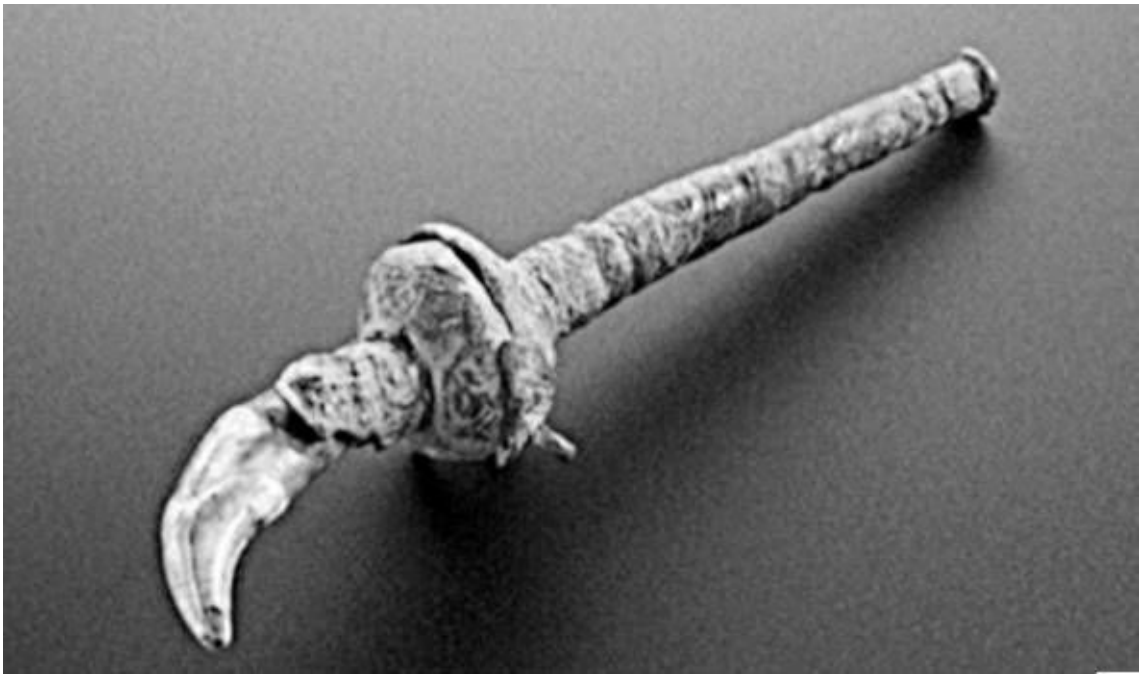
В Древнем Риме, как и в Греции, существовала практика подношения богу Асклепию муляжей частей тела, нуждающихся в исцелении или уже исцеленных (вотивные дары) [21]. Были эти предметы из бронзы или керамики, что позволяло изготавливать огромный спектр различных органов и частей тела. Хотя подобная практика существовала и у более ранних культур, очень популярной она стала в Древнем Риме – в частности, между 400 г. и 100 г. до н. э. В Санкт-Петербургской Кунсткамере хранится муляж рта и зубов, изготовленных в Италии в период с 200 г. до н. э. до 200 г. н. э.

Вотивные рот и зубы. Италия 200 г. до н. э. – 200 г. н. э. Кунсткамера

Также в Кунсткамере хранится римский зубной амулет на бронзовой ручке (Италия, 100-500-е гг. н. э.).

У римского писателя Плиния можно прочитать описание методики действия подобного амулета, облегчавшего прорезывание зубов у детей. Плиний рекомендовал использовать для амулета зубы волка или лошади. Амулет размещался на теле ребенка или в непосредственной близости к нему, что «гарантировало» безболезненное прорезание зубов и спокойный сон родителей.

Зубной амулет на бронзовой ручке. Италия. 100–500-е гг. н. э. Кунсткамера

Огромный вклад в медицину эпохи Древнего Рима принадлежит Галену, среди пациентов которого был и римский император Септимий Север. Римский врач Клавдий Гален (131–199 гг. н. э.) кроме практической деятельности занимался вивисекцией (на свиньях и обезьянах). Его авторитет был столь высок, что только в эпоху Возрождения ученые оспорили многие из его анатомических представлений.

Например, Галену принадлежит первое подробное описание жевательных мышц и мышц шеи. В трудах Галена описана клиника афтозной сыпи на слизистой оболочке полости рта. Он полагал, что воспаление десен является результатом нарушений питания, недостаток последнего расширяет альвеолы и ослабляет фиксацию зубов. В медицину вошел, связанный с именем Галена, метод изготовления лекарств – галеновы препараты.

В эпоху Римской империи практика изготовления вставных челюстей из различных материалов получила самое широкое распространение. Судя по всему, именно в это время в зубоврачевании сложилось некое разделение труда, когда конструкцию зубного моста прорабатывал врач, а исполнял конструкцию в металле и кости либо квалифицированный ремесленник, либо ювелир, если речь шла о работе с драгоценными металлами.

Вставные зубы и зубные протезы были доступны, конечно, только состоятельным гражданам Рима, но и этого было достаточно, чтобы в древнеримской сатирической литературе остались многочисленные «зубоврачебные следы». Высмеивание стареющих «красоток» времен упадка Римской империи, активно пользовавшихся зубными протезами, стало даже неким штампом в сатирической литературе того времени.

Те же литературные источники времен поздней империи наглядно показывают, какое внимание уделялось знатными римлянами уходу за полостью рта. Во многом это было следствием многолетних и многочисленных рекомендаций медиков. Так, в литературных памятниках периода эллинизма (Плиний Старший, Апулей, Марциал и др.) имеются описания пальцевого массажа десен, рецепты зубных порошков. В состав последних входили тальк, пемза, измельченные кости животных, зола растений, шерсть, пропитанная медом, и т. д. Античный историк Плиний предложил свой рецепт зубного порошка, в состав которого входила измельченная скорлупа устриц, смешанная с медом и водой.

Уход за полостью рта был столь изощренным среди аристократической верхушки Древнего Рима, что имеются свидетельства того, что во время пиров гостей в обязательном порядке снабжали зубочистками, которыми они очищали полость рта перед каждой сменой блюд.

Раскол [22]Римской империи на Западную и Восточную в 395 г. привел к формированию Византийской империи. Западная Римская империя погибла под ударами варваров в 476 г., а Византия пережила свою западную сестру на тысячу лет, просуществовав до 1453 г. Фактически Византийская империя стала хранительницей всех интеллектуальных богатств эллинистического мира, включая, конечно, и медицинские знания.

Византийские медики, восприняв медицинские знания Древнего Рима, продолжали творчески развивать их. Например, Павел Эгинский (605–690 гг. н. э.) – византийский врач, автор трактатов по хирургии (главным образом, военной). В одной из своих работ он целый раздел посвятил вопросам хирургической стоматологии. Кроме этого, он описал методику удаления зубных камней долотом. Он же рекомендовал чистить зубы после еды, подчеркивая, что пища, прилипая к зубам, оставляет на них налет. Фактически Павел Эгинский стал последним из врачей эллинистического мира, пытавшимся сохранить медицинские идеи предшественников, в том числе и в области зубоврачевания, поскольку при его жизни Византия уже более ста лет являлась Османской империей, и центр исследований в области медицины постепенно перемещается на Восток. Европа в это время неотвратимо погружалась в кровавый хаос Темных веков раннего

Средневековья.

Зубоврачевание в период Средневековья

Падение западной Римской империи в V в. н. э. на несколько столетий погрузило Европу в кровавый хаос. Деградация носила всеобщий характер, и медицинские знания периода античности на долгие столетия стали считаться недостижимыми интеллектуальными вершинами. Медицинские тексты античных авторов распространялись трудами монахов-переписчиков, а латинский язык из общеупотребительного превращается в язык научной элиты того времени. Главными культурными центрами на столетия становятся католические монастыри. Постепенно формируется такое явление, как монашеская медицина. На развитие естественно-научных взглядов этого периода огромное влияние стала оказывать теология.

Научные исследования были заменены простой компиляцией текстов античных авторов. Например, вновь и вновь повторялось утверждение Аристотеля о том, что мужчины имеют 32 зуба, а женщины – только тридцать. Это тем более странно, что пытки в то время являлись самым обычным делом, но авторитет Аристотеля был столь бесспорен, что никто не удосужился подсчитать количество зубов «по факту». Епископ Виндикиан (Vindician, ок. 632 – ок. 712) повторял заблуждения Гиппократа о том, что зубная боль зарождается в голове, а уже затем опускается к зубам, сосредотачиваясь в его корне. В его трудах приводятся многочисленные рецепты для борьбы с зубной болью, например спаржа, сваренная в уксусе и соке плюща и приложенная в качестве компресса на ухо.

Вершиной таких «рецептов» стали молитвы у мощей святых, «гарантировавших» избавление от зубной боли.

В то время зубную боль терпели буквально «до последнего» и прибегали к оперативному вмешательству только тогда, когда зуб уже буквально вываливался. Более того, удаление крепко сидящего зуба считалось вредной для здоровья пациента процедурой. Так, один из анонимных авторов VII в. упомянул пациента, который умер после удаления зуба. По мнению автора, это и стало причиной смерти, поскольку именно больной зуб «обеспечивал связь» между мозгом и легкими.

К проблемам зубоврачевания обращались не только монахи, но и монахини, например св. Хильдегарда Бингенская (Hildegard von Bingen, 1098–1179). Немецкая монахиня, стоявшая во главе женского монастыря

Рупертсберг под Бингеном (Рейнланд-Пфальц), занималась естествознанием и медициной.

Св. Хильдегарда Бингенская

Среди творческого наследия Хильдегарды особое место занимает «Книга о внутренней сущности различных природных созданий» («Liber subtilitatum diversarum naturarum creaturarum»), первая часть которой называется «Книга о простой медицине» («Liber simplicis medicinae»), вторая – «Книга об искусстве исцеления» («Liber compositae medicinae»). В

первой книге описываются растения, минералы, деревья, камни, животные и металлы с присущими им лечебными и нелечебными свойствами. Во второй книге Хильдегарда обращается к человеческому телу, его органам и функциям, причинам и методам лечения болезней [23].

Обращаясь к заболеваниям зубов, Хильдегарда считала, что зубная боль происходит от «распадающейся крови» в артериях, которая снабжает зубы. В числе многих она упоминала и о «зубных червях», рекомендуя окуривать больного дымом алое, который «изгонит» зубных червей. Говоря о зубных червях, вызывающих кариес, монахиня указывала на необходимость профилактических мер, настоятельно рекомендуя регулярно ополаскивать рот свежей холодной водой. Описывая свойства лечебных трав и минералов, Хильдегарда отмечала, что многие из них обладают лечебными свойствами, облегчающими зубную боль. Из методик оперативного вмешательства Хильдегарда указывала только на возможность вскрытия десны, для того чтобы облегчить дренаж гноя.

Научные воззрения, основанные на религиозной схоластике, безусловно, тормозили развитие медицины в целом и зубоврачевания в частности. Более того в XI в. возобладала точка зрения, что молитва является лучшим лекарством, чем врачебные методики, восходящие к языческой греко-эллинистической культуре. Наконец, буллой папы римского, провозглашенной в 1163 г. в городе Туре, практика операционной хирургии для монахов была категорически запрещена. В результате возник раскол между медициной терапевтической и медициной хирургической, при этом медицина хирургическая считалась низшим звеном медицинской профессии. Такой раскол, конечно, шел в ущерб медицине.

Во время Темных веков в Европе, когда научное знание сковали религиозные догматы, носителем медицинских знаний эллинистического мира стал исламский мир. Тогда на арабский язык активно переводились медицинские тексты античных и раннехристианских авторов. Время правления халифа Гарун аль-Рашида (763(766)-809) стало временем научного и культурного процветания халифата Аббасидов. При этом халифе на арабский язык были переведены различные медицинские трактаты, написанные на латинском языке. Эти переводы дошли до нашего времени и не канули в Лету в период Темных веков в Европе.

При этом в первой половине VIII в. арабы сумели укрепиться на Пиренейском полуострове, непосредственно граничившем с империей Карла Великого. Одним из медицинских центров Испании в то время становится Кордовский халифат. Его столица Кордова славилась своими богатейшими библиотеками, больницами и знаменитым университетом.

Упомянем и о том, что в Испании тогда жило множество евреев, среди которых профессия врача пользовалась огромным уважением, и среди них были выдающиеся медики своего времени.

Как и у многих народов, уход за полостью рта регламентировался священными текстами. Например, в сурах Корана имеются религиозные предписания стоматологического характера: «Чистить зубы – это путь восхваления бога».

Ислам предписывает ряд стоматологических процедур – полоскание полости рта перед молитвой трижды (15 раз в день). Арабы чистили зубы с помощью палочки из ароматного дерева с расщепленным наподобие кисточки концом – miswak.

Абу Бакр Мухxамед ибн Закария ар-Рази

Если говорить о медицинской литературе, посвященной зубоврачеванию, то до нашего времени не дошли специализированные

трактаты арабских авторов, посвященные исключительно этой теме. Как правило, арабские авторы повторяли положения античных авторов, добавляя к ним свои наблюдения. Например, с именем Абу аль Хасан Али ибн Сахль Рабан аль-Табари (838–870) связано создание одной из первых медицинских энциклопедий. В этом труде кратко упоминается о некоторых методиках лечения зубов, рекомендации по удалению дурного запаха изо рта, рецепты различных составов зубных паст.

Только в X в. на Востоке появляются ученые, уделившие в своих исследованиях значительное внимание проблемам зубоврачевания. Наиболее известен среди них персидский ученый, врач, алхимик, философ Абу Бакр Мухаммед ибн Закария Ар-Рази (865–926). Многие из его трудов [24]были переведены на латинский язык и получили широкую известность среди европейских ученых. Если упомянуть о его рекомендациях в области зубоврачевания, то это довольно стандартные для того времени рекомендации прижигания нерва в больном зубе раскаленной иглой, окуривание для изгнания «зубных червей», использование квасцов и мастики в зубоврачевании. Он был противником извлечения больных зубов, рекомендуя использовать пасту с добавлением мышьяка для ослабления зубной боли. Он также рекомендовал для лечения болезней пародонта розовое масло, мед. Для укрепления подвижных зубов Ар-Рази использовал вяжущие эликсиры, порошки, а при лечении гингивита проводил скарификацию (надрезание) десен. Кариозные полости Ар-Рази рекомендовал закрывать медленно твердеющей массой из мастики и квасцов. Догадываясь о влиянии состояния полости рта на течение внутренних болезней, он детально разработал меры по уходу за больным и указывал на особую важность ухода за ртом и зевом. В хирургии Ар-Рази предложил инструмент для извлечения из глотки инородных тел.

Известнейшим хирургом исламского мира был Абу аль-Касим Халиф ибн аль-Аббас аль Зарави (936-1013), живший в Андалусии (Кордовский халифат). О его общемедицинском уровне говорит то, что он первым в истории медицинской литературы описал внематочную беременность и указал на наследственный характер гемофилии. Если говорить о зубоврачевании, то Абу аль-Касим описал заболевания пародонта. Он рассматривал заболевание как местный процесс, вызванный зубным камнем, в связи с чем разработал набор инструментов для его удаления. Он также описал методику снятия зубных отложений и лечения заболеваний десен.

Говоря об удалении больных зубов, Абу аль-Касим советовал не торопиться с их извлечением, называя зуб «благородным органом». Тем не

менее он описал несколько методик извлечения больных зубов. Сначала необходимо отделить плоть десны от зуба, затем расшатать его с помощью пальцев или щипцов. Затем хирург, жестко зафиксировав голову больного между своими коленями, извлекает зуб, стараясь не обломить его корни. Описывая методику извлечения зуба, ученый упоминал о шарлатанах от медицины, которые, взявшись за извлечение зуба, ломали корни или выдирали зуб с частью десны. Выдернутые зубы врач советовал заменять искусственными, сделанными из кости вола.

Настоящим ученым-энциклопедистом древности был Аду Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина (980-ЮЗУ), которого в Европе именовали Авиценной. О его общественном и профессиональном статусе говорит то, что он был придворным врачом саманидских эмиров и дайлемитских султанов и некоторое время выполнял обязанности визиря в Хамадане. Самой известной книгой [25]ученого стал «Канон врачебной науки», написанный им в 35 лет.

Страница рукописи из «Канона»

О зубоврачевании Авиценна писал вскользь. И тем не менее в знаменитом «Каноне» Авиценна описал болезни пародонта и рекомендовал способы укрепления подвижных зубов. При заболеваниях десен (их «рыхлости») он предлагал использовать лекарственные травы, фрукты. Вот некоторые из его рецептов: «кора дикой виноградной лозы с медом излечивает кровоточащие десны», «миррой с вином и оливковым маслом полощут рот, и это очень укрепляет зубы, придает им твердость, препятствует их разъеданию, укрепляет десны». Он отмечал необходимость

сохранения здоровых зубов, рекомендуя несколько составов для приготовления зубных паст [26](жженый рог оленя, соль, истолченные раковины улитки). При травмах или заболевании десен рекомендовал применять препараты, изготовленные на основе сырой нефти, мозга зайца или молока ощенившейся собаки. Авиценна, вслед за другими авторами, рекомендовал окуривание для удаления «зубного червя». [27]

Авиценна разделял мнение Галена о чувствительности зубов: «Знай, что зубы принадлежат к числу костей, обладающих чувствительностью, ибо к ним идут из мозга мягкие нервы. Когда они болят, то ощущается возникающее в них биение и подергивание». В «Каноне» представлена одна из первых классификаций болезней зубов и полости рта, нашедшая отражение в современной стоматологии: «зубная боль», «шатающийся зуб», «образование дупла», «разъедание зубов», «изменение цвета зубов», «скрип зубами», «опухоли десен», «дурной запах десен».

Весьма разнообразны методы лечения зубов и «зубные лекарства», предложенные Авиценной: «Цель при лечении разъедания – воспрепятствовать увеличению разъеденного. Это достигается путем очищения испорченного вещества. Часто приходится сверлить зуб тоненьким сверлом, чтобы из него вышла причиняющая страдания материя и чтобы лекарства нашли проход вглубь зуба» [28].

Таким образом, в труде Авиценны были обобщены методики в области зубоврачевания, накопленные арабским Востоком в Средние века. В них дано исчерпывающее и оригинальное для своего времени изложение стоматологической теории и практики древности и раннего Средневековья.

Вплоть до XIII в. европейская медицина существовала в рамках устоявшихся представлений, сформированных представлениями еще эллинистических авторов. Из трактата в трактат повторялись многовековые утверждения о «зубном черве», который поедает зуб, и прерывистые боли так же привычно объяснялись движениями «зубных червей». С этим «вечным» «зубным червем» пытались бороться привычными со времен античности окуриваниями, но имелись и новации. Например, начали использоваться методики, пришедшие с арабского Востока, где использовались различные кислоты, для того чтобы вывести «зубного червя». Проблема заключалась в том, чтобы защитить остальную полость рта от разъедающего действия кислоты. Для решения этой проблемы вокруг кариозного зуба вылепливалась из воска полость, в которую и заливалась кислота, убивавшая нерв в зубе и, соответственно, «изгонявшая» «зубного червя».

В это время широкое распространение получили самые причудливые рецепты, призванные покончить с зубной болью. Например, предлагалось жевать сырой мозг зайца, при этом считалось, что это средство не только прекратит зубную боль, но и заставит вырасти новые зубы взамен утраченных. Складывается такое впечатление, что чем мерзопакостней были ингредиенты, тем более эффективным считалось лекарство.

В эпоху Средневековья жесткий запрет на занятия хирургией монахам – главным носителям медицинских знаний – привел к тому, что эта область медицины была постепенно монополизирована цирюльниками. Постепенно цирюльники освоили различные методики оперативной хирургии от стандартного кровопускания до извлечения зубов. Впоследствии и среди цирюльников произошло размежевание, вылившееся в XIV в. (во Франции гильдия парикмахеров была организована в 1210 г.) в их разделение на хирургов и цирюльников, которым было запрещено заниматься серьезной хирургией. Уделом цирюльников стали только простейшие операции, в том числе кровопускание и извлечение зубов.

Выделение гильдии хирургов из числа членов цеха цирюльников в Англии произошло в эпоху правления королей династии Тюдоров. Гильдия хирургов была создана еще в 1368 г., но в 1462 г. ее включили в структуру Лондонской гильдии цирюльников. В 1535 г. членство в хирургическом цехе получили и монахи, изгнанные из католических монастырей, закрытых распоряжением Генриха VIII, создавшего после разрыва с католической церковью новую структуру – англиканскую церковь. Крайне низкая квалификация монахов-лекарей подорвала и так невысокую репутацию хирургов-зубоврачевателей.

Хирург-цирюльник

Конкуренция в борьбе за клиента между хирургами и цирюльниками достигла тогда такого накала, что тот же Генрих VIII создает отдельную гильдию цирюльников. До нас дошла картина Ханса Гольбейна-младшего (1497–1543), изображающая английского короля Генриха VIII в окружении практикующих врачей. Среди 17 персонажей картины искусствоведы отмечают четырех хирургов и четырех цирюльников, представляющих свои цеха. Королевский указ 1540 г. четко разграничивал сферы занятий каждой из гильдий. Хирурги не имели права заниматься стрижкой и бритьем, а

цирюльники – заниматься оперативной хирургией. Единственной разрешенной для цирюльников областью хирургии было зубоврачевание: они могли извлекать зубы и делать кровопускания.

В результате в Англии в первой половине XVI в. сложилась следующая иерархия: на вершине профессии находились лекари, лечившие внутренние болезни; далее шли хирурги, которые под наблюдением лекарей могли проводить ампутации и полостные операции; в самом низу этой профессиональной пирамиды находились цирюльники, занимавшиеся «малой хирургией», в том числе зубоврачеванием и кровопусканием.

Накапливание и осмысление медицинских знаний в эпоху позднего Средневековья шло очень медленно. Вместе с тем в ряде медицинских трактатов встречались интересные для своего времени наблюдения. Например, в XIII в. французский медик Жуанвиль первым подробно описал цингу, которую он наблюдал среди участников крестового похода Людовика IX. В тех же медицинских трактатах встречаются рассуждения, что заболевания зубов имеют внутренние и внешние причины. К внешним причинам относили употребление горячей пищи сразу же после холодной (и наоборот), постоянное употребление жесткой пищи (костей), пренебрежение ежедневным уходом за зубами.

Прорывные методики области зубоврачевания в период позднего Средневековья связаны с именем французского хирурга Ги де Шолиака. В 1363 г. им была издана книга «Начала искусства хирургической медицины». Это был «хирургический бестселлер», переведенный на большинство европейских языков и выдержавший более 130 изданий. Об уровне медицинских знаний Ги де Шолиака свидетельствует и то, что он, выходец из крестьянской семьи, стал личным врачом трех пап: Климента VI (1342–1352 гг.), Иннокентия VI (1352–1362 гг.) и Урбана V (1362–1370 гг.).

Довольно заметная часть книги была посвящена заболеваниям полости рта. Многие из его рекомендаций, связанных с правилами стоматологической гигиены, сохраняют актуальность до настоящего дня: избегать слишком холодной или горячей пищи, остерегаться резкой смены блюд от слишком холодной к слишком горячей пищи и наоборот; избегать пищевых продуктов, имеющих тенденцию прилипать к зубам. К этим рекомендациям прислушивались не только потому, что они могли сохранить зубы здоровыми. Так, придворные дамы во времена короля Людовика XI старались не употреблять твердую пищу, т. к. верили, что усиленное жевание приводит к образованию морщинок на лице. Кроме этого, Ги де Шолиак рекомендовал чистить зубы смесью меда, жженной

соли и небольшого количества уксуса. Отметим и то, что современник Ги де Шолиака монах Бурсо в 1373 г. создал зубной эликсир («зубочистный эликсир отцов бенедиктинцев»), который пользовался популярностью несколько веков.

Для укрепления шатающихся зубов Ги де Шолиак советовал применять вяжущие средства, а в случае выпадения зубов заменять их либо зубами другого человека, либо зубами, вырезанными из кости животных, прошив их золотой нитью. Хирург описал различные смеси для заполнения поврежденных зубов, однако пропорции составления этих смесей не упомянуты.

В своей книге Ги де Шолиак описал инструмент для удаления зубов, устроенный по принципу рычага и получивший название «пеликан». При этом неизвестно, использовал ли сам Ги де Шолиак «пеликан» или только наблюдал за его использованием цирюльником. Он настаивал на том, чтобы цирюльники, выполнявшие хирургические манипуляции (в том числе по извлечению зуба), делали это только под наблюдением опытных хирургов, контролирующих их действия.

Ги де Шолиак описывает целую группу препаратов, применение которых приводило либо к полному, либо к частичному обезболиванию. Среди них, в первую очередь, он упоминает опиум и настойку из корня мандрагоры. Любопытна и методика применения обезболивающих препаратов, что необычайно важно для зубоврачевания. Ги де Шолиак рекомендовал пропитывать губку наркотическими препаратами, затем высушивать ее на солнце, а перед операцией помещать губку в теплую воду и затем дать подышать ее парами пациенту.

Миниатюра из средневекового трактата. Удаление зубов. 1300-е гг.

Особо отметим, что именно Ги де Шолиак ввел в научный оборот термин «дантист». Это был врач нарождающейся формации, уже мало верящий в то, что мазь, приготовленная из жира лягушки, способствует удачному удалению зуба. Наиболее заметным из последователей Ги де Шолиака стал профессор Университета из Болоньи Джованни д’Арколе (Giovanni d’Arcoli, 1412–1484). В его медицинских трудах наряду со стандартными описаниями лечения зубов и методик их извлечения впервые упоминается о новых материалах, используемых для пломбирования кариозных зубов. Именно Джованни д’Арколе впервые в медицинской литературе упоминает о золотой фольге, используемой для пломбирования кариозных зубов. Судя по тексту, это была уже отработанная и привычная для своего времени методика, поскольку о золотой фольге Джованни д’Арколе упоминает как о самой очевидной и всем хорошо известной вещи.

Отсюда мы можем сделать вывод, что, несмотря на весь консерватизм в медицине эпохи позднего Средневековья, методики в области зубоврачевания продолжали развиваться, и к середине XV в. в Европе начали применять золотую фольгу для пломбирования кариозных полостей, предварительно очистив полость зуба скребками и прижигая пульпу зуба азотной кислотой.

Ги де Шолиак

Эпоха Возрождения (Ренессанс) в Европе стала своеобразной интеллектуальной революцией, разрушившей оковы средневекового религиозного догматизма. Эта революция затронула все области знания, включая, конечно, и медицину. Одной из предпосылок такого мощного явления, как Ренессанс, стало массовое бегство интеллектуальной элиты Византии, хранившей знания эллинистического мира, в Европу после

захвата в 1453 г. турками-сельджуками Константинополя.

Время эпохи Возрождения вновь обратило интерес ученых и художников к проблемам строения человеческого тела. Среди них был и самый блестящий ученый Европы Леонардо да Винчи (1452–1519). Среди множества проблем, исследованных великим Леонардо, упомянем о его детальной прорисовке человеческого черепа и детальном описании зубов (1489 г.). Именно Леонардо впервые четко обозначил столь привычное нам разделение зубов на коренные и некоренные.

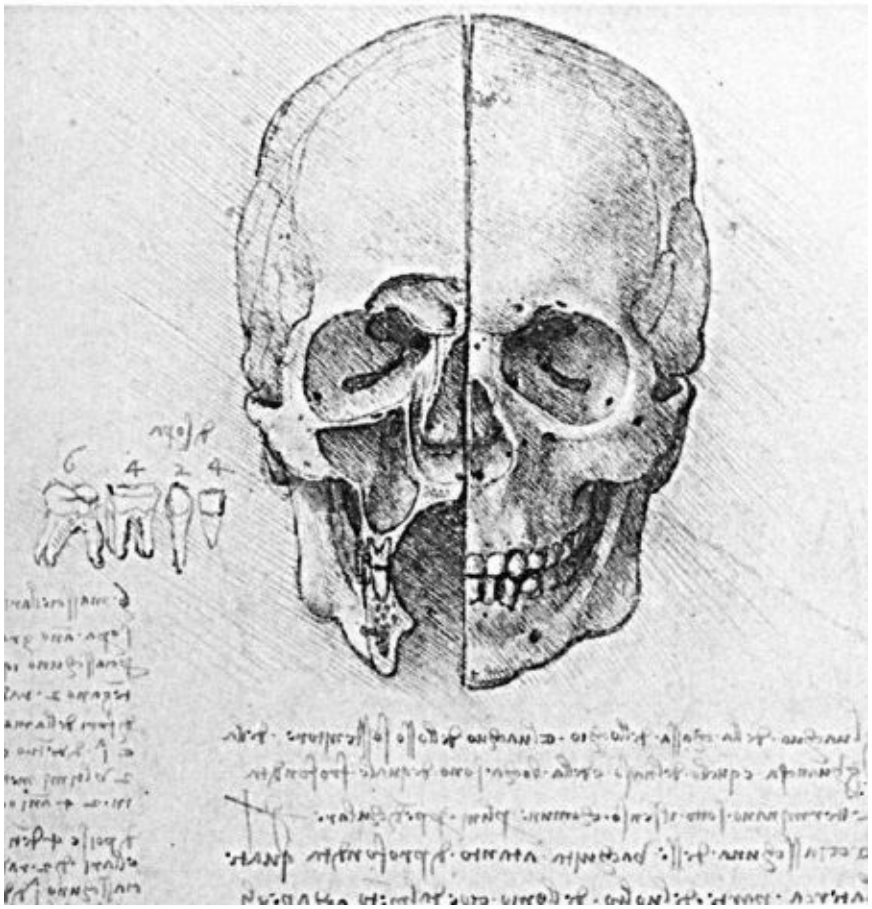

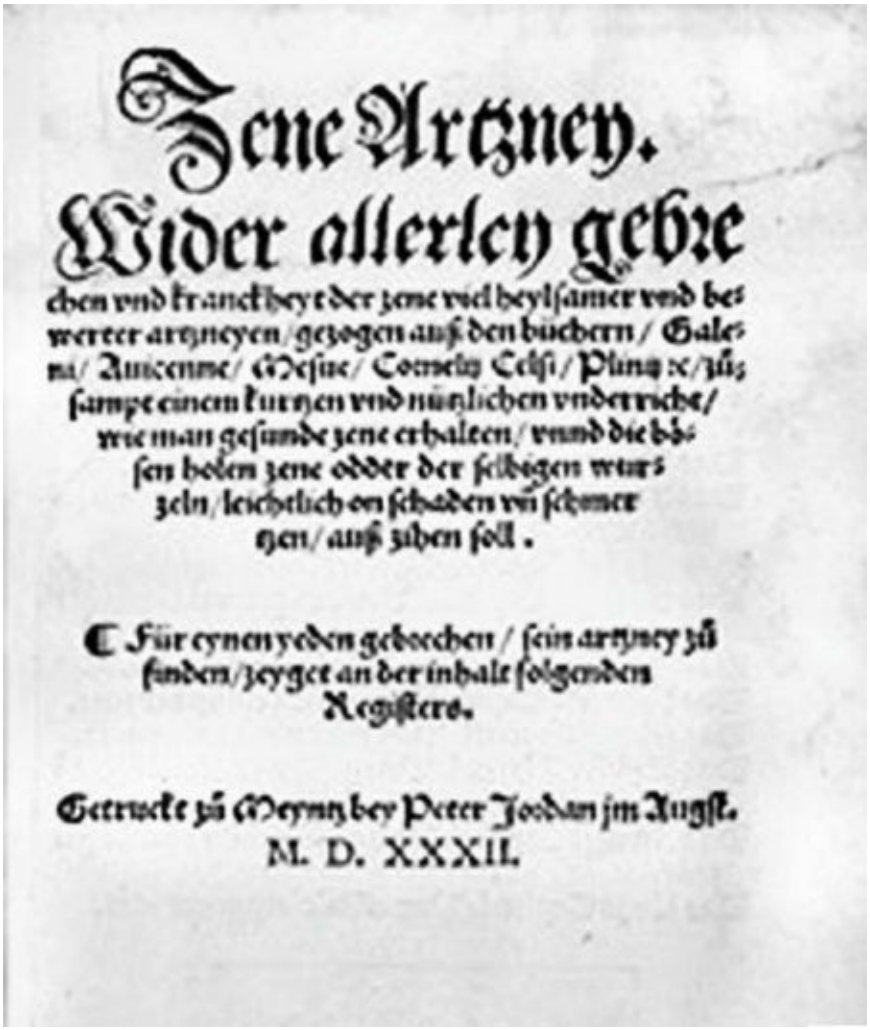
Рисунок Леонардо да Винчи

Вероятнее всего, эти рисунки не были известны широкому кругу медиков, но тенденция по отказу от застывшего теоретического наследия Средневековья обозначилась уже вполне отчетливо.

Частью этого процесса стала опубликованная в 1530 г. в Лейпциге первая книга, посвященная исключительно терапевтической стоматологии, – «Малая медицинская книга о всех видах заболеваний и немощей зубов». Хотя ее текст был основан на сочинениях Цельса, Галена,

Авиценны и других классических и арабских медицинских авторов, эта книга носила уже узкоспециализированный характер.

Эта книга положила начало формированию собрания зубоврачебной литературы, которое на протяжении XVI–XVII вв. постепенно наполнялось новыми именами и названиями.

Zene Artzney.
Wider allerley gebre
chen vnd krancheyt der zene vil heylſamer vnd be
wereter artzneyen/gezogen auß den buchern/ Gale
ni/ Auicenne/ Meſue/ Cornelij Celſi/ Plinij ꝛc/ zů
ſampt einem kurtzen vnd nützlichen vnderrichte/
wie man geſunde zene erhalten/ vnnd die böſ
ſen holen zene odder der ſelbigen wurs
zeln/ leichtlich on ſchaden vñ ſchmer
tzen/ auß zůden ſoll.

¶ Für eynen yeden gebrechen/ ſein artzney zů
finden/ zeyget an der inhalt folgenden
Regiſters.

Getruckt zů Meyntz bey Peter Jordan jm Augſt.
M. D. XXXII.

«Малая медицинская книга о всех видах заболеваний и немощей зубов». 1530 г. Лейпциг

В трудах А. Везалия (1514–1564) нашли отражение его исследования в области анатомии. В период его активной научной деятельности средневековые запреты на вскрытие трупов уже начали постепенно уходить в прошлое. Его фундаментальный труд «Структура человеческого тела» («De Humani Corporis Fabrica») развеял множество устоявшихся со времен античности «анатомических мифов». В этой огромной работе только мимоходом упоминается о «зубоврачебных мифах». Например, А. Везалий

не был согласен с утверждением Галена о том, что зубы являются костями, но при этом разделял положение Галена о том, что зубы продолжают расти все время жизни человека.

А. Везалий

Ученик Визалия, известный итальянский врач и анатом Бартоломео Евстахий (B. Eustachio), в 1563 г. издал труд, посвященный анатомии и физиологии зубов.

В тридцати главах книги собраны все сведения, бытовавшие в науке на середину XVI в.: морфология зубов, их физиология, процессы формирования зубов, их кровоснабжение и т. д. Упомянем о том, что Б. Евстахий впервые описал пульповую камеру зуба и уже привычно –

методику пломбирования кариозных зубов «листочками золота».

Прорыв в области анатомии человека стал мощным толчком для развития хирургии в Европе в XV–XVI вв. Кроме этого, частью войн того периода становится такой мощный фактор, как огнестрельное оружие. Анатомия становится востребованным знанием, поскольку ампутации являются основой медицинской практики того времени. В числе прочих ран в медицинских трактатах упоминаются черепно-мозговые ранения и описываются разнообразные методики их лечения. Так, описываются методики лечения перелома челюсти, для чего предлагалось использовать кожаный лубок, закрепленный ремнями через затылок.

Амбруаз Паре

Самым известным хирургом XVI в. стал француз Амбруаз Паре (1517–1590), которого потомки назвали отцом оперативной хирургии.

Любопытно, что его сестра вышла замуж за цирюльника, а его брат стал цирюльником. Поэтому и Амбруаз Паре в качестве первой профессии получил специальность цирюльника. Эта профессия стала точкой отсчета, и спустя годы А. Паре становится военным хирургом. Именно он отказался от повсеместной практики прижигания ран кипящим маслом.

В числе прочего А. Паре занимался и челюстно-лицевой хирургией. Он предложил фиксировать сломанные челюсти золотой проволокой. Кариес лечил, прижигая образовавшуюся полость кислотой, но в его трудах нет никаких упоминаний о попытках пломбирования кариозной полости. Он разработал собственную методику формирования зубного моста путем прикрепления искусственных зубов к здоровым с помощью золотой проволоки. Как правило, искусственные зубы в то время вытачивали из слоновой кости и вставляли в основу, вероятно, сделанную из золота. Он подробно описал показания для удаления зубов, технику этой операции, а также операции иссечения эпулиса [29]и реплантации зубов [30].

А. Паре полагал, что в основе болезней пародонта лежат нарушения внутренних органов, особенно желудка. Непосредственное же расшатывание зубов он объяснял механическими раздражителями. Для поддержания полости рта в здоровом состоянии А. Паре, как и его предшественники, рекомендовал протирать (массировать) десны жареным мозгом зайца.

А. Паре разработал ряд инструментов собственной конструкции, предназначенных для удаления зубов. Среди них были инструменты, предназначенные для отслоения десны от больного зуба, что во многом облегчало его экстракцию. Он же предложил несколько вариантов пеликанов для удаления зубов.

Король Шотландии Джеймс IV (1473–1513)

Эпоха Возрождения дала европейской цивилизации множество примеров противоречивых начал человеческой личности. Как никогда, в эпоху Возрождения «гений и злодейство» прекрасно уживались друг с другом. Одним из таких ярких представителей эпохи Возрождения в рамках рассматриваемой проблематики стал шотландский король Джеймс IV (1473–1513). Король Шотландии не только прекрасно говорил на латыни – международном языке интеллектуалов того времени, но и знал

французский, немецкий, фламандский, итальянский, испанский языки. Кроме непосредственной «королевской работы» Джеймс IV активно интересовался наукой. Именно при нем возникает Эдинбургский Королевский хирургический колледж. Именно тогда, в 1506 г., король своим указом объединил в одной гильдии цирюльников и хирургов города Эдинбурга. Напомним, что английский король Генрих XVIII пошел на подобные меры несколько позже. Примечательно, что премия короля Джеймса IV по сей день ежегодно вручается по итогам открытого конкурса в области зубной хирургии, ею награждаются ученые, внесшие значительный вклад в клиническую хирургию. Эта премия была учреждена 13 октября 1506 г. Джеймсом IV, который справедливо гордился своим искусством хирурга-стоматолога.

Итак, шотландский король Джеймс IV не был чужд зубоврачевания и малой хирургии. В 1503 г. король призвал цирюльника для того, чтобы извлечь один из своих зубов. Именно тогда он на себе «прочувствовал» все особенности экстракции зубов. После этого он сам занялся зубоврачеванием, предлагая свою помощь придворным. Специализировался король в области стоматологической хирургии, извлекая и прижигая больные зубы. В королевском архиве сохранились документы, указывающие, что в 1507 г. Джеймс IV оплатил двумя шиллингами зубоврачебные инструменты «для прижигания воспаленных зубов». Документы подтверждают, что шотландский король закупал множество инструментов для зубоврачевания. Подобный интерес к хирургической стоматологии проявлял только русский император Петр I, но о его медицинских занятиях мы расскажем ниже.

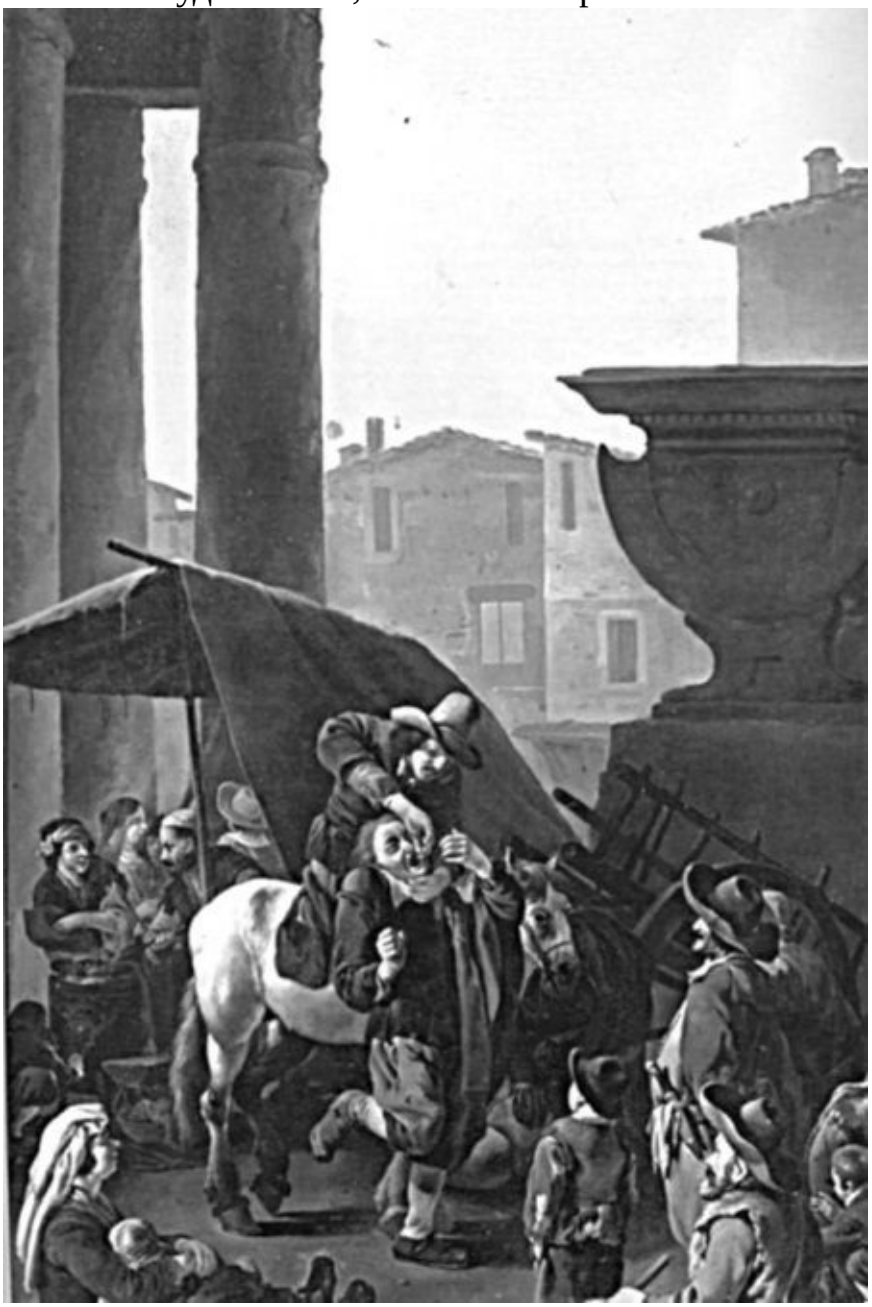
Зубоврачевание в Европе в XVII–XVIII вв

В XVII в. зубоврачевание как прикладная область медицины продолжало развиваться. В 1656 г. опубликована книга английского анатома Томаса Вартона (1614–1673) «Аденография, или описание желез всего тела», в которой он описывает открытый им проток поднижнечелюстной железы. В 1660 г. датский анатом, геолог и палеонтолог Нильс Стеной (1638–1686) открыл проток околоушной слюнной железы. В 1664 г. английский врач и анатом Томас Виллизий (1621–1675) опубликовал книгу «Анатомия головного мозга с добавлением к ней описания и функции нервов», в которой он впервые описал первую ветвь тройничного нерва и так называемый нерв Виллизия – XI пару черепных нервов. В 1675 г. в европейской литературе впервые упомянули о зубных щетках. В 1685 г. датский анатом Бартилин Каспар-младший впервые описал подъязычную слюнную железу и ее проток.

По мере развития зубоврачевания в Европе начинает формироваться новая терминология, обозначавшая специалистов в этой области медицины. Новая терминология рождалась по национальному признаку, поскольку в каждой европейской стране специалистов в области зубоврачевания именовали по-разному. Например, в Германии их именовали *Zabnbrecher,*что буквально означало «вырыватель зубов». В Италии – *cavadenli,*или *arracbeur,*во Франции – «дантистами», в Англии – «зубными операторами».

Для того чтобы привлечь клиентов, дантисты использовали малейшие возможности. Поэтому многие из них не гнушались принимать пациентов прямо на базарных площадях и ярмарках. Это было своеобразное «стоматологическое шоу», когда вокруг «дантиста» собиралась огромная толпа, с интересом наблюдавшая за всеми деталями впечатляющего процесса извлечения больного зуба. Более того, сами дантисты сознательно превращали свою профессиональную деятельность в публичное шоу, занимаясь зубоврачеванием на настоящей арене, в окружении толпы страждущих, под музыкальное сопровождение уличных музыкантов. В результате сложилась устойчивая традиция некоего синтетического шоу, центром которого было извлечение зуба у больного под оглушительные звуки барабанов, экзерсисы жонглеров и клоунов. В результате больные лечились, а здоровые получали бесплатное, но чрезвычайно захватывающее зрелище. Все вышеописанное стало темой для творческого

вдохновения многих художников, писавших картины на бытовые темы.

Зубоврачевание на площади европейского города

Зубоврачевание на улице

Конечно, среди таких медиков было множество шарлатанов или горе-специалистов, едва-едва набивших руку на здоровье несчастных клиентов. Но невысокая цена за подобные услуги решала все… Те, у кого имелись средства, шли лечить свои зубы к признанным и очень дорогим специалистам. Те, у кого денег было немного, шли на площади к шарлатанам, вполне осознавая последствия такого «лечения».

Сохранились стоматологические артефакты, свидетельствующие, что в XVII в. устанавливались зубные мосты по методикам, известным еще этрускам. Например, известен зубной протез, датированный серединой

XVII в., вырезанный из одного массива кости и моделирующий три утраченных зуба.

Этот протез держался во рту за счет серебряных штифтов, зацементированных в каналы корней разрушившихся зубов. Эта довольно грубая конструкция, вероятно, является свидетельством работы уличного дантиста и, конечно, разительно уступает изящным протезам Пьера Фушара. Тем не менее подобный протез свидетельствует, что в XVII в. была широко распространена методика использования корней фронтальных зубов для укрепления штифтовых зубов.

В конце XVII в. дантисты стали широко использовать ручные боры для препаровки кариозной полости. Впервые это осуществил хирург Корнелиус Золинген (Cornelius Solingen, 1641–1687) и описал в книге «Приемы лечения ран» (1684 г.) [31]. Ручной бор состоял из длинного стержня с граненой ручкой (6 или 8 граней) и головки (головки имели форму шара, конуса и т. д.) и вращался бор пальцами руки врача. Этот инструмент в силу своей дешевизны и компактности применялся вплоть до середины XIX в.

В XVIII в. лидером и «законодателем мод» в области зубоврачевания оставалась Франция. Именно в это время термин «дантист» от французского «dent» («зуб»), означавший специалиста в области зубоврачевания, приобретает международный характер.

В 1699 г. во Франции был принят закон, по которому все специалисты в области зубоврачевания были обязаны (наряду с окулистами и костоправами) пройти в специальном хирургическом комитете обязательную «сертификацию» на право заниматься медицинской практикой в Париже и его окрестностях. Подобные меры должны были защитить парижан от различных шарлатанов. Примерно в это же время практика лицензирования на зубоврачебную практику была введена в Германии.

Тем не менее шарлатаны, благодаря дешевизне и доступности своих услуг, прочно сохраняли свои позиции. Например, во Франции был широко известен «Большой Томас», ведший прием больных прямо на мосту «Pont Neuf».

До нас дошли яркие иллюстрации подобной стоматологической практики. Однако были и высококвалифицированные дантисты, чьи услуги были доступны только очень богатым клиентам.

Самый заметный вклад в историю ортодонтии XVIII в. связан с именем Пьера Фошара (Pierre Fauchard, 1678–1761), который работал при Людовике XV (1710–1774). В его знаменитом труде «Зубная хирургия, или

Лечение зубов» («Lechirurgien-dentiste, outraitedesdents», закончена в 1725 г., издана в 1728 г., второе издание в 1746 г.) освещены самые разные вопросы, непосредственно связанные с зубоврачеванием. На протяжении всего XVIII в. эта книга оставалась главной для всех европейских дантистов. Отчасти объяснялось это и тем, что Фошар в деталях описал множество передовых методик зубоврачевания, ревниво оберегаемых его коллегами.

Он выделил около 130 разновидностей зубных болезней. Фошар начал покрывать зубы колпачками из золота, на которые наносился подобранный по цвету фарфор – т. е. им были введены в практику металлические и металлокерамические коронки. Фошар одним из первых, наконец, развенчал многовековой миф о «зубных червях» как главной причине кариеса, утверждая, что он никогда не видел подобных червей ни глазом, ни в микроскоп.

Огромное внимание в своей книге Фошар уделил зубным протезам. Именно его конструктивные методики стали прообразом зубных мостов. Им описаны как фрагментарные зубные мосты, так и полные зубные протезы. Фошар рекомендовал использовать для искусственных зубов как человеческие зубы, так и зубы, вырезанные из слоновой кости или кости гиппопотама. Такие зубы, по мнению дантиста, более всего походили на настоящие и были относительно комфортны в использовании и уходе за ними. Примечательно, что, работая над протезами для своих клиентов,

П. Фошар привлекал для наиболее тонких работ по золоту парижских ювелиров, фактически выполнявших у него функции зубных техников.

Зубоврачевание во времена Пьера Фошар

В 1728 г. Фошар описал методику применения тонкой полоски из серебра для выравнивания зубов. Она крепилась к зубам с помощью проволоки и шелковой лигатуры, т. е. П. Фошар занимался исправлением дефектов неправильного роста зубов и челюстей, и поэтому французский дантист с полным правом может считаться основателем ортодонтии.

П. Фошар детализировал методику удаления кариеса и пломбирования кариозной полости зуба золотом или оловом.

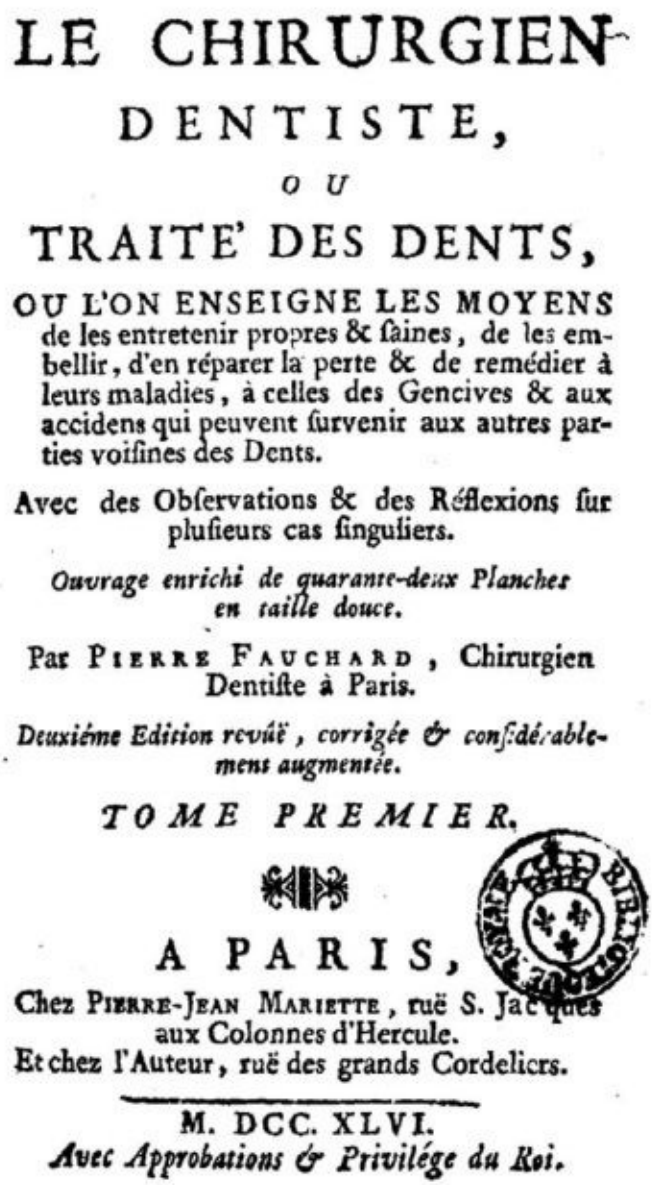
Много внимания в книге Фошара уделено рекомендациям по уходу за полостью рта. Он привел множество рецептов бальзамов для ежедневного

ополаскивания полости рта. Вместе с тем он был сыном своего времени, и в числе прочих подобных рецептов Фошар рекомендовал для ежедневного утреннего профилактического ополаскивания рта собственную свежую мочу.

В своей книге Фошар описывает и все необходимые принадлежности «офиса дантиста» своего времени.

Портрет Пьера Фошара

LE CHIRURGIEN
DENTISTE,
OU
TRAITE' DES DENTS,
OU L'ON ENSEIGNE LES MOYENS
de les entretenir propres & ſaines, de les embellir, d'en réparer la perte & de remédier à leurs maladies, à celles des Gencives & aux accidens qui peuvent ſurvenir aux autres parties voiſines des Dents.
Avec des Obſervations & des Réflexions ſur pluſieurs cas ſinguliers.
Ouvrage enrichi de quarante-deux Planches en taille douce.
Par PIERRE FAUCHARD, Chirurgien Dentiſte à Paris.
Deuxiéme Edition revûë, corrigée & conſidérablement augmentée.
TOME PREMIER.
A PARIS,
Chez PIERRE-JEAN MARIETTE, ruë S. Jacques aux Colonnes d'Hercule.
Et chez l'Auteur, ruë des grands Cordeliers.
M. DCC. XLVI.
Avec Approbations & Privilége du Roi.

Титульный лист книги П. Фошара «Зубная хирургия, или Лечение зубов»

В числе прочего он призывал отказаться от усаживания больного на пол и фиксации его головы с помощью рук и ног дантиста. Фошар уже в то время рекомендовал использовать для размещения пациента специальное кресло, которое должно быть устойчивым и удобным, рекомендуя оснащать заднюю часть кресла своеобразным подголовником, регулируемым по высоте и набитым конским волосом.

У П. Фошара были талантливые последователи. Одним из самых талантливых – Этьен Буржет (Etienne Bourdet, 1722–1789), дантист

Людовика XV и Людовика XVI. Его творческое наследие обширно, и его книги неоднократно переиздавались в Европе. Среди новаций, предложенных дантистом, предлагалось использовать золотое покрытие для заполнения полости пульпы. Также была разработана конструкция зубного протеза с золотой основой, к которой крепились в специальные гнезда искусственные или настоящие человеческие зубы.

Золото в данном случае играло не роль социального индикатора богатства и влияния, а являлось надежным инертным металлом, не разлагавшимся и не ржавевшим. Э. Буржет использовал для крепления верхней и нижней челюстей в двойном протезе золотую, а не стальную пружину, поскольку она не поддается коррозии.

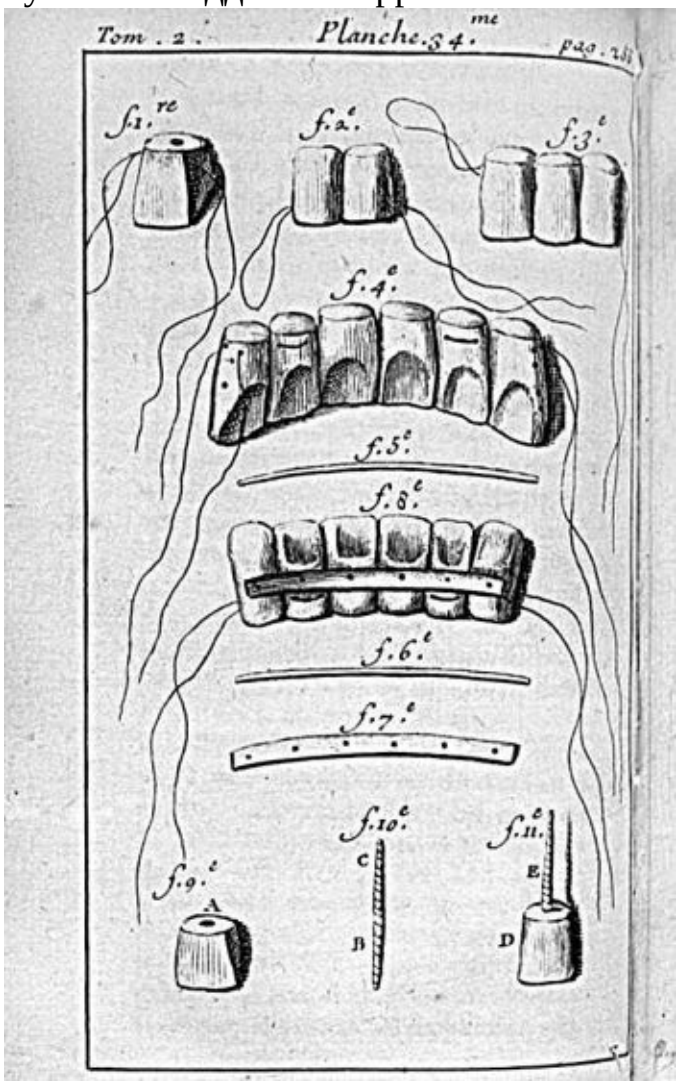

Схема первой ортодонтической конструкции (серебряная пластинка прикрепляемая к зубам с помощью нити) из книги П. Фошара

Считается, что Э. Буржет разработал новый медицинский инструмент, получивший название зубного ключа (tootkey, dentalkey), который, получив широкое распространение в зубоврачебной практике, почти 200 лет служил главным инструментом для удаления зубов. Вместе с тем его применение, больше чем применение всех других зубоврачебных инструментов, вызывало травмы в процессе экстракции.

Первые ручки инструмента были похожи на обычные дверные ключи, за сходство с ними инструмент и получил свое название. Да и сама процедура извлечения зуба с помощью этого инструмента напоминала привычное движение при открывании замка обычным ключом.

Первые зубные ключи были уникальны, т. к. изготавливались под конкретного врача. Со временем появилась масса модификаций зубного ключа. Так, от ключа с прямым валом, ось которого была такова, что позволяла удалять зубы только под прямым углом, появились ключи с изогнутыми валами, позволявшие удалять зубы в косом направлении. Эти улучшения позволяли снизить давление на соседние здоровые зубы, на которые при повороте опирался вал ключа. В 1830-х гг. производство различных вариантов зубных ключей было поставлено на поток. Описание такого серийного зубного ключа звучит следующим образом: «Зубной ключ представлял собой стальной вал около пяти дюймов (12,7 см) в длину и четверть дюйма (0,64 см) в толщину, прямой или изогнутый на подобии штыка. На одном конце этого вала располагалась ручка различной длины, размеров и форм, которая служила опорой при удалении. На другом конце вала располагались подвижные фиксаторы-когти. Когда прибор применялся, то фиксаторы опирались на десну и края альвеолярного отростка на одной стороне зуба, а крюк (коготь) обхватывал его шейку. После вращательного движения «замок» закрывался, и зуб удалялся» [32].

Несомненно, что эта операция была крайне болезненной для пациентов. Кроме этого, специфика работы с зубным ключом требовала от дантиста особых знаний. Специалисты предупреждали, что если инструмент выскользнет или ослабит удерживаемый зуб, то дантист сможет легко удалить не только больной зуб, но и несколько здоровых. Встречались случаи переломов челюстей и сильных кровотечений, некоторые из которых заканчивались смертью пациента. Не без оснований в специальной литературе зубной ключ называли «опасным и варварским инструментом», орудием «пытки и страха». Во второй половине XIX в. специалисты начали отказываться от использования зубного ключа, заменив его стоматологическими щипцами, первые модификации которых

известны со времен Древней Греции и Рима.

Еще в первой половине XVIII в. во Франции начали работать первые женщины-дантисты.

Пионером в этой области стала некая мадемуазель Резе (Reze), получившая патент на частную зубоврачебную практику.

О ней упомянул сам Пьер Фошар в своем труде «Lechirurgien-dentiste, outraitedes-dents»: «…она умеет очищать гниющие зубы, избавляет от плохого запаха специальным средством с чистящими и вяжущими свойствами; лечит язвы или небольшие поражения десен» [33]. В XIX в. фигура женщины-дантиста становится довольно обычной для Европы. Например, в 1820-х гг. в Париже на улице Риволи в кабинете с вывеской «дантист для женщин» практиковала женщина-дантист «госпожа Анна».

Женщина-дантист. Рекламный литографированный листок

В XVIII в. дантисты разных стран начали активно проводить опыты, пытаясь пересадить зубы от одного человека к другому. Например, английский хирург Джон Хантер (1728–1793) успешно вживил несформировавшийся человеческий зуб в гребень живого петуха, при этом кровеносные сосуды гребня петуха трансформировались в корневой канал трансплантированного зуба.

В результате он рекомендовал для пересадки зубы молодых «доноров». Однако все попытки трансплантации зубов от человека к человеку оказались неудачными, хотя продолжались и в XIX в.

От идеи трансплантации зубов от «донора» к больному отказались после появления искусственных фарфоровых зубов. Напомним, что цивилизации Древнего Китая более 1000 лет удавалось сохранять секрет производства фарфора. Только в XVIII в. в Европе удалось разработать удачную рецептуру твердого фарфора (1705–1710 гг., Мейсен, Германия) и приступить к его промышленному производству.

Порыв в изготовлении искусственных зубов из фарфоровой массы связан с именем французского аптекаря Алексиса Душатье (Alexis Duchateau, 1714–1792). В 1774 г. он заменил слоновую кость (или кость бегемота) при изготовлении зубных протезов на фарфор. Эти опыты были связаны и с личными мотивами, поскольку А. Душатье сам носил зубной протез с зубами, изготовленными из слоновой кости. А поскольку слоновая кость, будучи пористой, впитывала ротовую жидкость, принимала грязноватый цвет, становилась негигиеничной и издавала сильный запах, то аптекарь настойчиво искал более гигиеничную замену. После серии опытов Душатье с помощью производителей фарфора с завода Guerhard в г. Сен-Жермен удалось изготовить для себя первый фарфоровый зубной протез.

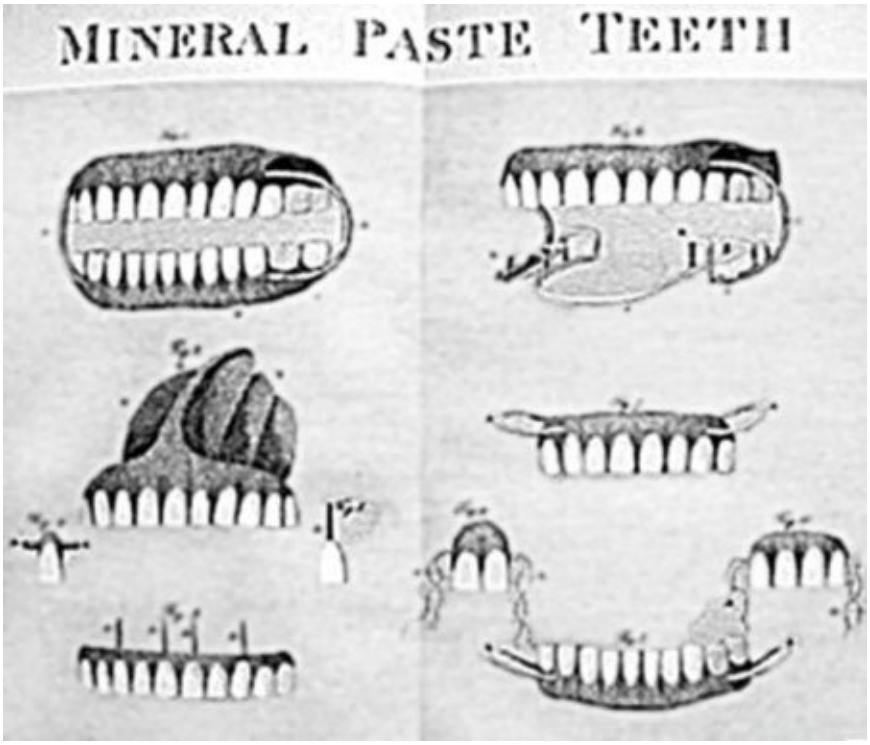
Протез из зубов бегемота с фарфоровой коробочкой для хранения. Англия. 1795 г.

В результате в конце XVIII – начале XIX в. широкое распространение получила технология изготовления искусственных зубов из керамики.

Французскому дантисту Николя Дюбуа де Шевре (1753–1824) удалось решить проблему «усадки» «анатомического» фарфора во время обжига.

Николя Дюбуа де Шевре (1753–1824)

Фарфоровые протезы Дюбуа де Шевре

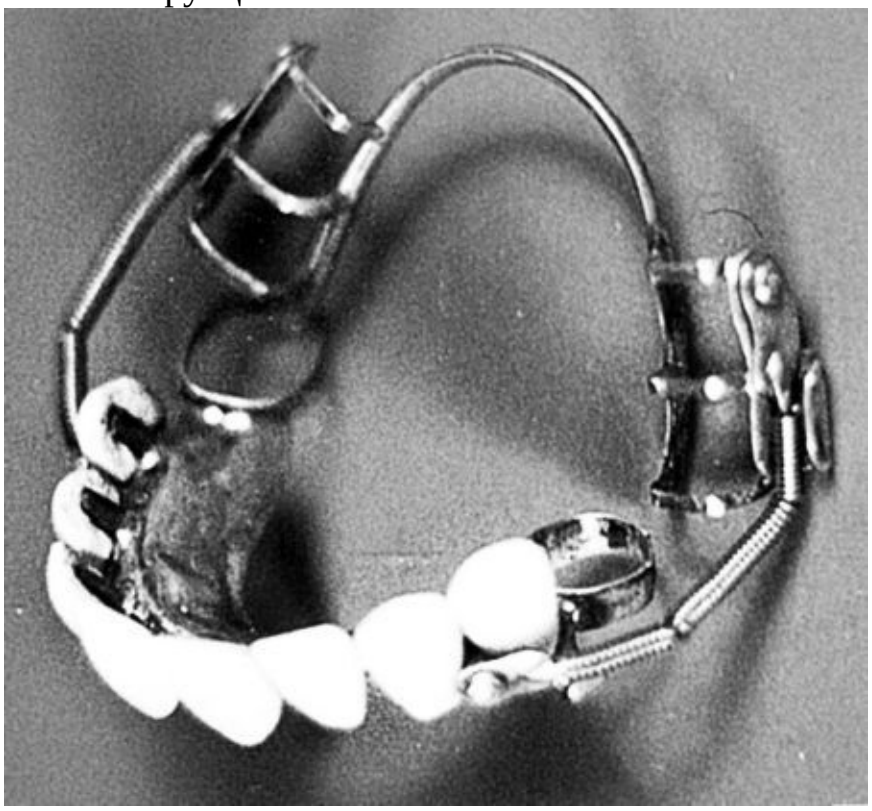
Результаты своих опытов он опубликовал в брошюре, изданной в 1788 г., в 1789 г. он запатентовал свою методику.

Во время Великой французской революции дантист бежал в Англию, где с 1792 г. начал производство фарфоровых зубов на знаменитой фарфоровой мануфактуре Веджвуда (Wedgewood, патент 1792 г. на 14 лет). Об объемах продаж говорит то, что в 1797 г. было продано 3000 комплектов полносъемных протезов, а к 1804 г. цифра выросла до 12 ООО протезов.

Фарфоровые полносъемные зубные протезы стали невероятно популярны и постепенно вытеснили с рынка зубные протезы, изготовленные из человеческих зубов, полученных из трупов. Многие предпочитали внешне привлекательные фарфоровые зубы тому «трупному материалу», который в изобилии появился в начале XIX в. в период наполеоновских войн в Европе. Такие зубные протезы, изготовленные из зубов погибших солдат, получили именование «зубов Ватерлоо».

У французского дантиста дю Шевре нашлись последователи, которые пытались развивать его методики. Например, в 1808 г. итальянский дантист Джузеппанжело Фонци (1768–1840), практиковавший в Париже, разработал методику крепления искусственных зубов из фарфора при помощи платиновых стержней. Эта «независимая подвеска» каждого из

фарфоровых зубов, укрепленных в золотом протезе платиновой шпилькой, стала новым прорывом в истории протезирования. Во-первых, зубной протез мог быть использован для формирования полного набора зубов, как в верхней, так и нижней челюсти. Во-вторых, зубы протеза имели естественный цвет. В-третьих, платиновые шпильки позволяли выполнять тонкую подгонку зубов протеза, делая его максимально удобным для клиента. Примечательно, что в ходе своих поездок по Европе Д. Фонци в 1823 и в 1825 гг. посетил Петербург, обеспечив Александра I зубным протезом своей конструкции.

Зубной протез конструкции Д. Фонци

Монополия французов на передовые технологии в области зубоврачевания вызвала в Англии своеобразную реакцию, воплотившуюся в огромном количестве карикатур на французов-дантистов, работавших в начале XIX в. в Лондоне (многие из них мы приведем ниже).

С семейством производителей фарфора Веджвудов связано еще одно важное изобретение, активно применявшееся в стоматологии. 7 октября 1806 г. Ральф Веджвуд (кузен Джосайи Веджвуда, знаменитого производителя фарфора) получил патент на копировальную бумагу, маленькие кусочки которой стоматологи используют для того, чтобы

выяснить, не трутся ли друг о друга жевательные поверхности зубов после постановки пломбы.

В 1820 г. в Лондоне начали изготавливать высококачественные фарфоровые зубные протезы, устанавливаемые на «анатомические» золотые пластины. При этом в то же время в английских аптеках продавались амулеты из кротовьих лапок, «спасавшие» от зубной боли.

Использование этого амулета упоминается еще у древнеримского писателя и государственного деятеля Плиния в I в. н. э.

Амулет из лапок крота. Кунсткамера

К середине XIX в. центр исследований в области изготовления искусственных зубов из фарфоровой массы перемещается в США. Еще в 1825 г. в США начинается промышленное производство искусственных зубов из фарфора. В 1885 г. в США был запатентован способ индивидуального изготовления штифтового искусственного зуба, при котором фарфоровая облицовка спекалась непосредственно на платиновом штифте. В 1889 г. в США была разработана методика послойного моделирования фарфоровых коронок на тонкой платиновой фольге, плотно обжатой вокруг гипсового штампика. После окончательного спекания фольга извлекалась. В результате в 1880-х гг. в США наметились два

основных направления использования керамики в зубоврачевании – облицовка металлических каркасов (металлокерамика) и безметалловые керамические конструкции.

В XIX в. в Европе начинают возникать профессиональные общественные организации, объединяющие практикующих дантистов. Например, в октябре 1856 г. в Лондоне было создано «Одонтологическое общество». Его первым председателем стал С. Картрайт (1789–1864), работавший в качестве хирурга-дантиста при короле Георге IV. Это общество являлось первой научной и общественной организацией дантистов в Великобритании. Целью общества стало стремление к упорядочиванию процесса получения дипломов и лицензий дантистов, дающих им законодательное право на ведение профессиональной деятельности.

Таким образом, во второй половине XVIII–XIX вв. в области стоматологии произошло внедрение таких технологий, как изготовление искусственных золотых коронок (1756 г.); изобретение ножной бормашины (1790 г.); пломбирование зубов серебряной амальгамой (1819 г., парижский дантист Огюст Таво); применение мышьяковистой кислоты для некротизации пульпы (1836 г.); изобретение зубных щипцов современного вида (1840 г.); пломбирование зубов специальными цементами (1858 г.); использование фарфоровых искусственных зубов; в 1890 г. в хирургической стоматологии впервые стали применять резиновые перчатки, что значительно улучшило асептику при проведении операций.

Зубоврачевание в Южной, Центральной и Северной Америке

Археологические раскопки культурных слоев доколумбовой Америки дали миру множество стоматологических артефактов. Большая часть из них в силу ограниченного круга источников по истории этого периода не поддается однозначной трактовке. Вместе с тем знания о цивилизациях ацтеков, майя и инков позволяют утверждать, что эти культуры имели развитые религиозные культы, что в свою очередь порождало отработку методик довольно сложных челюстно-лицевых хирургических вмешательств. Самыми известными из подобных артефактов являются человеческие черепа со следами проведенных прижизненных трепанаций. При этом, судя по сформировавшимся костным валикам, многие из прооперированных после проведенной операции оставались в живых.

Специфическое отношение в этих культурах к человеческой жизни, основанное на многочисленных человеческих жертвоприношениях, позволяло жрецам проводить очень рискованные хирургические вмешательства, отрабатывая те или иные методики, которые, судя по всему, являлись частью каких-либо религиозных церемоний. Огромная смертность при проведении подобных «операций» жрецов волновала меньше всего. Выше мы упоминали о многочисленных черепах, обнаруженных археологами, со следами прижизненных инкрустаций на зубах.

Фрагмент нижней челюсти, найденной в Гондурасе в 1931 г.

Вместе с тем имеются стоматологические артефакты, по поводу которых дискуссии не стихают по сей день. Одним из таких артефактов является фрагмент черепа, обнаруженный в начале XX в. в Эквадоре (Музей культуры американских индейцев в Нью-Йорке). В черепе имеются два резца с золотыми инкрустациями. Судя по всему, эти резцы были буквально забиты в гнезда зубов. Ряд специалистов придерживается мнения, что перед нами ранний случай трансплантации зуба от одного человека к другому. Другие справедливо указывают, что на артефакте мы не видим никакой регенерации, следовательно, эти резцы были вставлены в челюсть уже после смерти, при подготовке тела к похоронам [34]. Такая «предпохоронная подготовка» полости рта проводилась и в Древнем Египте.

Кроме того, в 1931 г. в Гондурасе археологами найден фрагмент нижней челюсти индейца майя (Музей археологии и этнологии Гарвардского университета), датируемый 600 г. н. э. В эту челюсть вместо трех утраченных нижних резцов в их альвеолы прижизненно вставили («имплантировали») кусочки черепахового панциря, напоминающие по форме зубы. Одно время считалось, что эти «импланты» были, как и в «эквадорской челюсти», вставлены посмертно. Однако исследования, проведенные в 1970 г., показали компактное формирование кости вокруг

двух из внедрений, что свидетельствует о прижизненном внедрении «имплантов». На сегодняшний день этот артефакт является самым ранним примером прижизненной стоматологической имплантации.

Испанские католические монахи, наряду с конкистадорами осваивавшие Америку, занимались тотальным уничтожением памятников культуры американских индейцев. Вместе с тем испанские монахи, описывая окружавший их мир, оставили немногочисленные свидетельства, связанные с практикой зубоврачевания ацтеков. Такие письменные источники (1547–1577 гг.) свидетельствуют о распространении кариеса у ацтеков, который по их верованиям вызывается «зубным червем». Бороться с этим «червем» они пытались, жуя горячий перец чили. Судя по всему, они считали, что «топка во рту», возникающая при жевании жгучего перца, убьет кого угодно, в том числе и «зубного червя».

Имеются свидетельства того, что в 1518 г. состоялось первое знакомство испанских конкистадоров с жевательной резинкой. Ее прародителем является затвердевший сок из надрезов коры дикой саподиллы – натуральный каучук.

Как правило, зубоврачевание носило консервативный характер. Письменные свидетельства об использовании хирургических методик по удалению зубов крайне редки. Например, в литературе имеется описание того, как заболевший зуб индейцы пытались лечить составом, изготовленным из смеси размолотого высушенного червя со скипидаром. Этот состав наносился на щеку, напротив больного зуба. Только после того, как стало понятно, что зубная боль не купируется, зуб был извлечен.

Инки, как и ацтеки, использовали в зубоврачевании преимущественно консервативные методики лечения в виде самых разнообразных травяных настоев. Однако в литературе встречаются упоминания и о прижигании кариозных полостей в зубе тлеющим корнем бальзового дерева. Подобные операции были крайне болезненными, поэтому индейцы перед ее началом жевали листья коки, добиваясь эффекта местной анестезии [35].

Фреска в храме Tepantitla в Teotihuacan. Зубоврачебное вмешательство в ритуальных целях

Инки не делали украшения на зубах, но, судя по фрагментам челюсти, найденной в Эквадоре, использовали накладки из кованого золота на предварительно подготовленные выемки на резцах зубов.

Говоря о регионах Северной Америки, исследователи в один голос констатируют, что европейская цивилизация принесла коренным народам Северной Америки не только «огненную воду», но и кариес. В 1930-х гг. исследовали зубы 87 индейцев, живших в отдаленных регионах Аляски. При этом только 4 зуба из 2464 (0,16 %) имели кариес. Аналогичные исследования среди индейцев, живших ближе к центрам цивилизации, показали процент поражения зубов кариесом, доходящий до 25–40 % [36]. Судя по всему, определяющим фактором при подобном распространении кариеса был характер пищи, преобладавший в тех или иных регионах.

Как уже упоминалось, общей проблемой всех ранних цивилизаций было раннее стирание зубов [37], что вызывалось мукой грубого помола или

иными причинами. Каменная пыль от жерновов или крошка от ступки и пестика оставляли в муке множество мельчайших каменных включений, которые истирали режущие кромки зубов. Этому способствовала и широко распространенная среди индейцев привычка жевать табак. Для того чтобы придать приготовляемой табачной смеси необходимую вязкость, в нее добавляли истолченные раковины мидии и известь, что, безусловно, самым негативным образом влияло на состояние полости рта.

Европейцы в своих записях, датируемых второй половиной XVIII в., оставили упоминания, что североамериканские индейцы чистили полость рта различными ароматическими смолами и корнями растений. Есть упоминания и об использовании индейцами чероки натуральной резины, заменявшей тогда столь привычную нам жевательную резинку. При этом она не только очищала полость рта, но и ароматизировала ее.

В качестве универсального средства против зубной боли служили препараты, изготовленные из корня колючего кустарника, который индейцы именовали «деревом против зубной боли» (Zanthoxilum nitidum). Этот кустарник широко распространен, и о нем писали в «Своде лекарственных средств», опубликованном в Китае более 600 лет назад. Прежде всего препараты из корня и коры кустарника зантоксилума использовались в качестве тонизирующего средства. Но для индейцев очень важным было то, что препараты из зантоксилума оказывали заживляющее действие на зубы, десны и слизистую оболочку полости рта. Для индейцев Северной Америки порошок из коры зантоксилума был главным средством для лечения зубов, поэтому они и называли его «деревом от зубной боли». Ныне в результате клинических исследований установлено, что за счет прямого и очень сильного воздействия на нервные окончания слизистой ротовой полости экстракты зантоксилума подавляют зубную боль, обладают прямым антибактериальным действием, препятствуя развитию кариеса и оказывая заживляющее действие на длительно незаживающие язвы полости рта. Кроме этого, в экстрактах этого растения обнаружено большое количество био-флавоноидов [38], которые укрепляют сосудистую стенку и препятствуют повышенной кровоточивости десен.

В XVIII в. в Северной Америке уже практикуют дантисты, в полной мере использующие европейские стоматологические методики. В Америку охотно ехали как французские, так и английские дантисты, которые открывали свои клиники в самых крупных городах Америки. О степени распространения таких методик свидетельствует то, что первые фарфоровые протезы появляются в Америке уже в 1794 г. Об этом известно из рекламных блоков, публиковавшихся в американских газетах. В 1792 г.

в Нью-Йоркской больнице появляется штатная должность дантиста.

Одним из самых известных стоматологических артефактов конца XVIII в. является двойной протез первого президента США Джорджа Вашингтона работы дантиста Джона Гринвуда (1760–1819).

Джон Гринвуд начал практиковать в Нью-Йорке с 1786 г. и со временем стал одним из самых известных дантистов. Одним из его клиентов стал Д. Вашингтон, которого на протяжении всей его взрослой жизни мучила зубная боль. Иконография первого президента США со шрамом на щеке стала отражением его стоматологических проблем. Этот шрам стал следствием фистулы, развившейся вследствие нагноения зуба.

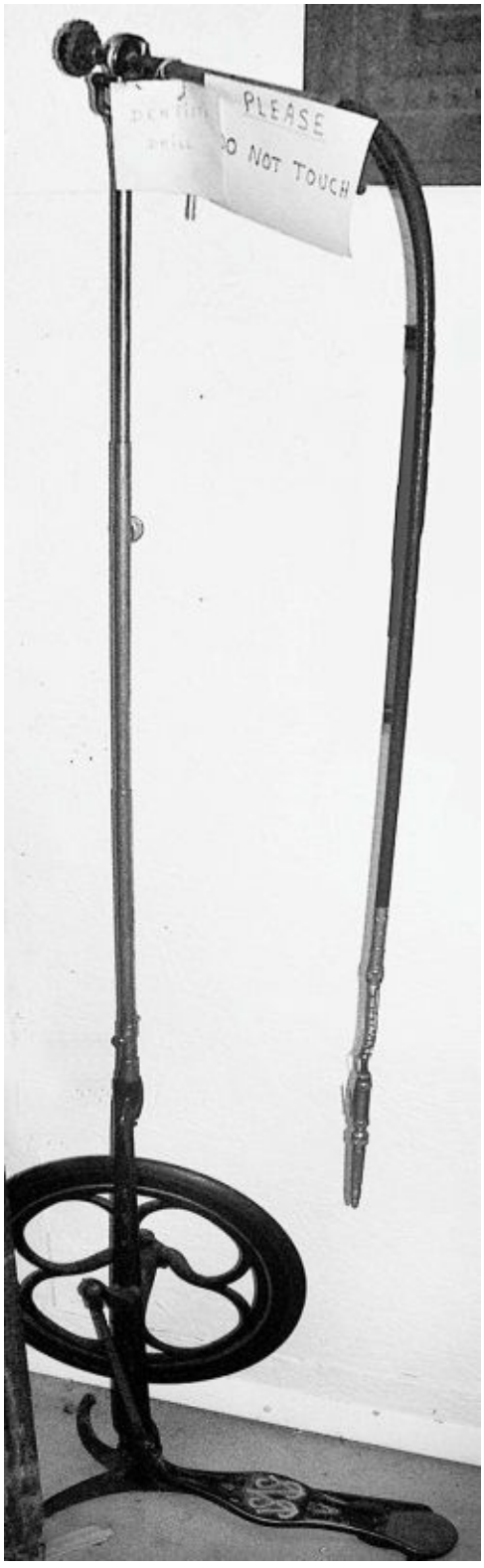
Ко времени своей инаугурации Д. Вашингтон потерял все свои зубы.

Джон Гринвуд сделал четыре зубных протеза для Д. Вашингтона, изготовив их из разных материалов – золота, клыка гиппопотама, слоновой кости и человеческих зубов.

Один из протезов был короток, и это отчетливо видно по запавшим губам и щекам на одном из портретов Д. Вашингтона. Художник был вынужден прибегнуть к вате, которую он вставил за щеки и губы президента, для того чтобы получить иллюзию «собственных зубов». И тем не менее на картине хорошо видно, что протез во рту американского президента «сидел» далеко не «как влитой».

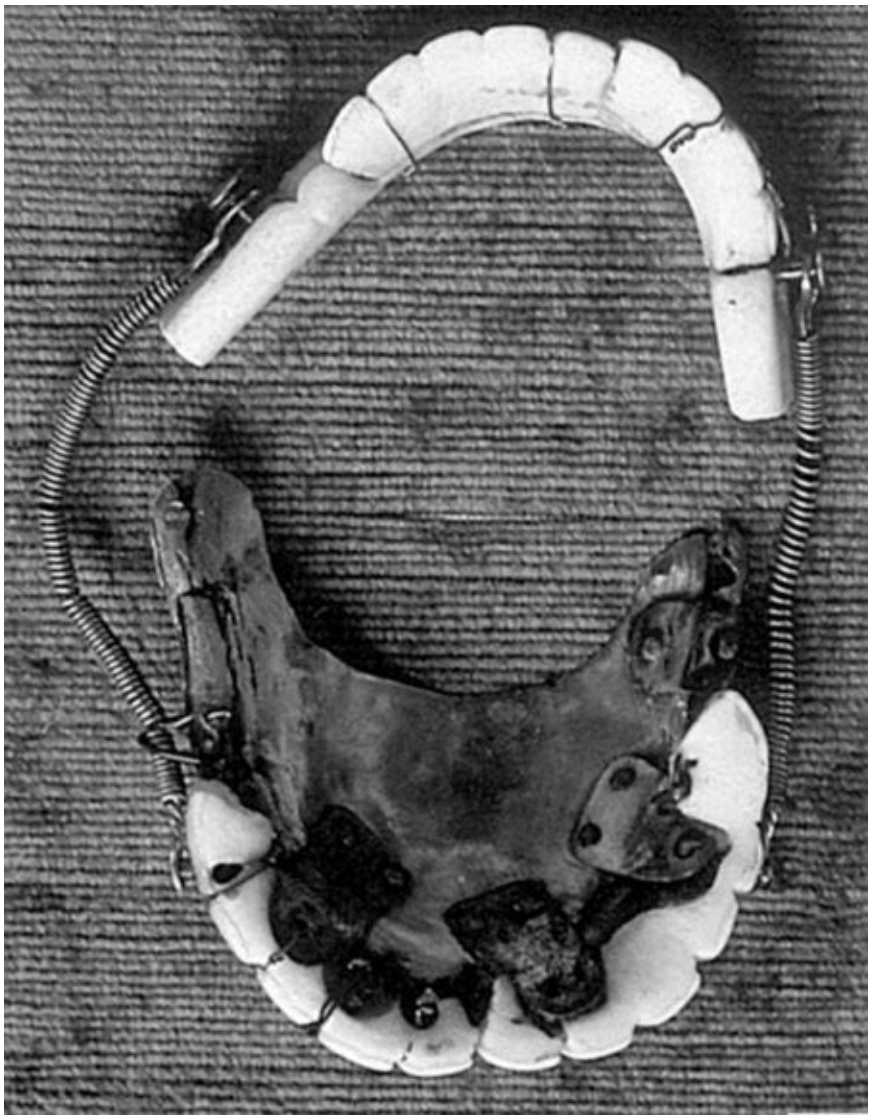
С именем Джона Гринвуда (John Greenwood) связывают изобретение стоматологического бора и ножной бормашины на основе ножной прялки в 1790 г.

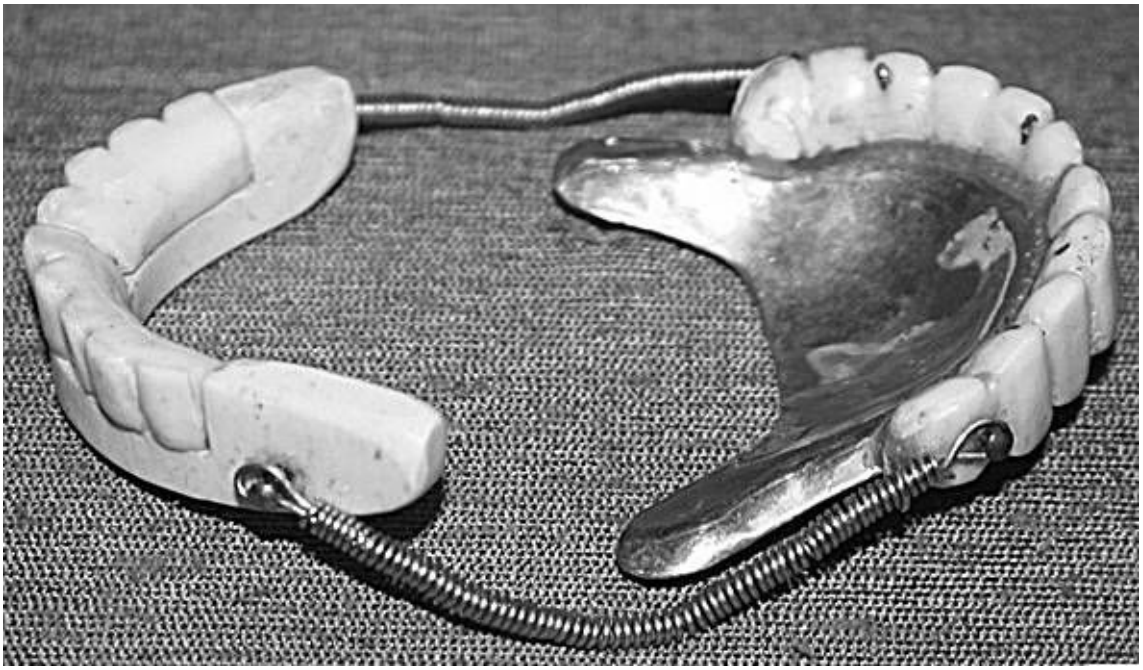
Во второй четверти XIX в. лидерство в области стоматологии переходит к американцам. Причин тому было множество, в том числе буржуазная революция во Франции и последовавшие за ней наполеоновские войны, надолго обескровившие Францию. К 1830-м гг. самые крупные города США – Нью-Йорк, Бостон, Олбани, Филадельфия, Балтимор, Ричмонд и Чарлстон – имели многочисленные клиники дантистов. В 1840 г. возникло Американское общество зубных хирургов (ASDS), ставшее первой в мире национальной организацией дантистов. 6 марта 1840 г. открыт первый в мире зубоврачебный колледж – Балтиморский колледж зубной хирургии в штате Мэриленд. Наглядным примером успехов американских дантистов явился тот факт, что дантист-американец стал личным зубным врачом французского императора Наполеона III, а затем и русского императора Александра II.

PLEASE
O NOT TOUCH

Бормашины с ножным приводом

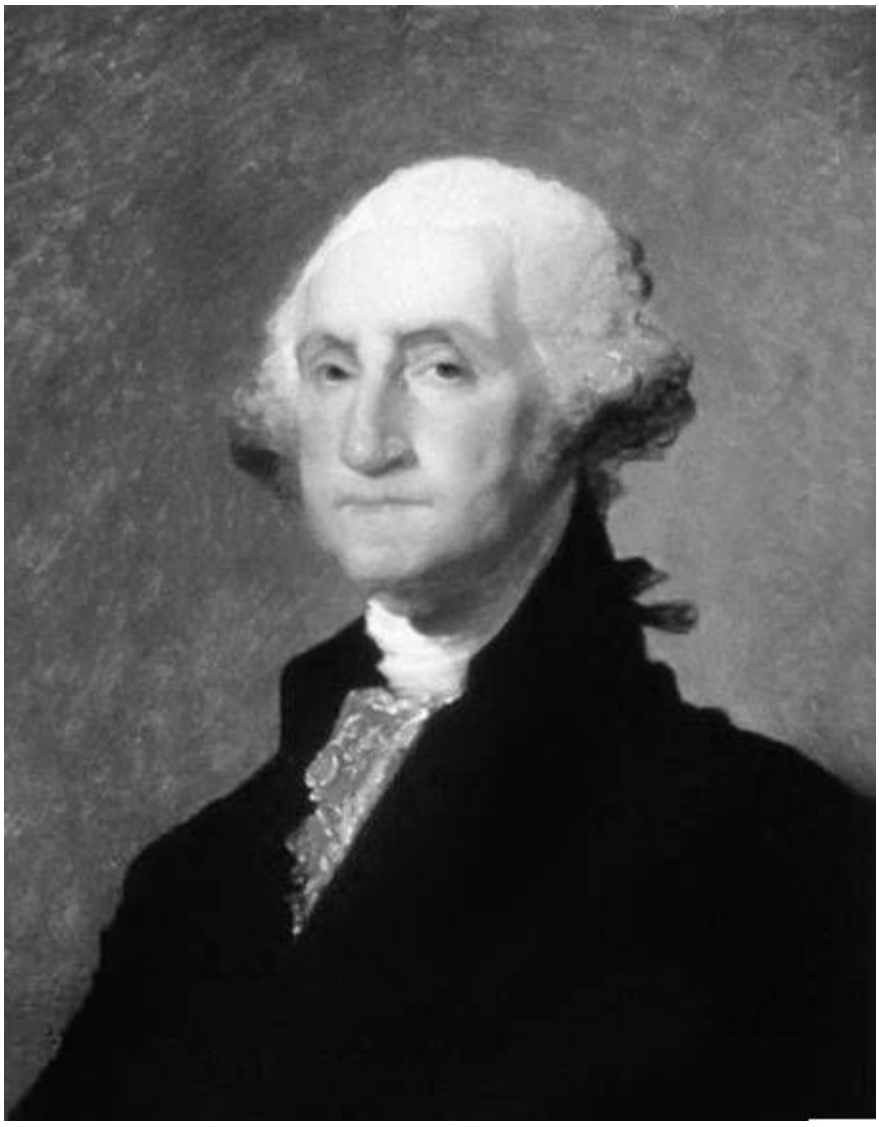

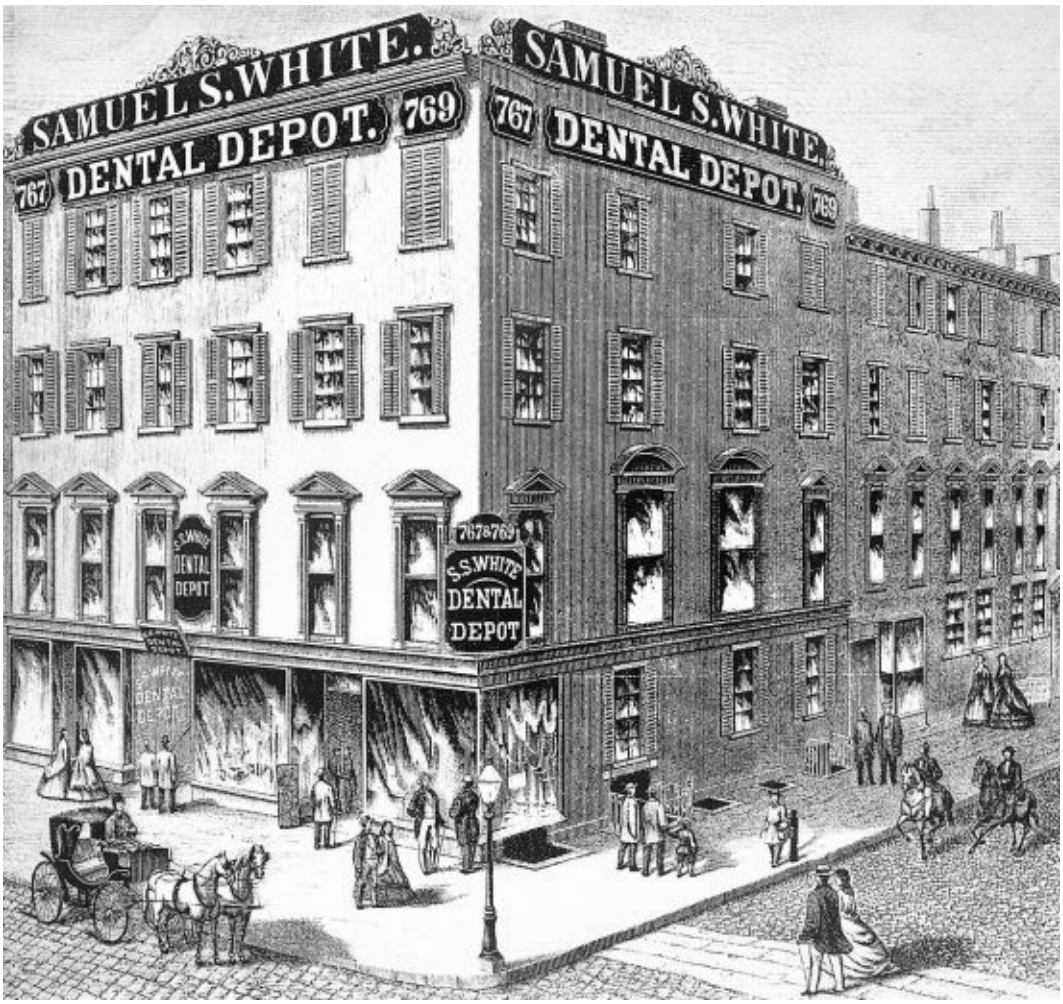
Зубные протезы Дж. Вашингтона. Мастер Дж. Гринвуд

Один доллар образца 1917 г.

Портрет Дж. Вашингтона

Реклама дантистов. Филадельфия

В 1846 г. дантист Амос Уэскотт предложил новый вариант ручного бора, представлявшего собой кольцо со втулкой, которое надевалось на указательный палец правой руки. Это приспособление позволило защитить руку врача и в какой-то степени облегчить вращение ручного бора пальцами.

Операция Т. Мортона с использованием наркоза. 1846 г.

В 1858 г. Чарльз Мерри (США) изобрел зубную дрель, имевшую две ручки: одну для удерживания режущего инструмента, а вторую для сообщения режущему инструменту вращательного движения через гибкий кабель. Такое устройство позволяло дантисту направлять инструмент на зубы с необходимой точностью. В 1862 г. Чарльз Мерри добавил к своей конструкции изогнутую головку (прототип углового наконечника) [39].

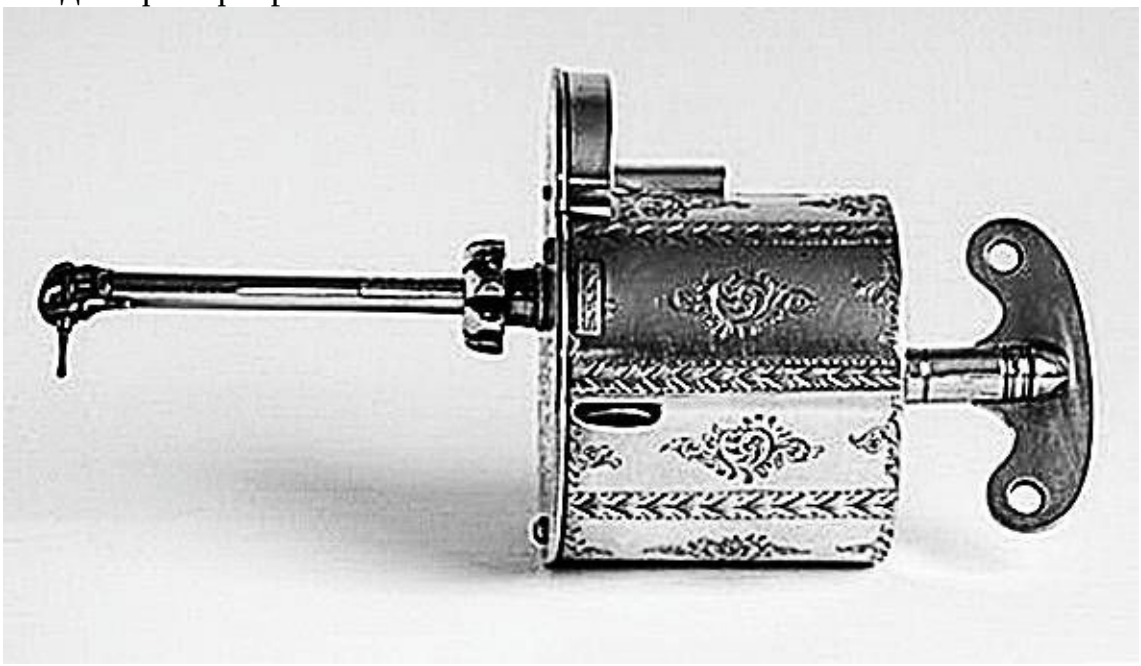
Огромное значение имело применение наркозного эфира при проведении операций. Первая в мире операция под наркозом состоялась 16 октября 1846 г. в США. Ее провел врач-стоматолог Т. Мортон при удалении надчелюстной опухоли. В России в клинических условиях наркоз был впервые применен в феврале 1847 г.

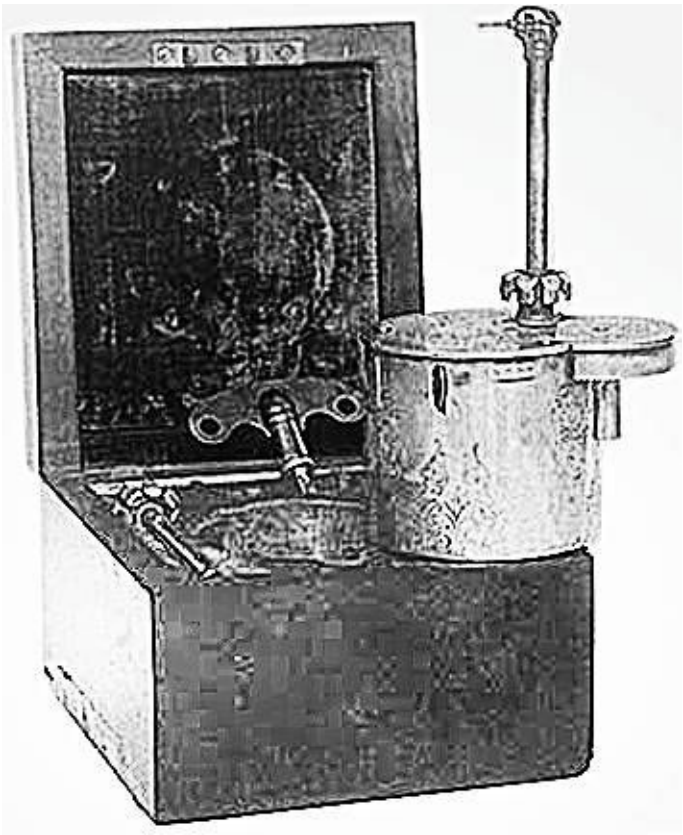
В зубном протезировании вулканизированный каучук был впервые использован в 1848 г. В результате в течение 100 лет каучук применялся для изготовления базисов съемных протезов, пока на смену ему не пришла более гигиеничная, дешевая и удобная в технологии акриловая пластмасса.

Первой женщиной в США, получившей диплом зубного врача в

1867 г., стала Л. Тейлор. В этом же году ее соотечественник Ригг осуществил первый в истории стоматологии кюретаж пародонтальных карманов [40]. В 1864 г. дантист Джордж Феллоу Харрингтон (1812–1895) сконструировал механическую дрель с двумя головками. Она приводилась в движение с помощью пружины. Бор крутился 2 минуты. Дантист мог менять головки в зависимости от места нахождения больного зуба (верхней или нижней челюсти). Машина Харрингтона была сделана из желтой меди и украшена обильной гравировкой, она выглядела чрезвычайно элегантно и по виду напоминала музыкальный ящик. Один из экземпляров машины ныне хранится в стоматологическом музее Стокгольма.

В 1868 г. механик Г.Ф. Грин изобрел пневматическую бормашину на ножном приводе, она позволяла зубному врачу работать одной рукой и являлась прототипом современных турбинных установок. Машина Грина стала первой зубоврачебной машиной, изготовленной фирмой «S.S. White» в Филадельфии фабричным способом.

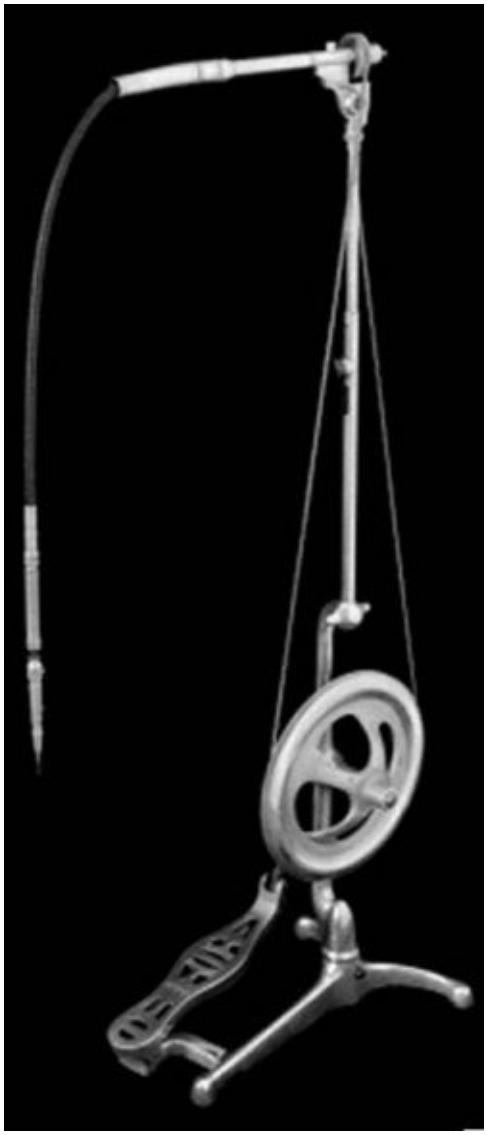

Механическая бормашина Харрингтона. 1864 г.

В 1871 г. Джеймс Беалл Моррисон (1829–1917) сконструировал и запатентовал педальную бормашину. Эта машина имела такой же ножной привод, как и ножная швейная машина. Среди других образцов бормашин, появившихся в начале 70-х гг. XIX в. (например, бормашины модели Эллиота, которые крепились неподвижно к потолку или к стене), бормашина Моррисона пользовалась наибольшим спросом как наиболее практичная. Она устанавливалась на полу, и имелась возможность ее передвижения. В 1876 г. фирма «S.S. White» изготовила усовершенствованный вариант бормашины Моррисона, где впервые был использован принцип передачи вращения с помощью так называемого «гибкого рукава». Бормашины включали три главных составных части: ножной педальный двигатель с маховым колесом, подвижный рукав и наконечник с бором.

Бормашина с ножным приводом. Англия. 1890—1940-е гг.

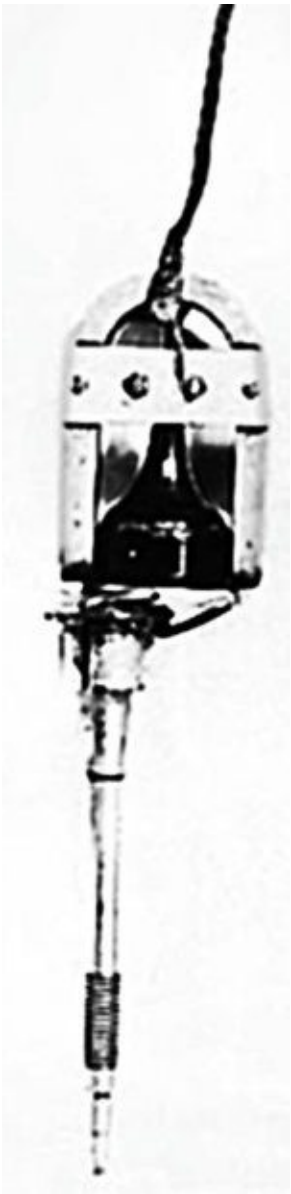

Бормашина с ножным приводом. Германия. 1910—1920-е гг.

Максимальная скорость, которую могли развивать ножные зубоврачебные машины, не превышала 2000 об./мин.

В конце XIX в. появились первые образцы бормашин с электрическим приводом. Первый патент на подобную бормашину был выдан жителю штата Мичиган Джорджу Грину (George Green) в 1875 г. В 1907 г. началось промышленное производство образца бормашин с электрическим приводом.

Одновременно с созданием бормашин в конце XIX – начале XX в. фирма «S.S. White» разрабатывала и производила наконечники для бормашин.

Бормашина с ножным приводом. Англия. 1890—1940-е гг. Бормашина с ножным приводом. Германия. 1910—1920-е гг.

Имелись варианты прямых наконечников, предусматривавшие возможность использования угловых насадок. Они изготавливались с различным углом наклона головки с бором (прямоугольные, остроугольные, тупоугольные и универсальные, обеспечивавшие возможность оперативного изменения угла наклона головки). Обеспечение выбора оптимального угла установки бора дало возможность врачу выполнять манипуляции в труднодоступных кариозных полостях.

Глава 2
Зубоврачевание в Киевской Руси и в Московском Царстве

Как государственное образование Киевская Русь сформировалась в IX в. Многие века восточные славяне были язычниками и только в конце X в. приняли из Византии, с которой имелись давние отношения, православие. Именно эти давние связи и обусловили особенности развития медицины на Руси. С одной стороны, это был многовековой опыт народной медицины, основанный на опыте языческих жрецов-травников, а с другой стороны, на Русь достаточно рано начали проникать фрагменты медицинских практик эллинистического мира.

После крещения Руси в конце X в. к славянам хлынул поток византийских специалистов самых разных профессий. Вне всякого сомнения, имелись среди них и медики, унаследовавшие знания эллинистической цивилизации. Уже в то время в летописях встречались упоминания о специалистах-медиках, которых именовали «лекарь», «лечец», «врач». Поскольку через Киевскую Русь проходил международный транзитный путь «из варяг в греки», соединявший Скандинавию с Византией, лекари на Руси имели возможность познакомиться со всеми достижениями зубоврачевания того времени. Кроме этого, на Руси при княжеских дворах практиковали врачи-иностранцы.

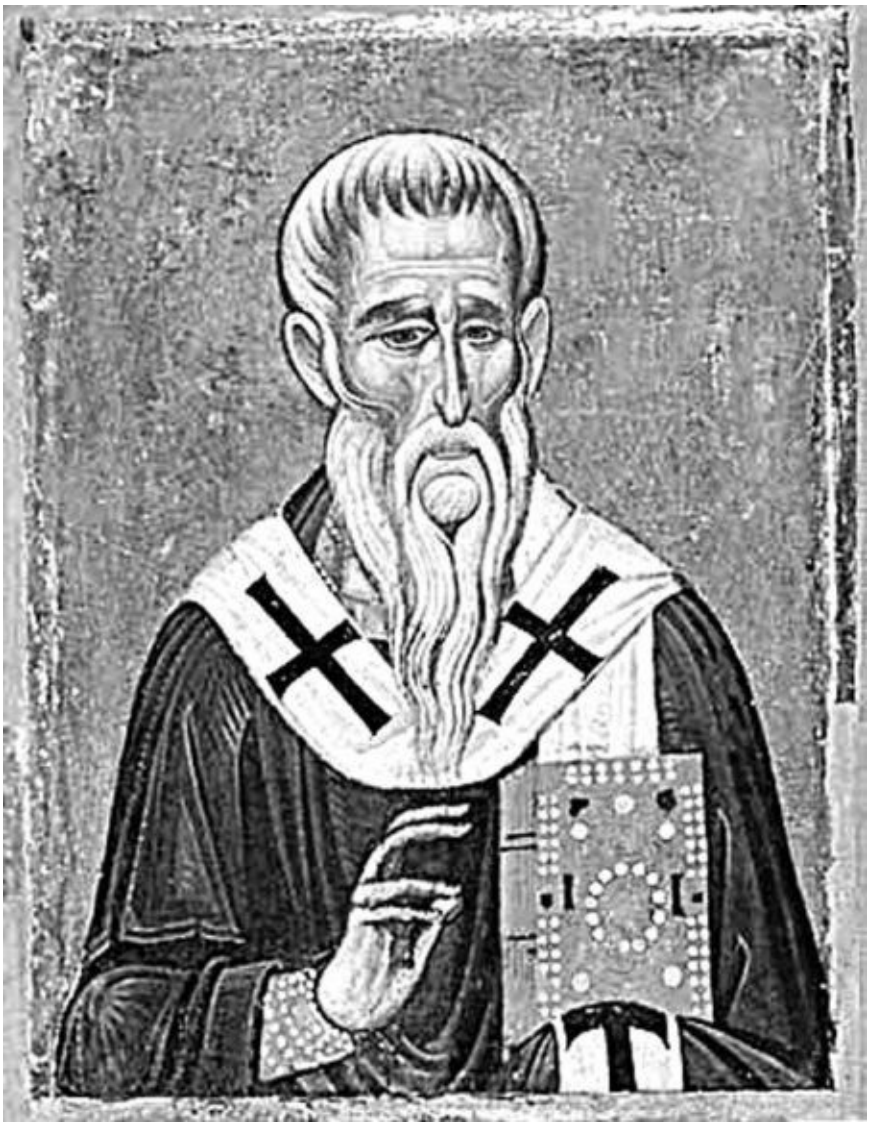

Зубной лекарь. Средневековая миниатюра

Во времена Киевской Руси в рамках традиционной знахарской медицины имелись целители, специализировавшиеся на лечении зубных болезней, их называли «зубоволоками». Как следует из названия, «зубоволоки», эта помощь носила радикальный характер, связанный с удалением, т. е. «зубоволочением», больного зуба. Имелись и традиционные консервативные методы лечения в виде полосканий, приготовленных из лечебных трав. Например, киевский лекарь Агапий (XII в.) для успокоения зубной боли применял в виде полосканий отвар белены черной, настойку касатика и др.

Православная церковь, активно вытеснявшая язычество во всех его проявлениях, не оставила в стороне зубные хвори и немедленно «определила» одного из своих святых в качестве покровителя всем страдающим зубными болезнями. Им стал святой Антипа. Это был епископ Пергамский, ученик св. апостола Иоанна Богослова, погибший во времена

раннего христианства эпохи римских императоров Нерона и Диолектиана. Погибая в раскаленном чреве медного быка, епископ просил о даровании ему благодати лечить людей в «неутешной зубной боли» (Ап. 2, 13). Со времен Киевской Руси бытовала и специальная «зубная» молитва, обращенная к св. Антипе [41].

Св. Антипа, епископ Пергама Асийского

Забегая вперед, отметим, что во времена Московской Руси появились и национальные святые, «специализировавшиеся» на исцелении зубной боли. Таковым считался митрополит Московский Иона (1390-е – 1461), которому еще при жизни приписывался дар исцеления от зубной боли [42].

В 1530-х гг. в Москве близ Кремля, в 400 метрах от Боровицкой

башни, возвели деревянную церковь св. Антипы (архитектор Алевиз Фрязин). В 1560-х гг. деревянную церковь заменили каменной. По легенде, в этом храме Иван Грозный венчался со своей очередной женой. Иван IV чтил этого святого, и среди его родовых моленных святынь имелся зуб св. «Онтипия Великого», окованный серебром.

Митрополит Иона Московский

«Специализация» святого привлекала в храм буквально «всю Москву». Здесь молились и цари, и вельможи, и простые горожане, просившие у св. Антипия «зубного» здравия. Царь Алексей Михайлович не раз хаживал на богомолье «к Антипию» с первого же года своего правления. Однажды он положил к образу чудотворца «два зубка серебряных». Связано это было с тем, что, по обычаю, к иконе св. Антипия подносились подвески с изображением зуба и с молитвой о здравии. Эта была общая для

православных и католиков традиция, когда иконы святых, «специализировавшихся» на том или ином заболевании, буквально обвешивались соответствующими «моделями» излеченных «органов».

Н.А. Найденов. Церковь св. Антипия на Колымажном дворе (1882 г.)

Возвращаясь во времена Киевской Руси, отметим, что народная медицина, восходящая к временам язычества, существенной частью которой были магические заклинания и заговоры, активно использовала эти приемы для лечения стоматологических больных. В качестве примера приведем несколько заговоров против зубной боли: «Как земляника эта засыхает и завядает, так чтобы у раба божия зубы замирали и занемели, чтобы черви и пути занемели, по сей день, по сей час»; «Месяц ты месяц, серебряные рожки, златые твои ножки. Сойди ты, месяц, сними мою зубную скорбь. Унеси боль под облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а

твоя сила могуча. Вот зуб, вот два, вот три. Все твои, возьми мою скорбь» [43].

Надо сказать, что когда начиналась нестерпимая зубная боль, то люди охотно обращались и к христианским, и языческим «методикам» лечения зубов. Так как язычество было тесно связано с силами природы, то исцеление от зубной боли связывалось с растительным и животным миром. Например, славяне верили в целебную силу дерева. Считалось, что ему можно отдать свою боль и взять его силу. Таким целебным деревом считался дуб.

Современный вид церкви св. Антипия в Москве

Методика лечения была следующей. При зубной боли в лесу отыскивали старый дуб, рядом с которым били ключи, сдирали с его веток кору и, вымочив ее в роднике, носили в ладанке. Другой вариант лечения – при зубной боли грызли дубовую кору.

В этой практике имелась своя рациональная составляющая: кора дуба, насыщенная танином, активно использовалась в народной медицине, так как отвар коры дуба обладает вяжущим, противовоспалительным и

противогнилостным свойствами. Лечебные свойства коры дуба обусловлены наличием дубильных веществ (пирогалловая группа), которые, взаимодействуя с белками, образуют защитную пленку, предохраняющую ткани от местного раздражения. Кроме того, дубильные вещества денатурируют протоплазматические белки патогенных микроорганизмов, препятствуя их развитию. В виде полоскания отвар коры дуба использовался при гингивитах, неприятном запахе изо рта, стоматитах, воспалении слизистой оболочки глотки и гортани, для укрепления десен.

Использование зубоврачебных методик греко-римской цивилизации на Руси имело и династическую составляющую. Так, внучка Владимира Мономаха Евпраксия-Зоя [44], вышедшая в 1122 г. замуж за византийского императора Алексея I Комнина (1056/1057-1118), занималась медициной. В Византии к ней относились с осторожностью, поскольку императрица (вскоре овдовевшая) тяготела «к магии и знахарству». Поводом к такому обвинению послужило то, что Евпраксия-Зоя умела лечить травами и обобщила свои знания по «врачебной хытрости» в написанном по-гречески трактате «Алимма» («Мази») [45]. При этом, как следует из текста трактата, славянская княжна и византийская императрица была знакома с трудами Гиппократа, Ибн-Сины и др.

Трактат состоит из пяти частей, в которых рассматриваются общие вопросы гигиены, содержатся краткие сведения по микропедиатрии, дерматологии, внутренним болезням. В четвертой части трактата – «Наружные болезни» – содержались рекомендации по натиранию мазями при «парше», болезнях зубов, кожи. [46]Уже в наше время этот медицинский текст перевели с древнегреческого языка и дважды издали на русском языке. [47]В трактате имеются сведения и по зубоврачеванию: описывается прорезывание зубов у младенцев и меры, которые при этом необходимо принимать, даются советы по устранению запаха изо рта, приводятся методы лечения различных заболеваний полости рта.

В числе этих советов следующие:

«…когда у ребенка начнется рост зубов, пусть ему намажут места вырастания зубов маслом из левкоев и воском или пусть натрут животным маслом, чистым и свежим, смешанным с сахаром»;

«…если же случится во рту и на языке жжение и жар, то, взяв три драхмы очищенной чечевицы, две драхмы сухих роз, по три драхмы сухого кориандра, семян портулака и шампиньона, половину драхмы камфары и растерев хорошо, сделай подобие дорожной пыли и натри во рту и на

языке»;

«…для того чтобы сделать зубы белыми, возьми по две драхмы жженых отрубей и белой соли, все это растерев хорошо, натри зубы»;

«…при качающихся зубах возьми по две драхмы клещевины, квасцов и кожуры гранатов, все это растерев и перемешав, натри корни зубов; воздерживайся от всякой очень острой пищи, от разгрызания миндаля, грецких орехов и фундука»;

«…при дурном запахе изо рта, растерев руту, положи ее в инжир и, изжарив, дай есть очень горячим»;

«при дурном запахе изо рта следует жевать блошиную мяту или семена сельдерея, или куманики, листья винограда или душистое вино» [48].

Кроме этого, в трактате славянской принцессы и византийской императрицы даны рекомендации по лечению «съеденных зубов»:

«…дряхлых десен и при кровоточащих зубах, при качающихся зубах, дурно пахнущих, гниющих и при всяком другом страдании зубов разотри с вином рог оленя, затем обмажь кругом шатающийся зуб, и он перестанет качаться»;

«…средство при сильнейших зубных болях: дикого винограда, перца, колотых квасцов, смолы – все это измельчить и принимать с виноградом без косточек и обмазывать кругом зубы»;

«при качающихся зубах и причиняющих боль: квасцы колотые и корни мыльнянки растереть и держать во рту пока боль не уймется или раскалить железо на огне, окунуть в уксус и этот уксус держать во рту и им полоскать. При болезни полости рта, при воспалении глотки растереть листья оливы и залить растительным маслом и смазывать. При потрескавшихся губах измельчить клещевину, смешав с медом, – намазывать»;

«…при трещинах на губах или на лице: олений мозг, мастику, растительное масло, белый воск, смешав, намажь – испытанное».

На Руси медицинские знания, в том числе стоматологического характера, обобщались в «Травниках». Несмотря на такое название, для оказания помощи стоматологическим больным рекомендовались средства самого широкого спектра – от растений до минералов. Например, славяне были знакомы с язвенными стоматитами, для лечения которых они использовали мед: «Мед пресной исцеляет прыщи ртяные, аще им помазуем». Сегодня всем известно, что мед обладает ранозаживляющими свойствами. В тех же целях применялся хрен: «Хрен толчон и варен в уксусе и тем рот полощем, тогда язвы ртяные от того заживут». В хрене фитонциды обладают высокой антибактериальной активностью. При

лечении гингивитов и глосситов применялся и подорожник (попутник): «Сок попутника травы, аще рот тем полощем, болесть зубная и оток (отек) от того перестанет и язвы на языке заживут».

Пытались тогда лечить и кариес. Причиной этого заболевания как в Европе, так и в Азии считали «зубного червя». Для его изгнания рекомендовали растущую в долине Москвы-реки черную чемерицу [49]: «Черныя чемерицы корень вари в воде и тем рот полощем, болезнь зубную уймет, десны укрепляет и черви из зубов от того полоскания выпадут». Из других растений активно рекомендовался чистотел: «Корень селидониевы травы аще во рту жуешь, всякую болезнь зубную уймет».

Любопытны рецепты минералов, которые также использовались в стоматологической практике, например, использовали селитру и квасцы. Как известно, они обладают вяжущими и противовоспалительными свойствами: «Возьми селитры перепущенной и с водою варить, да туда же прибавить квасцов сженых, да масла коровья и, сваря, держать горяче во рте». Рекомендовались и такие ингредиенты, как жженые рога козы, которые также использовались при болезнях зубов и полости рта. [50]

Таким образом, на Руси длительное время соседствовали методы лечения зубов, представленные знахарской, народной медициной, восходящей своими корнями к временам язычества, так и научной медициной, представленной врачами-«эллинами», унаследовавшими знания греко-римской цивилизации.

Зубы периодически болят у всех. При этом социальный статус и материальные возможности позволяют решать возникающие стоматологические проблемы на различном профессиональном уровне. По определению, предполагается, что первых лиц страны лечат профессионалы высочайшего уровня, располагающие всем доступным инструментарием и оперирующие самыми современными методиками лечения. Так обстоит дело сегодня, так было и «при царях». Начиная с XVII в., в штате Аптекарского приказа, а затем в структурах Придворной медицинской части Министерства Императорского двора значились «зубные врачи», или «дентисты», которые по должности лечили первых лиц империи. Однако как обстояло дело с «зубными проблемами» у великих князей и московских царей в XVI–XVII вв. и как велась профилактика стоматологических заболеваний в их повседневной жизни, известно крайне мало.

Великий князь Иван III Васильевич

После того как великий князь Иван III Васильевич закончил собирание русских земель вокруг Москвы, придворная медицина, в том числе и стоматологического характера, вышла на новый уровень. Во многом это связано со второй женитьбой великого князя на византийской принцессе Софье Палеолог в 1472 г.

Наряду с итальянскими архитекторами, перестроившими Московский Кремль, на Русь для работы при дворе великого князя стали выезжать и европейские медики. К 1483 г. относится упоминание об иноземном враче

Антоне Немчине, которого Иван III «держал в большой чести». В 1490 г. упоминается другой иноземный лекарь – «мастер Леон» из Венеции [51].

Преобладание итальянской врачебной компоненты связано с тем, что Софья Палеолог выросла в Риме при дворе папы римского Павла II. А поскольку врачи того времени были универсалами с отчетливой хирургической специализацией, то можно утверждать, что упомянутые врачи-иноземцы оказывали великому князю и членам его большой семьи и зубоврачебную помощь. Добавим, что ответственность врачей за результаты лечения тогда была очень высока. Так, приехавший в Москву по приглашению Софьи Палеолог врач Леон был казнен, поскольку не сумел вылечить сына Ивана III: «И того лекаря Леона… князь велики поимати и после сорочин сына своего… повеле казнити, головы ссечи. И ссекоша ему головы на Болвановьи» [52].

Отметим, что подобная жесткая практика была характерна не только для Руси. Врачей, особенно «приглашенных», частенько казнили и в Европе не только за неудачный исход лечения или за смерть их пациента, но и для того, чтобы не допустить утечки информации о недугах правящей особы. Судя по летописной фразе, лекарь Леон прекрасно представлял последствия своей неудачной медицинской практики в стенах Московского Кремля. Поэтому он и бежал, а после его поимки великий князь приказал «головы ссечи». Такие тогда были «гонорары».

Перечисленные врачи не состояли в придворном штате великого московского князя Ивана III. Их только приглашали в Кремль по мере надобности. Но поскольку в то время смерть от яда была самым обычным делом (итальянцы – большие знатоки этого направления фармакологии), такая «безнадзорность» ученых врачей была просто опасна для первого лица. Поэтому уже при Василии III Ивановиче (1505–1533) врачей начали включать в придворный штат с соответствующим жалованьем и жестким присмотром за всеми их неслужебными контактами. С этого времени придворные врачи лечили только семью великого князя и его ближайшее окружение.

Великий князь Василий III Иванович (миниатюра из «Царского Титулярника»)

Особым расположением великого князя пользовался немецкий врач из Любека Николай Бюлов (в России его также называли Николай Булев), которого императорский посол Франциск ди Коло, посетивший Москву в 1518 г., назвал «профессором медицины, астрологии и других основных наук». Отметим, что Бюлов с 1490-х гг. работал в Новгороде и к моменту занятия должности придворного врача хорошо знал русский язык. Торговавший с Русью через Новгород Ганзейский союз проложил «маршруты» проникновения в Россию для многих европейских специалистов, в том числе и врачей.

Поскольку со времен Ивана III Московское царство начинает

экспансию на запад, то периодически во время военных кампаний в плен к русским попадали врачи, продолжавшие работать «по специальности», но уже в Москве. Таким специалистом был врач Феофил (Теофил), уроженец Любека, взятый в плен во время похода на Литву в 1515 г. Как отмечал Н.М. Карамзин: «Иностранцам с умом и дарованием легче было тогда въехать в Россию, нежели выехать из нее». Упомянутые врачи проработали в Москве долгие годы – Николай Бюлов, по крайней мере, до смерти Василия III в 1533 г., а Феофил упоминается в 1537 г. [53]

При Иване IV Васильевиче (1533–1584) при царском дворе появляются первые врачи-англичане. Это связано с установлением дипломатических отношений с Англией в 1553 г. и началом личной переписки царя и английской королевы Елизаветы (1533–1603). Когда в феврале 1557 г. в Лондон прибыл русский посол Осип Непея, он среди прочих специалистов пригласил на русскую службу английского врача Ральфа Стэндиша. Это был молодой квалифицированный врач, о чем свидетельствует его послужной список [54]. В апреле 1557 г. русское посольство отправилось в обратный путь. Среди грузов на корабле разместили и сундук с лекарственными принадлежностями, которые сопровождал аптекарь Ричард Элмес.

Первого в России английского врача, доктора медицины Ральфа Стендиша, приняли в Москве в сентябре 1557 г. с большим почетом, Р. Стендиш получил в подарок 70 рублей, коня и шубу, подбитую соболями. Вместе с другими англичанами он несколько раз принимал участие в царских пирах.

Английский доктор пробыл в России около двух лет, однако сведений о характере его медицинской практики на Руси практически не имеется. Но можно с уверенностью предположить, что он был вхож в Московский Кремль, где лечил членов семьи Ивана Грозного. На время пребывания в Москве Ральфа Стендиша пришлась смерть царевны Евдокии (июнь 1558 г.), в ноябре 1559 г. опасно заболела царица Анастасия (умерла в августе 1560 г.). Тогда же, в декабре 1559 г., английский врач Ральф Стендиш и умер в Москве (его завещание вступило в силу 24 декабря 1559 г.). С учетом судьбы врача Леона из Венеции, казенного за неудачное лечение, и особенностей характера Ивана IV Васильевича, английский врач вполне мог быть казнен.

Видимо, английским врачам стала известна судьба Ральфа Стендиша, поэтому, когда зимой 1566/67 г. английский посол А. Дженкинсон попытался найти для московского царского двора нового английского

врача, желающих среди дипломированных медиков не оказалось. И это при том, что Иван IV гарантировал «великие милости» и возможность свободного выезда на родину.

В.М. Васнецов. Царь Иван Васильевич Грозный. Фрагмент. 1897 г.

Видимо, в силу сложившейся ситуации предложение Ивана Грозного принял недоучившийся студент Ричард Рейнольдс (ок. 1529–1606). [55]В мае 1567 г. он отправился в Россию. Груз лекарственных товаров сопровождал аптекарь Томас Карвер. Чем Р. Рейнольдс занимался в Москве целый год – неизвестно. Но Иван Грозный сдержал слово, и грамота, дозволявшая английскому врачу выезд на родину, была составлена в Москве 1 апреля 1568 г. Перед выездом в Англию Рейнольдс получил от царя вознаграждение в 200 рублей.

Судя по всему, этой «спецоперацией» Иван Грозный хотел дать понять иноземным медикам, что в Москву можно приезжать без всяких опасений за свою судьбу. Именно поэтому и был щедро одарен не имевший законченного медицинского образования «вечный студент» Рейнольдс.

Так был создан прецедент, в результате которого фигура врача-иностранца стала совершенно обычной в Московском Кремле. В 1568 г. по просьбе Ивана IV, обращенной к английской королеве Елизавете, в Москву прибыл доктор Арнульф Линсдей. По сведениям современников, к этому доктору Иван Грозный «великую любовь всегда показывал и кроме него лекарств ни от кого не принимал». Умер доктор трагически: во время ужасающего пожара Москвы, вызванного набегом крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г., он задохнулся в погребе.

В литературе имеются упоминания о визите в Москву врача Ричарда Ригерта (1569 г.), но самую скандальную известность приобретает голландский доктор, выпускник Кембриджа Елисей Бомелий (Элизиус Бомелиус) [56], которого в России считали колдуном. В декабре 1569 г. английская королева позволила Бомелиусу выехать в Россию. Несмотря на популярность в Англии Бомелиуса как врача, он практиковал без надлежащего диплома и лицензии, поэтому в июне 1570 г. его доставили на корабль русского посла буквально из тюремной камеры.

Бомелиус оказался востребованным при дворе Ивана Грозного, поскольку в числе прочего занимался составлением ядов замедленного действия. Известно также, что он 26 июня 1571 г. проводил медицинский осмотр царских невест, включавший визуальный анализ урины. Видимо, Бомелиус вплоть до 1575 г. пользовался доверием Ивана Грозного. Впрочем, верности Бомелиуса способствовало и то, что его жена и дети тоже находились в Москве. В октябре 1575 г. Бомелиус отправился за лекарствами в Ригу. Эта поездка была воспринята как побег. Врача сумели схватить в дороге и доставить обратно в Москву. В ходе страшных пыток Бомелиус скончался, оставив по себе славу «волхва лютого».

Несмотря на этот эпизод, в Россию продолжали приезжать новые врачи и аптекари из Англии – доктор Роберт Якоби и аптекарь Джеймс Френчам (в России его звали Яковом Астафьевым). И таких примеров имеется довольно много.

Для нас важно то, что все эти медики, в том числе и хирурги, были в состоянии радикальными методами решать возникающие стоматологические проблемы русских царей и их ближайшего окружения. К ним можно отнести специализировавшегося в хирургии и аптекарском деле Ричарда Элмса (1557 г.). При всем этом московские цари захаживали и

к св. Антипию, снимая зубную боль молитвами, т. е. соматическими методиками.

В 1581 г. на территории Московского Кремля открыли царскую аптеку – первую государственную аптеку России. Ее создание связывают с именем английского аптекаря Джеймса Френчама, служившего при Московском дворе вплоть до смерти Ивана Грозного в 1584 г. Еще раз отметим, что аптека находилась в Кремле, в палатах напротив Чудова монастыря и Кремлевских соборов. По свидетельству современников, помещения аптеки были роскошно обставлены.

Уличный зубной лекарь

Зубные лекари

Лекарства для нее либо доставлялись из-за границы, либо смешивались из «импортного сырья» на месте. Среди заморских лекарств, имевшихся в аптеке, упоминаются опий, камфара, александрийский лист и др. Некоторые из них, имевшие наркотическую составляющую, вполне могли использоваться для обезболивания при зубоврачебных операциях.

Интерьер средневековой аптеки.
Музей фармацевтики. Краков

Имелись в царской аптеке и традиционные лекарственные растения из арсенала русской народной медицины – валериана, змеев корень, чернобыльник, медвежье ухо, земляной дым, дикая греча, можжевеловые ягоды, земляника, солодковый корень и др. Уже тогда лекарственные травы начинали выращивать на специальных «аптекарских огородах». Один из них находился буквально под стенами Кремля, «между Боровицкими и Троицкими воротами и слободой стрелецкого полка», т. е. в районе современного Александровского сада. Все эти наработки, собственно, и стали основой для создания Аптекарского приказа.

О степени распространения и востребованности медицинских знаний свидетельствует появление «Домостроя» – известного памятника древнерусской литературы XVI в. Любопытно, что авторство приписывают монаху Сильвестру, входившему вплоть на начала 1560-х гг. в ближайшее окружение Ивана IV. По преданию, эту книгу Сильвестр написал для молодых супругов – 17-летнего Ивана IV Васильевича и 15-летней

Анастасии. Это была настоящая энциклопедия семейной жизни, в которой нашлось место и для рекомендаций по зубоврачеванию.

Интерьер европейской аптеки. XVIII в.

Например, там рекомендовалось есть кислую капусту для укрепления слабых десен и профилактики цинги. Указывалось на целебные свойства настойки из сельдерея: «…той же настойкой рот полощи, гнилой запах она изо рта уберет, десны укрепит и зубную боль излечит»; о соке шиповника: если полоскать им рот, то он «выведет болезнь из десен»; о толченых ягодах шиповника: «…ими десны и зубы натирай, и оттого болезнь выйдет» [57].

Фермер у зубного лекаря. Джон Лисс (Johann Liss). 1615.

В XVII в. в Московском царстве появились другие сочинения с советами по семейной жизни, включавшими и рекомендации по уходу за полостью рта. Например, женщинам рекомендовалось чистить зубы «корою дерева горячего и терпкого и горького на язык шкнутого (жесткого)». В педагогических сочинениях особо указывалось, что чистить зубы для белизны квасцами или солью, а тем более порохом («яко же творят жены») – «деснам вредно есть», но в то же время предлагалось вычищать остатки пищи «косточками из курячих голенен» (зубных щеток и зубочисток тогда на Руси не знали).

Поскольку «лицевая чистота» даже без «углаждения» специальными

притираниями почиталась «украшением лица женского», то и в простых семьях женщины по утрам непременно «измывали себя». Женщины, страдающие дерматитами, могли смешивать при умывании «мыльну траву» с чистотелом («корень истолокши класть в мыло – лице будет чисто и бело»). [58]

Таким образом, к середине XVI в. в Москве сложилась практика, что царя и его семью лечили врачи-иностранцы. Собственно зубных врачей среди них не было, как их не было даже на этом уровне власти и в Европе, а возникающие проблемы полости рта решали хирурги. Консервативное лечение зубов во всем его многообразии обеспечивали не только аптекари, но и знахари, которых тоже периодически приглашали в Кремль. Имена этих врачей иностранцев нам известны.

Врачи Рюриковичей

Московские князья и цари	Врачи	Годы пребывания в России	Страна
Иван III	Антон Немчин	1483–?	Германия?
	Мастер Леон	1490–?	Италия
Василий III Иванович	Николай Бюлов	1505–1533	Германия
	Феофил (Теофил)	После 1515–1537	Германия
	Марко	После 1520	Греция

Иван IV Васильевич	Ральф Стендиш	1557–1559	Англия
	Ричард Элмс (хирург, аптекарь)	1557–?	Англия
	Томас Карвер (аптекарь)	1567–571	Англия
	Арнульф Линдсей	1568–1571	Англия
	Аренд Клаузин (аптекарь)	?	Голландия
	Николай Броун (аптекарь)	?	?
	Ричард Рейнольдс	1567–?	Англия
	Ричард Ригерт	1569–?	Англия
	Элизий Бомель	1570–1579 (казнен)	Англия
	Роберт Якоби	1581–1584	Англия
	Джеймс Френчам (аптекарь)	1581–1584	Англия
	Паоло из Милана	1581–1600 (?)	Италия
	Иоганн Эйлоф	1581–1584	Голландия
Федор Иоаннович	Роберт Якоби (вторично)	1586–?	Англия

Возникает вопрос, имеются ли объективные данные, позволяющие оценить состояние зубов царственных особ? Как это ни странно: и да, и нет. Да, в том плане, что царские захоронения не единожды вскрывались и имеются реконструкции облика московских царей и цариц, выполненные по методу академика М.М. Герасимова. Следовательно, у исследователей-антропологов имелись все возможности оценить состояние полости рта усопших. Однако данные на этот счет носят фрагментарный характер, и появились они сравнительно недавно.

Говоря о состоянии зубов первых лиц времен Московского царства, следует иметь в виду несколько факторов. Во-первых, возраст, до которого доживали цари и царицы. Во-вторых, известные нам заболевания первых лиц, в том числе наследственные. В-третьих, распространенные в то время заболевания, которые могли спровоцировать те или иные проблемы

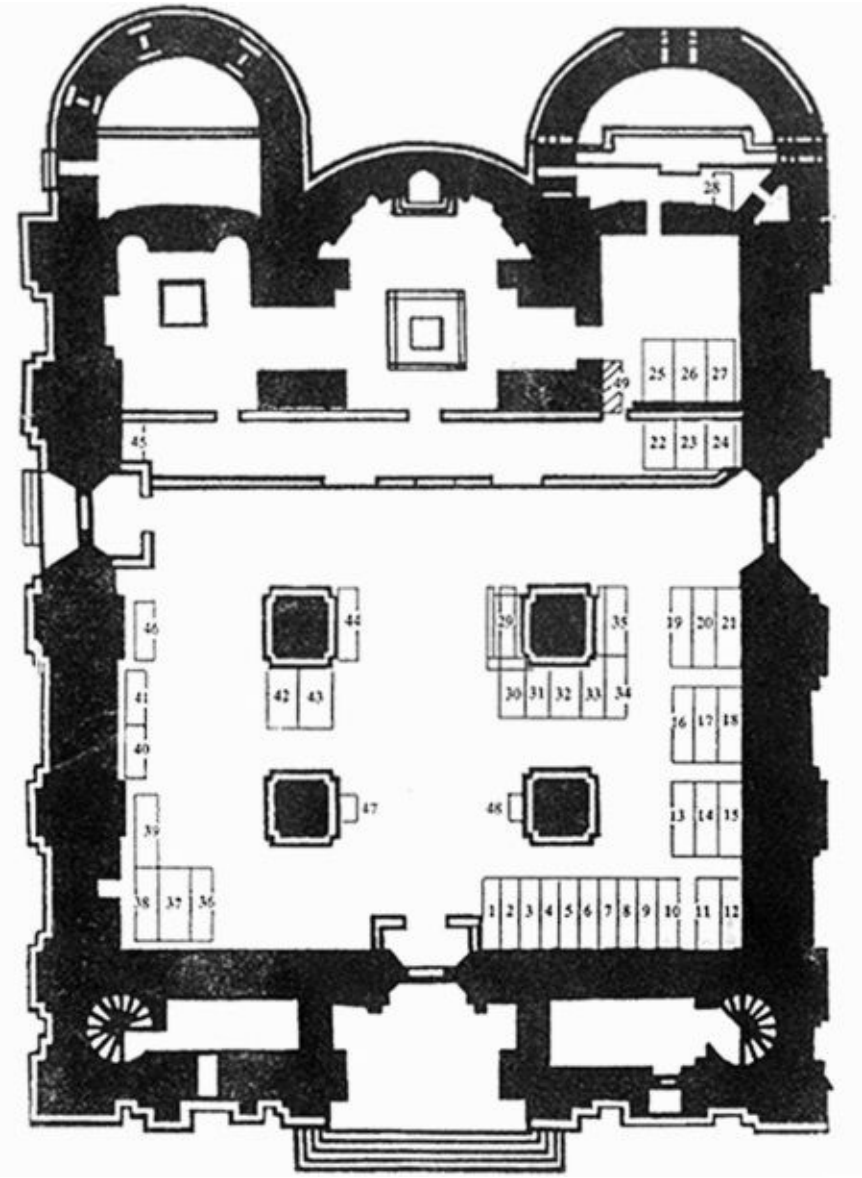
полости рта. Итак…

Возрастная характеристика московских царей и цариц XV–XVI вв. (Рюриковичи)

Великие князья и цари	Возраст на момент смерти	Великие княгини и царицы	Возраст на момент смерти
Иван III Васильевич	65 лет	Мария Борисовна	25 лет
		Софья Палеолог	50–60 лет
Василий III Иванович	54 года	Соломония Собурова	52 года
		Елена Глинская	25–27 лет
Иван IV Васильевич	53 года	Анастасия Романовна	ок. 30 лет
		Мария Темрюковна	ок. 24 лет
		Марфа Собакина	ок. 20 лет
Федор I Иоаннович	40 лет	Ирина Годунова	ок. 45 лет

Если говорить о московских царях-рюриковичах, среди них было три «долгожителя» (65,54 и 53 года) и болезненный Федор Иоаннович, умерший в 40 лет. Все они либо в силу возраста, либо в силу хронических заболеваний имели те или иные стоматологические проблемы.

В 1963 г. по инициативе академика М.М. Герасимова вскрыли несколько захоронений в соборах Московского Кремля. Все внимание, конечно, привлекало захоронение Ивана Грозного, но «попутно» вскрывались захоронения и его сыновей – Ивана (28 марта 1554 – 19 ноября 1581) и Федора (11 мая 1557 – 7 января 1598). При этом только череп Ивана Грозного подвергался антропологическим исследованиям, были сделаны его фотографии и точный слепок. Результатом этой работы стала блестящая реконструкция облика Ивана IV Васильевича.

План Архангельского собора Московского Кремля с указанием захоронений

Для этой работы была очень важна сохранность черепа царя. Оставляя в стороне дискуссию о том, была ли смерть царя насильственной или естественной, заметим, что 53 года Ивана IV для XVI в. – возраст достаточно преклонный. В опубликованных исследованиях констатируется, что череп Ивана IV «хорошо сохранился» [59]. К сожалению, авторам не удалось найти опубликованных протоколов, в которых имелась бы какая-либо объективная информация о состоянии зубов царя. Как это ни странно, но в опубликованных материалах судебно-медицинских экспертов нет ни

слова о состоянии зубов Ивана Грозного [60]. Однако есть фотографии, где хорошо видно, что зубы царя, при всех его хронических заболеваниях, находились в удовлетворительном состоянии.

Исследование останков Ивана Грозного показало, что в последние шесть лет жизни у него развились остеофиты [61](солевые отложения на позвоночнике), причем до такой степени, что он уже не мог ходить – его носили на носилках. Как отмечал обследовавший останки академик М.М. Герасимов, он не видел таких мощных отложений и у самых глубоких стариков. Вынужденная неподвижность, соединившись с общим нездоровым образом жизни, нервными потрясениями и пр., привела к тому, что в свои 50 с небольшим лет царь выглядел дряхлым стариком. Но при этом, повторим, состояние зубов у 53-летнего царя было вполне удовлетворительным.

Останки царя Ивана IV Васильевича

М.М. Герасимов также отмечал: «Рот с его опущенными углами и выступанием нижней губы определяется линией смыкания зубов и смешанным ступенчато-щипцеобразным прикусом» [62]. М.М. Герасимов полагал, что форма рта и губ зависит от формы и величины зубов, строения челюсти, характера прикуса и степени выступания челюстей. Сотни измерений и сопоставлений показали, что величина красной каймы губ близка к высоте эмали среднего резца, рисунок разреза рта повторяет рисунок смыкания зубов, а ширина ротовой щели равна расстоянию между внешними сторонами вторых коренных зубов верхней челюсти.

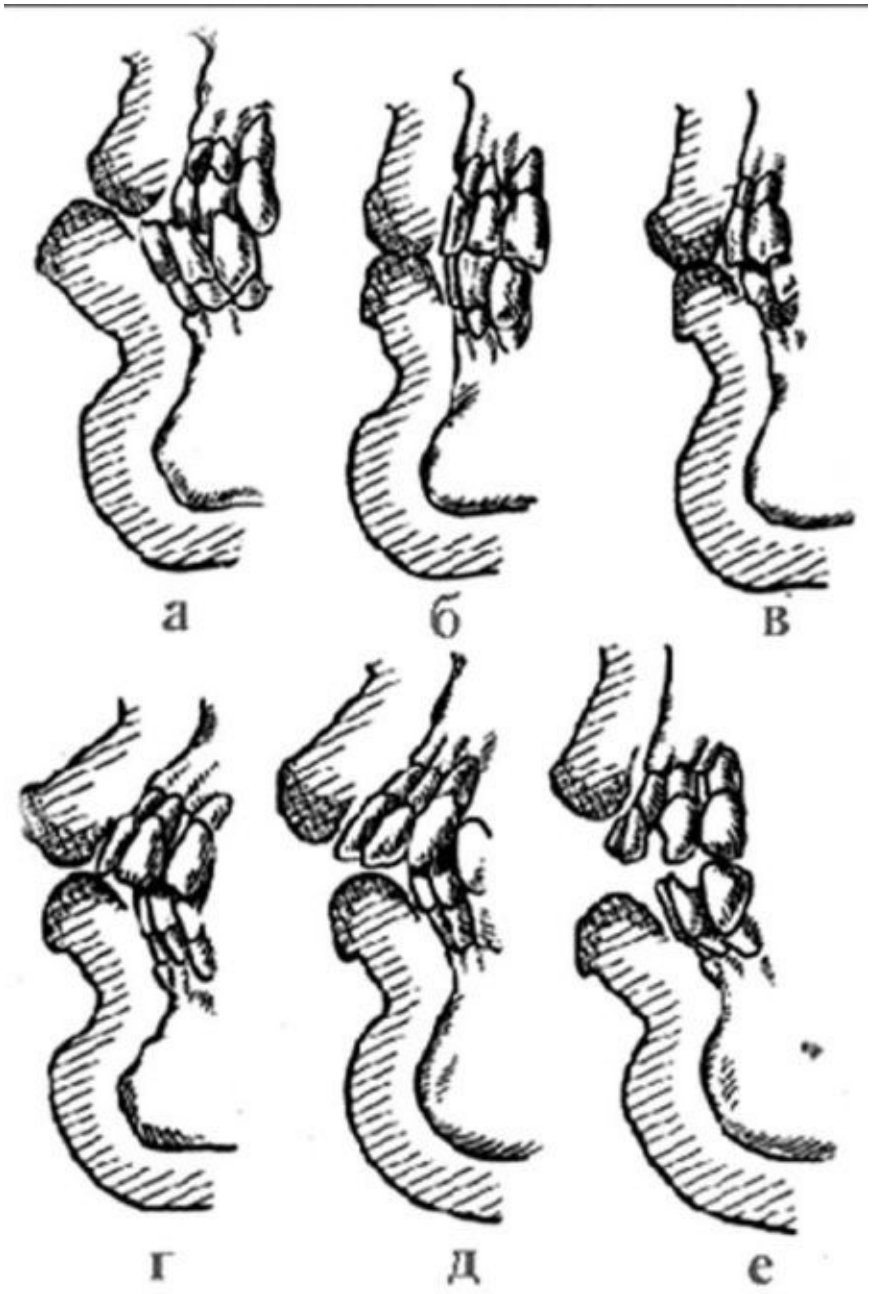

Череп царя Ивана IV Васильевича

Скульптурный портрет царя Ивана IV Васильевича. Реконструкция Герасимова. 1964 г. Музеи Московского Кремля

Черепа сыновей Ивана Грозного сохранились значительно хуже. Причиной их разрушения послужили, по мнению антропологов, каменные «подушки-изголовья» (6–8 см высотой), устроенные в каменных саркофагах. Весной талая вода скапливалась в гробах, перекрывая все захоронение, а в сухое время года, обогащенная солями кальция, она медленно испарялась. Поскольку черепа во всех захоронениях занимали самое высокое положение, то при испарении влаги соли кальция концентрировались и кристаллизовались в костях черепа, механически разрывая их структуру [63].

Основные типы прикуса зубов по М.М. Герасимову. Кунсткамера

Что касается многочисленных жен Ивана Грозного, то все они умерли в довольно молодом возрасте. Если царей хоронили в Архангельском соборе Московского Кремля, то цариц – в Воскресенском соборе. Когда в 1929 г. приняли решение об уничтожении храма, сотрудники кремлевских музеев перенесли тяжеленные саркофаги и останки цариц в подвальную палату Архангельского собора, где они находятся по сей день.

И.Е. Репин. Иван Грозный и его сын Иван. 1884 г.

Тогда захоронения вскрывались, но фиксация проводилась только искусствоведческая, без антропологической составляющей. Времени на это тогда просто не было.

Царь Федор Иоаннович

В 1993 г. в Архангельском соборе Московского Кремля начались исследования женских захоронений. В этом случае огромное значение придавалось именно антропологической составляющей, поскольку требовалось не только по возможности реконструировать внешний облик московских цариц, но и уточнить причины их смерти.

Перенесение саркофагов великих княгинь и московских цариц в 1927 г. перед разрушением Вознесенского монастыря. Московский Кремль

При вскрытии саркофага Софьи Палеолог в декабре 1993 г. в ходе исследования ее скелета, в числе прочего, установили, что череп великой княгини хорошей сохранности. В протоколе констатируется: «Кости черепа коричневого цвета, почти полностью подсохшие… На верхней челюсти вместе с отсутствующими фрагментами альвеолярного отростка отсутствуют 7 и 8 зубы справа, 5–8 зубы слева (на месте 5 зуба имеется лунка, покрытая беловатым налетом). *Остальные зубы на обеих челюстях в наличии*(курсив наш. – Прим. авт.). Зубная эмаль местами выкрошена. 8 нижний зуб справа с кариозной полостью на передней поверхности» [64]. Также исследователи установили, что «по степени зарастания швов и степени изношенности зубов биологический возраст может быть определен в пределах 50–60 лет» при росте «примерно 160 см». Таким образом, к 60 годам великая княгиня утратила 6 зубов, сохранив все остальные. При этом исследователи отметили только единичный след кариеса.

Софья Палеолог. Реконструкция

Далее в протоколе указывается: «Обнаруженные при исследовании скелета гребневидное разрастание кости на смежных краях 2 и 3 поясничных позвонков и шишковидные костные наросты на внутренней стороне чешуи лобной кости (внутренний фронтальный гиперостоз) свидетельствуют о том, что у Софьи Палеолог имел место диффузный идиопатический скелетный гиперстоз, обусловленный, наиболее вероятно, гормональными нарушениями. Подобное заболевание проявляется в виде ожирения, появления усов и волос на подбородке, огрубления черт лица» [65].

Все эти данные легли в основу реконструкции внешнего облика великой княгини Софьи Палеолог, проведенной по методу академика М.М. Герасимова.

Погребение Анастасии (миниатюра Лицевого летописного свода)

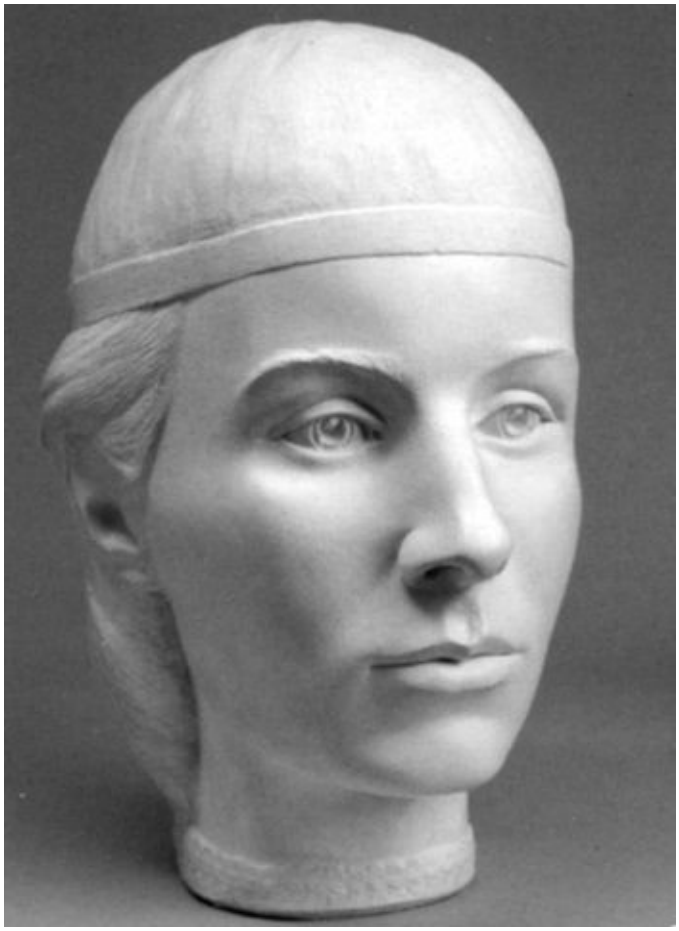
В начале 1994 г. вскрыли захоронение первой жены Ивана Грозного – царицы Анастасии. Исследователи уверенно заявили, что жену царя отравили. Череп царицы оказался не пригоден для реконструкции, но верхняя челюсть уцелела. В протоколе зафиксировано: «Верхняя челюсть полностью отделена, на ней отсутствуют центральные резцы, левый боковой резец и левый клык. Отмеченные зубы обнаружены в прахе под черепом… По степени зарастания швов и степени изношенности зубов (верхней челюсти) ориентировочный биологический возраст может быть определен в пределах 25–30 лет» [66].

При вскрытии в 1994 г. захоронения второй жены Ивана Грозного – Марии Темрюковны обнаружили скелет, завернутый в саван. Но череп

царицы плохо сохранился, поэтому восстановить ее скульптурный портрет оказалось невозможным. Прекрасно сохранилась лицевая часть черепа третьей жены Ивана Грозного – Марфы Собакиной, поэтому удалось воссоздать ее достоверный скульптурный «портрет». Стоматологической составляющей протокола авторам обнаружить не удалось. Однако не приходится сомневаться, что у молодой красавицы, прошедшей жесткий отбор царских невест и умершей от отравления сразу же после свадьбы, с зубами все было в порядке.

Марфа Собакина. Реконструкция

Елена Глинская. Реконструкция

Фрагментарно сохранился скелет матери Ивана Грозного – великой княгини Елены Глинской. При вскрытии ее захоронения выяснилось, что из всех отделов скелета только череп серьезно пострадал от влажности и солей, выделенных саркофагом. Но лицевой отдел черепа и нижняя челюсть хорошо сохранились, что позволило реконструировать ее внешний облик. Исследователей интересовал возраст великой княгини, поэтому в литературе попутно упоминается об очень хорошем состоянии зубной и скелетной систем, свидетельствующих о молодом возрасте княгини.

Правда, зубы княгини, несмотря на прекрасное состояние, были довольно неровными. Основываясь на этих данных, определили предположительный год рождения Елены Глинской – около 1510 г. Проведенные исследования позволили точно установить факт отравления великой княгини. Фоновый уровень был превышен по многим элементам – меди (в 2 раза), цинку (в 3 раза), свинцу (в 28 раз), мышьяку (в 8 раз) и селену (в 9 раз).

Таким образом, имеющиеся скудные материалы проведенных исследований позволяют утверждать, что зубы у членов царской семьи в целом были в удовлетворительном состоянии.

Конечно, все претендентки в царские жены проходили всесторонний «медицинский осмотр». Именно здоровье и красота были главными факторами отбора. Хорошие, красивые зубы были частью этого медицинского осмотра. Кроме этого, на «кастинги» царских невест отправляли девушек в возрастном диапазоне от 14 до 17 лет (хотя бывали отклонения и в ту, и другую сторону). В этом возрасте зубы, как правило, находятся в хорошем состоянии. Кстати, «кастинги» – это не шутка. Василий III Иванович (1505–1533) выбирал жену из полутора тысяч претенденток. Такой же размах смотрин был и у Ивана Грозного (1533–1584). У Федора Алексеевича (1676–1682) на первых смотринах было 12 кандидаток, а на вторых – 19 потенциальных невест [67].

Версий, связанных с удовлетворительным состоянием зубов не только средневековой аристократии, но и простолюдинов, множество. Мы сошлемся на исследования специалистов-антропологов, осматривавших средневековые захоронения в Европе. Они отмечали прекрасную сохранность зубов даже крестьян-простолюдинов: «Специалисты из университета немецкого города Виттен под руководством профессора Вольфганга Арнольда исследовали останки деревенских жителей, погребенных в период с V по IX век н. э. Ученых ждало удивительное открытие – оказывается, средневековые крестьяне могли похвастаться великолепными зубами, невзирая на полное отсутствие средств профилактики кариеса… Ученые склонны объяснять этот феномен тем, что в те далекие времена люди питались в основном сырыми овощами и кашами, сваренными на воде. Грубая пища предполагала длительное пережевывание, поэтому зубы средневековых крестьян постоянно укреплялись от такой своеобразной тренировки».

И.Е Репин. Выбор невесты Михаила Федоровича

Г.С Седов. Выбор невесты Алексеем Михайловичем. 1882 г. ГТГ

Последний из Рюриковичей – царь Федор Иоаннович – был хронически больным человеком. Патологии наследственного характера, завезенные в Москву Софьей Палеолог, проявились на ее внуках и правнуках в полной мере. Англичане оставили такие описания внешности царя, что исследователи только спорят по поводу степени несомненной психической неполноценности Федора Иоанновича. Например, английский посол Флетчер характеризовал 32-летнего царя как малорослого и болезненного «недоростка, расположенного к водянке, с неровной старческой походкой от преждевременной слабости в ногах».

Среди его врачей упоминаются Павел Миланский, англичанин Роберт Якоби (1586–1588 гг.), голландский врач Болдуин Хаммей. В 1594 г. английская королева Елизавета направила в Москву врача Марка Ридли. Поток английских врачей на некоторое время прерывается после смерти Федора Иоанновича, когда на русскую службу не был принят доктор Виллис. Выпускника Оксфордского университета «экзаменовал» дьяк Василий Щелкалов, которого ответы Виллиса категорически не устроили, и

врача отправили обратно на родину. Отметим, что В. Щелкалов, будучи дипломатом и управленцем, никакого отношения к медицине не имел, однако он терпеть не мог англичан (и не без оснований) и последовательно боролся против их влияния, особенно в сфере торговли.

Жена царя Федора Иоанновича – Ирина Годунова, как и все царицы, была погребена в Вознесенском монастыре московского Кремля. Ее захоронение также вскрывалось при перенесении в Архангельский собор.

Повторное вскрытие захоронения Ирины Годуновой проводилось в 2001 г.

Исследования показали, что царица страдала заболеванием, возможно, наследственного характера, которое привело к значительной патологии костных тканей, что сказалось на опорно-двигательном аппарате этой еще не старой женщины. В последние годы жизни ей, вероятно, было трудно ходить [68]. Есть мнение, что обострению болезни могли способствовать и суровые условия жизни в монастыре, куда она ушла после смерти мужа – холодные каменные палаты, аскетизм монашеского бытия. Патология в области таза повлияла на способность вынашивать детей. Состояние черепа позволило выполнить реконструкцию внешнего облика царицы. Но данных о состоянии зубов царицы в опубликованной литературе не имеется.

Ирина Годунова. Реконструкция

Необходимо сказать несколько слов о канонах женской красоты, бытовавших в XVI–XVII вв. Естественно, стандарты красоты в то время были очень далеки от современного стиля «унисекс». Красивыми считались крупные девушки с широкими бедрами и высокой грудью. Такие девушки могли родить здорового и далеко не единственного ребенка. Такие девушки в крестьянских семьях ценились как хорошие работницы.

Худоба и бледность считались проявлениями болезненности, «худого поведения» – «нехороших излишеств» и даже разврата. В некоторых церковных текстах слова «бледная» и «блядная» (развратная) использовались как однокоренные. Поэтому девушки астенического телосложения активно использовали многослойность в одежде, позволявшую им скрыть «позорную» худобу.

Для того чтобы пополнеть, использовались и экстремальные «методики». Врач царя Алексея Михайловича Самуил Коллинз упоминал, что «худых женщин в боярских семьях часто спаивают, следуя варварскому обычаю лежа поить водкой, чтобы женщины толстели» [69]. Эта весьма сомнительная «методика» вполне вписывалась в представления европейцев о «дикой» Московии.

Кроме крепкого телосложения женщины Московской Руси мечтали иметь яркий румянец во всю щеку («как маков цвет»), белую кожу («как белый снег»), «ясные очи» с поволокой (с блеском, «как у сокола»), черные брови («как собольи хвосты») и белые («сахарные») зубы. На этих «сахарных зубах» мы и остановимся…

Как известно, красота требует жертв… Что в XVII в., что в XXI… Поэтому кожа отбеливалась, а затем румянилась. Имелись специальные «технологии» для получения необходимого эффекта. Брови выщипывались, волосы красились. Активно применялась косметика. Само понятие «писаной красоты» буквально предполагало «рисование» на лице. Тут уж каждая девушка выступала как художник… При этом православная церковь активно боролась с излишней косметикой, сравнивая накрашенных девушек с «облизьянами».

Н. Неврев. Василиса Мелентьева и Иван Грозный. 1886 г.

Что тогда, что сегодня активное «улучшение природных данных» подчас приводило к катастрофическим для здоровья последствиям. Это не удивительно, поскольку в качестве косметики выступали те же краски, которыми писали иконы и фрески: свинцовые белила, киноварь (это на две трети ртуть, на треть – сера). В свинцовые белила для яркости добавляли еще и барий.

Иностранцы, посещавшие Москву в XVII в., писали, что женщины тут раскрашены как куклы, хотя обладают природной красотой и могли бы не

злоупотреблять косметикой. Вероятнее всего, из-за этого у цариц и возникали проблемы со здоровьем. Да и с психикой – вредные вещества воздействовали на их нервную систему. Лекарства тоже вносили свою лепту, поскольку их делали на основе ртути, мышьяка, свинца.

Для получения «сахарных зубов» московские красавицы XVII в. использовали те же «отработанные технологии», отбеливая зубы ртутными белилами («меркуриальными белилами»). Такая методика позволяла красавицам на короткое время выводить себя на «пик формы», решая матримониальные задачи. Когда красавица выходила замуж, зубы у нее превращались в серые пеньки, поскольку ртутные белила полностью снимали эмаль с зубов. Для того чтобы скрыть ужасающие результаты таких «методик» отбеливания зубов, некоторое время на Москве существовала мода на чернение зубов. Наверное, это было сильное зрелище – полная, набеленная, нарумяненная женщина, с густо подведенными глазами, со стрелками до висков, улыбалась добру молодцу черненными зубами… Европейцам такие улыбки запомнились, поскольку они оставили свидетельства этого обычая.

Маковский К.Е. Боярыня у окна. 1885 г.

Исследовательница Н. Пушкарева пишет о причинах и последствиях этой моды: «„Мода“ московской знати XVI–XVII вв. вынуждала прятать естественную красоту и быть, „как все“: заметно белиться, ярко румяниться (иногда – свеклой), чернить сурьмой брови и ресницы, синить и подводить

веки почти до виска и даже закапывать в глаза различные составы, чтобы расширить зрачки и придать им большую „глубину“. Использование столичными модницами некоторых из этих средств пагубно сказывалось на здоровье. Об этом писал придворный медик самодержца Самуил Коллинз (конец XVII в.), перечисливший в „Письме к другу, живущему в Лондоне“ вредные добавки в составе макияжа русских женщин. К ним он отнес ртутные препараты, охру, испанские белила (висмут), металлическую сажу, которая разводилась водкой и часто использовалась московитками для подкрашивания бровей и ресниц.

Маковский К.Е. Боярышня у окна. 1890-е гг.

Ужасавший многих европейцев московский „обычай“ чернить зубы заморский медик верно истолковал, как „превращение необходимости в украшение“. Зубы у русских, как это нередко бывает у северных народов, не получающих в достаточном количестве витаминов и кальция, не отличались белизной. Чтобы исправить природную огрешность, знатные женщины в Московии использовали ртутные белила, после чистки, которыми зубы мгновенно становились белыми, но длительное применение такого способа очистки зубной эмали приводило к разрушению сначала зубов, а затем к отравлению женского организма в целом. Чтобы испорченные зубы не отличались от здоровых, женщины мазали их специальным черным составом, что и ужасало иностранцев. Бледные, набеленные лица женщин с красными щеками и черными зубами выглядели отталкивающе. Европейцы справедливо упрекали русских в „варварстве“ и „почитании красотою сущего безобразия“. К счастью, мода на черные зубы, равно как и на использование ртутных белил, существовала всего полстолетия, и больше никогда не возвращалась» [70].

Как это часто бывало на Руси, мода из аристократической среды распространилась на низшие слои населения. При этом мода на чернение зубов у аристократок быстро прошла по причине очевидной вредности для организма, но провинциальные купчихи вплоть до конца XVIII в. чернили свои зубы. А.Н. Радищев в своей знаменитой книге «Путешествие из Петербурга в Москву» упоминает, что «Прасковья Денисовна, его новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы как уголь. Брови в нитку, чернее сажи». Дама явно была на «пике формы»…

К.Е. Маковский. За чаем. 1914 г.

Попутно заметим, что в обычае чернения зубов имелась и политико-этнографическая составляющая. Со времен татаро-монгольского нашествия Древняя Русь начала политический, бытовой и культурный «дрейф» в сторону Азии. А у многих азиатских народов имелись прочные традиции чернения зубов.

К.Е. Маковский Портрет царевны Софьи

Сцена из японской мифологии

Католические миссионеры, бывавшие в XVI в. в Японии, подробно описали обычай чернения зубов. Канонический облик японской красавицы того времени очень близок к идеалам красоты московских красавиц – лицо, густо накрашенное белилами, «фальшивые» брови нарисованы поверх сбритых, обильный макияж, и все завершает чернозубая улыбка. В средневековой Японии, жестко разделенной на касты, такой образ нес

функцию «социальной маркировки». В период позднего Средневековья эти признаки говорили, во-первых, о том, что женщина замужем, а во-вторых, что она полностью отвечает требованиям моды того времени.

Есть предположения, что обычай чернения зубов в Японии, кроме эстетических и социальных, преследовал и гигиенические цели. Так, католический миссионер Л. Фройш упоминал, что «европейские женщины чистят зубы, чтобы сохранить их белизну, тогда как японские женщины, используя железо и уксус, чернили зубы и губы» (1539 г.). В книге описан отвар, который использовали японки для окрашивания зубов: «Для изготовления такого отвара используются старые кусочки железа и рисовая шелуха, которые замачивают вместе и ставят в теплое место летом на 3 дня, а зимой – на 7 дней, чтобы выделилась ржавчина. Сначала на зубы наносится пчелиная кислота – продукт жизнедеятельности пчел, в котором содержатся дубильные вещества, а затем наносится отвар железа. Если проделать эту процедуру несколько раз, то зубы станут черными». Предполагается, что покрывающая зубы черная пленка предотвращала порчу зубов и укрепляла зубную эмаль. Для этого краску необходимо было наносить ежедневно.

Возвращаясь к исследованиям женского некрополя Архангельского собора Московского Кремля, отметим, что фактов чернения зубов «первыми леди» не выявлено. Видимо, они придерживались традиций здорового консерватизма. Что касается состояния их зубов, то исследователи единодушно подчеркивают, что оно было вполне удовлетворительным.

Теперь поговорим о московских царях из рода Романовых…

Возрастная характеристика московских царей и цариц XVII вв. (Романовы)

Царь	Возраст на момент смерти	Царица	Возраст на момент смерти
Михаил Федорович	49 лет	Мария Долгорукова	до 20?
		Евдокия Стрешнева	37 лет
Алексей Михайлович	46 лет	Мария Милославская	45 лет
		Наталья Нарышкина	43 года
Федор Алексеевич	20 лет	Агафья Грушецкая	18 лет
		Марфа Апраксина	52 года
Иван Алексеевич	29 лет	Прасковья Салтыкова	59 лет

Как известно, основатель династии Михаил Федорович Романов (1613–1645) был избран на царство 17-летним отроком. Он был дважды женат и в 49 лет скончался от «водяной болезни». Первая его жена умерла через пять месяцев после свадьбы, а вторая – через пять недель после смерти мужа. Эти захоронения не исследовались, и никаких объективных данных по интересующему нас вопросу не имеется.

Часто царские жены умирали в молодом или не очень молодом возрасте от последствий родов. Например, Мария Милославская, которая была старше мужа – царя Алексея Михайловича – на 4 года и родила ему 13 детей, скончалась в 45 лет от «родильной горячки». Совсем молодая жена царя Федора Алексеевича тоже скончалась от «родильной горячки».

Известно, что молодой царь Федор Алексеевич (1661–1682) умер в 20-летнем возрасте. Несмотря на два брака, детей у него не было. Один из европейских дипломатов, Келлер, внимательно отслеживавший состояние здоровья московского царя, писал 6 февраля 1677 г.: «Болезнь его величества начинает слабнуть, кажется, боль устремляется к ногам, которые так распухли, что его царское величество не может ходить. Лучшие придворные медики полагают, что его царское величество заболел обычной для этой страны болезнью, являющейся разновидностью цынги» [71].

Смотрины царских невест

Таким образом, в XVII в. цинга не миновала и царскую семью. Сегодня хорошо известно, что это заболевание связано с нехваткой в организме витамина С, возникающего на фоне авитаминоза. В XVII в. английские врачи уже выработали методики лечения этой болезни, добавляя в рацион моряков, страдавших от цинги в силу профессии, лимоны и кислую капусту. Поэтому появление при царском дворе в России отапливаемых оранжерей, в которых зимой плодоносили фруктовые деревья, было не забавой, а вполне прагматичным делом, связанным с борьбой с авитаминозом, в том числе и цингой.

Клиническая картина развития цинги известна.

Одним из ее проявлений является повышенная кровоточивость десен, затем начинают шататься зубы, любое надкусывание твердой пищи сопровождается болевыми ощущениями, а затем зубы выпадают. Видимо, нечто подобное, помимо водянки, имелось и у 20-летнего Федора Алексеевича (1661–1682).

Посмертная парсуна царя Федора Алексеевича. Б. Салтанов (1686 г.)

Об этом свидетельствуют сохранившиеся рецепты. Когда зимой 1678/79 г. Федор Алексеевич вновь захворал, то 13 декабря 1678 г. врачи прописали ему «полосканье в роте». Это не помогло, и врачи рекомендовали царю новый состав для полоскания. Доктор пояснил, что состав не вреден, «буде в гортань попадет что немного, не будет вредно». Рецепты были следующие: «1. Водку апоплетику мочно пересидеть из ренсково, а обонянием и вкусом будет она против той, которая пропущена из французского вина, толко что такова будет жарка. 2. Травы устроенные принимать бы в пиве или в молоке, а лутче, чтоб и пиво с травою, и молоко кушать изволил, и от того великая признавает доктур от цынги ползу. 3. О перце сказал доктур, что никоими меры… позволить невозможно, и что менши будет перцу кушать, то менши припадков цынги учнет являтися, также и уксус отнюдь не позволяет, разве самую малую часть в ухе» [72].

Врачи Романовых

Царь	Лечащие врачи	Страна	Годы
Михаил Федорович	Валентин Бильс	Голландия	1615–1633
	Артур (Артемий) Дий	Англия	1621–1634
	Венделиус Сибилист	?	После 1634
	Иоганн Белев		После 1634
	Артман (Гартман) Граман	Германия	После 1634
Алексей Михайлович	Сэмюэль Коллинс	Англия	1660–1669
	Томас Вильсон	Англия	1665–1667
	Андреас Энгельгарт	Австрия	1656–1666
	Розенбурги, отец и сын	Швеция	?
	Захарий Ван-дер-Гульст	Голландия	?
	Лаврентий Блюментрост	Саксония	1668–1705
Федор Алексеевич	Стефан фон Гаден	?	1674–1682

После окончания Смуты и избрания Михаила Романова на царство в Московском Кремле учреждается Аптекарский приказ. Аптекарский приказ стал первой структурой, оказывавшей медицинскую помощь не только царской семье, но и ее ближайшему окружению. Еще раз отметим, что приказ по современной терминологии означает министерство. И эта структура полностью замыкалась на обслуживание царской семьи.

История возникновения Аптекарского приказа выходит за рамки заявленной нами темы, поэтому мы только отметим, что все врачи,

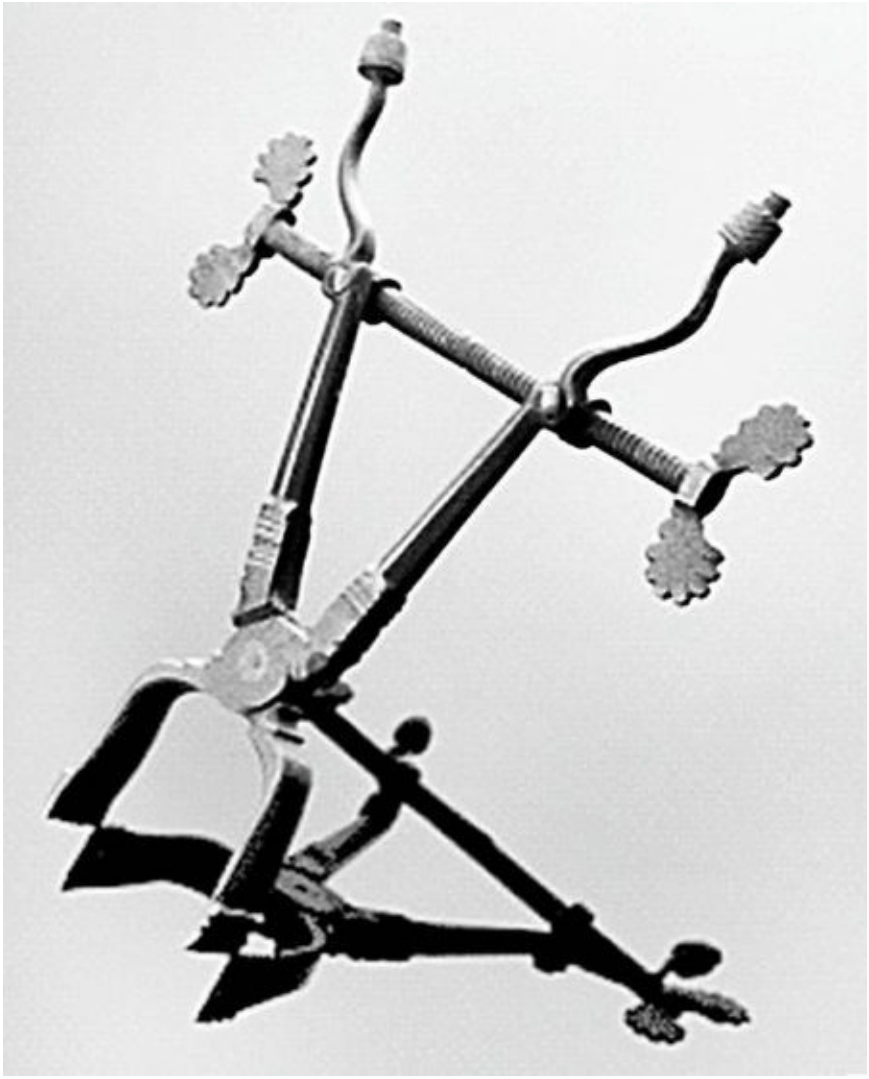
работавшие в Московском Кремле, находились под жестким контролем дьяков Аптекарского приказа. Смерть от яда была самой обычной на этом уровне власти. Контроль за подносимыми царю лекарствами велся традиционным образом, когда все причастные к приготовлению лекарства пробовали его на глазах дьяков Аптекарского приказа. Подносивший царю лекарство глава Аптекарского приказа также отпивал из кубка лекарство на глазах у царя, а затем допивал его после царя.

При таких порядках главой Аптекарского приказа становились только бояре, облеченные полным доверием царя. Часто это были ближайшие родственники царицы. При Иване Грозном эту функцию выполнял видный опричник князь Афанасий Вяземский. Тогда лекарства готовил доктор Арнульф Линдсей. Таким образом, самая ранняя датировка структуры, из которой впоследствии вырос Аптекарский приказ, относится ко второй половине 1560-х гг. Добавим, что в 1571 г. князь А. Вяземский умер под пытками, и с этого времени лекарства для царя «пробовал» князь Богдан Вельский. Царская же аптека на территории Московского Кремля появилась в 1581 г.

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. управление страной постепенно сосредотачивается в руках шурина царя Федора Ивановича – Бориса Годунова. Будучи главой Посольского приказа, он не только приглашал в Московское царство иностранных врачей, но и контролировал их работу.

Для нас важно, что в XVII в. в штат Аптекарского приказа, наряду с лекарями и аптекарями, входили и цирюльники. Как известно, на протяжении всего Средневековья именно цирюльники специализировались в области зубоврачевания.

Среди «штатных сотрудников» Аптекарского приказа имелись и травники, которые сохраняли знания, основанные на традициях и опыте народной медицины. Поэтому для борьбы с зубной болью продолжали широко использоваться лекарственные средства растительного происхождения.

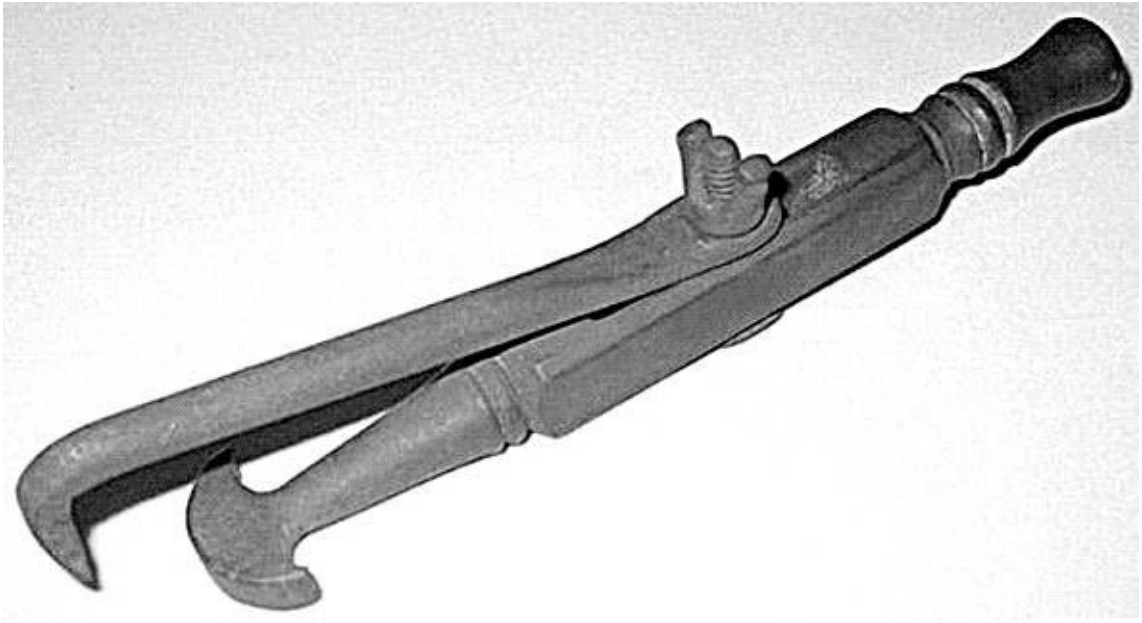
Роторасширитель. Англия.1501–1600 гг.

Роторасширитель. 1600-е гг.

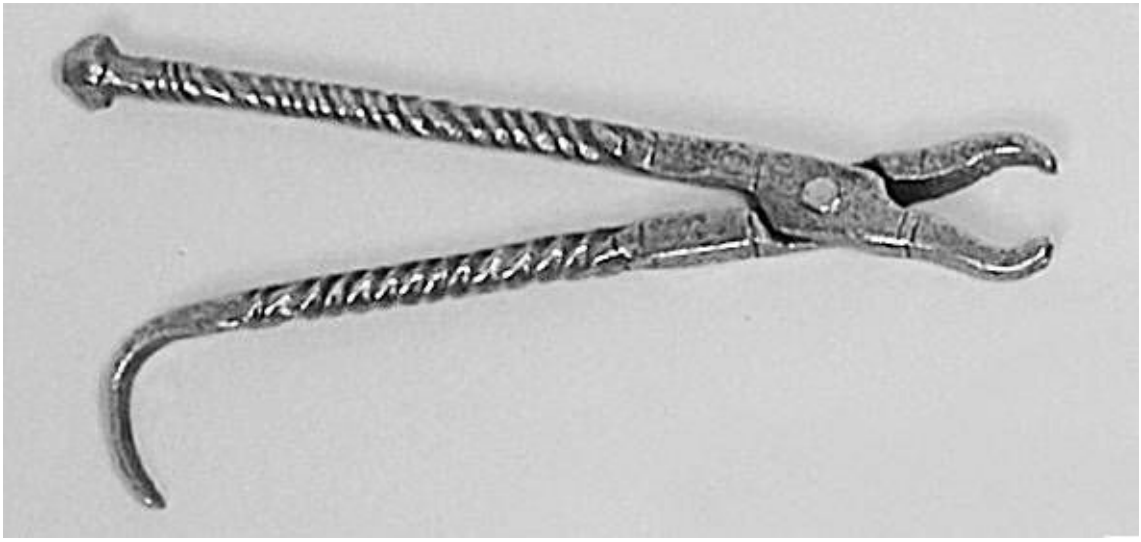
Пеликан в разных плоскостях. Европа. Начало XVII в.

Французский или итальянский пеликан. Начало XVII в.

Зубоврачебные щипцы, в виде уст дракона. Начало XVII в.

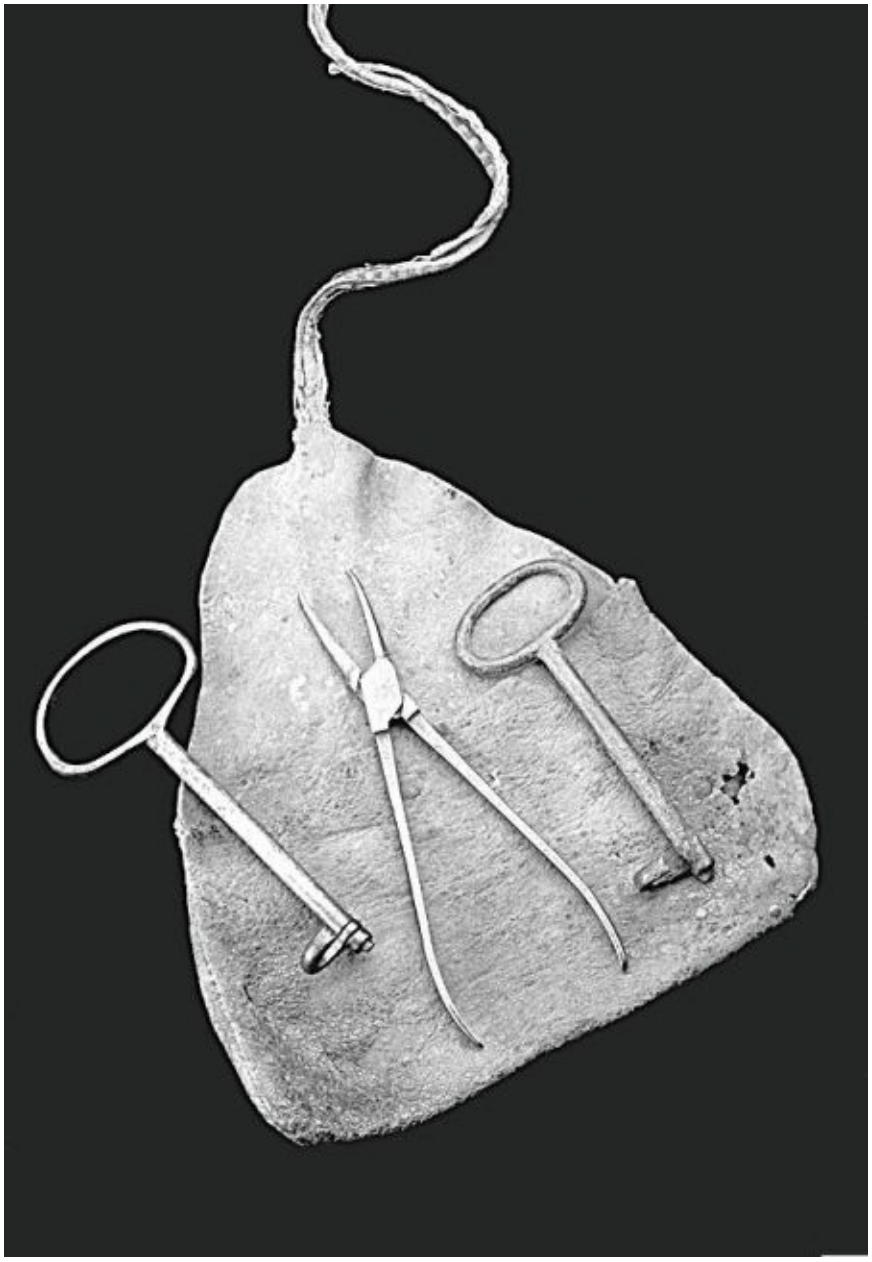
Роторасширитель. 1600-е гг.

Например, во время походов стрельцы страдали от цинги. Для борьбы с этим заболеванием имелись устоявшиеся методики. В специальной царской грамоте, направленной в 1672 г. князю А.А. Голицыну в Казань, для лечения цинги предлагалось «…изготовить двести ведер сосновых вершин, намоча в вине, да в Нижнем Новгороде изготовить сто ведер и послать то вино в Астрахань, и давать то вино в Астрахани служилым людям от цинги». В военных гарнизонах обычным делом была раздача всем чинам противоцинготных средств, которые способствовали

оздоровлению и лечению воинов: солод, пиво, винный уксус, сбитень [73].

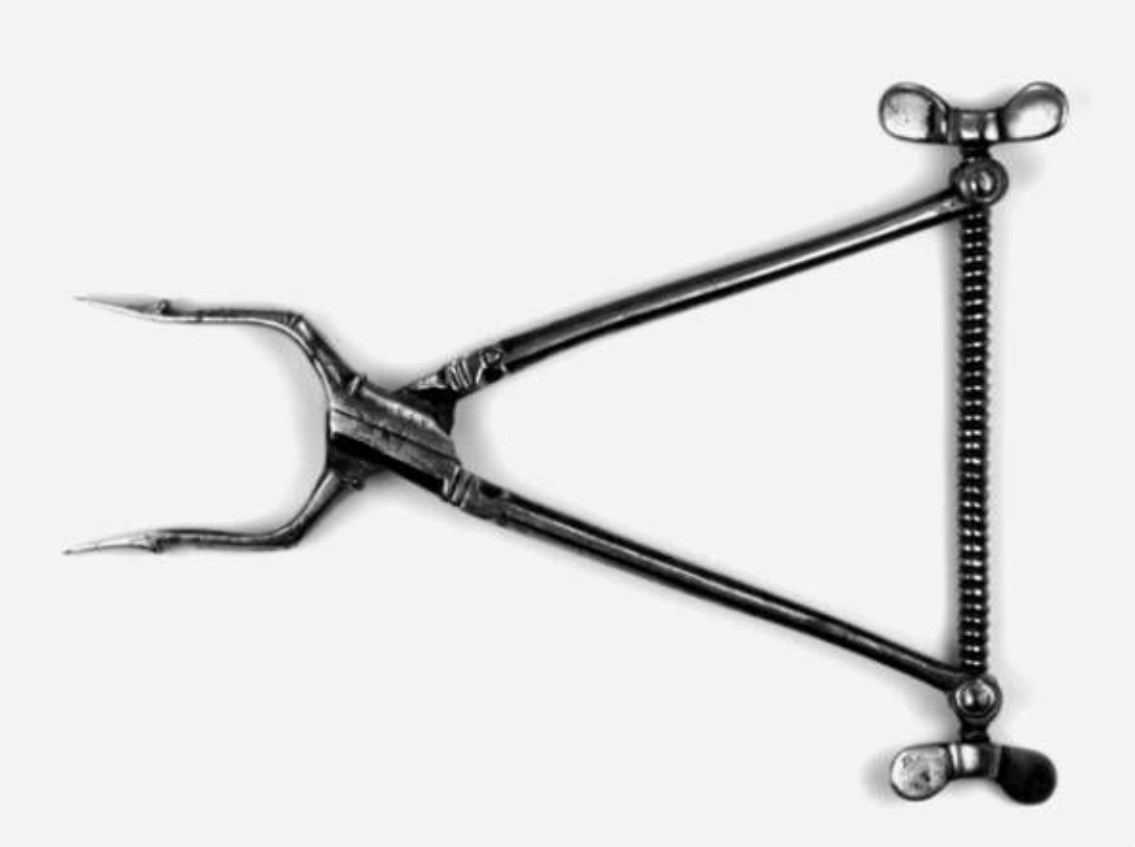
Пеликан с деревянной ручкой. Франция. 1550-1750-е гг.

Ключи зубодёрные («козья ножка»). Европа. XVI в.

Пеликан с деревянной ручкой. Франция. 1550-1750-е гг.

Роторасширитель. XVI в.

Со временем в Аптекарский приказ начали направляться стрельцы и дворяне, получившие челюстно-лицевые ранения на войне. С одной стороны, это свидетельствовало о некой медицинской (зубоврачебной?) специализации. С другой стороны, в Аптекарском приказе постепенно накапливался профессиональный медицинский, в том числе зубоврачебный, инструментарий. Например, в описях упоминаются «пилы, что зубы трут».

Очень важно то, что при Аптекарском приказе в 1654 г. открылась Лекарская школа. Кроме немногочисленных ее выпускников, которые могли выполнять и стоматологические манипуляции в стрелецких полках, куда их направляли, зубоврачеванием продолжали заниматься целители, «кровопуски», «зубоволоки». К этому времени на Руси умели накладывать на «червоточину» в зубах пломбу, укреплять зубы проволочными «шинами», удалять зубы. Для этого использовали «пеликаны», «ключи» (козья ножка), «дандагму» (разновидность одонтагры) [74].

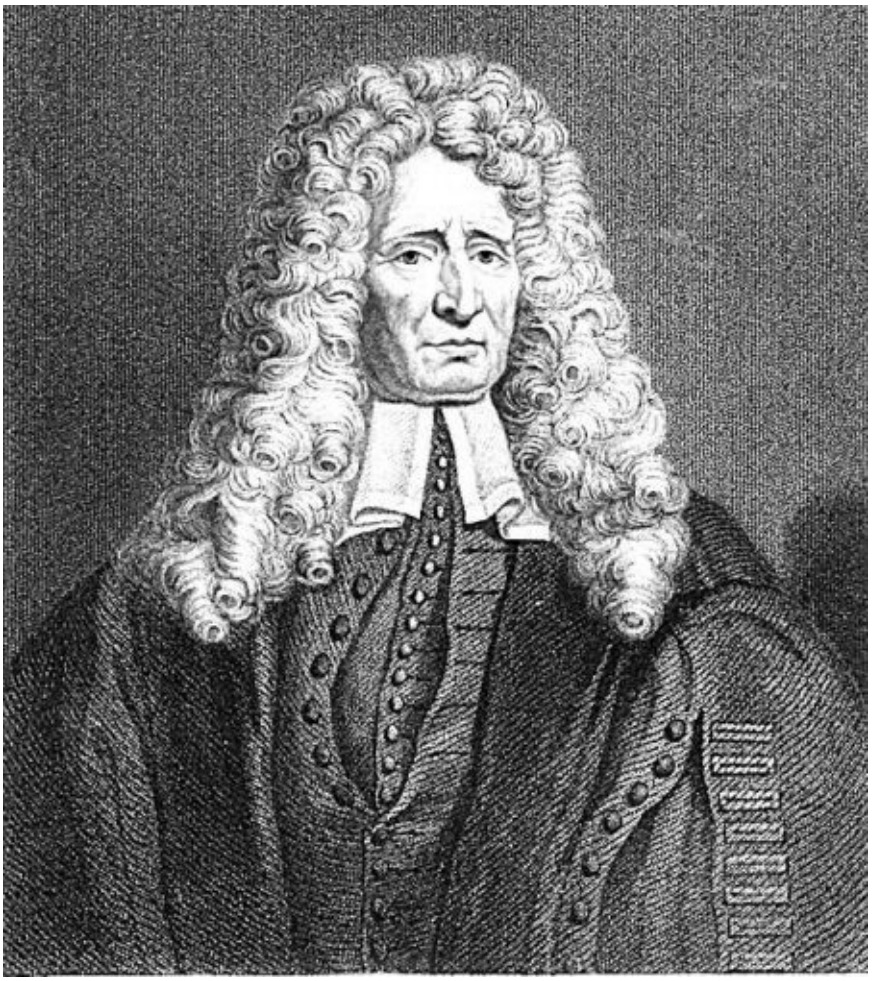
Глава 3
Зубоврачевание в Российской империи в XVIII веке

На рубеже XVII–XVIII вв. Россия начинает политический, экономический и культурный «дрейф» в сторону Европы, в результате чего в Московское царство хлынул поток специалистов, работавших в самых разных областях. Имелись среди них и врачи, специализировавшиеся в области зубоврачевания. Довольно рано таких специалистов стали аттестовать в государственных медицинских структурах. В 1710 г. в России впервые официально ввели звание «зубного врача». Первым стоматологом, получившим это звание, стал француз Франсуа Дюбрель (F. Dub-reuilh). К этому времени зубоврачевание становится самостоятельной областью медицины.

Царственный дантист

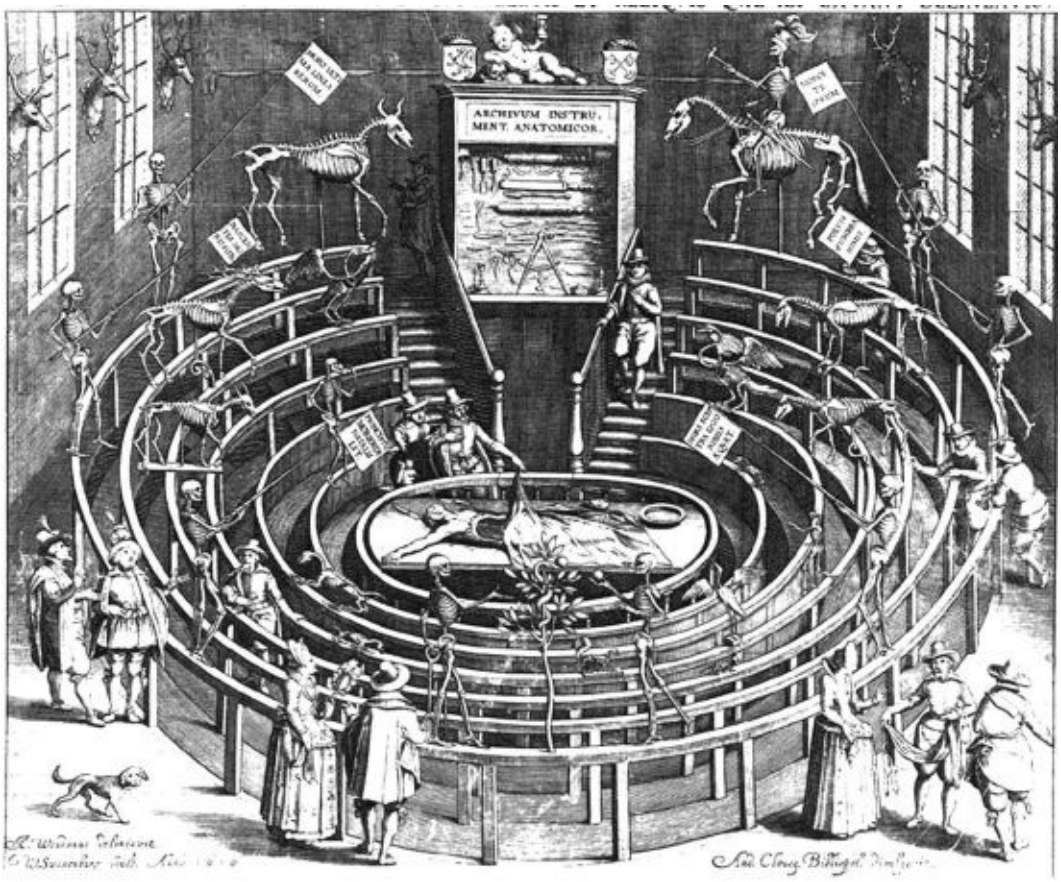
Немаловажное влияние на развитие зубоврачевания в России оказал император Петр I. Отчетливый интерес Петра I к медицине прорезался во время Великого посольства, в составе которого русский царь не только впервые покинул пределы Московского царства, но покинул их более чем на год (март 1697 – август 1698 г.).

Собственно с медициной царь столкнулся во время первого посещения Голландии в 1698 г. в анатомическом кабинете профессора Ф. Рюйша [75]. Особенно царя заинтересовала методика бальзамирования трупов по методу известного профессора. Сохранилось известное предание, гласящее, что царь, увидев блестяще забальзамированный труп ребенка («как живой»), не мог удержаться и поцеловал его. На голландцев эти «жесты» эмоционального царя, видимо, производили сильное впечатление. Царь, посещая анатомические лекции профессора Ф. Рюйша в госпитале Св. Петра, проходил в зал через особую дверь, дабы не привлекать к себе внимания. В Лейдене в анатомическом театре Бургаве царь лично принимал участие во вскрытии трупов. Именно эти встречи и определили пристрастие Петра I к хирургии и зубоврачеванию.

Фредерик Рюйш (Frederik Ruysch). 1638–1731 гг.

Даже после того как царь покинул Голландию, он продолжал поддерживать отношения с Ф. Рюйшем, периодически посылая ему различные экземпляры ящериц и червей. Петр I неоднократно предлагал Рюйшу продать его анатомический музей, но врач не соглашался. Наконец, во время второго посещения Петром I Голландии в 1717 г., анатомический музей Ф. Рюйша был приобретен царем за 50.000 флоринов. В качестве «бонуса» Ф. Рюйш сообщил Петру I методику бальзамирования, из которой царь не стал делать секрета, сообщив ее своим докторам.

Анатомический театр в Лейдене

Следует иметь в виду, что интерес царя к медицине во многом определялся теми целями и задачами, которые Петр I решал в ходе Великого посольства. Одной из этих задач был набор специалистов на русскую службу, в том числе и врачей – они остро требовались армии. А поскольку царь стремился все «попробовать своими руками», будь то строительство кораблей, стрельба из пушек или изучение часовых механизмов, то в том же ряду стояла и медицина. При этом хирургия оказалась ближе «рукастому» царю, способному схватывать основы любого ремесла буквально на лету. Поэтому хирургическая стоматология с ее высокими требованиями к мануальным навыкам оказалась столь близка Петру I.

Урок анатомии докотора Фредерика Рюйша

Урок анатомии докотора Фредерика Рюйша. А. Бакер (?). 1670 г.

Эти «голландские эпизоды» навсегда определили не только уважительно-прагматичное отношение Петра I к медицине, но и его собственные «медицинские пристрастия».

Если коротко, то терапию во всех ее видах царь считал неким видом шарлатанства, признавая только хирургию во всех ее вариантах, а том числе и в стоматологическом.

В мемуарных источниках рассыпано достаточно много упоминаний о зубоврачебных экзерсисах императора. Поскольку даже по нынешним временам эта процедура ассоциируется с весьма неприятными ощущениями, можно представить, как современниками воспринимались настойчивые предложения (читай приказы) об оказании зубоврачебной помощи «царскими ручками». Таких «стоматологических предложений» царя просто боялись. Вот некоторые из них…

Беннер Жан Анри. Петр I. 1821 г.

Из дневника камер-юнкера Берхгольца, веденного им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 г.: «1723 год, январь, 20-го. Вечером здешний купец Тамсен рассказывал нам, что Его Величество был вчера у него и при этом случае, по всем правилам и своими собственными инструментами, выдернул зуб его долговязой голландской девке, потому что считает себя хорошим зубным врачом и всегда охотно берется вырывать кому-нибудь зуб. Он за несколько дней перед тем (услышав, что девка жалуется на зубную боль) обещал ей приехать сегодня и избавить ее от страдания».

Необходимо помнить, что речь идет о хозяине огромной страны, находящейся в состоянии непрекращающихся реформ и войны с

сильнейшей в военном отношении Швецией. Но тем не менее как-то после одной из операций «Императрица, говорят, сказала в шутку Его Величеству, что за эту операцию следовало бы сделать (его. – *Прим. авт.)*доктором, на что он отвечал: „нет, не доктором, а хирургом, пожалуй“».

Гравюра 1730 г. Шарлатан Том у дверей своего «офиса» в Париже на Понт Неф посреди моста возле статуи Генриха IV. Несколько помощников проверяют рты потенциальных клиентов, чтобы установить, какие зубы удалить, и назначают цену

Для деятельности Петра I были характерны идеи патернализма. И своих подданных он подчас не карал, а «учил», как отец учит неразумных детей. Причем, эта «учеба» включала в свою орбиту как новую аристократию, так подчас и простых людей. Всем известно о знаменитой петровской дубине, которой он «учил» ближайших сподвижников, но царь иногда использовал и стоматологические инструменты для воспитания своих подданных.

Вот что пишет А.К. Нартов в «Достопамятном повествовании и речи Петра Великого»: «Его Величества камердинер Полубояров жаловался государю, что жена его ослушается и с ним не спит, отговариваясь зубной

болью. „Добро, – сказал он, – я ее поучу“. В один день, зашедши государь к Полубояровой, когда муж ее был во дворце, спросил ее: „Я слышал, болит у тебя зуб?“ – „Нет, государь, – доносила камердинерша с трепетом, – я здорова“. – „Я вижу, ты трусишь“. От страха не могла она более отрицаться, повиновалась. Он выдернул ей зуб здоровый и после сказал: „Повинуйся впредь мужу и помни, что жена да боится своего мужа, инако будет без зубов“. Потом, возвратясь, Его Величество во дворец, при мне усмехнувшись,

Полубоярову говорил:

„Поди к жене, я вылечил ее, теперь она ослушна тебе не будет“… Надобно ведать, что Государь часто хирургические операции при разных случаях делывал сам и имел в оном звание. Вырванных зубов находился целый мешок с пеликаном и клещами в кунсткамере».

Роберт Дигтон. Зубоврачевание в кузне. Гравюра 1784 г.

Таким образом, современники отметили довольно необычную для главы Российской империи «стоматологическую составляющую» в решении интимных проблем своих подданных.

Как упоминалось выше, «целый мешок» вырванных императором зубов со времени смерти Петра I хранится в Кунсткамере. Со временем появился «Реестр зубам, дерганым императором Петром I». Всего в коллекции хранится 73 зуба, удаленных лично императором, причем большинство их относится к молярам, т. е. к группе трудноудаляемых зубов. Однако, несмотря на искривленность корней, переломов не отмечено, что свидетельствует о хорошем владении техникой удаления и знании анатомии зубов [76]. Следует отметить, что среди удаленных зубов, наряду с кариозными, встречаются и здоровые зубы, происхождение которых понятно из приведенных выше мемуарных свидетельств. Вполне возможно, что здоровый зуб жены камердинера Полубоярова по сей день хранится в этой коллекции.

Медицинские инструменты Петра I. Кунсткамера

Зубы, вырванные Петром I. Кунсткамера

Хирургический набор. Начало XVIII в. Кунсткамера

В мемуарах неоднократно упоминается, что стоматологические операции Петр I делал своими инструментами. Коллекция царских медицинских инструментов сохранилась и находится в Кунсткамере и Государственном Эрмитаже. Все инструменты датируются XVIII в. и произведены во Франции, Германии и России. Инструменты выполнены из стали в совершенно функциональной манере.

Медицинские инструменты при жизни царя хранились в двух сундучках. В одном хранились хирургические инструменты, в другом – стоматологические. Они оказались в Зимнем дворце во второй половине 1820-х гг., когда Николай I, переехав в главную императорскую резиденцию, начал собирать мемориальные вещи,

связанные с Петром I. В 1830-х гг. они были сведены в опись, опубликованную в 1837 г. В ней перечислены 1500 предметов. Среди них

кроме медицинских инструментов упоминается «Баночка, заключающая 8 зубов, рваных рукой Петра I» [77].

На сайте Государственного Эрмитажа в коллекции «Медицинские инструменты Петра I» «выложены» следующие фотографии:

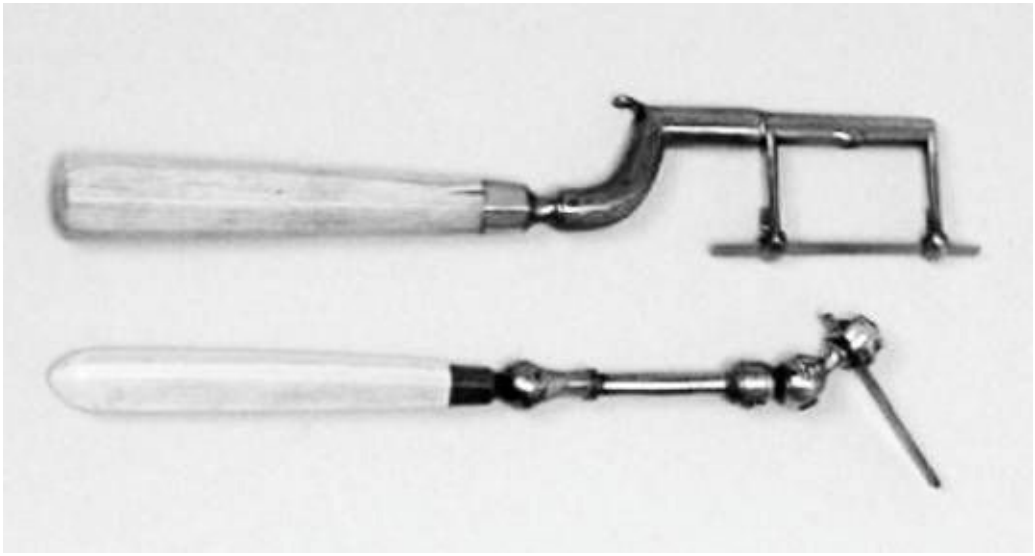
- ✓ расширитель вскрытого мочевого пузыря (Франция);
- ✓инструмент для вскрытия нарывов в горле (Франция);
- ✓инструмент для удержания рта в раскрытом состоянии (Франция);
- ✓горжерет литотомический (конец XVII – начало XVIII вв. Франция);
- ✓ зеркало анальное (Франция);
- ✓зеркало маточное (Франция);
- ✓зонд литотомический (Франция);
- ✓зонд-расширитель (Западная Европа);
- ✓инструмент для глазных операций (Франция);
- ✓ инструмент для прижигания ран (Франция);
- ✓инструмент для трепанации черепа (Франция);
- ✓крючок родовспомогательный (Франция);
- ✓ланцет (Франция);
- ✓молоток хирургический (Франция);
- ✓нож ампутационный (Франция);
- ✓нож пуговчатый (Франция);
- ✓нож родовспомогательный (Франция);
- ✓ножницы хирургические (Франция);
- ✓пинцет глазной (Франция);
- ✓ пулеизвлекатель (Франция);
- ✓ручка-ключ от трепана (Франция);
- ✓сверло-коронка от трепана (Франция);
- ✓щипцы акушерские (Франция);
- ✓щипцы для оперирования раковой опухоли (Франция);
- ✓щипцы литотамические (Франция).

Как мы видим, большая часть инструментария, необходимого для выполнения различных операций, входила в хирургический набор царя. Но это только часть коллекции медицинских инструментов, принадлежавших Петру Великому.

Также надо учитывать, что наряду с медицинскими инструментами, купленными в Европе, Петр I, решая проблему массового изготовления подобных инструментов для готовившихся при госпитальных школах врачей, в 1718 г. открыл «Инструментальную избу» в Москве. Это была мастерская по изготовлению отечественных хирургических инструментов, часть которых также имеется в коллекции императора Петра I. Требования

к качеству были достаточно высокие. Свидетельством этого стало распоряжение времен императрицы Анны Иоанновны (1738 г.), по которому на медицинских инструментах в обязательном порядке ставилось личное клеймо мастера. Тем самым мастера Инструментальной избы были приравнены к ювелирам.

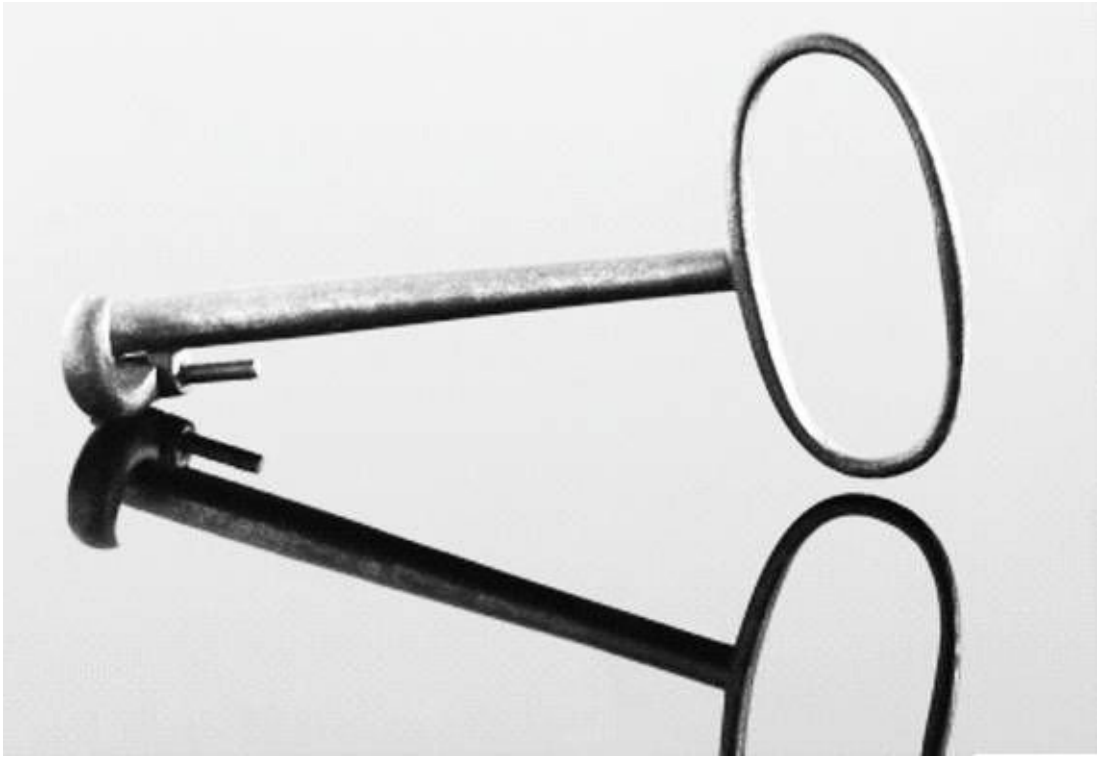

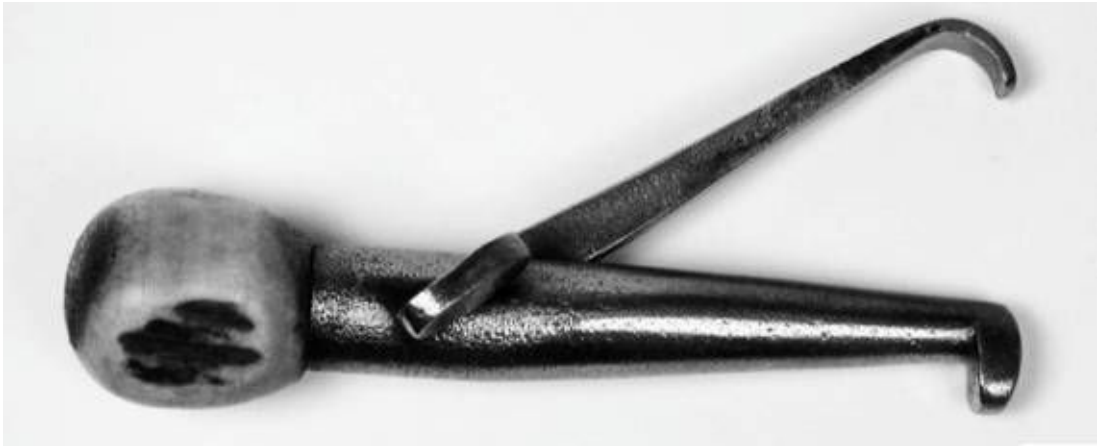
Инструменты для извлечения зубов. XVIII в..

Дентальные ключи для извлечения зубов. XVIII в.

Дентальный ключ. Англия. 1725–1780 гг.

Стоматологический Пеликан. Около 1700 г.

Стоматологические щипцы. XVIII в.

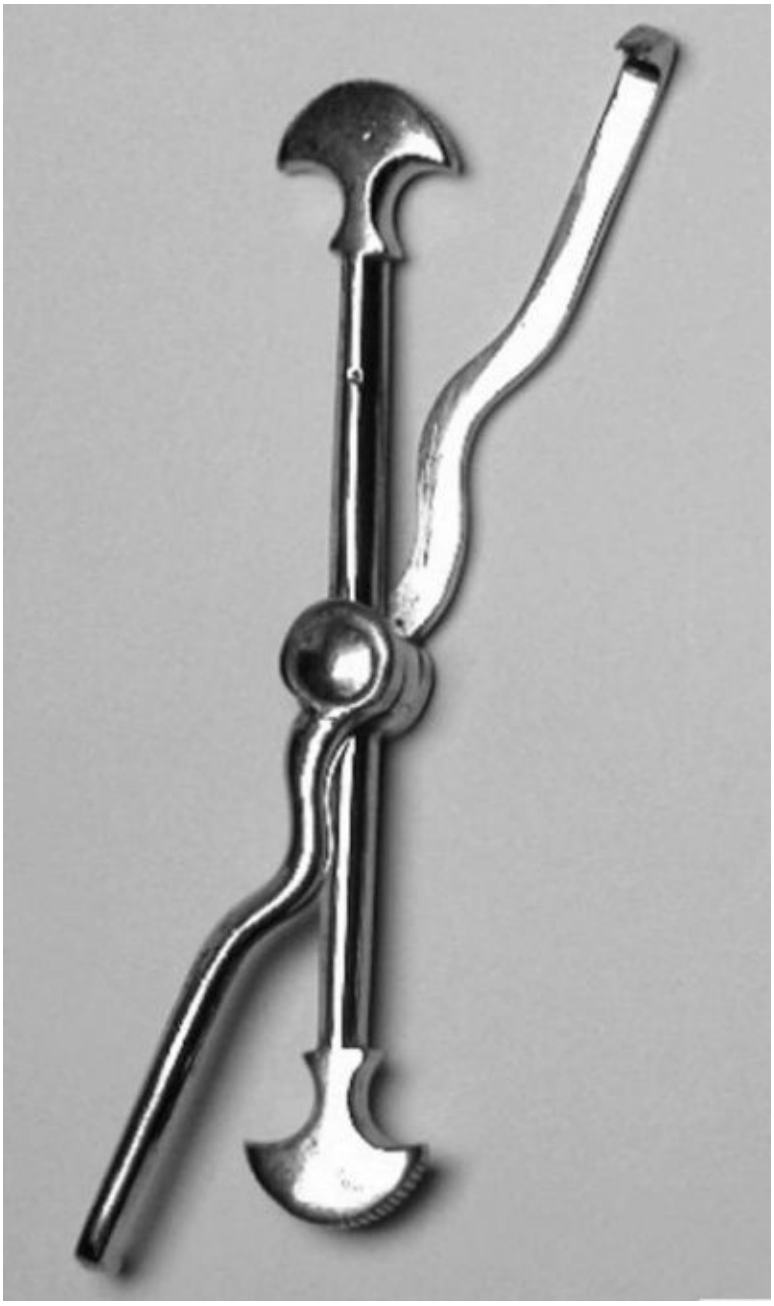

Двойной пеликан. Европа. 1701–1800 гг.

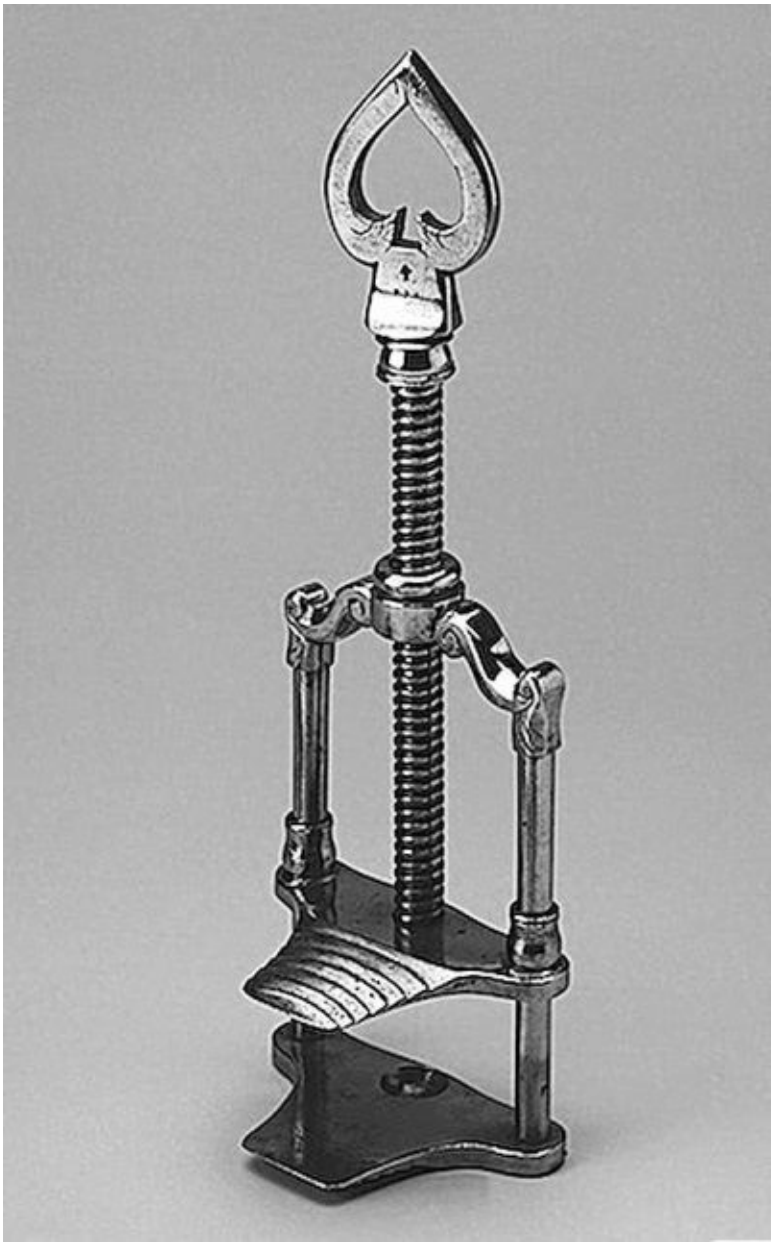

Медицинские инструменты Петра I. Ручка-ключ от трепана

В первой половине XVIII в. ситуация с зубоврачеванием в России начинает меняться. В числе других европейских специалистов, приезжавших в «дикую Московию» в поисках богатства, ехали и специалисты по зубным болезням. Судя по всему, их было немного, поскольку в газетах XVIII в. рекламные объявления стоматологического характера встречаются очень редко. Среди первых дантистов, практиковавших в России в XVIII в., упоминаются имена Якова Клере (1760 г.), Скардови и Карла Вагенгейма (1783 г.).

Стоматологический пеликан. XVIII в.

Медицинские инструменты Петра I. Инструмент для удержания рта в раскрытом состоянии. Франция

Инструменты Петра I. Сверло-коронка от трепана

Зубной ключ с рычагом.

Инструменты Петра I. XVIII в. Нож ампутационный. Франция

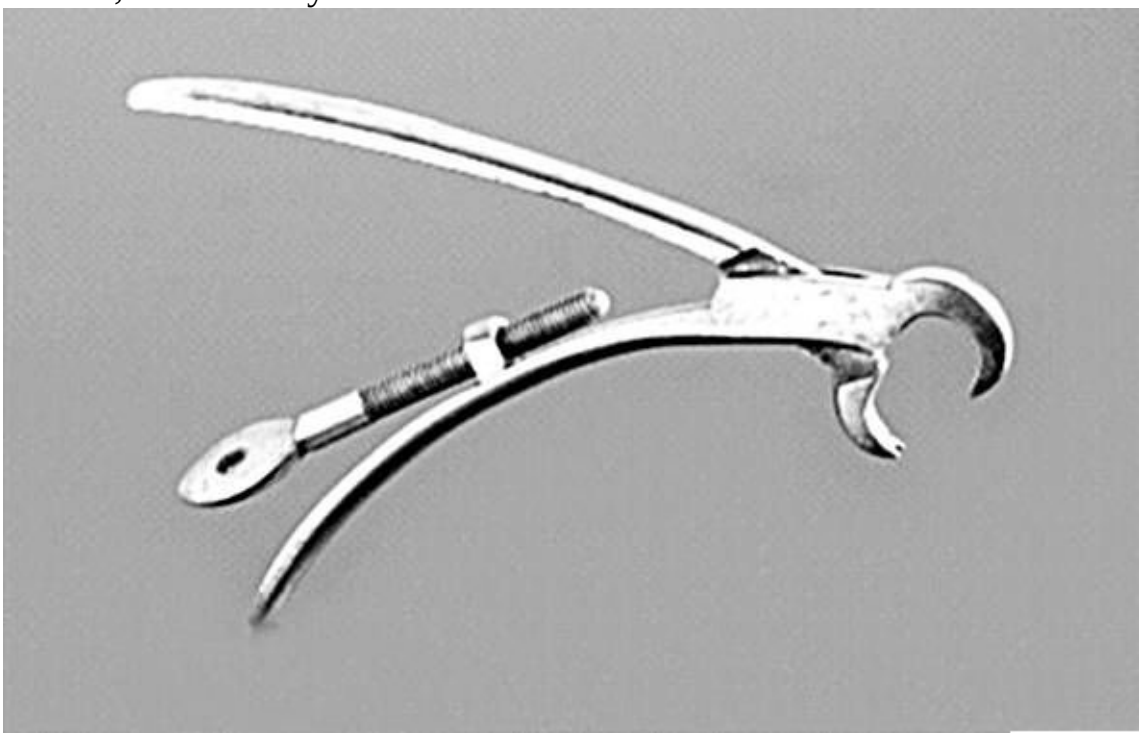
Нужду во врачевателях зубных болезней среди аристократии и служилого дворянства покрывали специалисты-хирурги, которых начали готовить в первых госпитальных школах. Первая подобная школа была открыта в Москве по указу Петра I, подписанному 25 мая 1706 г.: «за Яузою рекою против Немецкой слободы в пристойном месте… где больных лечить и врачов учить было можно». Таким образом, 1707 г. – год постройки госпиталя [78] – можно считать датой начала отечественного высшего медицинского образования.

В числе медицинских предметов учащиеся госпитальных школ изучали анатомию, физиологию, оперативную хирургию, фармакологию, неврологию, зубоврачевание с челюстно-лицевой хирургией и челюстно-лицевой травматологией. Среди анатомических препаратов встречались и

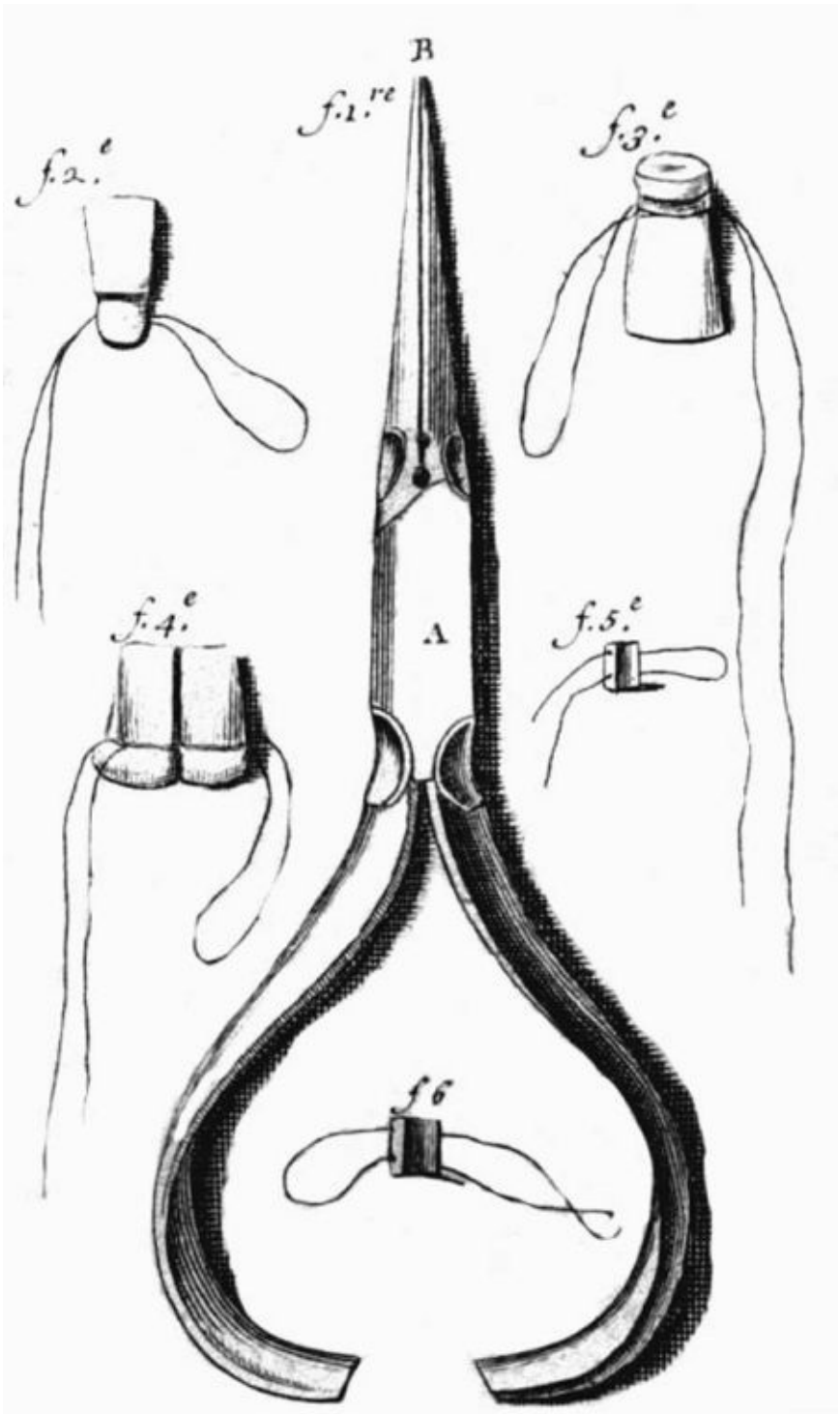
образцы с патологией зубочелюстной системы, а среди инструментов находились инструменты для проведения зубоврачебных операций на голове, губах, деснах, языке. В библиотеках госпитальных школ имелись книги и диссертации по вопросам зубоврачевания [79].

Первый руководитель госпитальной школы голландский врач Н.Л. Бидлоо (1670–1737) написал для учащихся «Наставления для изучающих хирургию в анатомическом театре» (1710 г.). В этом учебнике имелись сведения по проведению челюстно-лицевых операций на слизистой оболочке полости рта, на губах, твердом нёбе, языке, а также описаны показания и противопоказания к этим вмешательствам.

В разделе «Об операции зубов» подробно рассматривалось строение зубов, сроки прорезывания, иннервация, назначение и функция разных групп зубов, описываются различные болезни зубов. Лечение зубов заключалось в их подпиливании с помощью напильника, снятии зубных отложений («очищение зубов»), прижигании нерва (при острой зубной боли). Показания к удалению зубов включали: «зуб гнилой», «зуб шатается», «лишний зуб».

Стоматологические щипцы клюв вороны с винтом для регулировки давления на зуб при удалении корней. Европа. 1701–1800 гг.

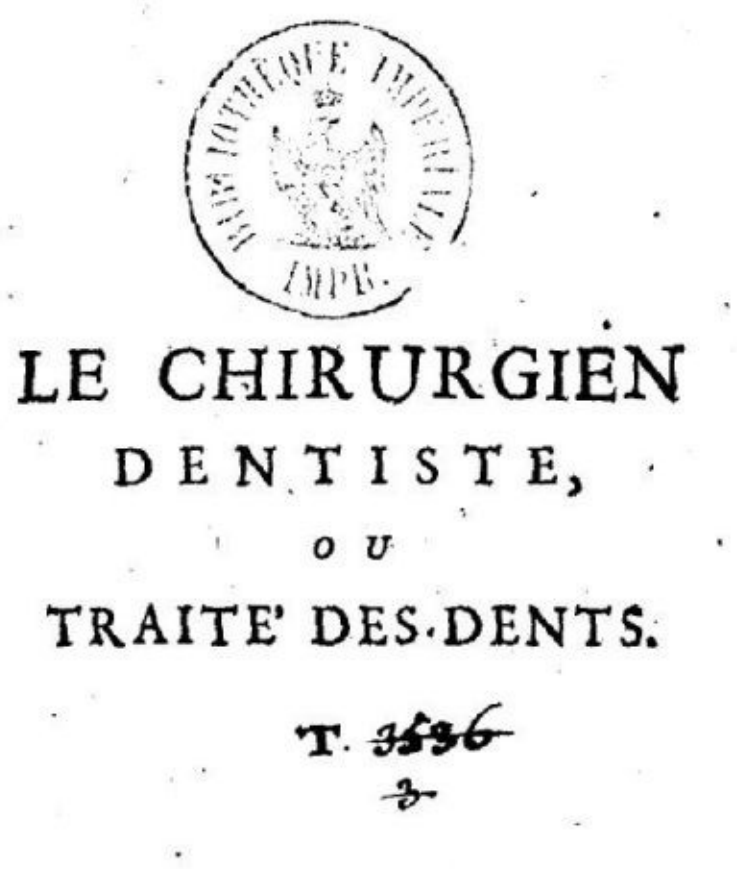
Стоматологические инструменты из книги Пьера Фошара и методика зубоврачебных манипуляций

Для лечения использовали зубной скальпель, соскабливающий скальпель, для удаления зубов – «пеликан», «овечью или баранью ногу»,

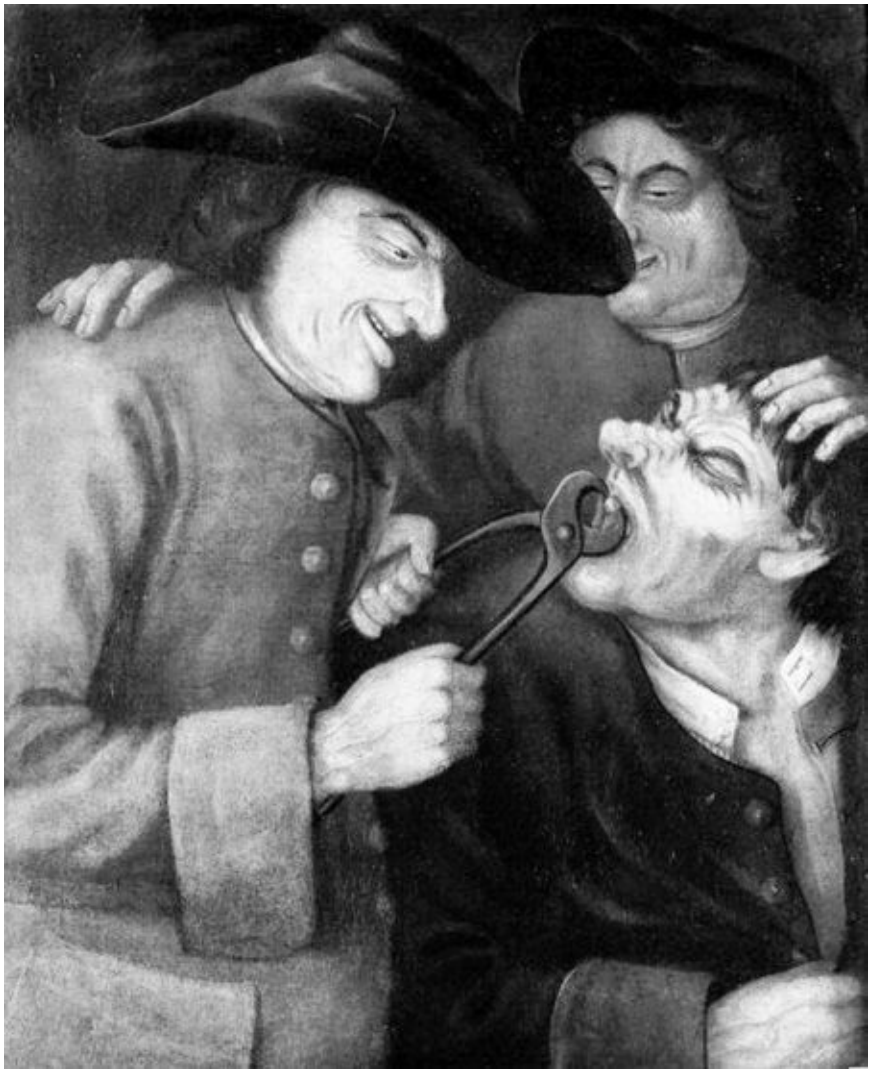
«репульсорий для расшатывания зубов», «зубчик», «вороний клюв», элеватор [80].

Но для врачей, готовящихся в госпитальных школах, а затем и на медицинском факультете Московского университета, зубоврачевание никогда не было главной специализацией. Как правило, эти знания

носили вспомогательный характер. Профессиональное же зубоврачевание было в лучшем случае единично представлено выпускниками медицинских факультетов европейских университетов, в массовом же случае им по-прежнему занимались цирюльники, банщики и знахари. Тем не менее в 1728 г. в России на языке оригинала издали монографию Пьера Фошара с изложением основ зубоврачевания.

Титульный лист книги Пьера Фошара

Кузнец, выдирающий зуб

Имелись в России и медицинские кадры среднего звена – фельдшера, которых готовили с 1741 г. в фельдшерских школах.

Кое-какие теоретические медицинские дисциплины читались и им. Например, их знакомили с анатомо-физиологическими особенностями зубочелюстной системы, они осваивали элементы зубоврачебной практики по оказанию помощи при вывихе нижней челюсти, переломах челюстей, при зубной боли, по удалению зубов. Но по большому счету их теоретические знания носили весьма поверхностный характер. В лучшем случае это были добросовестные ремесленники от медицины.

Три беззубых старика

Цирюльники получали представление о стоматологии частным образом, либо у успешно практикующих коллег, либо у полковых лекарей, в больницах и госпиталях. Для «учителей» это был сторонний приработок, и далеко не все они выкладывались, передавая имеющиеся у них не слишком обширные знания. Таким образом, в XVIII в. зубоврачевание являлось довольно хорошо оплачиваемым ремеслом, которое только отчасти контролировалось государством.

Как уже упоминалось, начиная со времен Петра I, все лица, желавшие заниматься зубоврачебной практикой, должны были выдержать экзамен перед чиновниками Медицинской коллегии. Дефицит специалистов был таков, что этот экзамен могли выдержать не только зубные лекари, но и «мозольные операторы».

Получив право на зубоврачебную практику, зубные лекари собирали клиентуру, публикуя соответствующие рекламные объявления в газетах. Поскольку жанр рекламы предъявлял определенные требования, то и тексты печатались соответствующие. Зубные лекари сообщали, что они умеют «всякую зубную боль в минуту укрощать, выдергивать больные и искрошившиеся зубы, вставлять новые, искусственно сделанные, кои от натуральных почти отличить нельзя; в снимании зелени и черни с зубов, в укреплении слабых и шатких зубов» [81].

Зубоврачевание времен Екатерины II

Во второй половине XVIII в. массив теоретических и практических знаний в области зубоврачевания продолжал накапливаться. Главный хирург Санкт-Петербургского адмиралтейского госпиталя М.И. Шейн (1712–1762) перевел с латинского языка на русский «Основательные наставления хирургические медицинския и рукопроизводныя в пользу учащимся» Захария Платнера (1761 г.). В этой книге подробно излагалась анатомия зубов и челюстей, описаны болезни зубов: кариес, стираемость и расшатанность зубов и др. Причинами кариозной болезни в наставлениях назывались как внешние, так и внутренние, зависящие от общего состояния организма. Лечение кариеса было рекомендовано проводить путем очищения кариозных полостей, а корни зубов пломбировать золотом или свинцом.

3. Платнер разработал показания к удалению зубов, перечислил необходимый для этого инструментарий, описал методы остановки кровотечения после пластических операций на нёбе, после операций по поводу опухолей челюстей, после экстракции больных зубов. Производство подобных операций свидетельствует о высокой для своего времени квалификации врачей и их знание элементов челюстно-лицевой хирургии [82].

Карикатура на зубных врачей. XVIII в. Раскрашенная гравюра

Большой вклад в обеспечение учащихся госпитальных школ русскими учебными руководствами внес выдающийся деятель отечественной медицины профессор акушерства Н.М. Максимович-Амбодик (1744–1812). Им было написано большое количество словарей по различным разделам медицины, ботаники, учебных руководств по физиологии, акушерству. Он сделал перевод с немецкого учебника И.Ф. Шрейбера «Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних» (1781 г.), в котором описана цинга и ее проявления в полости рта, врожденные аномалии полости рта, расщелины твердого нёба. Н.М. Максимович-Амбодик перевел книгу И.И. Пленка «Врачебное наставление о любострастных болезнях» (1790 г.); книга посвящена клинике, диагностике и лечению сифилиса, в том числе лечению проявлений сифилиса в полости рта.

Французский стоматолог удаляет зуб дворянину, сидящему в кресле. С аристократическим хладнокровием пациент не хватается ни за зубного врача, ни даже за ручку кресла, но жест его правой руки свидетельствует об умеренной боли

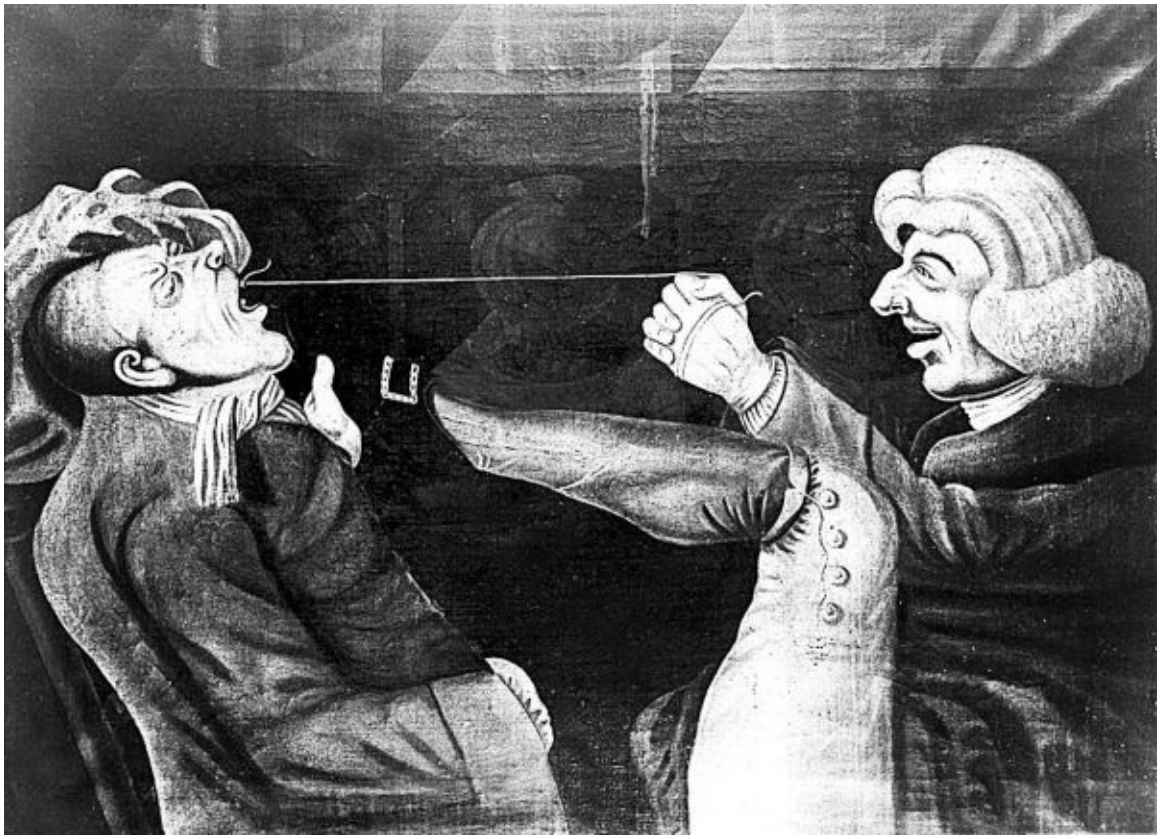
В XVIII в. считалось, что во время удаления зубов пациент должен сидеть на полу, находясь ниже стоматолога. Людвиг Крон работает с пациентом в таком положении (рисунок из его книги «Кровопускание и вырывание зубов»)

Из оригинальных работ Н.М. Максимовича-Амбодика большое значение имела его диссертация «Искусство повивания, или наука о

бабичьем деле» (1784–1786 гг.). Несмотря на то что работа посвящена подготовке акушеров, в ней подробно изложены болезни зубов и десен женщины в период беременности и после родов, даны основы детского зубоврачевания и рекомендации по сохранению зубов младенцев. В руководстве описаны такие заболевания, как молочница, заячья губа, дефекты уздечки языка. Автор отметил сроки прорезывания и выпадения молочных зубов. Лечение заячьей губы Н.М. Максимович-Амбодик проводил с помощью хирургического вмешательства. Изучая этиологию и патогенез пульпитов, ученый обращал внимание на раздражение чувствительных нервных окончаний, находящихся в зубных тканях. Лечение боли, по мнению автора, может быть местным и общим, для чего он использовал слабительные соли, отвлекающие средства, при наличии кариозной полости – коричное, камфарное и гвоздичное масла и др. [83]

Карикатура на зубных врачей. XVIII в. Раскрашенная гравюра

Карикатура на зубных врачей. XVIII в. Раскрашенная гравюра

К диссертациям на зубоврачебные темы можно отнести работы Якова Европеуса «О скорбуте» (1765 г.) – о проявлении цинги в полости рта, М.С. Крутеня «О жевании» (1765 г.), в которой дано толкование такого сложного физиологического акта, как жевание, проанализированы жевательная функция каждой группы мышц, языка, оценена роль слюноотделения в процессе жевания.

Очень интересна личность выдающегося деятеля отечественной медицины Андрея Гавриловича Бахерах-та (1724–1806). Свою карьеру врача он начал в самом начале правления императрицы Елизаветы Петровны (1741 г.), когда Бахерахта определили лекарским учеником в Санкт-Петербургский генеральный сухопутный госпиталь. В 1743 г. его произвели в подлекари в Санкт-Петербургский генеральный адмиралтейский госпиталь. В 1746 г. Бахерахта отправили в Лейденский университет для продолжения образования с обязательством вернуться в русскую службу. Там он получил докторский диплом, напечатав диссертацию «О болезни связок» (1750 г.). С 1760 г. А. Г. Бахерахт руководил медицинской службой Балтийского флота, а с 1776 по 1800 г.

был главным доктором Русского флота.

Поскольку издревле главным бичом моряков парусного флота была цинга, то много лет А.Г. Бахерахт посвятил борьбе с этим заболеванием. Его перу принадлежит книга «Практические рассуждения о цинготной болезни» (1786 г.). В своей книге он отметил значение алиментарного фактора в этиологии цинги, описал клинические проявления этого заболевания, для лечения рекомендовал полоскание полости рта отваром сосновых шишек и употребление лимонного и апельсинового соков. Ему принадлежит рецепт «Декокта русского от цинги» из сосновых шишек. Бахерахт подчеркивал преимущества отечественных пищевых продуктов – русской солонины, русского топленого масла, русских сухарей, указывая, что применение кислой капусты для предупреждения цинги англичане и голландцы «от русских взяли».

Воспалившиеся десны А.Г. Бахерахт иссекал хирургическим путем. На основании его работ было составлено наставление по профилактике цинги на флоте, в котором предусматривались медицинские осмотры моряков перед выходом в море.

А.Г. Бахерахт был хорошо знаком и с практическим зубоврачеванием. Впрочем, история занятия зубоврачеванием такого уважаемого доктора нуждается в детальном рассмотрении.

Поскольку XVIII в. вошел в историю Европы как век Просвещения, как время смелых, прорывных экспериментов, то эти искания не обошли и зубных врачей. Впрочем, по большей части эти новомодные эксперименты были данью моде. Например, такой моде, как использование электричества и явления магнетизма. Тогда эта «субстанция» казалось совершенно непонятной и загадочной, но она, по мнению многих ученых, имела совершенно непредсказуемые свойства. В том числе оказывала помощь при заболеваниях полости рта.

Так, А.Г. Бахерахт в 1750-1760-х гг. пытался лечить зубную боль магнитом. Этот солидный и образованный врач 27 мая 1765 г. поместил в «С. – Петербургских ведомостях» следующее обширное рекламное объявление: «Известие доктора Бахерахта о магнитной силе от зубной боли. Магнитную силу от зубной боли нашел я столь надежною, что мне об оной не осталось уже никакого сомнения. Сие средство показалось мне сперва весьма слабым потому, что я действие оного понять не мог, чего ради не намерен я был чинить опытов, однако к тому почти был принужден, будучи позван к некоторой женщине, одержимой жестокой зубной болью.

У ней гнил зуб, ничто мук ее не облегчало, и я не знал ей дать другого

совета, как чтоб она тот зуб велела вырвать; токмо упомянутая женщина, несмотря на жестокость болезни, на то не склонялась. Я взял, наконец, сделанный искусством магнит и, оный приложив к ее зубу, держал несколько минут, после чего, к крайнему моему удивлению, боль ее менее чем в полчаса миновала.

Карикатура на зубных врачей. XVIII в. Раскрашенная гравюра

Сей опыт чинил я и над другими людьми и нашел, что во всех родах зубной боли магнит совершенное имеет действие. А как многие весьма страждут оною болезнью, то сим объявляю, что если у кого зубы будут болеть, чтобы пожаловали ко мне пользоваться моим лечением в сей их болезни безденежно (!!! – *Прим. авт.)*по утрам в восьмом часу, а живу я по Мойке в четвертом доме от нового моста.

Как надобно, чтобы больной во время прикладывания магнита лицом был обращен к северу, то я, дабы точно знать, где север, употребляю всегда компас. Прикладываю один или несколько раз магнит к больному зубу или велю самому страждущему, что еще и лучше, оный прикладывать северным полюсом. Все чувствовали при том небольшую боль, после великий холод и стук в зубе, а наконец зуб совсем онемел, и боль

прекращалась. По сие время я ни одного еще не видел больного, у которого бы после тот же зуб опять заболел» [84].

Объявление было крайне привлекательно. Когда перед страдающим зубной болью возникала дилемма в виде перспективы удаления зуба без всякой анестезии, а тогда только так и было, с одной стороны, и безболезненным прикладыванием к ноющему зубу магнита, с другой, – понятно, какой выбор мог сделать страдающий человек.

Через несколько газетных номеров Бахерахт, веривший в свой «магнитный метод», повторил рекламное объявление: «Понеже каждый страждущий зубной болезнью посредством сделанного художеством магнита сам пользовать себя может, то я сим публике объявляю, что такие магниты находятся у меня в продаже и сделаны они на английский образец, но еще сильнее оных действуют. Употребление сих магнитов: стать лицом к северу и, взяв магнит, держать северным полюсом несколько времени к больному зубу, а после того выполоскать рот холодной водой. Весьма часто случается, что магнит не всегда с первого разу сказывает свое действие, и тогда должно прикладывать его к зубу до тех пор, пока зуб совсем онемеет. Бедные люди могут и впредь пользоваться безденежно у меня магнитным прутом».

Наверное, для читающей публики это была сенсация: вместо мучительной ампутации приложил к щеке магнит, повернулся лицом к северу и дожидайся, когда зуб перестанет болеть. Трудно сказать, почему врач, получивший солидное образование и практиковавший на флоте, при чинах и положении, пошел по этому пути. Впрочем, известно немало подобных солидных людей, совершавших «на ровном месте» «революционные открытия» в тех или иных науках и искренне уверовавшие в свои «новаторские методы». Это не раз бывало и в медицине, да и в истории (читай труды академика Фоменко. – *Прим. авт.).*

В конце концов «новатора» в 1765 г. вызвали в Медицинскую коллегию и сделали выговор.

Карикатура на зубных врачей. XVIII в. Раскрашенная гравюра

В свое оправдание Бахерахт представил длинный список лиц, вылеченных им от зубной боли магнитом. На это ему ответили, что «зубную боль вам лечить магнитом не запрещено, а когда вы в Коллегию призваны были, выговор вам был учинен за то, что вы оными магнитами торговали, продавая их чрезвычайной ценой» [85].

Несмотря на развитие зубоврачевания в XVIII в., основная масса населения России оставалась лишенной этого вида врачебной помощи. Обеспеченные слои населения городов получали помощь у частнопрактикующих врачей (в большинстве случаев – иностранцев), неимущие пользовались услугами цирюльников, банщиков, знахарей и других лиц, не имевших медицинского образования; в сельской местности квалифицированная зубоврачебная помощь практически отсутствовала.

Широкое хождение в народе имели всякого рода рукописные «лечебники». Анализ их содержания указывает на то, что некоторые «рецепты» лечебников имеют европейское происхождение. Составителями

их нередко являлись священники, знакомые с греческим и латинским языками, поэтому наряду со всякого рода знахарскими заговорами, экзотическими настойками и «эликсирами» эти лечебники содержали и некоторые рецепты из древних римско-арабских переводов («Пандекта Серапиона» и др.). Во второй половине XIX в. печатные лечебники уже содержали рекомендации некоторых европейских светил (Гофмана, Линнея). Известно, что болеутоляющие свойства ряда «лекарств» тщательно переписывались и передавались в семьях из поколения в поколение, как фамильная тайна огромной ценности [86].

Гроот Г. Петр Федорович и Екатерина Алексеевна. 1740-е гг.

Если же вернуться в императорские резиденции, то в мемуарах

императрицы Екатерины II имеется несколько ярких «стоматологических эпизодов». Они интересны тем, что показывают уровень повседневной зубоврачебной помощи, бытовавший в императорских резиденциях. В этих эпизодах речь идет о событиях 1750-х гг. В то время будущая Екатерина II еще была женой наследника трона великого князя Петра Федоровича.

Эпизоды по большому счету самые банальные: «Дорогою у меня страшно разболелись зубы… граф Гендригов, состоявший при мне в должности камердинера, хвалился сестрице, что он разом меня вылечит. Та сказала о том мне, и я согласилась попробовать его лекарства, тем более что не видала в нем ничего существенного и скорее считала его шарлатанством. Он тотчас вышел в другую комнату и принес оттуда крошечный сверток бумаги, который я должна была положить на больной зуб и жевать. Только что я это сделала, зуб мой разболелся еще сильнее, и я принуждена была лечь в постель. Меня принялась бить такая лихорадка, что я себя не помнила… Десять либо двенадцать дней я пролежала в постели; и зубная боль моя возобновлялась ежедневно после обеда, в один и тот же час».

Как мы видим в этом эпизоде, несмотря на острую боль в зубе великой княгини, жены наследника трона, рядом с ней так и не обозначился зубной врач, который сумел бы помочь ей своими профессиональными знаниями и умениями. Великая княгиня была вынуждена довольствоваться рекомендациями человека категорически далекого от медицины, ведь она сама считала его «шарлатаном». Из этого эпизода складывается представление, что зубных врачей при Императорском дворе в 1750-х гг. просто не было.

Другой эпизод очень колоритен, поскольку показывает, как осуществлялись зубоврачебные операции в императорской резиденции и кто их выполнял: «15 декабря мы поехали назад из Москвы в Петербург. Мы ехали день и ночь в открытых санях. В середине дороги у меня опять страшно разболелись зубы, но не смотря на то, Великий князь не позволял закрыть сани… Только что вышедши из саней, я поспешила в отведенные нам комнаты и послала за Боегравом [87], первым медиком Его Высочества, племянником знаменитого. Я просила его вырвать мне этот зуб, который не давал мне покою уже четыре или пять месяцев. Он не соглашался, но я решительно настаивала. Наконец, он велел позвать моего лейб-хирурга Гиона [88]. Меня посадили на пол; Боеграв держал с одной стороны, Чеглокова с другой, и Гион выдернул мне зуб, но в ту минуту как он дергал, изо рту у меня хлынула кровь, из носу потекла вода и из глаз слезы. Боеграв, обыкновенно судивший очень здраво, воскликнул при этом: „Экой

неловкий!“ И когда ему подали зуб, сказал: „Я именно этого боялся и оттого не хотел, чтобы его вырывали“. Вместе с зубом Гион оторвал часть десны приросшей к зубу. Императрица стояла у дверей моей комнаты, в то время как мне рвали зуб. После я узнала, что она очень сожалела обо мне и даже плакала. Меня уложили в постель… Я очень страдала в течение слишком четырех недель, и вышла из комнаты не раньше половины января 1750 года, потому что на щеке у меня долго оставались отпечатанные все пять пальцев господина Гиона в виде синих и желтых пятен» [89].

Видимо, это событие врезалось в память императрице, если ему спустя более чем 30 лет уделено столько внимания. Обращают на себя несколько деталей: во-первых, зубные боли мучили великую княгиню, по ее словам, 4 или 5 месяцев (Екатерине в то время шел 21 год); во-вторых, операция была проведена только после неоднократных и настойчивых просьб со стороны больной; в-третьих, зубоврачебная операция была проведена буквально «на полу», при этом хирург не проявил должной квалификации, вырвав зуб вместе с частью десны; в-четвертых, послеоперационный период (включая косметологические последствия) занял почти целый месяц. Такой уровень зубоврачебной помощи в императорской резиденции приводил к катастрофическим (с современной точки зрения) потерям, поскольку речь шла о зубах молодой женщины.

Вот еще один характерный «стоматологический эпизод» из записок императрицы: «У меня сделался флюс на обеих щеках, или, по крайней мере, я так воображала себе, но после нескольких дней боли у меня выпали четыре больших зуба, с каждой челюсти по два крайних». Екатерина II упоминает об этом эпизоде мимоходом, как о совершенно обыденном, рядовом событии. Вероятно, все эти эпизоды соответствуют действительности (это не политические интриги), и мы видим, что на протяжении 2–3 лет будущая императрица в возрасте едва за двадцать лет лишилась пяти зубов [90].

Став императрицей, она, видимо, не забыла этих удручающих «стоматологических эпизодов», и при ее дворе появились зубные врачи. Вероятно, это произошло уже в 1760-е гг. В то время за зубами уже старались ухаживать и на их состояние обращали внимание. Граф Ф.Г. Головкин вспоминал, говоря о подраставшем великом князе Павле Петровиче: «Его глаза сохранили много выражения, а его очень большие зубы были так белы и ровны, что рот от этого казался почти приятным» [91].

По крайней мере, известно, что когда родились ее первые внуки – великие князья Александр и Константин Павловичи (в 1777 и 1779 гг.), то в

их штат буквально с младенчества наряду с придворными врачами был включен и зубной врач.

Томас Роулендсон (1756–1827). Пересадка (трансплантация) зубов. Раскрашенная гравюра. 1787 г.

К описываемому периоду относится карикатура Роулендсона, посвященная пересадке зубов. В конце XVIII в. беднота продавала свои здоровые зубы, которые шли на зубные протезы для состоятельных людей. В центре гравюры модно одетый дантист удаляет зубным ключом здоровый зуб у трубочиста. При этом стоматологические щипцы валяются на полу. Дама-аристократка, для которой предназначен зуб, пристально наблюдает за процедурой, борясь с дурнотой и нюхая нашатырь. Справа один из помощников дантиста осматривает следующую пациентку, судорожно сжавшую в кулаки свои пальцы. В центре, между этими группами, стоит молодой денди, рассматривающий в зеркало пересаженный зуб. В левой части гравюры, мальчик и девочка, выходят из кабинета дантиста, держась руками за щеку с выдранными зубами, а девочка смотрит на мелочь, полученную за удаленный зуб. На двери объявление: «Деньги выплачиваются за живые зубы».

Во второй половине XVIII в. зубоврачеватели, практиковавшие в России, делились по большому счету на две категории. К первой и самой многочисленной категории относились обычные ремесленники от зубоврачевания, которые занимались экстракцией зубов на ярмарках и площадях. Как правило, их клиентами были люди весьма скромного достатка, они отчетливо понимали и принимали все последствия такого «лечения». Ко второй категории зубных лекарей относились те, кто кроме практических навыков имел и некие теоретические знания в области зубоврачевания. Такие зубные врачи пытались заручиться поддержкой знатных клиентов, дабы те могли оградить их «бизнес» от чиновников медицинской канцелярии.

Например, некий Скардови был принят в 1783 г. на службу ко двору Екатерины II и допущен к лечению больных без всякого экзамена в Медицинской канцелярии. Так как зубной лекарь пользовался личным покровительством императрицы, то чиновники Медицинской канцелярии не могли помешать Скардови заниматься зубоврачеванием. Но в 1786 г. чиновники распространили по всем петербургским аптекам указ, запрещавший отпускать лекарства по рецептам Скардови. Тогда он пожаловался Екатерине II, которая выразила свое неудовольствие Медицинской коллегии через графа Безбородко. В результате Медицинская коллегия приняла компромиссное решение – разрешать отпускать лекарства по рецептам Скардови, но только лекарства, предназначенные для лечения болезней зубов [92].

В Москве много лет занимался зубоврачеванием француз Жак Клерэ, не имея на то никаких прав. Это было возможным также благодаря покровительству знатных особ. «Нелегальный» зубной лекарь был настолько популярен, что власти были вынуждены заставить его сдать экзамены на получение прав на зубоврачебную практику. Директор Медицинской канцелярии П.З. Кондоиди вызвал Ж. Клерэ в Петербург, проэкзаменовал и выдал документ, подтверждавший его квалификацию [93].

4-х дюймовая копия моляра. Слоновая кость. Франция. 1780-е гг. В левой части «зуба» черви пожирают и сам зуб, и самого больного. В правой части «зуба» горит огонь ада, с которым только и может сравниться зубная боль

Несмотря на растущие знания в области зубоврачевания и совершенствование профессионального инструментария, суеверия в этой области продолжали бытовать во множестве. Причем были широко распространены как суеверия, имевшие многовековую историю, так и сравнительно новые, порожденные верой в новаторские медицинские приемы.

l'Agréement aux Dames

Frequentés bal ou Comedie *Cela s'appelle un Agrément*
Mais souvent de Jarvie prenés un Lavement *Ou terme de Galanterie*

A Paris, se vend chez la Veuve St Jean rue St Jacques proche la Porte de Sorbonne

Гравюры второй половины XVIII в. с изображением методики применения «стоматологического» клистира

К суевериям-ветеранам можно отнести убеждение в том, что причиной кариеса, или костоеды, как говорили на Руси, являются «зубные черви». Эта легенда бытовала со времен Древнего Египта, когда страдающие зубной болью убеждались в том, что стоит только прижечь маленького белого червячка (т. е. нерв), который живет в зубе, боль сразу же прекращается. Естественно тогда представлений о зубном нерве не имелось.

Если говорить о новых суевериях, то в XVIII в. было широко распространено убеждение, что «душевный» клистир хорошо помогает при зубной боли, являясь своеобразным методом лечения. Судя по гравюрам, этот метод лечения помогал почему-то только женщинам.

Зубоврачебные мелочи XVIII в.

XVIII в. изменил лицо России. Эти изменения, связанные с реформами Петра I, были мучительны для всей страны и, как водится, обильно политы кровью. Московское царство превратилось в Российскую империю и начало активно участвовать в европейской политике, претендуя на свое место среди великих держав того времени.

Новый статус Российской империи зрительно проявился в том, что официальным наградным государственным камнем стал бриллиант. Поэтому XVIII в. часто называют бриллиантовым… Как это ни странно, но ювелирная составляющая жизни высшей аристократии и Императорского двора имела и свою стоматологическую составляющую. На смену лаконичным и функциональным зубоврачебным инструментам петровской эпохи пришли стоматологические ювелирные кунштюки…

В экспозициях и фондах бывших резиденций российских императоров хранится различный стоматологический инструментарий, выполненный в «дворцовом формате». Такие инструменты, выполненные на грани функциональности и искусства, носили двоякий характер. С одной стороны, это были вполне профессиональные инструменты, а с другой, их оформление было таково, что они являлись полноценными «участниками» роскошной дворцовой жизни. Среди этих повседневных, «щепетильных мелочей» были и вещи, имевшие отношение к стоматологии. Одной из самых распространенных «щепетильных» мелочей были «статусные» зубочистки, изготовленные из золота.

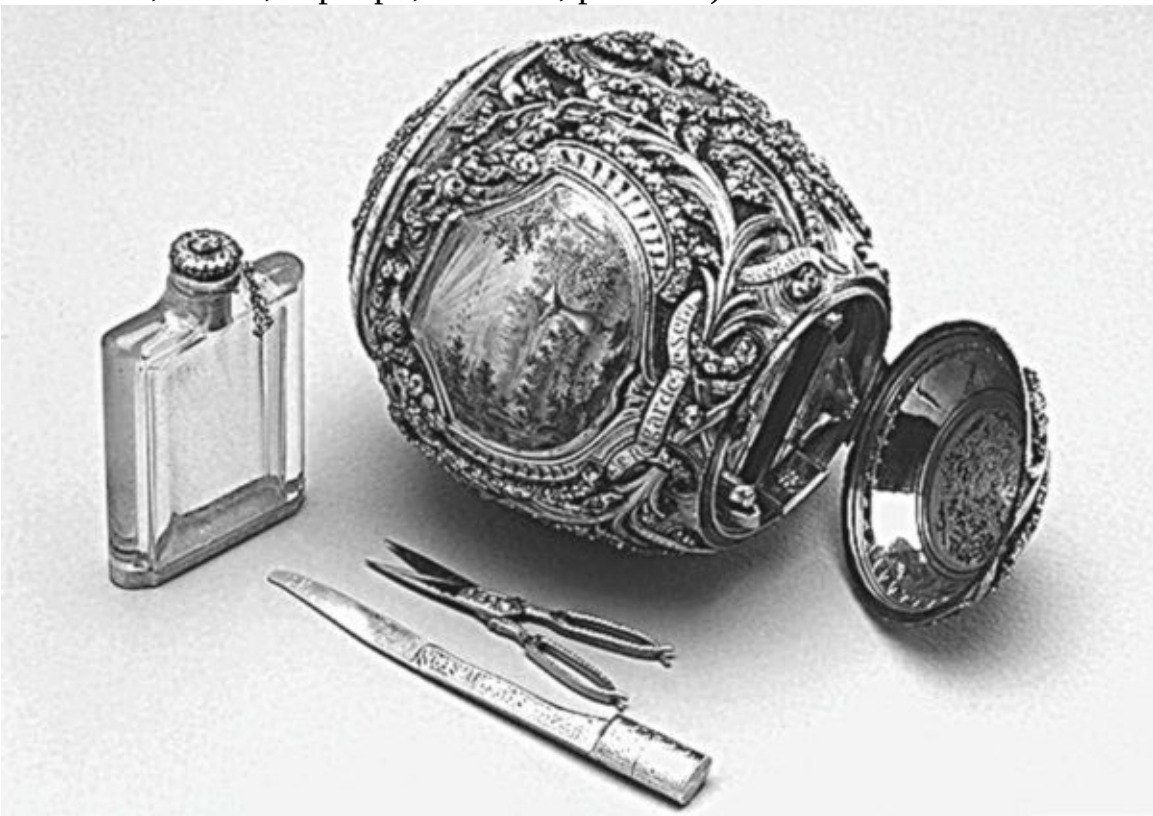

D. Cruikshank (1792–1878). Удаление зуба. Карикатура. 1821 г. На падающем столике умывальника – ручное зеркало, три зуба, скребки, графин, стеклянный стакан, китайская банка с зубным порошком, набор зубных протезов и молоток, использовавшийся для формирования зубных протезов. На окне на ниточках в качестве профессиональной рекламы выставлены удаленные зубы

Эти драгоценные зубочистки могли подвешиваться на цепочке к часам, их могли хранить в готовальнях или в специальных и тоже очень дорогих футлярчиках. В готовальнях среди прочих мелочей предусматривались места и для других вещичек сугубо личного пользования: специальная ложка-копоушка, для того чтобы деликатно почистить ухо, золотая блохоловка на цепочке (она имела вид раковинки или трубочки, заполнялась медом, края смазывались куриной кровью) и непременная золотая зубочистка.

Подчас драгоценные зубочистки становились частью целых ювелирных «наборов». Например, одной их жемчужин Галереи

драгоценностей Государственного Эрмитажа является несессер в форме яйца с часами, изготовленный в Париже в 1757–1758 гг. (золото, бриллианты, эмаль, серебро, чеканка, роспись).

Несессер в форме яйца с часами. Франция. 1757–1758 гг. Государственный Эрмитаж

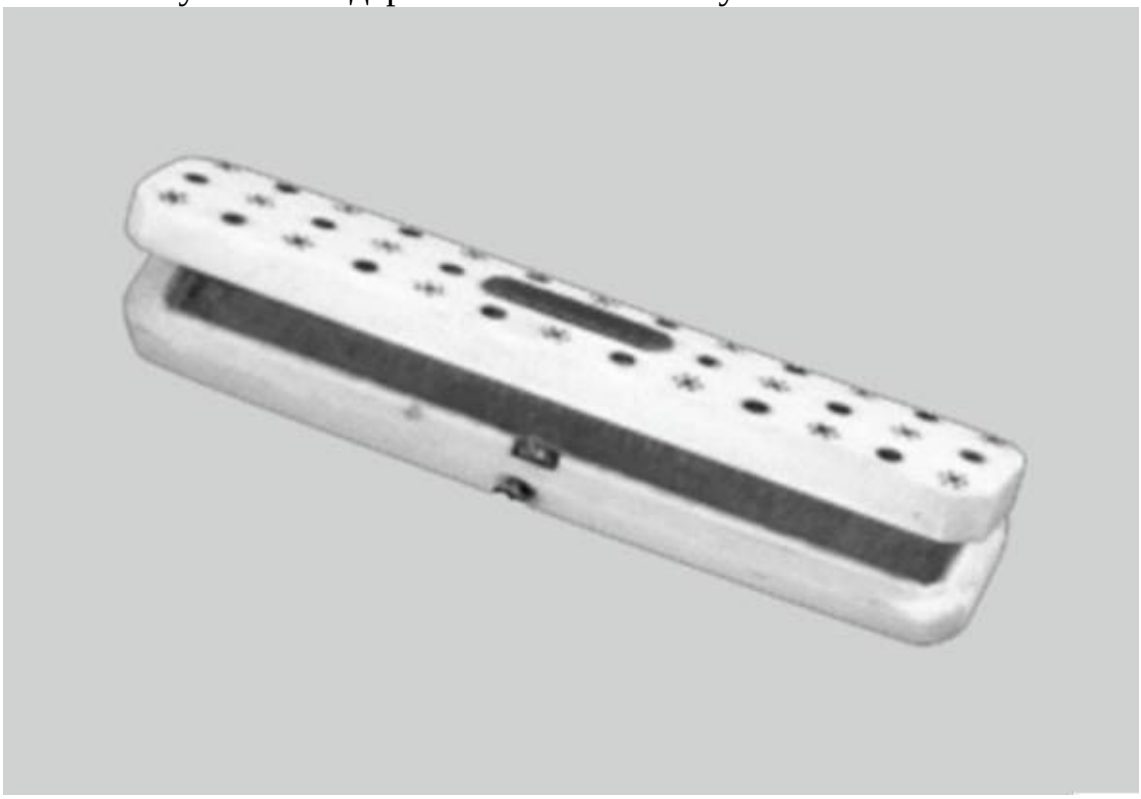
Несессер и его предметы: блохоловка, напильник для ногтей, ножницы, стальная игла с уховерткой, нож для бумаги

Согласно легенде, этот несессер с часами поднес императрице Елизавете Петровне (1741–1761 гг.) один из посланников французского двора Людовика XV в качестве пасхального подарка. Собственно именно этим и объясняется яйцеобразная форма несессера. Статус дипломатического подарка подчеркнут вензелем императрицы Елизаветы, эмалевыми ландшафтами и русским государственным двуглавым орлом. Драгоценное яйцо, выполненное из разноцветного золота, декорировано эмалью и бриллиантами. Такие драгоценные несессеры наполнялись как утилитарными предметами, так и различными шутками-кунштюками.

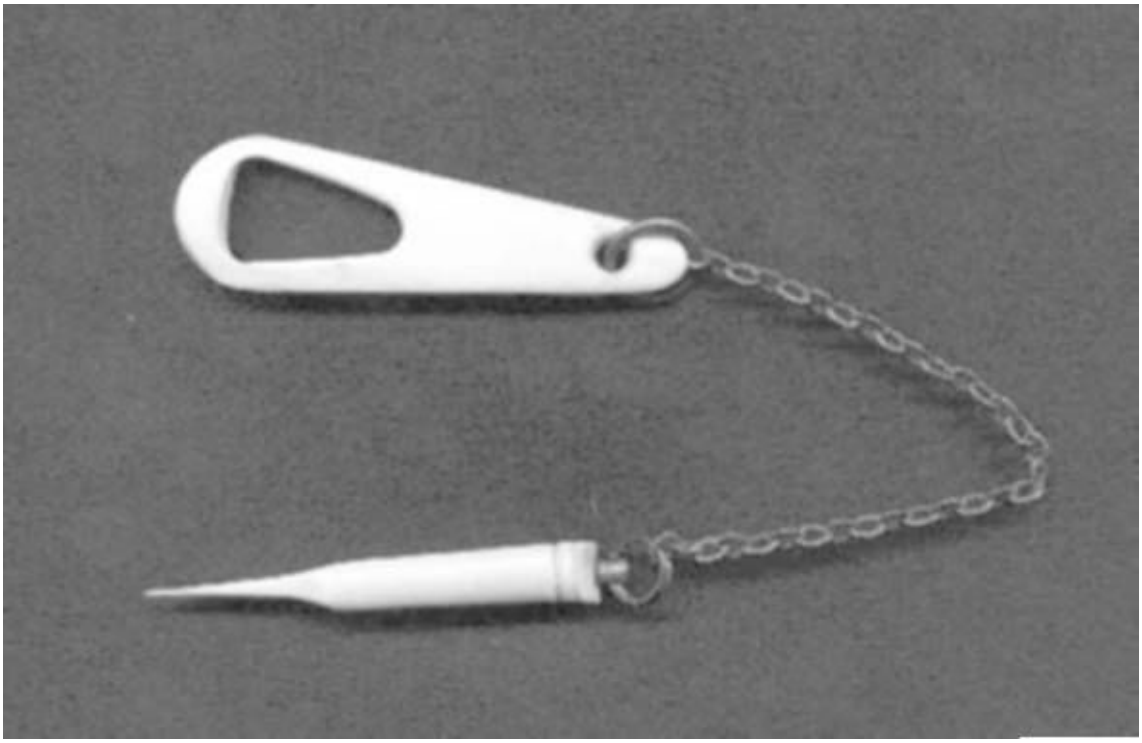
Внутри несессера с одной стороны вмонтированы часы работы

Франсуа Бекарта с эмалевым циферблатом и украшенными бриллиантами фигурными стрелками. С другой помещен несессер с восемью маленькими предметами для туалета. В их числе: золотые ножницы со складными ручками; хрустальный флакон с золотой пробкой, украшенной бриллиантом; продевальная золотая игла; золотой складной нож; *золотая зубочистка]*костяная пластина для записи в золотом футляре; карандаш с золотой ручкой и пинцет, заканчивающийся маленькой ложечкой-уховерткой, обязательным предметом каждого несессера XVIII столетия. Несессер имеет еще два вместилища на боковых сторонах, предназначенных для хранения мушек.

Отметим, что статусные золотые зубочистки издавна являлись непременным атрибутом всех европейских королевских дворов. Шотландский король Джеймс IV купленные им две золотые зубочистки носил на шее, на золотой цепочке. Его сын Джеймс V в 1541 г. приказал придворному кузнецу изготовить серебряную коробочку для хранения серебряных зубочисток. По преданию, в 1570 г. английская королева Елизавета получила в подарок шесть золотых зубочисток.

Футляр для зубочисток. Слоновая кость. Англия. 1801–1850. Зеркало в крышке

Зубочистка и скребок для языка. Слоновая кость. Европа. Вторая половина XVIII в.

История зубочистки началась в древнейших центрах цивилизации – Древнем Египте и Шумере. Одна из первых зубочисток, изготовленных из золота в Шумере, обнаружена и датирована 3000 г. до н. э. В письмах греческого философа Альцифиона, жившего во II в. до н. э., встречается упоминание о распространенном в то время средстве гигиены – зубочистке.

Имелись золотые зубочистки и у Екатерины II. После ее смерти из Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца изъяли множество уникальных ювелирных изделий. В их числе упоминаются *две зубочистки золотые*и *«двои клещи для чищения зубов: одни золотые, другие серебряные*».

Как это ни странно сегодня, но тогда считалось обычным делом дарить или завещать золотые «использованные» зубочистки вместе со специальными ящичками к ним. Когда в 1828 г. умерла императрица Мария Федоровна (супруга Павла I), то по завещанию ее золотые зубочистки передали «на память» не только сыновьям, но и двум ее зятьям. Император Николай I получил «футляр с зубочисткой, бывшей первой игрушкою императора Александра и его братьев и сестер», а его младший брат

Михаил – «футляр с зубочисткою его покойного отца». Внучка умершей императрицы, великая княгиня Мария Павловна, получила две

«шкатулочки с зубочистками из сандального дерева, полученные мною от покойной матери моей». «Любезного зятя», принца Вильгельма Оранского, Мария Федоровна одарила «золотой зубочисткой, подаренной мне матерью».

Другой «любезный зять»

– эрцгерцог Иосиф – получил «ящичек для зубочисток из лазурита, подаренный ею». Получил подобные «щепетильные» вещички и ближайший обслуживающий персонал. Доктору императрицы «г-ну Рюлю» достался «золотой футляр для зубочистки, украшенный цветком», а лакею Гриму – «черепаховый ящичек для зубочисток».

Великая княгиня Мария Федоровна. 1780-е гг. Неизвестный художник

Упомянем и о том, после смерти Александра I в 1825 г. в Зимний дворец из Ораниенбаума доставили принадлежавший императору «ящичек маленькой красного дерева», в котором хранились четыре золотые зубочистки [94]. Тогда же в кабинете Александра I в Зимнем дворце хранился «черепаховый футляр с зубочистками» [95]. Сегодня в экспозиции Большого Екатерининского дворца Царского Села можно увидеть вполне функциональные зубочистки в ящичке из красного дерева, лежавшие на столе Александра I в его рабочем кабинете: «Зубочистки в футлярах. Санкт-Петербург. 1800—1810-е гг. Перо птичье, красное дерево, резьба. Из Рабочего кабинета Александра I».

Впрочем, если у Александра I функциональные зубочистки хранились в деревянном ящичке из красного дерева, то у Николая II для этих же целей использовался стаканчик «от Фаберже». В перечне драгоценных предметов, хранившихся в комнатах Николая II в Зимнем дворце, упоминается «Стаканчик, внутри золоченый, голубая эмаль по филигранной отделке, для зубочисток. 19 июня 1898 г. Взята (так в документе. – *Прим. авт.)*обратно в Царское Село 15 декабря 1911 г.» [96].

Как мы видим, использование золотых зубочисток было обычным делом в обиходе постоянных обитателей императорских резиденций. При этом зубочистки использовались не только «по назначению», но и как памятные ювелирные «пустячки», передававшиеся по наследству.

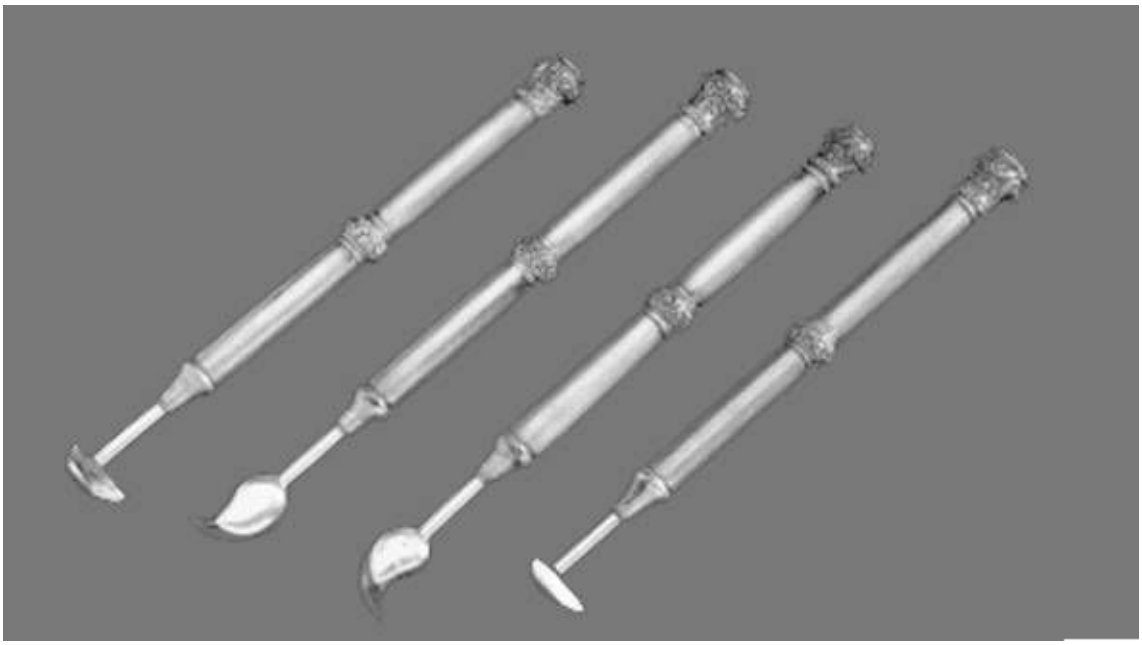
Кроме такого пустяка, как золотая зубочистка, в Галерее драгоценностей Государственного Эрмитажа хранится еще один несессер, изготовленный в Лондоне около 1760 г. (золото, серебро, бриллианты, агат, перламутр, стекло, сталь, черепаховый панцирь, кость, кожа, бархат; полировка, чеканка). Среди прочего внутри несессера в специальных гнездах хранилась стальная игла с уховерткой и *стальная золоченая ручка для ввинчивания пяти предметов дантиста.*Судя по всему, эти *предметы дантиста*изготовлены из добротной стали и вполне профессиональны. Так что начало традиции появления персональных (еще не разовых) стоматологических инструментов можно смело отнести к середине XVIII в.

Зубоврачебный инструментарий. Франция. 1700–1800. Музей науки. Лондон

Зубоврачебный инструментарий. Англия. 1700–1800. Музей науки. Лондон

Инструменты-полирователи. Серебро, золото, рабочие головки из минералов – гелиотропа и агата. Франция. 1780–1820-е гг.

Довольно рано состоятельные зубные лекари стали заказывать

профессиональные инструменты у ювелиров, которые своим мастерством могли спаять функциональную сталь, роскошную позолоту и слоновую кость.

В качестве примера упомянем специальные полирователи пломб, изготовленные из позолоченной стали, с головками, на которые укреплялись природные абразивы – гелиотроп и агат. Эти полирователи принадлежали личному дантисту шведских королей. Инструменты использовались для тщательного полирования затвердевшего цемента в пломбах царственных клиентов.

В XIX в. дворцовые традиции «ювелирной стоматологии» были продолжены. Так, семейным событием в императорской семье становилось прорезание «первого зубка» у подраставших детей. Это событие становилось официальным поводом для награждения прислуги, ухаживавшей за царскими детьми. Так, 12 марта 1826 г. императрица Александра Федоровна пополам с Николаем I подарила «надворной советнице Кассовской по случаю прорезания первого зуба у Великой Княжны Александры Николаевны» бриллиантовый фермуар с тремя аметистами, стоивший Кабинету Его Императорского Величества 1240 руб. Одновременно с Кассовской бриллиантовый фермуар с тремя гиацинтами за 720 руб. от Александры Федоровны также пополам с Николаем I получила и простая крестьянка, кормилица великой княжны Александры Николаевны, «по случаю прорезания зуба» [97]. Примечательно, что сама англичанка Кассовская впоследствии превратила этот «первый зубок» в ювелирное украшение, приказав поместить его под стекло медальона, усыпанного бриллиантами [98].

Таким образом, малозаметной, но удивительно долго сохранявшейся частью «щепетильного» XVIII в. стали драгоценные предметы, имеющие отношение к стоматологии, хранящиеся в музеях и поныне.

Очень широкое распространение в XVIII в. получили *скребки для чистки языка.*Один из таких серебряных скребков можно увидеть в Особой кладовой Большого Петергофского дворца. Подобные скребки экспонируются и в Павловском дворце среди вещей императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I).

Когда Мария Федоровна вышла замуж за цесаревича Павла Петровича, они совершили большое путешествие по Европе. Во время визита во Францию королева Мария-Антуанетта вместе с Людовиком XVI подарили им большие гигиенические (туалетные) наборы, куда входили и скребки для языка. Предметы этого набора, безусловно, являясь произведениями

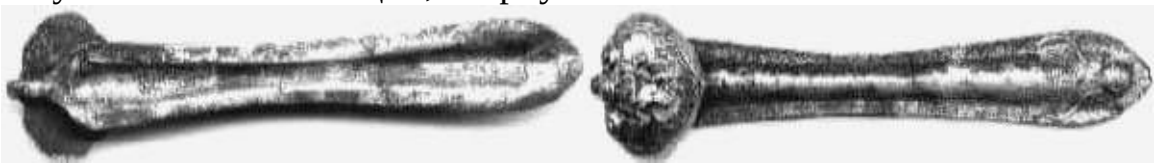
искусства, вместе с тем выполняли сугубо утилитарные задачи. По этим наборам уже впоследствии делался походный туалетный набор Александра I, их сына, который прошел с ним всю войну с Наполеоном.

В Россию практика использования скребков для очищения языка, как и многое из галантных мелочей, пришла из Европы. Отметим, что еще Авиценна в X в. писал о необходимости регулярной очистки языка. Он рекомендовал для этого использовать палочки деревьев, богатых эфирными маслами. Для аристократов Древнего Китая чистка языка перед каждым приемом пищи была необходимым условием для того, чтобы в полной мере насладиться утонченной изысканностью подаваемых блюд.

Скребки для чистки языка использовались представителями разных сословий. Отличался только материал, из которого изготавливались скребки. Аристократы и вообще состоятельные люди пользовались скребками из золота или серебра, простолюдины – бронзовыми, медными или железными. Металлический скребок должен был быть гибким и отполированным до блеска, край его – тонким, но не острым.

Часто мастера использовали для изготовления скребков слоновую кость или панцирь черепахи. Если приводить конкретные примеры, известно, что скребком для чистки языка, изготовленным из слоновой кости, пользовался шведский король Карл XII (1682–1718). Скребок сохранился и экспонируется до настоящего времени.

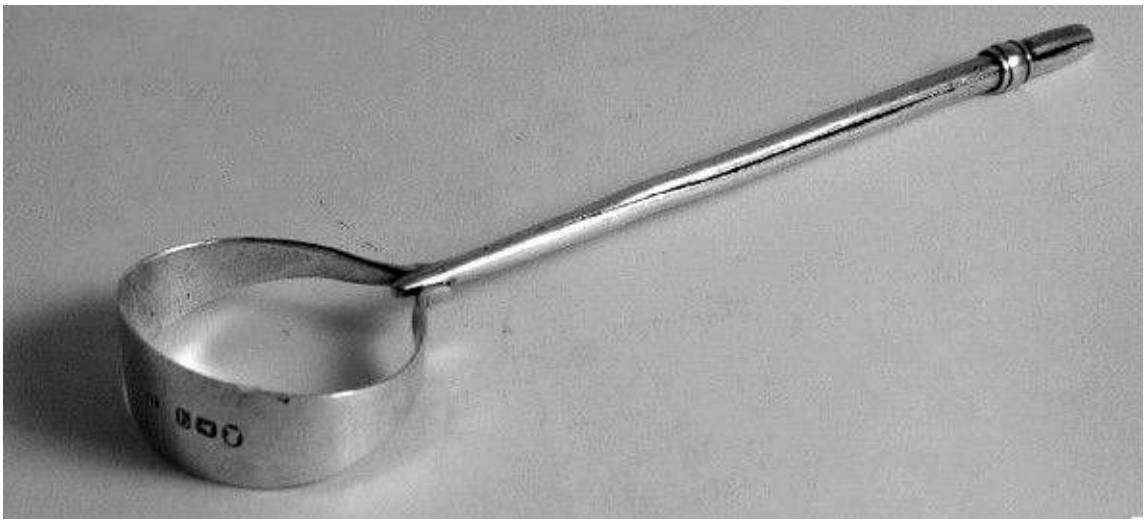
Что касается *зубных щеток*,то употребление их примитивных аналогов восходит к временам далекой древности. В литературе есть упоминания, что народы Азии, Африки и Южной Америки использовали приспособления, подобные зубной щетке, задолго до нашей эры. Еще в ассирийских медицинских текстах встречаются описания методики чистки зубов указательным пальцем, обернутым тканью.

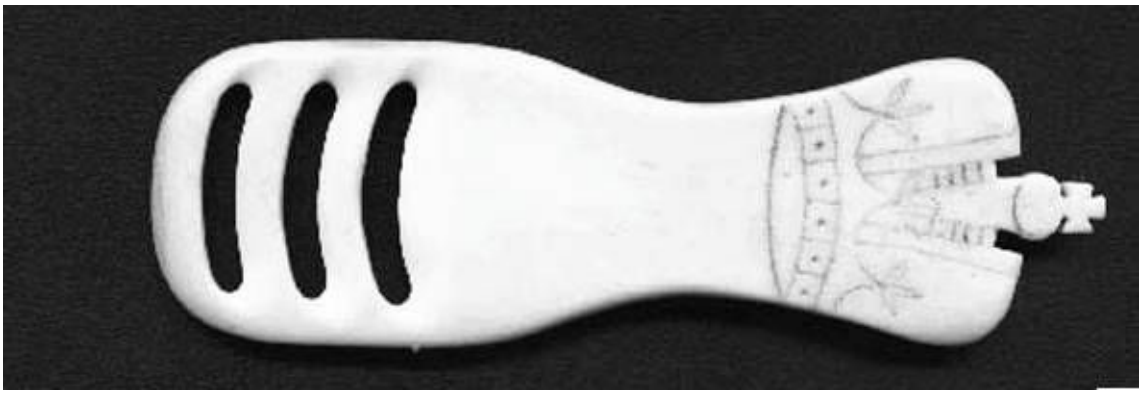
Скребок для чистки языка. Китай. Династия Цинь

Скребок для чистки языка английского короля Георга III

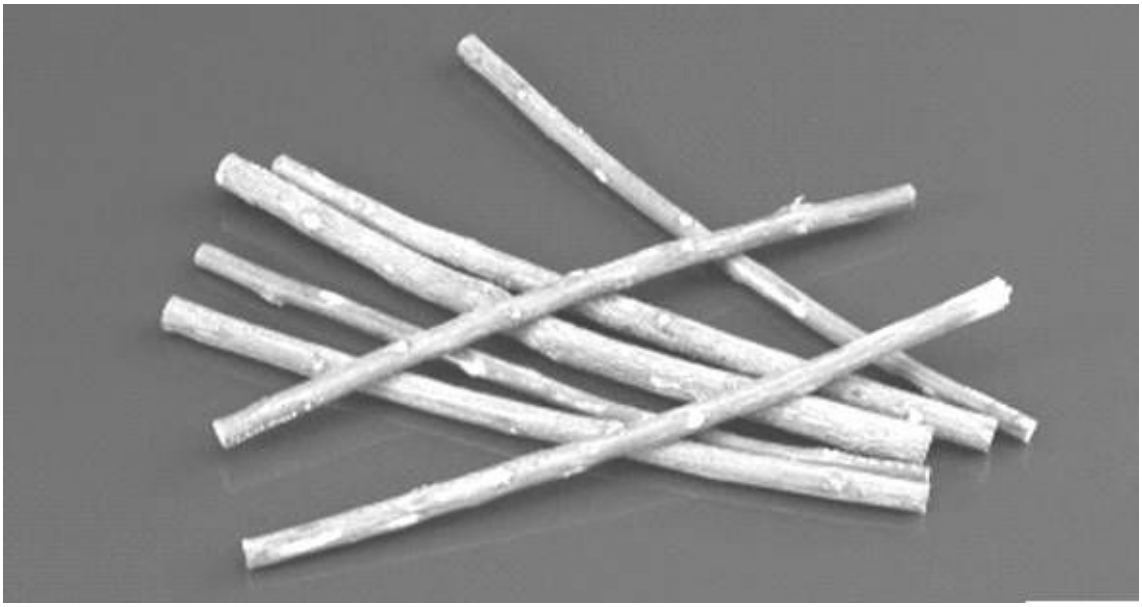

Скребок для чистки языка. Слоновая кость. Позолоченное серебро. Вторая четверть XVI в.

Скребок для чистки языка Карла XII. Слоновая кость. Геральдический орнамент.

Первая четверть XVIII в.

Древесные зубные щетки. Веточки дерева нима. Индия.1880–1920-е гг.

Цивилизация Древнего Китая, среди прочих эпохальных изобретений, породила и зубную щетку, форму и технологию изготовления которой очень быстро заимствовали соседи великой цивилизации. Древнейшая дошедшая до нас из китайских зубных щеток датируется самым концом XV в. [99]Эта щетка представляла собой кисточку из щетины сибирского вепря, закрепленную на бамбуковой, а затем и костяной основе. Для изготовления зубных щеток брали только самые твердые и прочные щетинки – с хребта вепря. Тогда «зубная щетка» имела вид кисточки для рисования.

В таком виде зубные щетки, или, как их называли в России «зубные веники», попали в Европу и использовались там многие годы. Надо сказать, что в период позднего Средневековья зубная щетка приживалась очень непросто, поскольку даже посещение бань в среде европейской аристократии считалось дурным тоном. Да и щетина казалась слишком жесткой, травмирующей десны, поэтому в качестве замены пытались использовать щетину лошади и барсука.

Распространение зубной щетки в среде европейской аристократии начинается во второй половине XVII в.

Мисвак. Зубная щетка у арабов в Средние века

В немалой степени востребованности зубной щетки способствовали рекомендации авторитетнейшего Пьера Фошара, который в своих сочинениях настойчиво рекомендовал ежедневную чистку зубов. Постепенно сложилась некая мода, а затем использование зубной щетки превратилось в один из стереотипов поведения.

В литературе утверждается, что первое упоминание о зубных щетках в Европе относится к 1675 г. Считается, что первым изготовителем зубных щеток стала лондонская фирма «Аддис» (1780 г.). В специальной литературе упоминается, что «в конце XVIII в. Пупенкергером была открыта первая фабрика зубных щеток в Германии» [100]. Все они использовали натуральную щетину. В начале XIX в. щетки стали

изготавливать во Франции.

В России зубные щетки стали использоваться с XVIII в. Но еще много раньше на Руси бытовали «зубные метелки», состоящие из деревянной палочки и метелки из свиной щетины. Как вариант – разжевывали палочку смолистого дерева и получившейся метелкой чистили зубы. При Петре I аристократов обязали перед ассамблеями проводить обязательную чистку зубов «зубным веником». Такие «гигиенические указы» вполне вписывались в контекст петровской эпохи.

Кроме этого, с конца XVI в. на Москве жевали серу (лиственничную смолу), приготовленную специальным образом и привезенную из Сибири [101]. Лиственничную смолу-живицу, или камедь, выступающую из трещин лиственницы, собирали и варили на пару, получая массу серого цвета. Отсюда и название. Жевание серы было широко распространено в Сибири. В Восточной Сибири бытовала когда-то детская прибаутка: «Солнышко, солнышко, выглянь в окошко! Твои детки плачут, серу колупают, нам не дают, черному медведю по ложке, нам ни крошки!» Эта своеобразная сибирская жвачка заменяла зубную пасту и щетку, освежала полость рта, очищала зубы и укрепляла десны.

При дворе Екатерины II в повседневном обиходе бытовали различные ювелирные женские «щепетильные» мелочи, в том числе и стоматологического характера. Сама императрица активно пользовалась не только традиционной косметикой (фарфоровые баночки с румянами), но инструментами для чистки языка, зубочистками и зубными щетками. О том, что у Екатерины II имелись свои зубные щетки, мы точно знаем из архивных документов.

Деревянный ящичек для туалетных принадлежностей. Франция. 1801–1830 гг. Заказ императора Наполеона для своих генералов

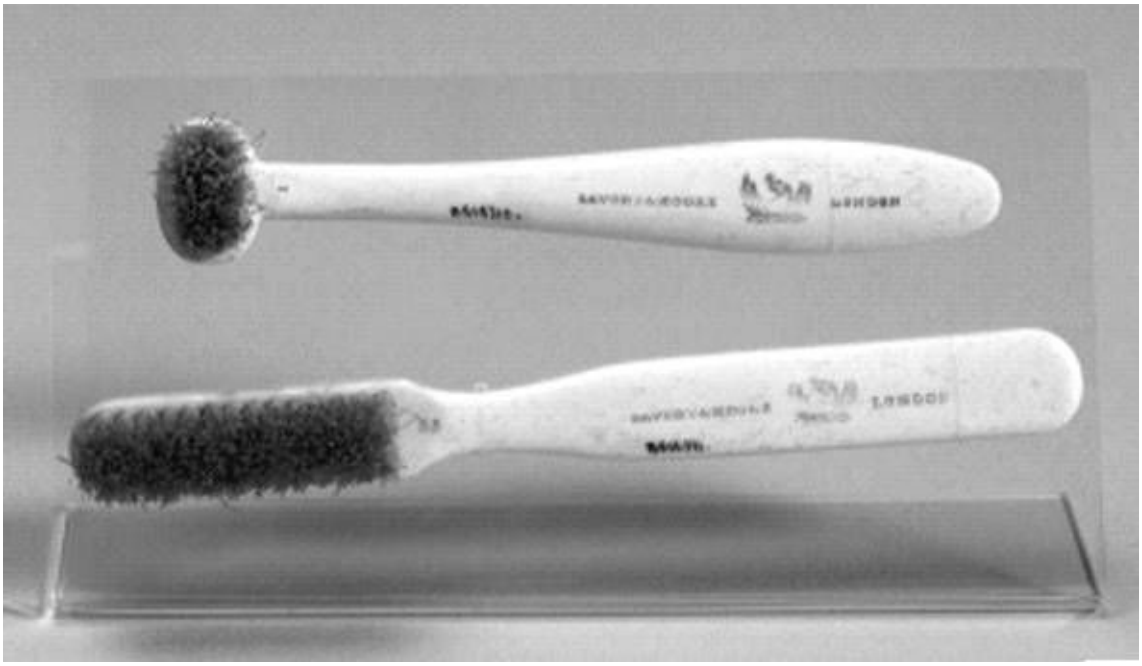
История следующая… После смерти первого лица из его комнат немедленно изымались документы и драгоценные вещи. Все остальные личные вещи в опечатанных в комодах десятилетиями хранились в дворцовых кладовых. Когда Николай I в конце 1825 г. стал хозяином Зимнего дворца, кладовки начали постепенно очищаться от залежавшегося дворцового хлама. В 1831 г. вскрыли опечатанный комод с личными вещами Екатерины II. В описи среди разных вещей, упоминаются: «Шкатулка, в коей шесть фарфоровых баночек с румянами, два черепаховых гребешка, две такие же штучки для чищения языка и две сщеточки» [102]. Это упоминание о двух скребках для языка и двух «сщеточках» подтверждает факт использования зубных щеток в Зимнем дворце во времена Екатерины II. Можно предположить и то, что такая пустяковина, как зубная щетка, изготавливалась в Петербурге, а не привозилась из Европы.

В специальной литературе утверждается, что император Наполеон подарил своим маршалам компактный гигиенический набор в деревянном футляре, в который входила и обязательная зубная щетка. Это был намек на

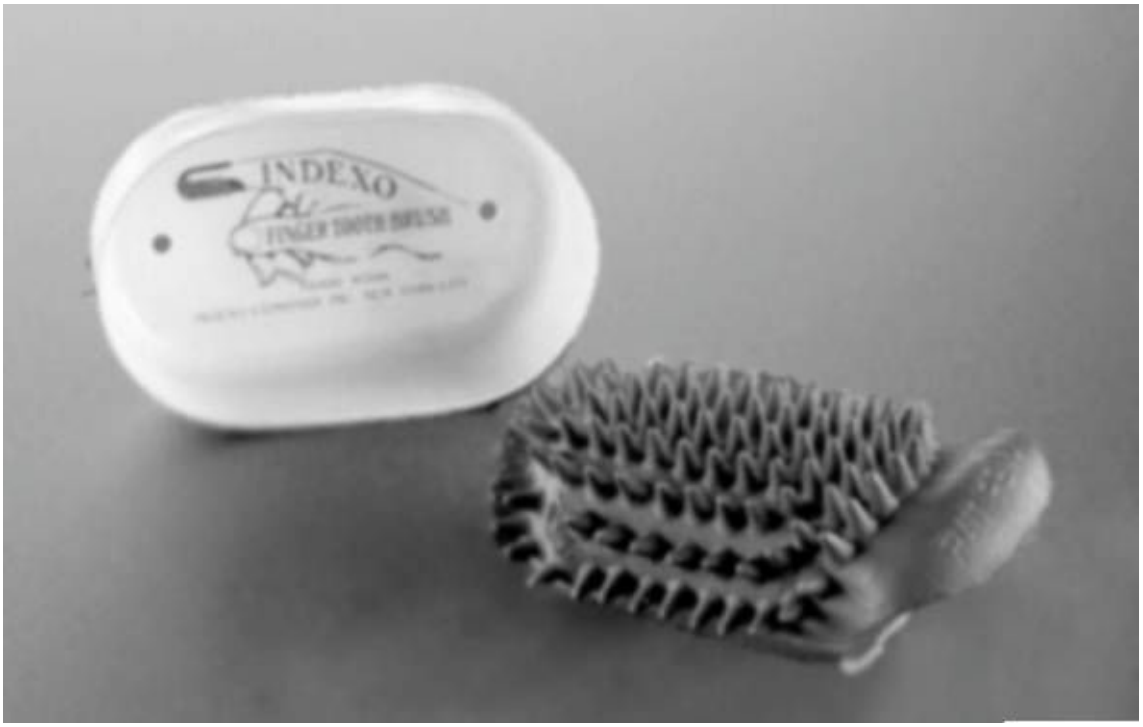
долгую походную жизнь даже для маршалов империи, требующей добротной экипировки.

Зубная щетка, скребок для чистки языка, футляр для зубного порошка

Зубная щетка со щетиной из конского волоса. Лондон. 1870–1920-е гг.

Зубная щетка, надеваемая на палец. Резина. США. 1901–1925 гг.

Такие гигиенические комплекты, с самым разным набором предметов, выпускались в Европе на протяжении всего XIX в. Эти наборы были непременными спутниками не только офицеров, но и путешественников.

Форма зубной щетки неоднократно менялась. Привычный сегодня вид зубная щетка приобрела в Англии. В литературе приводится дата – 1870 г., когда щетинки перпендикулярно вставили в костяную ручку и связали через отверстия в ней.

В конце XIX в. были сделаны первые попытки найти заменитель натуральной щетине. Причиной стало выдвинутое французским микробиологом Луи Пастером предположение, что причиной многих зубных болезней являются микробы и вирусы. При этом зубные щетки с их влажной натуральной щетиной стали считаться настоящими переносчиками этих микробов. Поэтому стоматологи рекомендовали ежедневно кипятить зубные щетки. На это не всегда было время, да и щетина в результате этой процедуры быстро изнашивалась, и щетка приходила в негодность.

Однако синтетические заменители нашли очень нескоро. Например, в начале XX в. в качестве гигиеничного и удобного материала пытались

использовать резину. Для этого изготавливалась резиновая «зубная щетка», одевавшаяся на палец.

Для зубной щетки требовался *зубной порошок.*История зубного порошка, как мы упоминали, восходит к временам Древнего Египта. О зубном порошке упоминается в знаменитом папирусе Эберса.

Составов зубных порошков было множество, например: смесь истолченной пемзы, яичной скорлупы, мирры и пепла сожженных внутренностей быка. В папирусе Эберса рекомендовалось натирать зубы луком, что делало их блестящими.

Древние греки знали свои оригинальные рецепты зубных порошков. Они использовали зубной порошок на основе пемзы с добавлением в него натуральных кислот – винного уксуса, или винной кислоты. Афинский врач и современник Аристотеля Диокл Критский рекомендовал: «Каждое утро следует протирать десны и зубы голыми пальцами, потом растирать внутри и снаружи на зубах мяту, чтобы удалить, таким образом, оставшиеся кусочки пищи».

В Древнем Риме одной из компонент зубного порошка стала мочевина, поскольку аммиак, содержавшийся в ней, прекрасно удалял зубной налет, отбеливая зубы. Мочевину добавляли в зубную пасту вплоть до XVIII в. В Римской империи перечень элементов, входивших в состав зубных порошков, значительно расширился. Римляне стали использовать не только пемзу, которая стирала зубную эмаль, но и щадящий тальк, коралловый и корундовый порошок, железную ржавчину. Знаменитый врач Древнего Рима Цельс рекомендовал для удаления «черных пятен на зубах» оригинальный состав: смесь измельченных розовых лепестков, дубильного ореха и мирра, после чего рот следовало полоскать молодым вином.

В Средние века в Европе широкое распространение получили *зубные эликсиры.*Их изготавливали лекари, монахи и, естественно, шарлатаны. Рецепты были самые причудливые и держались в секрете. Самым популярным стал зубной эликсир, разработанный монахами-бенедектинцами. Его изобрели в 1373 г. и продавали в аптеках еще в начале XX в. Как правило, зубной порошок и зубной эликсир использовались последовательно.

В России со времен Петра I зубы чистили тряпочкой и щепотью толченого мела. В деревнях зубы натирали березовым углем, который их отбеливал.

Зубной порошок в привычном для нас виде появился в конце XVIII в. в Англии. При этом в состав порошка включались и вещества, которые травмировали эмаль зубов: кирпичная пыль, размельченный фарфор.

Средства для чистки зубов продавались в сосудах в двух видах – в виде порошка и в виде пасты. До конца XIX в. зубы чистили преимущественно зубным порошком. Продавали его в небольших бумажных пакетиках, костяных или жестяных коробочках, которые украшались соответствующей «стоматологической рекламой». Уже тогда зубной порошок стал многофункциональным. Он не только удалял зубной налет, но и придавал свежесть дыханию. Для этого использовались натуральные ароматизирующие добавки – экстракт фруктов и ягод. Зубной порошок старались сделать приятным на вкус, для этого в него добавляли глицерин. Впрочем, были и «бюджетные рецепты» – так, бедняки, как и во времена античности, чистили зубы пальцем, предварительно опустив его в соль.

С 1850-х гг. основой зубного порошка стал мел, в который добавляли натуральные растительные экстракты (корицу, шалфей, фиалку и пр.) или эфирные масла. Сначала зубные порошки готовились по рецептам в аптеках, позже было налажено их промышленное производство. Основой зубных порошков промышленного производства оставался мел, в него добавлялся карбонат магния.

Офис и магазин фирмы «Колгейт». 1806 г. Нью-Йорк

Со второй половины XIX в. начались опыты по созданию зубной

пасты. Для этого тончайшую меловую пудру растворяли в желеобразной массе. Эта масса готовилась на основе крахмала, из которого на водном растворе глицерина вырабатывали специальный клейстер. Позже крахмал заменили натриевой солью органической кислоты, стабилизирующей суспензию мела.

Полученную зубную пасту фасовали по стеклянным баночкам. Первым по этому пути в 1873 г. пошел нью-йоркский предприниматель Колгейт, его фирма, основанная в 1806 г., специализировалась на продаже мыла и крахмала. Это был прорыв. Однако стеклянные баночки с пастой были не удобны.

Идея Колгейта получила развитие, когда пасту поместили в жестяной тюбик – такой же, как тюбик с красками у художников. В 1892 г. дантист Вашингтон Шеффилд изобрел тюбик для зубной пасты. В 1894 г. был разработан тюбик с насосной подачей, очень похожий на современный. В 1896 г. фирма «Colgate» стала производить зубные пасты в тюбиках по собственной технологии. Это был еще один прорыв. В результате зубные пасты в тюбиках получили всеобщее признание в Америке и Европе. Постепенно, уже в XX в., зубной порошок был вытеснен с полок магазинов и аптек зубной пастой.

Зубная паста в стеклянной баночке. 1873 г.

Металлический флакон с зубным порошком Грейвса. США. 1906–1916 гг.

Самыми популярными викторианскими зубными пастами были «вишневая паста» и «паста с бетелем». На самом деле у этих паст не было привкуса ни вишни, ни бетеля. Они назывались так из-за красного цвета, полученного благодаря добавлению кармина. Вариации цвета от ярко-красного до бледно-розового использовали в качестве рекламного хода – таким образом пастам можно было дать романтичное название вроде «Дамасская Роза», «Гвоздика», «Коралл». Пасту без красного пигмента называли «Белой Вишней». Существовали также антисептические и карболовые пасты. Во второй четверти XIX в. для чистки зубов использовали «зубное мыло». Оно состояло из ядрового мыла, мела и отдушки (мятного масла), тщательно перемешанных между собой. Зубное

мыло выпускалось в виде кусков и пластинок различной формы, упакованных в бумагу или картон. Оно было удобно в применении, но оказывало неблагоприятное влияние на ткани десны.

Баночки с вишневой зубной пастой

Зубная паста в тюбике. «Колгейт». 1896 г.

В начале XX в. вторую жизнь на основе новых технологий приобрели средства для полоскания полости рта. Новые зубные эликсиры содержали хлорофилл для придания свежего зеленого цвета. В 1915 г. в состав средств начинают вводить экстракты из деревьев, растущих в юго-восточной Азии, например, эвкалипт. Таким образом, к концу XIX в. на смену ювелирным изделиям «стоматологического профиля», бытовавшим в XVIII в., пришли вполне обыденные зубные щетки и зубные пасты, которыми пользовались и очень небогатые люди, считавшие нужным следить за состоянием своих

зубов.

Глава 4
ЗУбоврачевание при императорском дворе в XIX – начале XX века

В начале XIX в. теоретический багаж зубных врачей продолжал пополняться. Связано это было с развитием хирургической стоматологии. Выдающиеся хирурги медицинского факультета Московского университета и Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии (впоследствии – Военно-медицинская академия) внесли в этот процесс заметный вклад.

П.А. Загорский в «Сокращенной анатомии…» (1802 г.) подробно изложил основы анатомии челюстно-лицевой области. И.Ф. Буш в «Руководстве к преподаванию хирургии» (1807–1808 гг.) представил основы терапевтической и хирургической стоматологии, зубопротезной помощи и профилактики заболеваний зубов. Профессор И.В. Буяльский впервые ввел операцию резекции верхней челюсти по поводу новообразования, успешно проводил пластические операции (восстановление нижней губы из кожи подбородка), разрабатывал новый стоматологический инструментарий. Большое количество стоматологических операций провел Н.И. Пирогов. Им разработаны методы пластических операций на лице (например, ринопластика), изготовлены наборы хирургических инструментов, в которые входил и зубоврачебный инструментарий.

В первой половине XIX в. на русском языке стали издаваться переводные и оригинальные работы по зубоврачеванию и челюстно-лицевой хирургии. Среди них монография Карла Ф. фон Грефе (1787–1840 гг.) «Ринопластика» (1818 г.), переведенная в 1821 г., и книга Б. Гана «Распознавание и лечение золотушной английской болезни и трудного прорезывания зубов у детей» (1829 г.). В 1829 г. вышла в свет «Дантистика, или зубное искусство» А.М. Соболева, ставшая энциклопедией новейших для того времени знаний в области зубоврачевания (терапевтической и хирургической стоматологии, ортодонтии и профилактики заболеваний зубов). Профессор кафедры теоретической хирургии Академии П.П. Заболоцкий-Десятовский в 1856 г. издал монографию «О болезни рта и соседних ему частей».

Предупреждение заболеваний зубов стало темой книги «Санкт-Петербургский зубной врач», написанной известным зубным врачом Б.С.

Вагенгеймом. По его оценкам, зубоврачебная помощь в Петербурге в первой половине XIX в. вполне соответствовала уровню зубоврачевания на Западе, а в некоторых отношениях и превосходило его, поскольку уже тогда в некоторых из петербургских высших учебных заведений проводились профилактические осмотры с последующей санацией полости рта.

В первой половине XIX в. в России появились первые врачи-ортодонты. Это были лекари, выпускники медицинских факультетов российских университетов, имевшие право лечить все болезни и выполнять все операции без исключения. В оперативной же стоматологии работали очень многие – от цирюльников до дантистов, поскольку для экстракции требовалась крепкие нервы, твердая рука и некоторый практический навык.

Следует подчеркнуть, что профессиональная специализация в области зубоврачевания в начале XIX в. была редким явлением. Так, в 1809 г., согласно «Российскому медицинскому списку», в России числилось всего 18 зубных врачей (дантистов), большинство из них были иностранцами, часто не имевшими ни общемедицинского, ни зубоврачебного образования. Эти 18 дантистов составляли менее 1 % всех зарегистрированных в «Списке» врачей. В последующие годы число дантистов прирастало буквально черепашьими темпами: 1811 – 24; 1812 – 24; 1818 – 29; 1822 – 33; 1824 – 36; 1825 – 40; 1826 – 44 человека [103]. Как мы видим, для огромной империи динамика, связанная с увеличением количества лиц, «имеющих ограниченное право на производство врачебной практики», была минимальной.

Если обратиться к самому «Списку» (1812 г.), то представленная в нем информация весьма скупа. В графе «Чин» только у дантиста Александра I Карла Августа Сосерота указано – «коллежский советник». Следовательно, это был единственный на то время дантист, состоявший на государственной службе. Все остальные дантисты занимались частной практикой. Что касается национальной принадлежности и подданства, то приведенные в «Списке» дантисты в абсолютном большинстве были подданными европейских государств. Из «прирожденных россиян» в «Списке» значится только Илья Лузгин [104].

Томас Роулендсон (1756–1827). Французский стоматолог показывает искусственные зубы своей работы, а беззубый потенциальный клиент внимательно разглядывает их сквозь лорнет. Раскрашенная гравюра. 1811 г.

Дантист

Зубные врачи Александра I

Особую страницу в истории российской стоматологии сформировали придворные зубные врачи, годами лечившие российских самодержцев и членов их семей. Эти малоизвестные факты, связанные с обслуживанием российских самодержцев, отложились в фондах различных российских архивов.

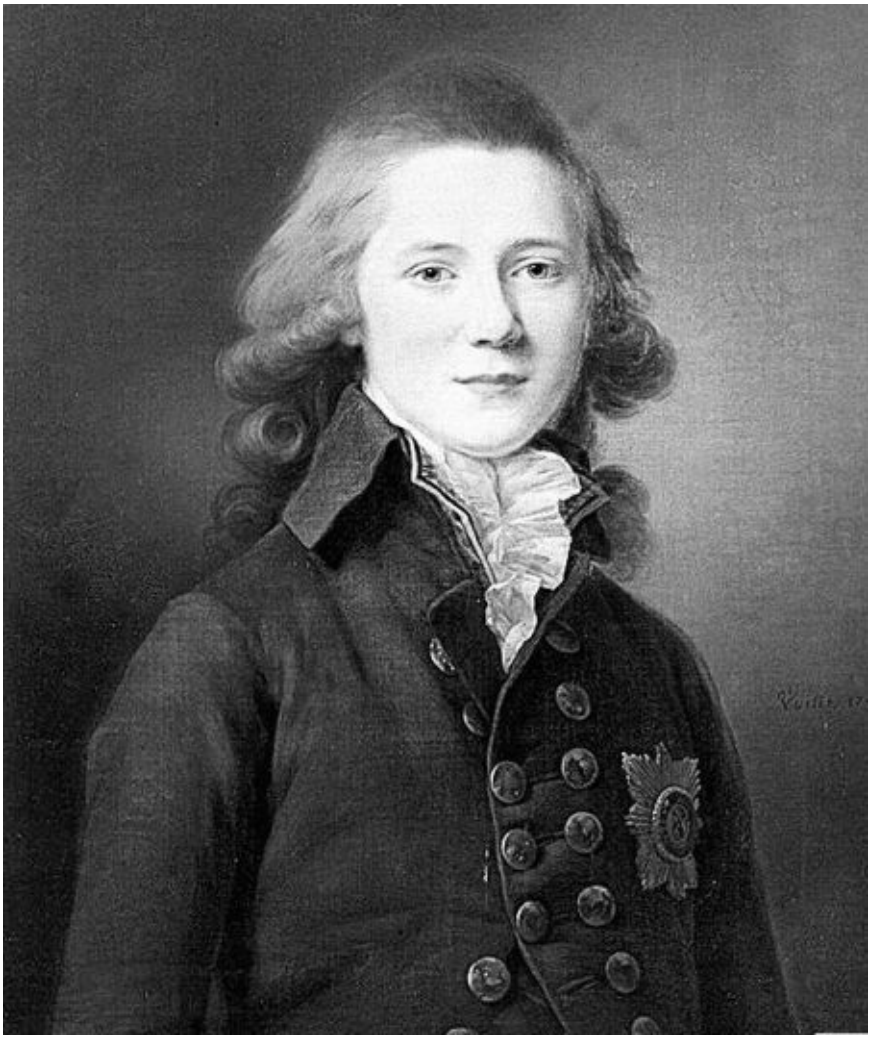
Первого зуба Александр I лишился в 1791 г. в возрасте 14 лет. Зуб был уже не молочный, поэтому и болел, как «большой». Один из воспитателей будущего императора упоминал, что «Александр Павлович около сего времени, по долгом терпении зубной боли, решился выдернуть зуб, что, с позволения Ея Императорского Величества и родителей, тогда же и совершилось благополучно зубным врачом. Его высочество перенес сие действие, не произнеся ни малой жалобы, с довольною по летам его твердостию духа, хотя и чувствовал общую боль, в разсуждении, что зуб был коренной» [105].

В этом коротком мемуарном упоминании отметим характерную деталь. Вопрос о лечении кариозного «коренного» зуба даже не рассматривался. Лечить больные зубы тогда не умели даже на этом уровне власти, и зубная боль купировалась, как правило, оперативным вмешательством. Есть больной зуб – есть зубная боль, нет больного зуба – нет и боли. К удалению зубов относились довольно спокойно, поскольку изготавливать «искусственные зубы» зубные врачи тогда могли довольно умело. Отметим и то, что разрешение на удаление зуба у внука давала лично Екатерина II. Естественно, никакой анестезии при этом не применялось.

Примечательно, что зуб удалял «зубной врач». Тогда в придворном штате «де-юре» никаких зубных врачей еще не

было, но «де-факто» они уже работали в Зимнем дворце со времен начала правления Екатерины II.

Правда, не вполне ясно, был ли это приглашенный зубной врач или зубной врач, получавший жалованье из дворцовых средств.

Ж.-Л. Вуаль. 1792 г. Портрет великого князя Александра Павловича. Государственный Эрмитаж

С.С. Щукин. Портрет Александра I

Когда в марте 1801 г. Александр I стал императором, он по традиции утвердил новый придворный штат, по которому в Зимнем дворце *впервые* ввели штатную *должность зубного врача.* Однако заполнена эта должность была только 1 января 1806 г. Такой разрыв, видимо, связан с тем, что до 1806 г. «дорабатывал» зубной врач, практиковавший в Зимнем дворце со времен Екатерины II.

Первым в Зимнем дворце занял должность штатного зубного врача французский подданный Карл Август Сосерот.

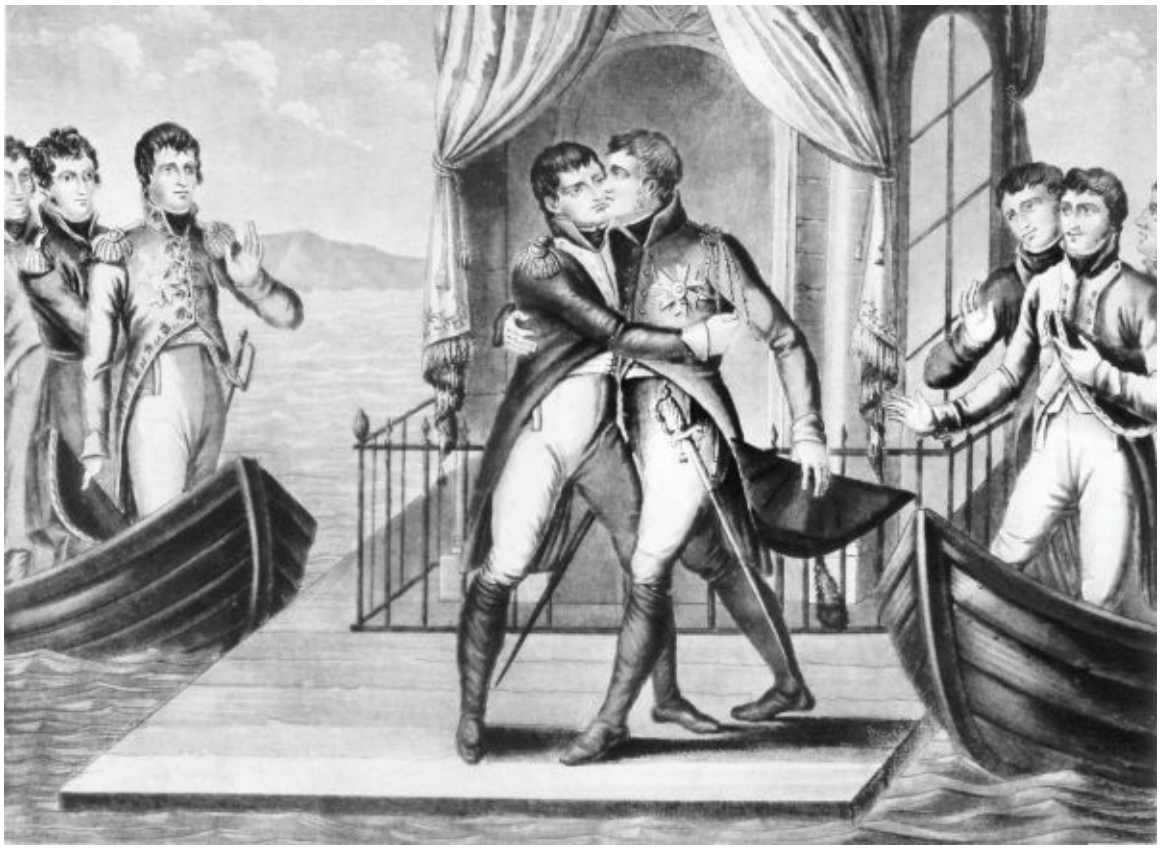
Замещение дворцовой штатной должности зубным врачом-французом не было случайным. Во-первых, на то время французы были признанными лидерами в области зубоврачевания, во-вторых, вероятно, имели место и политические соображения.

Дело в том, что 2 декабря 1805 г. объединенные войска Третьей антифранцузской коалиции (Россия, Австрия, Англия, Швеция) потерпели поражение под Аустерлицем (войска России и Австрии). В конце декабря 1805 г. коалиция развалилась, и уже 1 января 1806 г. французского подданного приняли на службу в Зимний дворец. Подчеркнем, что все назначения на штатные должности в Зимнем дворце происходили только с ведома императора Александра I.

О характере службы Карла Августа Сосерота в Зимнем дворце известно мало. Мы можем только привести письмо зубного врача к императору, написанное в апреле 1820 г.: «Ваше Императорское Величество! 15 лет я имел счастие находиться в службе Вашего Величества, насколько в первые годы был счастлив, столько в последние страдал, потеряв надежду возвратить Вашу доверенность. Печаль о сем чувствительно расстроила мое здоровье, а обстоятельства мои принуждают меня возвратиться к моему семейству… почему всеподданнейше прошу Ваше Величество, благоволите предоставить мне то место, которое занимал, находясь в случае Вашем, и будьте уверены, что это будет для меня неизгладимым воспоминанием из щастливых годов, кои провел я в Вашей империи и при Вас. Я имею шестерых детей, коих воспитание сопряжено с большими издержками. Ваше Величество, удостойте Монаршей милости в моей участи назначением пенсиона по иностранному курсу и тем ощасливите меня и мое семейство, которое непрестанно будет благословлять Ваше имя. Верноподданный надворный советник Август Сосерот, зубной доктор двора Его Императорского Величества. 9 апреля 1820 г.» [106].

Б. Патерсен. Вид на Дворцовую площадь и Зимний дворец от начала Невского проспекта. Начало XIX в.

Неизвестный художник. Встреча императора Александра I с Наполеоном на реке Неман в июне 1807 г.

Это письмо требует некоторых пояснений, также связанных с «большой политикой». Принятый к высочайшему двору «зубной доктор» К.-А. Сосерот поначалу находился, как тогда говорили, «в случае», т. е. пользовался доверием императора. Тем более что летом 1807 г. во время встречи Наполеона и Александра I был заключен Тильзитский мир. Однако летом 1812 г. между Россией и Францией началась война.

В этой ситуации все подданные иностранной державы, служившие при императорском дворе, должны были немедленно сделать выбор: либо принять подданство России, либо покинуть Императорский двор. Видимо, К.-А. Сосерот, желая сохранить престижное место, принял российское подданство. Но тем не менее, как следует из письма зубного врача, он потерял доступ «к телу» Александра I. Вероятнее всего, француза, имевшего доступ «к телу» императора, удалили из Зимнего дворца не из-за его просчетов профессионального характера, а именно по политическим соображениям. Кроме того, в этом решении просматриваются и соображения, связанные с обеспечением безопасности Александра I.

Таким образом, несмотря на все политические перипетии в отношениях между Россией и Францией, французский зубной врач К.-А. Сосерот официально проработал при дворе Александра I на штатной должности зубного доктора «двора Его Императорского Величества» 13 лет – с 1 января 1806 г. по апрель 1820 г. Ему платили 2000 руб. в год. Эта сумма складывалась из штатного жалованья (750 руб. в год) и доплаты из «экономических сумм» (1250 руб.) [107]. Поясним, что под «экономической суммой» имелись в виду личные средства Александра I, который «доплачивал» зубному врачу буквально «из своего кошелька». Как российский «верноподданный», К.-А. Сосерот через положенное время получал чины, согласно «Табели о рангах». Уже в мае 1807 г. зубной врач получил чин коллежского асессора, он соответствовал VIII классу, приравниваясь к армейскому чину майора.

Удаление зуба

Добавим, что со времен Петра I власти всячески склоняли иностранцев к принятию российского подданства, шаг за шагом сужая круг профессий, в рамках которых можно было оставаться иностранным подданным. Но для представителей дефицитных профессий делались

исключения. К таким профессиям относились и зубные врачи. Однако уже с начала XIX в. в Зимнем дворце, как правило, работали зубные врачи, принявшие российское подданство. При этом после ухода со службы им гарантировалась пенсия, впрочем, с высочайшего разрешения они могли выехать на родину, куда и перечислялись деньги.

Несмотря на все сложности, отнеслись к К.-А. Сосероту по-доброму, и на его прошении появилась резолюция: «Высочайше повелено уволить вовсе с назначением пенсиона по 2000 руб. в год по смерть. 22 апреля 1820».

После официального ухода с должности штатного зубного врача Карла Августа Сосерота его место немедленно занял другой француз, как его называли в России, «Иван Петрович» Деспин. При этом именно Деспин фактически лечил Александра I еще в бытность на штатной должности К.-А. Сосерота. По крайней мере все «зубные счета» за 1816 г. о поставках в Зимний дворец зубного эликсира и зубного порошка подписаны именно Деспином.

Лондонский дантист

С апреля 1817 г. Деспин работал в Зимнем дворце сверхштатным зубным врачом. Об этом свидетельствует «Указ Правительствующему Сенату», в котором сказано: «Зубного врача Деспина принимаю сим званием ко Двору нашему, Всемилостивейше жалуем чином коллежского асессора. На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою „Александр“.

Санкт-Петербург. 4 апреля 1817 г.» [108]. Жалованье врачу платили не

то, которое было определено штатным расписанием, а по имевшемуся прецеденту – 2000 руб. в год.

Зубы Ватерлоо. Так называли натуральные зубы, «собираемые» на полях сражений у убитых солдат

Собственно с 1817 г. так и повелось, что при Российском императорском дворе десятилетиями работали два зубных врача – штатный и сверхштатный. При этом последний рассматривался как некий «кадровый резерв». Доступ же к зубам императора зависел от многих составляющих, и далеко не всегда штатный зубной доктор оказывал стоматологическую помощь императору.

Судя по всему, И.П. Деспин мастерски владел техникой изготовления «искусственных зубов». И у него была внушительная коллекция таких зубов. По крайней мере в 1826 г. придворный зубной врач И.П. Деспин подарил Императорской Медико-хирургической академии коллекцию искусственных зубов (273 зуба) из «различных минеральных составов» [109]. Такая обширная коллекция искусственных зубов свидетельствует о том, что императору Александру I время от времени требовались эти

«искусственные зубы». Кроме этого, решение И.П. Деспина было связано с тем, что именно в 1826 г. он оставил придворную службу и «находился в отпуску».

Кроме приведенного мемуарного эпизода 1791 г., когда будущий император лишился коренного зуба, в архиве сохранился счет, который документально иллюстрирует повседневный уровень ухода за полостью рта на уровне первого лица империи. Этот счет недвусмысленно указывает, что император Александр I внимательно следил за своими зубами, выполняя рекомендации своего зубного врача.

Все, что было необходимо императору Александру I для ухода за полостью рта, заказывал для него камердинер Максим Мельников у зубного врача И.П. Деспина. Архивный документ свидетельствует, что в 1817 г. для 40-летнего царя ежемесячно закупались внушительные объемы «зубного елексира» и зубного порошка. Одна склянка эликсира обходилась царю в 12 руб., а одна коробочка зубного порошка – в 5 руб. Так, с 7 июня по 24 декабря 1816 г. для Александра I было закуплено [110]:

Таблица

1816 г.	Зубной эликсир шт. склянок	Зубной порошок шт. короб.	Стоимость руб.
7 июня	12	—	120
15 июня	12	—	120
23 июня	12	—	120
28 июня	12	2	130
6 июля	12	—	120
15 июля	12	—	120
20 июля	12	—	120
25 июля	72	6	750
3 августа	12	—	120
4 августа	36	4	380
15 августа	12	4	140
19 августа	12	—	120

26 августа	12	—	120
3 сентября	24	—	240
16 сентября	12	—	120
25 сентября	12	—	120
21 октября	12	4	140
30 октября	12	—	120
8 ноября	12	—	120
18 ноября	12	—	120
27 ноября	12	—	120
4 декабря	12	—	120
9 декабря	12	2	130
17 декабря	12	—	120
24 декабря	12	—	120
Итого:	**416**	**22**	**4070**

К сожалению, мы не знаем, какой объем «елексира» вмещала «склянка», так же как и сколько зубного порошка вмещала «коробочка». И тем не менее представленные данные позволяют сделать ряд заключений:

Во-первых, Александр I регулярно пользовался стоматологическими препаратами, ухаживая за своими зубами. В этих закупках чувствуется определенный ритм, наработанный годами, поскольку все закупки делались «по образцу прошлых лет». При этом зубные щетки император покупал у другого поставщика, иначе они были бы представлены в этом счете.

Во-вторых, из представленного счета видно, что стандартные «12 склянок» закупались также на некий стандартный срок, предполагая ритмичное их использование. Поскольку промежуток между закупками колеблется от 4 до 9 дней, то можно предположить, что *каждый день царь*использовал по 2 склянки зубного эликсира, скажем – утром и вечером. Что касается счетов, то указывалось время закупки или оплаты, а эти числа вполне могли колебаться в некоторых пределах. Предположительный расход зубного порошка – 2 «коробочки» в месяц.

В-третьих, судя по значительному преобладанию «склянок» с эликсиром над «коробочками» с зубным порошком, можно предположить, что именно эликсир служил для Александра I основным средством ухода за полостью рта. Хотя мы, конечно, не знаем весового объема «коробочки» с зубным порошком. Однако само название – «коробочка» – предполагает, что этого порошка было не очень много. Складывается такое впечатление, что к 40 годам у Александра I своих зубов, которые надо было чистить зубным порошком, было немного, а вот эликсир требовался регулярно.

Очень возможно, что Деспин изготовил императору зубные протезы.

В-четвертых, в таблице имеются три пика, когда у зубного врача закупались просто огромные партии зубного эликсира: 25 июля – 72 склянки; 4 августа – 36 склянок и 3 сентября 24 склянки. В первых двух случаях параллельно закупалось и значительное количество зубного порошка. Столь значительные закупки эликсира предполагали его активное использование. Видимо, в это время (в конце июля – начале сентября 1816 г.) у императора наблюдалось какое-то обострение стоматологических проблем, что потребовало самого интенсивного использования зубного эликсира и порошка.

В-пятых, следует обратить внимание на высокую стоимость стоматологических препаратов. За шесть месяцев «на зубы» было потрачено более 4000 руб. Для того чтобы соотнести эту сумму с масштабом цен того времени, приведем следующий пример. В 1824 г. Александр I пожаловал нескольким придворным дамам ювелирные подарки. Баронесса Строганова получила «фермуар бриллиантовый с изумрудом и пять жемчужных ниток» стоимостью в 8000 руб., графиня М.Г. Разумовская – «сквалаж бриллиантовый с тремя аметистами» за 3200 руб., жена подполковника Алабова – «Фермуар бриллиантовый с тремя аметистами» за 1900 руб. [111]Таким образом, даже стандартный уход за полостью рта выливался для Александра I в очень приличные суммы.

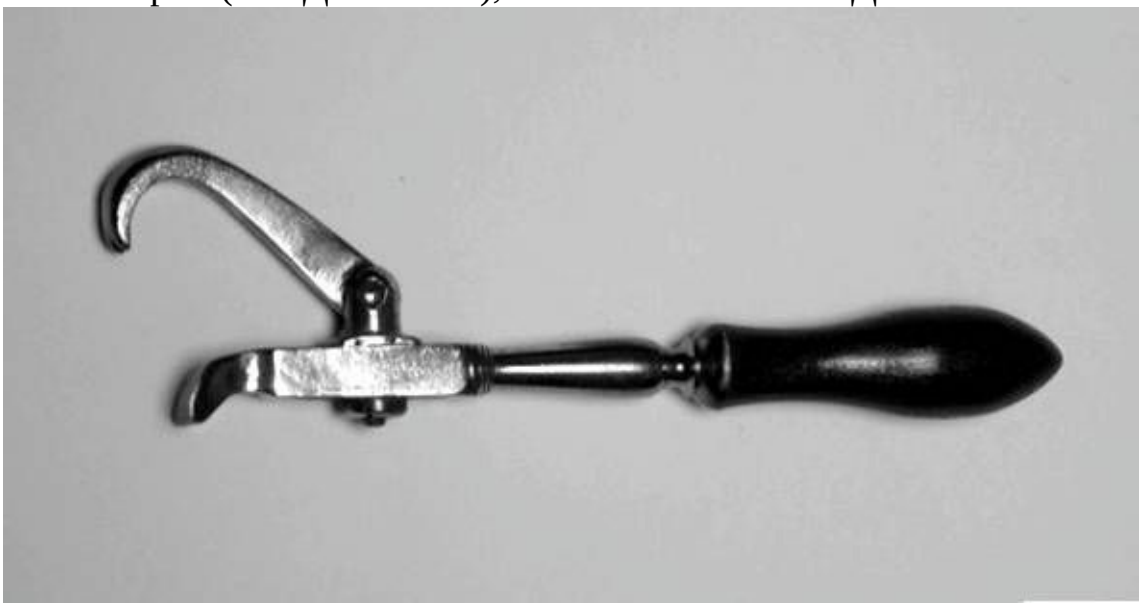

Работа зубным ключом

Судя по всему, заболевания зубов у Александра I носили сезонный характер, поскольку в июле 1817 г. камердинер императора Максим Мельников приобрел у И.П. Деспина лекарств сразу на 3477 руб. Что это были за лекарства – неизвестно, поскольку в архивном деле лаконично указано: «Государь Император повелеть соизволил заплатить из Кабинета придворному зубному лекарю Деспину 3477 руб. ассигнациями за разные поставленные для Его Императорского Величества лекарства» [112]. Но при этом совершенно очевидно, что закупленные у зубного врача лекарства проходили по «стоматологической части».

Периодически врачей-иностранцев «по домашним обстоятельствам» отпускали на родину, в отпуск. Так, в 1820 г. И.П. Деспину было высочайше позволено выехать «…в отпуск за границу после отъезда Его Величества. 9 июля 1820 г.». При этом жалованье зубному врачу на время отпуска платилось в полном объеме [113].

В апреле 1823 г. рядом с Александром I появляется новый зубной врач: «Высочайше повелено… зубного лекаря Фонда назначить придворным зубным лекарем (или Дантистом), как были назначены Деспин» [114].

Стоматологический пеликан (ок. 1800 г.)

Стоматологический пеликан с рукояткой из слоновой кости и винтами настройки. Начало XIX в.

Трудно сказать, чем были вызваны эти кадровые перестановки, скорее всего, непосредственно решением императора Александра I. В 1820-х гг. император много времени проводил в Европе, и, вероятно, «иностранный зубной лекарь» удачно пролечил очередное «стоматологическое недомогание» императора, за что и был назначен «по совместительству», «как был назначен Деспин» в 1817 г. Именно в 1823 г. итальянский дантист Д. Фонци, разработавший методику крепления искусственных зубов из фарфора при помощи платиновых стержней, впервые посетил Петербург. Целью его визита была работа по изготовлению протеза для Александра I.

В заключение хотелось бы заметить, что в обширной иконографии российских императоров и императриц вплоть Александра I нет ни одного изображения, на котором были бы видны зубы царственной особы. Со времен Средневековья это считалось неприличным.

Поэтому для художников, писавших парадные и камерные портреты первых лиц, изображение улыбки «с зубами» было делом совершенно запретным. Этот запрет сформировался не на пустом месте. Дело в том, что далеко не у всех первых лиц зубы были таковы, что их можно было бы

написать на парадном или камерном портрете.

Карикатура на зубного врача (ок. 1800 г.)

Но времена менялись, и улыбки «с зубами» появились на портретах аристократов именно в годы царствования Александра I, когда отчетливо обозначились тенденции смены канонов женской красоты. Если для XVIII в. в аристократической среде продолжала сохраняться мода на женщин типажа «кровь с молоком», с обильным макияжем и тяжелыми парчовыми платьями на фижмах, то в начале XIX в. эти каноны стремительно изменились. В моду входит анемичная утонченность и бледность. На смену парче приходят легкие газовые ткани, скроенные по

образцу античных платьев.

Частью этой «смены вех» становится и такая новая деталь парадных портретов, как улыбка «с зубами», которую сегодня принято именовать «голливудской». Это было революционным прорывом в живописи. Сжатые губы на портретах сменила улыбка, женщины стали показывать свои зубы. Отметим, что эта художественная новация касалась только женщин. Мужчины по-прежнему выставляли волевые подбородки с плотно сжатыми губами.

Э.-Л. Виже-Лебрён. Автопортрет в соломенной шляпке. 1782 г.

Э.-Л. Виже-Лебрён. Портрет княгини Строгоновой. 1798 г.

Еще раз повторим, что для такой устойчивой традиции имелись все основания. Причиной плотно закрытых ртов часто были плохие зубы. У аристократов зубы «приходили в негодность» по причине того, что они не отказывали себе в сладком. И если художник писал «улыбку», то она могла принадлежать только простолюдинам или детям.

«Художественный прорыв» связан с именем французской художницы Э.-Л. Виже-Лебрен (Elisabeth-Louise Vigee-Le Brun, 1755–1842), несколько раз приезжавшей в Россию. Именно на ее портретах и появилась эта замечательная улыбка «с зубами», поначалу встреченная светским обществом «в штыки».

Впрочем, на картинах, выполненных художницей в России, эта «фирменная» улыбка почти не проглядывает, за исключением нескольких скромных женских портретов. В XX в. улыбка «с зубами» стала почти

обязательным атрибутом любого художественного полотна.

Совершенно не случайно, что «улыбка» на живописных полотнах появилась именно во Франции. Со времен Пьера Фошара Франция лидировала в области зубоврачевания, и французские дантисты лечили зубы коронованных особ при многих европейских дворах, в том числе и в России.

Заключая разговор о времени правления Александра I, еще раз упомянем, что общее число дантистов в Российской империи в первой половине XIX в. продолжало оставаться крайне незначительным. На 1825 г., по данным «Российского медицинского списка», их насчитывалось всего 40 человек [115]. Из них 6 человек в разные годы (и при Николае I) так или иначе были связаны с Придворной медицинской частью Министерства Императорского двора – Карл Вагенгейм, Самуил Вагенгейм, Иван Деспин, Жан Жоли, Антон Нейман, Карл Август Сосерот.

Зубные врачи и дантисты Николая I

О практике зубоврачевании в Зимнем дворце в период царствования Николая I (1825–1855 гг.) известно значительно больше. За тридцать лет царствования монарха в зубоврачевании изменилось очень многое. Поэтому мы попробуем отследить и то, что менялось в организации зубоврачебной помощи населению, и то, как оказывалась зубоврачебная помощь самому монарху.

До нашего времени дошел такой уникальный источник, как «Гардеробная сумма», или «Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича». Дело в том, что все русские самодержцы получали жалованье, которое шло «на булавки»: одежду, подарки, парикмахеров и пр. Из этих сумм выплачивались гонорары и зубным лекарям. Поскольку это были финансовые документы, оплачивавшиеся из «кошелька» императора, то этим сведениям мы можем доверять безусловно.

А. Рокштуль. Портрет Николая I в детстве

По записям в толстых кожаных тетрадях под названием «Гардеробные суммы» мы можем узнать, что в штат великого князя Николая Павловича (с декабря 1825 г. – императора всероссийского) с момента его рождения (1796 г.) был определен наряду с другими врачами и «зубной лекарь».

Первая «стоматологическая» запись в бухгалтерских книгах великого князя относится к 1801 г., когда будущему императору шел седьмой год. В книге зафиксировано, что «зубному лекарю Когниарту» выдано «положенного жалованья на январскую треть 100 руб.» [116]. В этом же году ему вновь выдали «положенного жалованья за майскую треть 100 руб.». Следовательно, годовое жалованье зубного лекаря, лечившего великого князя, составляло 400 руб. в год.

Заметим попутно, что именно этот зубной лекарь рвал коренной зуб в 1791 г. старшему брату Николая

Павловича – будущему императору Александру I. Кроме этого, сам факт упоминания имени зубного лекаря свидетельствует, что «де-факто» зубные лекари работали в Зимнем дворце «на постоянной основе» со времен Екатерины II. И, наконец, Когниарт до 1806 г., т. е. минимум 15 лет, до зачисления на штатную должность Карла Августа Сосерота, выполнял обязанности зубного врача в Зимнем дворце.

Еще раз подчеркнем, что выплаты из «экономических сумм» шли в качестве доплаты зубному лекарю, сверх его штатного жалованья, установленного в 1801 г., за «расширение зоны обслуживания», т. е. за оказание стоматологических услуг великому князю, у которого, вероятно, начали меняться зубы.

Следующий «зубной счет» Николая Павловича относится к 1807 г., когда начал работать новый штатный зубной лекарь – К.-А. Сосерот. Ему тоже выплатили очередные 100 руб. [117]Николаю Павловичу тогда было уже 11 лет, и, возможно, это был счет за пломбу или прорезавшийся коренной зуб, за которым надо было «присмотреть». Этому же «зубному лекарю Сосерот» в 1810 г. было еще раз выплачено 100 руб., при этом рядом с указанной суммой стоит подпись лица, получавшего деньги. Эти относительно редкие «стоматологические» записи были связаны с тем, что штатное жалованье выплачивалось, но за конкретные эпизоды лечения зубному врачу полагался отдельный гонорар, плативший непосредственно из кошелька великого князя.

Хранящиеся в архиве «стоматологические» счета позволяют утверждать, что император, как это ни банально звучит, регулярно чистил зубы.

Таблица

Дата	Кому выплачено	Расход
1810 г. июль	Одна бумажка зубочисток	5 руб. 10 коп.
1812 г.	Две щеточки зубочистных	
1834 г. май	Щеточному мастеру Лерху за зубные и бакенбардные щетки для Его Величества	39 руб.
1834 г. декабрь	Щеточнице вдове Лерх за разные щетки	125 руб.
1837 г. декабрь	Вдове Лерх за зубные щетки	48 руб.
1838 г. май	Вдове Лерх за зубные щетки	68 руб.
1838 г. ноябрь	Вдове Лерхе за щетки	18 руб.
1839 г. июнь	Вдова Лерх за щетки	—
1842 г.	Гриму на покупку сукна, зубных счеток и прочего	102 руб. 79 коп.
1842 г. сентябрь	Щеточнице Лерх	10 руб. 57 коп.
1843 г. апрель	Токарю Хемстейну за 6 зубных щеток	12 руб. 00 коп.
1845 г. апрель	Щеточнику Гентцу за зубные щетки	10 руб. 20 коп.
1846 г. июль	Щеточнику Гентцу	18 руб. 50 коп.
1849 г. март	От щеточного мастера Гентц	4 руб. 50 коп.

Итак, во-первых, первый счет (5 руб. 10 коп.) за зубочистки в «бумажках» будущий император оплатил в июле 1810 г., когда ему шел 17-й год [118]. Уже тогда намечалась свадьба великого князя Николая Павловича с прусской принцессой Луизой, и за зубами надо было следить, исходя и из матримониальных соображений.

Во-вторых, отметим, что поставщики зубных щеток у царя были постоянные. За 30 лет его царствования упоминаются только четыре фамилии: щеточник «мастер Лерх»; после его смерти семейное дело продолжила «вдова Лерх»; в 1843 г. был единичный заказ на 6 зубных

щеток «токарю Хемстейну», и в последние годы жизни Николая I зубные щетки ему делал «мастер Гентц».

Комплект одежных щеток. Серебро. Стиль Art Nouveau

В-третьих, царские лакеи закупали зубные щетки оптом и на значительные суммы. В мае 1838 г. «вдове Лерх за зубные щетки» было уплачено 68 руб. При этом зубная щетка в среднем стоила 2 рубля [119], следовательно, в этой партии было 34 щетки. Закупки таких крупных «партий» зубных щеток позволяют утверждать, что царю их меняли регулярно.

В-четвертых, зубные щетки царя изготавливались из конского волоса, поскольку эти же мастера делали и «бакенбардные щетки».

У Николая I в самом начале его царствования появился свой зубной врач. Им стал с 10 апреля 1826 г. Николай Августович Сосерот с жалованьем в 2000 руб.

в год. Буквально на следующий день – 11 апреля 1826 г., – зубному врачу увеличили жалованье на 600 руб. за то, что он стал присматривать за зубами придворных певчих. Официально его должность именовалась «Двора Его Императорского Величества зубной доктор». Поскольку должность Н.А. Сосерота была включена в список классных чинов, то уже 18 сентября 1826 г. Николай Сосерот получил чин коллежского асессора, такой же, какой был у его отца Карла Августа Сосерота, «зубного доктора»

Александра I. К моменту выхода в отставку 18 сентября 1839 г. Николай Сосерот «дорос» до надворного советника [120]. После его увольнения по болезни ему определили стандартную пенсию в 2600 руб. в год [121].

Пожалуй, это был первый случай в «медицинской истории» Императорского двора, когда отец (Карл Август Сосерот) и сын (Николай Сосерот) последовательно лечили двух русских императоров – Александра I и Николая I. Так что стоматологические династии встречаются в России уже в начале XIX в.

Николай I, став императором, занялся пересмотром штатного расписания придворных должностей, сокращая все, по его мнению, лишнее. Но, несмотря на то что по придворному штату 1801 г. в Зимнем дворце полагалось иметь только одного «зубного лекаря» с жалованьем по 750 руб. в год, сверхштатную «зубоврачебную единицу» император сохранил.

Как следует из справки, составленной дворцовыми чиновниками, с 1801 г. по август 1826 г. в Придворном ведомстве работали следующие зубные врачи:

1. «Жан Баптист Деспин, надворный советник, получающий жалованье 2000 руб. и особо за пользование придворных певчих 600 руб.».

2. «Фонди, определенный в 1823 г. без жалованья – находится в отпуску».

3. «Зубной лекарь надворный советник Карл Август Сосерот, люневильский уроженец по имеющемуся указу с 1806 г. получающий жалованье в 750 руб., из экономической суммы 1250 руб., всего 2000 руб. в год», уволенный в марте 1817 г. в отпуск на 1 год без производства жалованья, а затем в мае 1817 г. именным указом переведенный на «половинный оклад, доколе находится в отпуску». В августе 1820 г. Карла Августа Сосерота уволили от службы, сохранив ему пенсию в 2000 руб. «по смерти его» [122].

С 1826 г. должность штатного дантиста при Императорском дворе занял Николай Сосерот. Когда в августе 1826 г. в Успенском соборе Московского Кремля состоялась коронация императора Николая I, то она по традиции сопровождалась раздачей «царских милостей». Николай Сосерот счел момент удобным для того, чтобы в поисках этих милостей обратиться к своим высочайшим покровителям. Из прошения «придворного дентиста (орфография сохранена. – *Прим. авт.)*Николая Сосерота к Ея Императорского Величества Марии Федоровне» (Москва 14 августа 1826 г.) мы узнаем, что на момент назначения на штатную

придворную должность Николай Сосерот имел достаточно внушительный опыт работы с высочайшими пациентами, поскольку помогал «…моими операциями Их Императорским Величествам, Их Императорским Высочествам, великому князю Александру Николаевичу, великой княгине Марии Николаевне и Елене Павловне». Следовательно, Николай Сосерот к лету 1826 г. уже лечил зубы императору Николаю I и императрице Александре Федоровне, а также их детям – Александру (будущему Александру II, которому в 1826 г. было 8 лет) и Марии (7 лет). Елене Павловне, жене великого князя Михаила Павловича (младший брат Николая I), в 1826 г. было 20 лет.

В прошении Н. Сосерот пишет: «…чрезвычайное благоволение и доверенность оказываемые мне Вашим Императорским Величеством в продолжении 4-х летней моей службы… я отец семейства… не упустить случая в котором мне позволено надеяться получить какую-нибудь награду. Ожидаемая мною от Вашего Величества милость состоит в исходатайствовании у Государя Императора чина, коим пользовались мои предшественники при занимаемой мною должности…» [123].

Под упоминаемыми четырьмя годами службы императрицы Н. Сосерот имел в виду свою работу в системе закрытых женских привилегированных институтов, которым покровительствовала Мария Федоровна. Зубной врач подчеркивает, что он «показал неоднократные опыты моего бескорыстия, не получая за то никакого вознаграждения… В продолжении 4 лет я имел попечение о более нежели 1200 бедных воспитанников».

В результате 18 сентября 1826 г. состоялся указ Правительствующему Сенату: «Придворного зубного доктора Николая Сосерота Всемилостивейше пожаловали Мы в коллежские асессоры. Москва».

В архивных источниках не встречается сведений о лечении зубов Николаем Сосеротом в последующие годы. Упомянем только, что с большой иронией помянул Николая Сосерота воспитатель будущего Александра II поэт В.А. Жуковский. В своем письме к влиятельной графине Антонине Блудовой (26 декабря 1837 г.) поэт мимоходом обмолвился: «Произнося это, у меня без Сосерота изломался зуб (который я хотел выдернуть) и прошел насморк» [124]. Трудно понять, то ли у Николая Сосерота была такая репутация, то ли это была шутка, адресованная ко всем дантистам.

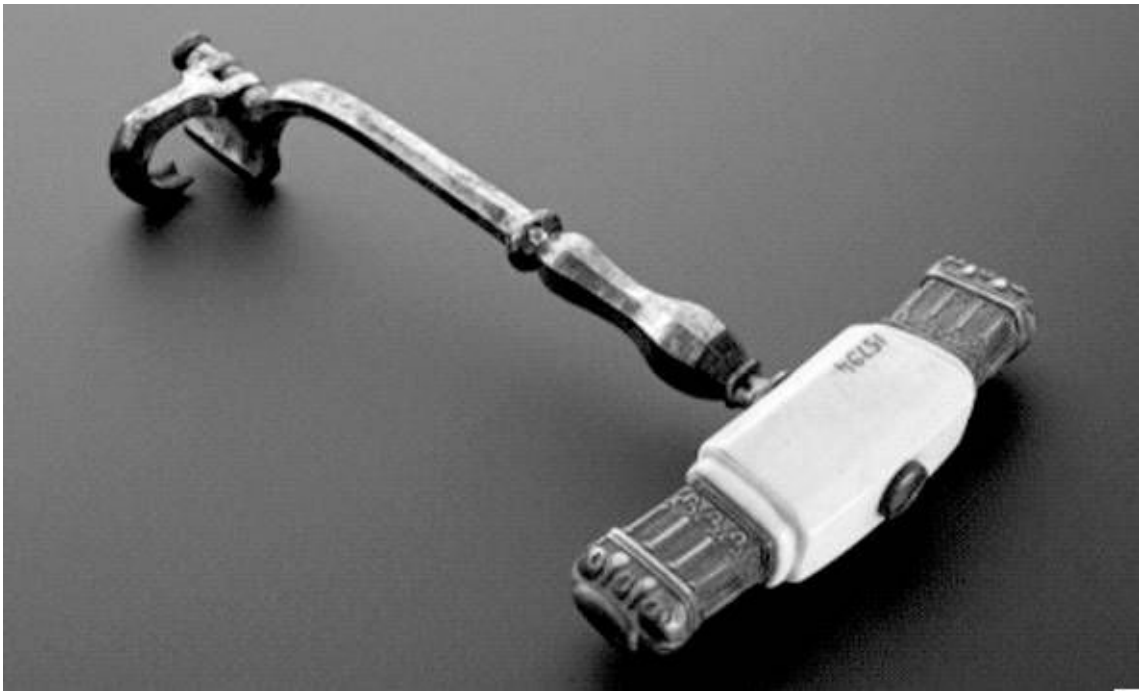
На освободившееся место сверхштатного зубного доктора высочайшего Двора в 1829 году приняли Генриха Жоли «с Жалованьем…

по две тысячи рублей» [125]. В этой должности он проработал до марта 1837 г., когда ему «Высочайше было дозволено оставаться в Москве, с сохранением его звания, назначенное же ему жалованье по две тысяче рублей в год повелено производить придворному почетному зубному врачу Ивану Бейлембургу» [126], который впоследствии проработал на этом месте 20 лет – до 1858 г.

Генриха Жоли впоследствии уволили в 1841 г. в отпуск за границу, где с 1847 г. ему Высочайше позволили «оставаться там бессрочно» [127]. Вероятнее всего, во время очередного визита в Москву Николая I московский зубной врач Генрих Жоли удачно пролечил зубы императора, за что и получил «для визитки» место зубного врача императора.

Видимо, долгое время состояние зубов Николая Павловича оставалось удовлетворительным. Он и сам следил за своим здоровьем, да и врачи несколько раз в неделю наносили царю утренние профилактические визиты. По крайней мере в «Гардеробных суммах» счетов «зубным врачам» (терминология документов 1840-х гг.) не было вплоть до 1849 г.

Говоря о состоянии зубов Николая Павловича, нельзя не привести малоизвестный «стоматологический» эпизод хорошо известного события. На памятнике Николаю I на Исаакиевской площади один из барельефов на постаменте посвящен усмирению холерного бунта на Сенной площади летом 1831 г.

Дентальный ключ. Серебро, слоновая кость. Франция. 1800-1840-е гг.

Памятник Николаю I на Исаакиевской площади. Барельеф «Усмирение холерного бунта на Сенной площади. 1831 г.»

Известно, что Николай I, явившись без охраны на Сенную площадь, сумел остановить русский бунт – «бессмысленный и беспощадный». Позже императрица Александра Федоровна (жена Николая I) рассказала об этом эпизоде фрейлине М.П. Фредерикс. По ее словам, царь, «въехав в середину неистовавшего народа и, взяв склянку меркурия, поднес ее ко рту, – в это мгновение бросился к нему случившийся там лейб-медик Арендт, чтобы остановить Его Величество, говоря „Ваше Величество лишится зубов“; Государь оттолкнул его, сказал: „Ну, так вы мне сделаете челюсть“, и проглотил всю склянку жидкости, чтобы доказать народу, что его не отравляют, – тем усмирил бунт и заставил народ пасть на колени перед собой!» [128]. В этой фразе «про челюсть» был весь император, харизма которого вызывала ненависть либералов всех времен.

Так или иначе, «стоматологические счета» начинают встречаться в «Гардеробной сумме» с 1849 г., когда императору было уже 53 года.

Таблица

Дата	Расходы
1801 г.	Выдано зубному лекарю Когниарту положенного жалованья на январскую треть 100 руб. Выдано зубному лекарю Когниарту положенного жалованья за майскую треть 100 руб.
1807 г.	Зубному лекарю Сосероту 100 руб.
1810 г.	Зубному лекарю Сосероту 100 руб. (везде рядом с суммой — оригинал подписи лица, которому выдавались деньги. — *Прим. авт.*).
1849 г. март	Зубному доктору Мюрфу 100 руб.
1849 г. май	Хирургическому инструментальному мастеру Рооху — 43 руб. 80 коп.
1850 г. январь	Зубному доктору Мюрфу 100 руб.
1851 г. февраль	Зубному врачу Мюрфу 200 руб.
1852 г. июль	Зубному врачу Мюрфу 100 руб.
1853 г.	Зубному врачу Мюрфу 100 руб.
1854 г. март	Зубному врачу Мюрфи 200 руб.

В это время лечащим врачом императора стал английский подданный Джеймс Мурфий. [129]Отметим, что официальное распоряжение об определении «к Высочайшему Двору дантистом, сверх штата, вольнопрактикующего зубного врача, англичанина Мерфей, с производством ему жалованья по тысяче пятисот рублей серебром в год из Государственного казначейства» [130], состоялось 18 апреля 1851 г. Но при этом первый свой гонорар за лечение Николая I он получил еще в марте 1849 г. Следовательно, Джеймс Мурфий лечил императора, по меньшей мере два года, не занимая никакой официальной должности при Императорском дворе. И только после появления вакансии он был принят на сверхштатную должность. Это опять-таки характерная черта «медицинской жизни» Императорского двора. Близость «к телу» императора чаще определялась квалификацией специалиста и личным выбором императора, а не занимаемой штатной должностью.

Верне Орас. Портрет Николая I. 1830-е гг.

Отметим значительное увеличение жалованья придворного зубного врача. Дело в том, что в 1851 г. 1500 руб. серебром при пересчете составляли порядка 4500 руб. ассигнациями. Напомним, Николай Сосерот со всеми «доплатами» получал при Императорском дворе 2000 руб. ассигнациями.

О зубном враче Джеймсе Мурфии мы расскажем далее, поскольку большая часть его деятельности пришлась на годы правления Александра II.

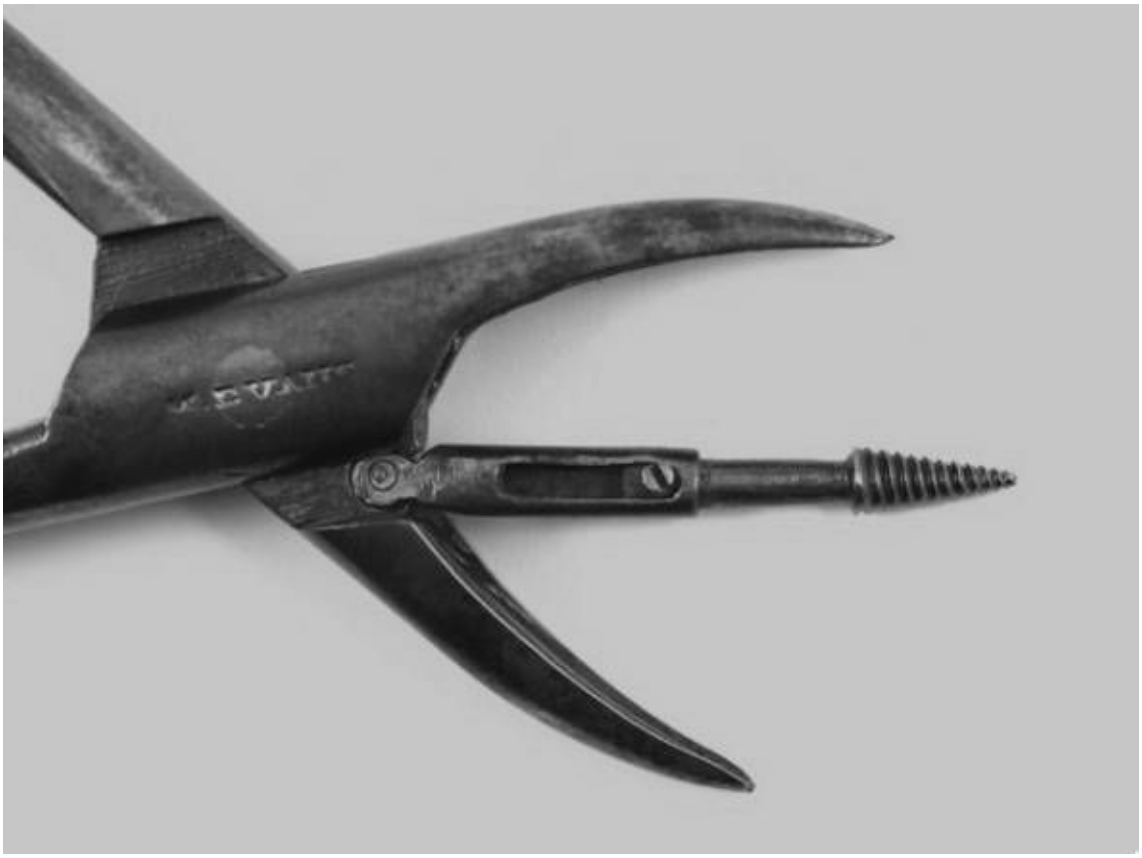
Тем не менее стандартный гонорар Джеймса Мурфия «за пользование» императора, как и в начале XIX в., составлял 100 руб., но уже не

ассигнациями, а серебром, что в пересчете на ассигнации составляло порядка 320 руб. По мере нарастания возрастных «стоматологических проблем» у Николая I разовые гонорары его зубного врача увеличиваются. В начале 1850-х гг. два раза встречаются 200-рублевые гонорары. Вполне возможно, что тогда у императора уже был зубной протез (мост) или что-либо подобное. Об этом косвенно свидетельствуют выплаченный Мурфию в марте 1849 г. гонорар в 100 руб. и следующий за ним счет «хирургическому инструментальному мастеру Рооху» на 43 руб. 80 коп. Что именно изготовил «хирургический инструментальный мастер», неизвестно, но, возможно, эти два счета каким-то образом связаны между собой. Последний «стоматологический счет» Николая Павловича датируется мартом 1854 г., когда Мурфий получил 200 руб. Через год, в феврале 1855 г., на 59-м году жизни, Николай I умер.

Понятно, что приведенные факты крайне фрагментарны, но это единственные [131]на сегодняшний день известные материалы, достоверно рисующие повседневную зубоврачебную практику Императорского двора во второй четверти XIX в.

Протез нижней челюсти с человеческими зубами. Англия. 1800–1870 гг. «Зубы Ватерлоо»

Стоматологические щипцы с винтом. 1850 г. Винт вкручивался в зуб, а затем, после захвата щипцами, он извлекался

Возвращаясь к медикам Императорского двора, отметим, что новым этапом в развитии придворной медицины стало утверждение Николаем I положения «О Придворной медицинской части» (1 января 1843 г.). Напомним, что с 1826 г. все придворные службы свели в новую структуру – Министерство Императорского двора. Его возглавил князь П.М. Волконский. С 1826 г. и до 1 января 1843 г. он лично контролировал деятельность всех медицинских чинов, работавших в министерстве. С 1843 г. Придворную медицинскую часть Министерства Императорского двора возглавил лейб-медик баронет Я. Виллие, который со времен Александра I фактически выполнял эти же задачи.

Укажем и то, что в «Российском медицинском списке на 1840 г.» в разделе «Список медицинским чинам, имеющим ограниченное право на производство врачебной практики» упомянуто 82 дантиста. Среди перечисленных имен, упомянута как «зубная лекарка» и Мария Назан, получившая право на зубоврачебную практику еще в 1829 г. и ставшая

первой женщиной-дантистом в России.

Среди 82 дантистов 7 имели то или иное отношение к Министерству Императорского двора. К 1840-м годам это была внушительная структура, имевшая свои госпитали в Петербурге и Павловске, в других дворцовых пригородах. Поэтому кроме дантиста, работавшего «при царе», большая часть дантистов оказывала зубоврачебную помощь именно в медицинских подразделениях Императорского двора: Беймельбург И. Сев.; Вагенгейм Карл; Вагенгейм Самуил; Жоли Жан; Лемлейн Ал. Христофорович; Нейман Антон; Сосерот Александр [132].

Новое Положение 1843 г. изменило статус зубных врачей, работавших при Императорском дворе. Во-первых, вместо внушительного звучащего «Двора Его Императорского Величества зубного доктора» в употребление вводится скромное именование «дентиста» (орфография документа. – *Прим. авт.).*

Во-вторых, если с 1801 г. зубные врачи через голову Я. Виллие подчинялись обер-гофмаршалу Императорского двора, то с 1843 г. – управляющему Придворной медицинской частью, который, в свою очередь, непосредственно замыкался на министра Императорского двора.

В-третьих, в Положении 1843 г. подтверждалась введенная в 1818 г. норма, по которой придворные зубные врачи, наряду с оказанием зубоврачебной помощи членам императорской фамилии, обязаны были лечить не только многочисленных придворных, но и их родственников. Еще в 1818 г. «Главный по армии медицинский инспектор Яков Виллие» в инструкции *«О*врачебном присмотре при Высочайшем дворе» определил, что «в случае, где особенности настоять будет надобность в акушере, *в дантисте(*курсив наш. – *Прим. авт.),*окулисте, костоправе или мозольном лекаре, дежурный имеет право пригласить их, каковому приглашению должны они беспрекословно следовать» [133].

Согласно Положению 1843 г. (§ 51), «дентист… обязан во всякое время беспрекословно являться по приглашению придворных врачей и самих придворных чинов, для подания сим последним с их семействами надлежащего пособия от искусства его зависящего» [134]. Согласно § 52, он должен в своей медицинской практике руководствоваться правилами, предписанными окружным гофмедикам.

Служба гофмедиков представляла собой прообраз современной бесплатной поликлинической службы. Петербург тогда разделялся на восемь округов, каждый из которых обслуживал живший на его территории окружной гофмедик, оказывавший медицинскую помощь придворным и

служителям Императорского двора по их месту жительства. И «дентист» должен был «беспрекословно следовать приглашению» гофмедика, выезжая к больным его профиля [135]. Если учесть, что дантисты обслуживали не только высокопоставленных придворных, но и лакеев, придворных истопников и прочую дворцовую прислугу, то можно предположить, что их профессиональная нагрузка была весьма значительной.

Подчеркнем, что стоматологическая помощь всем дворцовым служащим, вне зависимости от их должности, оказывалась бесплатно. Согласно штатному расписанию 1843 г., жалованье «дентиста» составляло 286 руб. серебром в год, и такая же сумма выплачивалась в качестве «столовых», т. е. всего 572 руб. серебром в год [136]. Для сравнения, жалованье гофмедика, дежурившего в Зимнем дворце «сутки через трое», составляло 1144 руб. в год, лейб-хирург получал в год 1716 руб. серебром в год. Правда, имелись многочисленные «бонусы» в виде доплат из царского кошелька, регулярных подарков на Пасху и Рождество, оплачиваемого отпуска и лечения, в том числе и за границей. Все это значительно повышало уровень штатного жалованья. Для сравнения, в те годы вольнопрактикующий зубной врач «за выдернутие зуба» получал всего 15 коп. [137]

Очень важным было то, что штатное расписание медиков Придворной медицинской части Министерства Императорского двора было увязано с классами Табели о рангах, с XIV по IV класс включительно. «Дентисты Двора Его Императорского Величества, почетные дентисты, имеющие чины» могли получать чины от XII до IX класса [138], что соответствовало гражданским чинам губернского секретаря, коллежского секретаря и титулярного советника.

Еще раз отметим, что хотя с 1801 г. при Императорском дворе по штату полагался один зубной врач, а с 1843 г. – один «дентист», но фактически при Дворе по большей части работали два зубных врача – один штатный, а второй «сверх штата». Распределение обязанностей между ними зависело от ситуации. Бывало так, что именно штатный зубной врач занимался зубами императора, а сверхштатный лечил всех придворных, а бывало и наоборот.

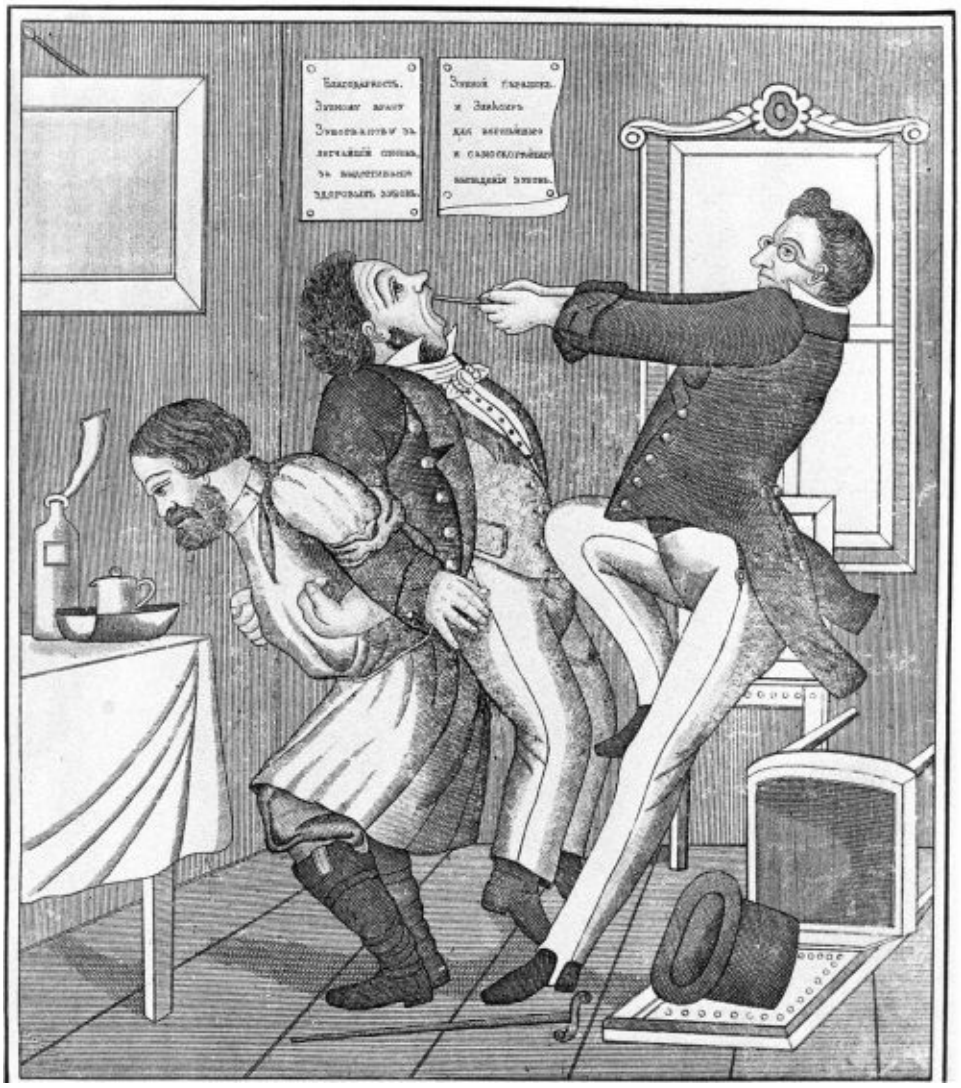
Ко времени правления Николая I относится любопытная «стоматологическая история», описанная в газете «Северная пчела» (№ 103 от 11 мая 1849 г.) знаменитым журналистом николаевской эпохи Фаддеем Булгариным. Это образчик классической заказной рекламной статьи,

посвященной известному зубному врачу Давиду Валленштейну, практиковавшему в Петербурге с 1824 г. Примечательно расположение рабочего кабинета берлинского зубного врача – в доме у Полицейского моста, на углу Б. Морской и Невского проспекта – доме Котомина. Некоторое время в этом доме жил и сам Ф. Булгарин.

И поныне актуально звучит начало статьи Ф.В. Булгарина: «У испанцев есть пословица „Не пускайся в путь с злым человеком и с больным зубом“. Зубная боль в дороге и походе – беда! Если умный и осторожный человек осматривает перед путешествием экипаж, все ли винты на месте и исправны ли рессоры, то умнее и осторожнее поступит тот, кто запломбирует или вырвет испорченный зуб перед путешествием».

Описывая состояние стоматологического рынка Петербурга во второй четверти XIX в., Ф.В. Булгарин констатировал: «В Петербурге столько зубных врачей, сколько здоровых зубов у жителей столицы». Еще раз отметим, что статья в популярной газете носила откровенно заказной характер, прямо рекомендуя услуги зубного врача Валленштейна читателям: «Г-н Валленштейн уже более 20 лет печется о зубах всех лиц, составляющих редакцию „Северной Пчелы“, с их чадами и домочадцами. А, кажется, нельзя сказать, чтобы редакция „Северной Пчелы“ была беззубая. На зубок мы никого не берем, а раскусим, что следует раскусить». Попутно упомянем, что в 1851 г. дантист Валленштейн был назначен «почетным Придворным зубным врачом» [139].

Далее журналист детализирует профессиональные качества Д. Валленштейна: «Г-н Валленштейн весьма скуп на чужие зубы и говорит: „Вырвать легко, но вырастить зуб нельзя“, а потому вырывает в крайней необходимости. Пломбирует он удивительно золотом и разными массами и вставляет весьма ловко искусственные зубы превосходной парижской работы, которые заменяют естественные с тою разницею, что не вросли в челюсть, хотя держатся столь крепко, как натуральные».

Подпись под карикатурой: «Батюшки, отцы родные, помилосердствуйте! Втрое заплачу! Только пустите! У меня и зуб уж перестал болеть». Литография. 1889 г. Россия

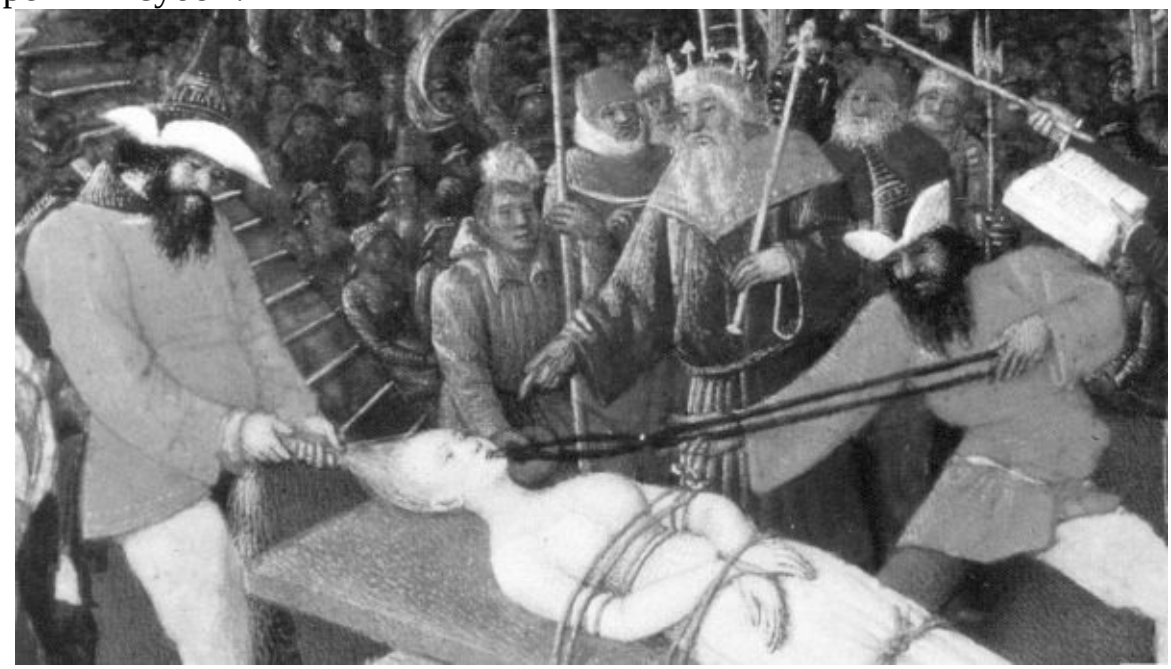
Кстати говоря, Ф.В. Булгарин хорошо представлял себе то, о чем писал, поскольку именно Валленштейн сам вставлял искусственные зубы популярному и весьма влиятельному журналисту. Еще в 1836 г. он заметил: «Быв свидетелем производства этой операции (вставления искусственных зубов. – *Прим. авт.)*над человеком довольно нам знакомым, почитаем долгом объявить об отличных умениях г-на Валленштейна» [140].

В 1855 г. зубного врача Валленштейна наградили золотой медалью на Владимирской ленте «за пользование воспитанников и чинов Морского Кадетского корпуса» [141].

Ранее мы упоминали, что в XVIII – начале XIX в. все вопросы решались методами экстракции. Больные зубы рвали без анестезии и устрашающими инструментами. Здесь же мы видим иную тенденцию – больные зубы стали лечить. Стоило это, конечно, очень недешево.

Именно во второй четверти XIX в. в стоматологии произошли серьезные изменения. Например, с 1836 г. зубной нерв стали убивать мышьяком, а уже затем совершать те или иные зубоврачебные манипуляции. Кроме этого, открытие наркоза во второй четверти XIX в. связано именно с зубоврачебной практикой, которая, совершенно очевидно, прямо-таки требовала открытия местной анестезии.

Ужасная боль, связанная с зубными процедурами, была издревле эффективнейшим способом достижения целей, весьма далеких от медицины. По преданию, св. Аполлония [142]за веру в Христа подверглась жестоким пыткам. При отказе отречься от своих убеждений ее привязали к столбу и вырвали клещами все зубы. Несломленной Аполлонии стали угрожать сожжением, но она предпочла принять мученическую смерть, бросившись в огонь. День ее почитания – 9 февраля – стал Международным днем стоматолога. На многочисленных изображениях святая держит в руках устрашающего вида клещи с зажатым в них коренным зубом.

Мученичество святой Аполлонии

Культ св. Аполлонии стал невероятно популярен в католической

Европе, что, вне всякого сомнения, было связано с распространением различных заболеваний зубов и полости рта. Очень многим было хорошо понятно, какие муки пришлось претерпеть святой. Поэтому почти в каждой европейской церкви имелись фрески святой и ее зубы (как это часто бывало, количество «святых зубов» значительно превысило их фактическое число). Религиозный подвиг св. Аполлонии вдохновил многих художников, и всякий раз сюжетным центром картины становились щипцы устрашающего вида, которыми выдирали зубы изо рта святой. Отметим и то, что хотя по житию св. Аполлония была уже довольно пожилой «девушкой», ее принято изображать во всем блеске молодости, здоровья и кроткой красоты.

Зуб святой Аполлонии

По преданию, английский король Джон вымогал у должников деньги, а при неповиновении «выдергивал» зубы. Когда богатый гражданин Бристоля не заплатил 10 тысяч дукатов, его привезли во дворец короля, и тот собственноручно удалял по одному зубу в день в течение недели, пока сопротивление жертвы не было сломлено.

Гораций Уэллз (1815–1848)

Мемориальная доска, посвященная Горацию Уэллзу

Различные методики, призванные «убрать» зубную боль, основанные

на действии различных наркотических препаратов и алкоголе, имелись и ранее, но они не всегда эффективно снимали острую зубную боль.

Первым врачом, обратившим внимание на обезболивающее действие гемиоксида (закиси) азота («веселящего газа»), стал американский дантист Гораций Уэллз (Horace Wells, 1815–1848). В 1844 г. он попросил своего коллегу удалить ему зуб мудрости под действием этого газа.

Операция в 1844 г. по удалению зуба мудрости

Операция прошла успешно, но ее повторная официальная демонстрация в клинике известного бостонского хирурга не удалась, и о «веселящем газе» на некоторое время забыли.

В 1846 г. американский дантист Уильям Мортон (William Thomas Green Morton, 1819–1868) испытал эфирный наркоз на собаках и на себе. В октябре 1846 г. под эфирным наркозом удалось провести операцию по удалению опухоли в области шеи. Этому событию посвящена картина Роберта Хинкли (Robert Hinckley) «Первая операция под эфиром», хранящаяся в Бостонской медицинской библиотеке.

Примененный при этой операции «ингалятор Мортона» представлял собой стеклянный шар с двумя отверстиями. Внутри шара находилась

губка, пропитанная эфиром. Когда воздух проходил через колбу ингалятора, он смешивался с парами от пропитанной эфиром губки и вдыхался пациентом через стеклянный мундштук.

Ингалятор Мортона стал прообразом маски для ингаляционного наркоза: мундштук вставлялся пациенту в рот, ноздри пациента зажимались, и после нескольких вдохов пациент засыпал. В результате со второй половины 1840-х гг. различные конструкции ингаляторов стали широко использоваться в стоматологии.

Уильям Мортон (William Thomas Green Morton, 1819–1868)

Темпы распространения методики применения наркоза были столь высоки, что американский дантист Натан Кип (1800–1875) к апрелю 1847 г. имел уже 200 случаев удаления зубов под наркозом, о чем он сообщил в «Бостонском медицинском хирургическом журнале» [143].

Роберт Хинкли (Robert Hinckley). Первая операция под эфиром

Ингалятор Мортона

Пульверизатор Бенджамина Ричардсона. Англия. 1866–1884 гг.

С этого времени начали искать другие методики обезболивания в стоматологии [144]. Совершенствовались и конструкции ингаляторов.

В 1866 г. Бенджамин Ричардсон изобрел пульверизатор, применявшийся при удалении зубов. Воздух выталкивается при нажатии на резиновую «грушу», распыляя жидкий эфир. Джозеф Листер (1827–1912) позже предложил использовать пульверизатор в антисептике.

Возвращаясь к российским реалиям, можно констатировать, что при Николае I возникает Министерство Императорского двора, в рамках которого с 1843 г. оформляется Придворная медицинская часть. С этого времени должность штатного дантиста значится не в общем дворцовом штате, а в солидной медицинской структуре. Все обязанности дантистов четко прописываются в Положении, утвержденном царем 1 января 1843 г. В период правления Николая I порядок получения права на зубоврачебную деятельность несколько раз менялся (об этом далее. – *Прим. авт.)*.С 1847 г. в России начинает использоваться эфирный наркоз, в том числе и в зубоврачевании.

К середине XIX в. численность дантистов в империи значительно возрастает. На 1840 г. в «Российском медицинском списке» упоминается 82 зубных врача в разделе «Медицинских чинов, имеющих ограниченное право на производство врачебной практики», а в 1869 г. зубных врачей насчитывается уже 224 человека. Из них сотрудничали с Придворной медицинской частью в разные годы 11 человек.

Если же оценивать уровень зубоврачебной помощи подданным Российской империи на конец царствования Николая I, то в качестве примера сошлемся на статистические данные, приведенные Медицинской конторой на 1853 г. по Московской губернии. Эти данные свидетельствуют, что дантистов не имелось ни в госпиталях, ни в больнице при медицинском факультете Московского университета, ни при полиции, училищах, богоугодных и благотворительных заведениях, тюрьмах и прочих местах. Исключение составил единственный «зубной лекарь второго отделения» – обладатель медали «За усердие» Петр Лазарик, практиковавший сразу в четырех учреждениях: в Московском училище ордена св. Екатерины; в Александровском училище; в Московском Воспитательном доме и в Московском театральном училище. Почти же все московские дантисты занимались исключительно частной практикой, но и их было очень немного – на всю Москву 15 зубоврачебных кабинетов [145].

Дантисты Александра II

В период правления Александра II (1855–1881) облик Российской империи начал стремительно меняться. Причиной тому послужили системные реформы, самой известной из которых стала отмена крепостного права (1861 г.). Это было время заметных изменений в системе высшей медицинской школы и медицинской науке. Эти изменения благотворно отразились и на уровне медицинского обслуживания самого императора.

После начала царствования Александра II в феврале 1855 г. все медики Придворной медицинской части, включая дантистов, сохранили свои должности. Надо сказать, что ротация врачей в Придворном ведомстве проходила, как правило, в случае смерти или болезни. Работали врачи буквально «до последнего», пока ноги носили. И даже если ноги уже носить не могли, некоторых из заслуженных врачей продолжали держать на должности, выплачивая все положенное им жалованье. При этом сверхштатный врач выполнял все обязанности штатного врача, положенные по должности. Одним из таких врачей-стоматологов, «унаследованных» Александром II от своего отца, был англичанин Джон Мурфий. Несколько слов о биографии этого зубного врача…

В апреле 1851 г. на службу в Придворную медицинскую часть, сверх штата, по распоряжению Николая I, приняли английского подданного Якова Осиповича Мурфия. Как упоминалось ранее, он начал лечить Николая I еще в 1849 г. При приеме на службу Мурфий сохранил английское подданство, клятвенно заверив своей подписью, что «Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри Империи, ни вне ее не принадлежу и обязываюсь впредь оным не принадлежать и обязываюсь и никаких сношений с ними не иметь. Мая 21 дня 1851 года James Muerphy» [146]. Такая расписка бралась не только с иностранных, но и со всех российских подданных, принимаемых на государственную или придворную службу с конца правления Александра I.

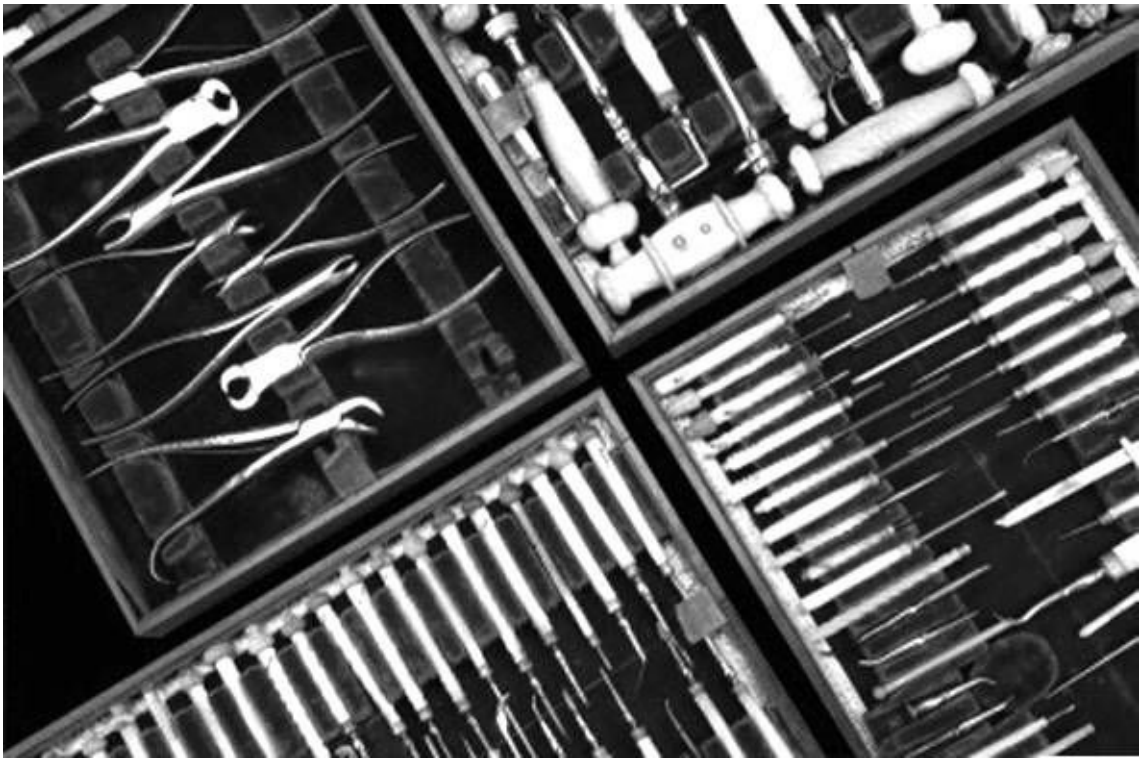

Комплект стоматологических инструментов.
Вторая половина XIX в.

В формулярном списке зубного врача приведены следующие сведения: «Яков Осипович Мурфей, придворный дантист сверх штата, 34 лет, вероисповедания англиканского, знаков отличия не имеет. Получает 1500 р. сер. (серебром. – *Прим. авт.)*жалованья. Английский подданный, холост. По выдержании установленного экзамена в Императорской С.-Петербургской Медико-

Хирургической академии в сентябре 1847 г. получил диплом на настоящее звание. Определен к Высочайшему двору 18 апреля 1851 г. сверх штата» [147].

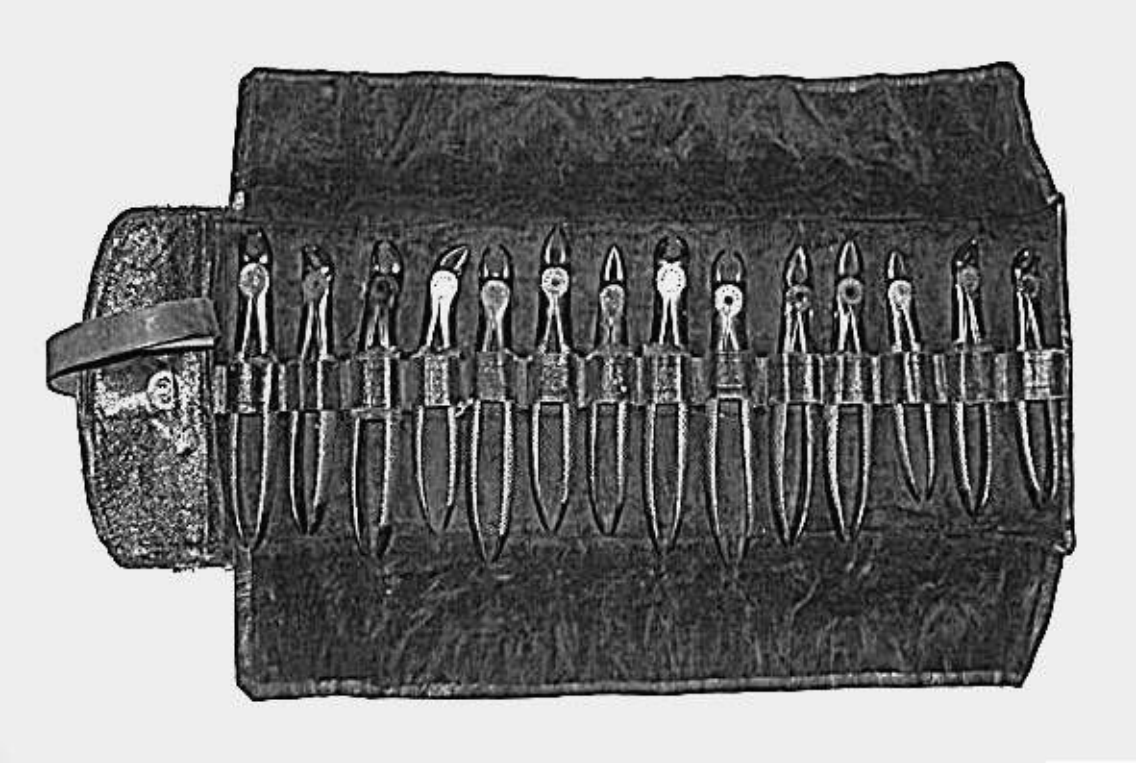
Как правило, зубные врачи «подрабатывали» в различных структурах Министерства Императорского двора. Например, Я.О. Мурфий с 1852 г. совмещал основную работу при Дворе с работой зубным врачом Царскосельского лицея [148]. Впрочем, проработал он там всего один год [149].

Набор стоматологических инструментов. Фрагмент. США. 1871–1900 гг.

После того как Англия 15 марта 1854 г. объявила войну России и приняла участие в осаде Севастополя, все английские подданные должны были выбрать один из трех вариантов: либо уйти со службы и покинуть Россию; либо перейти в российское подданство; либо, сохранив подданство, подписать присяжной лист, гарантирующий их лояльность России. Мурфий выбрал последний вариант.

Поскольку в Министерстве Императорского двора о неизбежном объявлении войны было известно, то еще 10 марта 1854 г. у Управляющий Придворной медицинской частью направил Мурфию официальную бумагу, где напоминал, что «не доставлено Вами присяжного листа на верность службы», и поэтому он предлагал дантисту срочно «донести, когда Вы намерены принести присягу». В этот же день Мурфий ответил, что он «намерен принести присягу на верность службе в субботу 13 числа сего месяца». Дантиста привели к присяге в Исаакиевском соборе. Затем Мурфий подписал стандартный типографский текст присяги: «По сему листу присягал подданный Английской королевы Яков Осипович Мурфий».

Комплект стоматологических инструментов. Фирма «Томпсон и сын». Вторая половина XIX в. США

Е.И. Ботман. Портрет Александра II. 1856 г.

Эти документы поражают своей патриархальностью: англичанин, зубной врач русского императора, сохраняет подданство, но при этом сохраняет и должность зубного врача при российском Императорском дворе, принеся присягу за два дня до начала войны между Англией и Россией. И все это на фоне штурмов английскими войсками Севастополя,

бомбардировки Соловецких островов, попытки высадки английского десанта на Камчатке и крейсирования английского флота в виду Кронштадта. Заметим, что английский подданный Я.О. Мурфий проработал в качестве придворного дантиста с 1851 по 1883 г., т. е. 32 года, и вышел на пенсию в чине титулярного советника (IX класс).

В августе 1856 г. в Москве состоялась коронация Александра II. На окружение императора по традиции обрушился золотой дождь различных пожалований и орденов. Затронули пожалования и медиков, но дантисты в этом ряду были представлены очень скромно. Так, состоялось награждение званием «Почетного дантиста, состоящего при Московском Елисаветинском училище дантиста Василия Амбургера» [150]. Кроме этого, состоялось пожалование зубному врачу Эвансу звания «Придворного дантиста» [151]. На следующий, 1857 год к высочайшему двору был определен зубной врач Антон Нейман, которого одновременно наградили званием почетного дантиста [152].

Отметим, что и В. Амбургер, и А. Нейман никакого отношения к лечению зубов Александра II не имели. Просто разраставшиеся структуры Министерства Императорского двора старались обзавестись «своими» зубными врачами, которые должны были обслуживать штат того или иного Придворного ведомства. Например, в 1857 г. в штат Петербургской дирекции Императорских театров были последовательно назначены братья Эдуард и Адольф Вагенгеймы [153]. Они должны были лечить зубы всех служащих дирекции – от примы-балерины до истопников. Отметим, что зубные врачи готовы были работать «без жалованья и без права государственной службы». Такой порядок не был благотворительностью, поскольку, получив штатную должность, зубные врачи не только получали право на чинопроизводство и пенсию, но и входили в корпоративный круг достаточно обеспеченных артистов Императорских театров, которые и платили им соответствующие гонорары.

Набор стоматологических инструментов. Вторая половина XIX в.

Работали зубные врачи и в штате Московских Императорских театров [154]. Должности «своих» зубных врачей при Императорских театрах Москвы и Петербурга сохранялись вплоть до 1917 г. [155]Более того, после революции 1905–1907 гг. к занятию штатных должностей стали допускаться и женщины, специализировавшиеся в области зубоврачевания. Так, с 1907 по 1915 г. должность зубного врача при Московском театральном училище занимала Юлия Ильинская [156].

Зубные врачи, получившие звание «почетного дантиста», становились кадровым резервом на замещение более престижных вакантных штатных должностей. Например, почетный дантист В. Амбургер в 1864 г. в документах упоминается уже как придворный дантист, награжденный «золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте» [157].

Следует подчеркнуть, что для зубных врачей возможность получить стабильную государственную службу при Императорском дворе была очень привлекательной, особенно во второй половине XIX в., когда число практикующих дантистов в Москве и Петербурге начало увеличиваться, следовательно, обострилась конкуренция, сказывавшаяся на доходах зубных врачей. В этой борьбе «за клиентов» «дантист Двора Его Императорского Величества», получавший жалованье и чины, имел безусловное преимущество.

Поэтому вокруг возникавших вакантных мест в Придворной медицинской части немедленно начинались ожесточенные «баталии» с

привлечением самых влиятельных чиновников. Просто так, «с улицы», на эту должность, конечно, не брали. Зубным врачам придворная служба приносила солидное жалованье, сопряженное с различными доплатами, продвижение в чинах по Табели о рангах, оплачиваемый отпуск, возможность лечения за счет Министерства Императорского двора, пенсию по старости и солидные единовременные выплаты семье в случае смерти зубного врача. Кроме этого, не было недостатка и в состоятельных больных, желавших лечиться у дантиста «самого Императора».

Те, кто не имел влиятельных покровителей, старались для начала «зацепиться» за самую скромную должность в Министерстве Императорского двора. Например, в 1879 г. коллежский секретарь дантист Топоров работал сверхштатным лекарским помощником «при врачебном дежурстве», а затем перешел на должность сверхштатного дантиста «при сем дежурстве, с сохранением получаемого им поныне содержания» [158].

В качестве примера приведем историю замещения вакантной должности придворного зубного врача времен Александра II. 28 апреля 1858 г. придворный дантист Иван Иванович Бейлембург, обращаясь к руководству Придворной медицинской части, писал: «Продолжая службу слишком 30 лет, в том числе собственно при Высочайшем дворе Дентистом 22 года… расстроив здоровье и лишившись зрения на один глаз», просил «…об увольнении меня в отставку… лишен был возможности что-либо приобрести для обеспечения моего семейства; отъезд же за границу для пользования и производства операции на глазу моем потребует значительных расходов» [159].

Дантисту пошли навстречу, помогли деньгами и уволили. Из многочисленных сопроводительных документов мы узнаем, что Иоганн Бейлембург окончил в саксонском городе Гета медицинскую академию и 18 декабря 1812 г. вступил в хирургическую гильдию. Затем, получив 15 декабря 1815 г. свидетельство гильдии, Бейлембург переехал в Россию и устроился на казенную службу старшим лекарским учеником в Лифляндскую губернию Венденского уезда. С сентября 1819 г. по июнь 1825 г. Бейлембург отработал лекарским помощником при богоугодных заведениях близ Риги. Затем Бейлембург работал лекарем «заведений Эстляндского приказа Общественного призрения… Состоя в этой должности, по произведенному в Медицинском факультете Дерптского университета испытанию, получил право для свободного пользования зубных болезней во всей Российской империи, в чем выдан ему университетом аттестат 9 июля 1828 г.». В должности лекаря Эстляндского

приказа Общественного призрения Бейлембург работал до 15 мая 1830 г.

Придворная служба Бейлембурга началась в 1836 г., когда он «По высочайшему повелению определен почетным зубным врачом к Придворнослужительскому дому 22 июня 1836 г., а 18 марта 1837 г. Высочайше повелено производить ему жалованье по 2000 руб. асс. (ассигнациями. – *Прим. авт.)*в год, что составляет на серебро 571 р. 84 к.» [160]. В 1839 г. состоялось пожалование зубного врача Бейлембурга первым классным чином (XIV кл.) [161].

Отметим, что именно И.С. Бейлембург после ухода в отставку Николая Сосерота лечил семью Николая I. Помимо этого, как «дентист» Бейлембург «по вызову» лечил придворных слуг и сановников. В 1843 г. после образования Придворной медицинской части по занимаемой штатной должности Бейлембургу платили «по 286 р. сер. и столько же столовых, а всего 572 р. сер. в год» [162].

В 1846 г. в жизни придворного дантиста XIV класса Бейлембурга произошло несколько важных событий. Во-первых, он принял присягу на подданство России [163]. Во-вторых, он начал получать наряду со штатным жалованьем – пенсию «за 20-летнюю службу», собственно для этого и принималось российское подданство [164]. В-третьих, Беймельбург второй раз женился. В 1844 г. он развелся с Марией-Луизой де-Серр [165]. Добавим, что дантист женился не последний раз. Всего Бейлембург был женат трижды, имея от каждого брака по одному ребенку.

В 1851 г. Бейлембурга произвели в губернские секретари «за выслугу лет» [166]. Беймельбург неоднократно выезжал за границу. Например, в 1852 г. он выехал за границу в отпуск «по болезни» на 4 месяца [167].

Медаль 1853–1856 гг. Аверс

Медаль 1853–1856 гг. Реверс

В формулярном списке Бейлембурга упоминается, что он прослужил на государственной службе 31 год, 4 месяца и 24 дня, что «в штрафах, под судом и в отпусках свыше 4 месяцев не находился, аттестован одобрительно».

Единственной государственной наградой зубного врача стала «темно-бронзовая медаль на Андреевской ленте в память войны 1853-56 гг.», хотя на Крымской войне Бейлембург не был. Видимо, медаль дали «под пенсию», или зубной врач лечил раненых в той войне. Кроме этого, в 1833 г. зубной врач за лечение «военных кантонистов от зубных болезней» был «всемилостивейше награжден бриллиантовым перстнем в 500 руб. асс.». Также дантисту Бейлембургу выдали 50 руб. серебром «за безвозмездное пользование нижних чинов лейб-гвардии Преображенского полка».

В результате долгой медицинской карьеры «за беспорочную службу в медицинском звании 30 лет» Бейлембургу назначили пенсию – 571 руб.

84 коп. серебром, т. е. полный оклад получаемого им жалованья. В 1858 г. в возрасте 59 лет Бейлембурга уволили «с мундиром и пенсией». Еще раз подчеркнем, что пенсия зубного врача, прослужившего более 30 лет на государственной службе, составляла 100 % получаемого им жалованья. Для того чтобы получить пенсию, Бейлембург, большую часть жизни проработавший на территории Российской империи, буквально накануне выхода на пенсию принял присягу на подданство России и в этом же году в звании коллежского секретаря «с мундиром и пенсионом и с выдачей в пособие полугодового оклада жалованья» вышел на пенсию. После его смерти в 1863 г. жене и дочери выплачивалась пенсия в размере 321 руб. серебром в год и в течение одного года – «полный пенсион мужа 571 руб.» [168].

Добавим, что дети и внуки Бейлембурга не забывали своего отца и деда, работавшего при Императорском дворе. В 1895 г. капитан 7-го Западно-Сибирского линейного батальона фон Бейлембург направил прошение в Придворную медицинскую часть с просьбой снять для него «копии с документов деда его, умершего Придворного дантиста, коллежского секретаря Бейлембурга» [169].

Еще раз напомним, что Бейлембург написал заявление с просьбой об увольнении 28 апреля 1858 г., а уже 4 мая 1858 г. некий практикующий зубной врач Вильгельм

Фриков направил на имя Управляющего Придворной медицинской частью прошение о приеме его на вакантную должность: «Узнав с достоверностью, что… я осмеливаюсь обратиться… Для получения этой почетной должности».

К прошению прилагалось свидетельство из Медикохирургической академии о прохождении соответствующих испытаний, дававших право на медицинскую практику на территории Российской империи: «Конференция Императорской Санкт-Петербургской Медико-Хирургической академии по произведенному на законном основании испытанию признала иностранного зубного врача Вильгельма Фрикова Дентистом, дозволяет ему производить по своей части практику в Российской империи. 9 ноября 1857 г.». Документ заверил президент Академии П. Дубовицкий [170].

Кроме этого, соискатель придворной должности сообщал: «…я вследствие трехлетнего изучения в Берлине и долговременного пребывания для усовершенствования в Париже, приобрел требуемые познания и способности для добросовестного занятия упомянутой должности, что также доказывает выданный мне Медицинским начальством Диплом после

выдержания испытания».

По сложившемуся порядку Министерство внутренних дел собрало необходимые сведения о соискателе придворной должности. Из них следует, что «Генрих Фридрих Вильгельм Фриков, законнорожденный сын лакея Фридриха Вильгельма Валентина и Елены Софии Елизаветы, урожденной Эрке… родился 29 декабря 1828 г. и окрещен 6 января 1829 г.». В паспорте того времени, который назывался «Вид на жительство», сообщалось, что Фриков евангелического исповедания, имеет «светлорусые волосы, голубые глаза, рот умеренный, подбородок круглый, роста большого».

В результате уже 6 мая 1858 г. состоялось решение о назначении «вольнопрактикующего зубного врача Мекленбургского подданного Вильгельма Фрикова… на вакансию придворного дентиста». Приказ о назначении Вильгельма Фрикова «придворным дентистом» был подписан Александром II 17 мая 1858 г. После этого Вильгельм Фриков принес обязательную присягу «на верность службе в означенной должности… в Лютеранской Екатерининской церкви, что на Васильевском острову».

Параллельно с Фриковым на вакантную должность «пробивался» зубной врач Фейт. Причем свое прошение о зачисление на должность он направил на два дня раньше Фрикова – 2 мая 1858 г. За Фейта просил барон Е.Ф. Мейендорф, который писал Управляющему Придворной медицинской частью: «…не изволите ли вы… найти возможность поместить на означенную вакацию с давнего времени мне известного отличным знанием своего искусства зубного врача Фейта, чем премного меня обяжете» [171].

Однако Фейта на должность не взяли, поскольку за него просил «всего лишь» один из первых чинов Императорского двора генерал-адъютант, генерал от кавалерии, обер-шталмейстер Двора Его Императорского Величества и президент Придворной конюшенной конторы барон Е.Ф. Мейендорф, а за Фрикова – член Императорской фамилии герцог Г. Мекленбург-Стрелицкий. Поэтому управляющий Придворной медицинской частью 6 мая 1858 г. писал Егору Федоровичу Мейендорфу, что Фейта на должность назначить не может, «…т. к. до получения еще письма Вашего был уже назначен согласно ходатайству Его Великогерцогского Высочества Герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого зубной врач Вильгельм Фриков». Так «при царях» заполнялись придворные вакансии. Думается, что и сейчас они заполняются аналогичным образом. Не вчера было сказано: «Полы паркетные – врачи анкетные».

Верхний протез из слоновой кости с человеческими зубами. Англия. 1801–1860 гг.

Некоторые из зубных врачей Придворного ведомства пытались идти в ногу со временем, применяя передовые, экспериментальные технологии того времени. А вся вторая половина XIX в. была временем множества попыток как-то «приспособить» электричество для лечения тех или иных заболеваний. Не минуло это увлечение и зубных врачей. Однако руководство Придворной медицинской частью состояло из людей «ранешнего времени», которым был присущ дух здорового консерватизма. В результате в 1857 г. появился ведомственный циркуляр с красноречивым заголовком «О воспрещении придворному дантисту фон Лемлейну лечение болезни посредством электро-гальванического снаряда, без разрешения на то Медицинского совета». Любопытно, что зубной врач фон Лемлейн экспериментировал не только с электричеством. Как это ни удивительно, но «дантист Лемлейн получил привилегию № 309/1845 на безвредное средство для улучшения простых виноградных вин, изготавливаемых в России».

Зато всячески поощрялась деятельность по повышению квалификации нижних медицинских чинов. В 1863 г. управляющий Придворной медицинской частью объявил благодарность почетному придворному зубному врачу Амбургеру за чтение лекций фельдшерам о зубных операциях.

Придворные стоматологи также занимались экспертизой стоматологических товаров. Например, в 1876 г. им препроводили на экспертизу зубной порошок и капли зубного эликсира, изобретенные зубным врачом, прусским подданным Людвигом Беркмейером [172]. В своем прошении на имя министра Императорского двора А.В. Адлерберга (март 1875 г.) Л. Беркмейер писал, что, «…находясь в России 15 лет, я посвятил всю мою деятельность зубному врачеванию в Москве и различным усовершенствованиям в зубной медицине. Ныне изобретены мною зубной порошок, зубные капли и зубной эликсир, которые вместе с сим представлены мною в Медицинский департамент МВД для испрошения на оные одобрения и привилегии». Далее врач просит «…принять оные от меня… и ящик, заключающий мои изделия, которые дерзаю повергнуть к стопам Государя Императора» [173].

Это была стандартная рекламная акция зубного врача с предсказуемыми ходами. Если бы царь принял подарок, то врач немедленно попросил бы разрешения указать в своей рекламе на то, что его зубной пастой пользуется сам царь. Поэтому придворным зубным врачам и профессору фармации Медико-хирургической академии Ю.К. Траппу предлагалось протестировать зубную пасту и эликсир.

В июле 1876 г. управляющий Придворной медицинской частью направил министру Императорского двора ответ, в котором сообщал, что зубной порошок и эликсир были рассмотрены «в Медицинском Совете вместе с рецептом на приготовление этих средств».

Рекламный блок в газете

Медицинский Совет «…постановил, что продажа означенных средств Беркмейеру, как зубному врачу, может быть дозволена. Что же касается выдачи привилегии, то имея в виду, что ни одно из них не соответствует требованиям 307 ст. Устав Врачебный, Медицинский Совет не нашел

основания к удовлетворению такого ходатайства просителя.

Заслуженный профессор фармации Императорской Медико-хирургической академии тайный советник Трапп на запрос мой о качестве зубных средств Беркмейера отозвался, что из них только один эликсир заслуживает внимания, как содержащий в себе особое средство, а именно: салициловый хинин, который, судя по его составным частям, т. е. салициловой кислоте и хинин, можно считать существенным улучшением эликсира. В какой мере замена в них салициловой кислоты салициловым хинином оправдывает ожидания Дентистов, о том покамест ничего положительного сказать нельзя». Далее констатировалось, что предложенный препарат «…не только не лучше, но даже уступает другим зубным эликсирам. Зубные капли Беркмейера проф. Трапп находит не лучше и не хуже известного Paraguay-Roux, а зубной порошок его, содержащий в себе пемзу, пригодную для полирования дерева, а не зубов, нельзя вовсе использовать для ежедневного употребления». И, соответственно, делался вывод, что зубной порошок и зубной эликсир «… не заслуживают быть поднесенными Государю Императору». Обращаем внимание на крайне ядовитое замечание по поводу порошка пемзы.

Витрина кабинета зубного врача Ж. Пети. Франция. 1875–1885 гг.

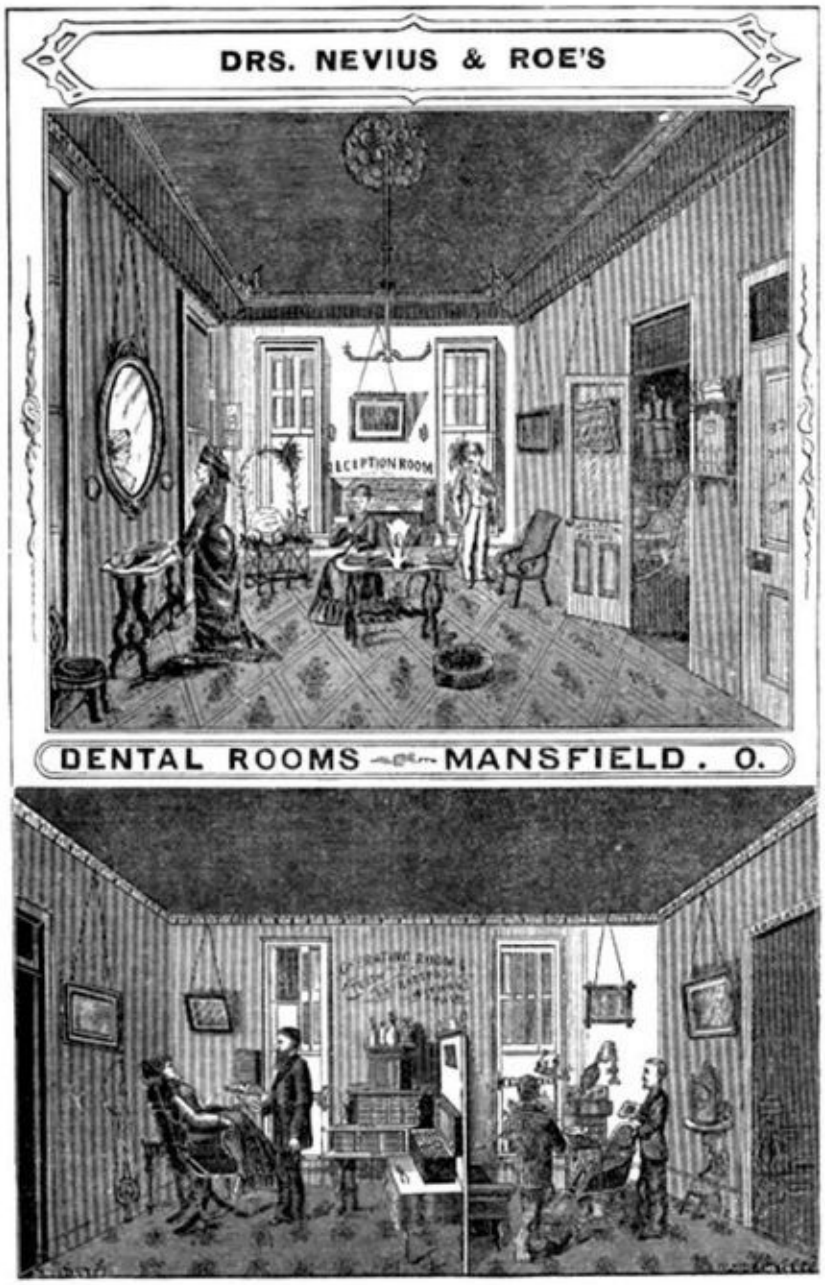
Возвращаясь к придворному дантисту Вильгельму Фрикову, который начал работать в Придворной медицинской части в 1858 г., отметим, что он, как и его предшественники, совмещал свои обязанности придворного дантиста с другими должностями.

В 1862 г. состоялось решение о назначении дантиста Фрикова дантистом Медико-филантропического комитета Императорского человеколюбивого общества «…для безмездной помощи больным, в открываемой, под ведением Медико-Филантропического комитета лечебницы для приходящих» [174]. Это была благотворительная структура, находившаяся под высочайшим покровительством. Такие совмещения не только укрепляли положение дантиста при Императорском дворе, но и были источником различных «бонусов». Руководство Придворной медицинской части согласилось на это совмещение «…если, однако ж, назначение это не будет отвлекать его от исполнения обязанностей по званию Придворного дентиста» [175].

Такое совмещение и образцовое выполнение своих обязанностей стало причиной того, что 17 апреля 1863 г. Вильгельм Фриков «за отлично усердную службу» получил «денежное награждение 120 руб. из суммы,

Всемилостивейшее пожалованной в награду служащим по Придворной медицинской части».

В 1872 г. Вильгельм Фриков умер [176]. В последние годы он часто болел, и руководство Придворной медицинской части не единожды предоставляло Фрикову оплачиваемый отпуск и оплачивало дорогу для поездок на заграничные курорты. После смерти придворного дантиста немедленно началась «битва» за вакантную должность.

Газетный блок. Реклама кабинета зубного врача

1 августа 1872 г. с прошением о замещении вакантной должности обратился коллежский регистратор зубной врач Карл Вагенгейм. К этому времени он работал зубным врачом Императорского Пажеского корпуса и Николаевского сиротского института. При этом К. Вагенгейм желал получить должность «дентиста при Высочайшем Дворе с оставлением в прежних должностях» [177].

3 августа 1872 г. прошение подал зубной лекарь Карл Фейт. Это был тот самый лекарь, который пытался пробиться на эту должность еще в 1858 г. В прошении он писал: «Занимаясь около 40 лет практикой зубного врача в Санкт-Петербурге и состоя с 1857 г. по приглашению Его Высокопревосходительства обер-шталмейстра барона Мейендорфа зубным врачом по Придворноконюшенному ведомству безвозмездно и служа безвозмездно 5 лет по Ведомству Императорского Человеколюбивого Общества» [178]. Отметим эту «безвозмездную» работу зубного лекаря. Именно такие варианты службы давали надежду на занятие престижных государственных должностей. Но получалось это не всегда. Поддержало устремления зубного лекаря и руководство Императорского человеколюбивого Общества. В ходатайстве подчеркнуто, что он работал, «…не щадя ни трудов, ни издержек на добросовестное исполнение принятых им на себя обязанностей». Подписал это ходатайство влиятельный митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор.

Митрополит Исидор

6 августа 1872 г. с прошением о замещении вакантной должности обратился зубной врач Иоганн Иванович Дазлер. Он скромно указывал на то, что получил диплом на право зубоврачебной практики еще в 1854 г.

8 августа 1872 г. поступило прошение от зубного врача Карла Александровича Бауха, указывавшего, что «в продолжении шести лет времени находился я у придворного зубного врача г. Фрикгофа (Вильгельма Фрикгофа в русифицированном варианте незатейливо превратили в Василия Фрикова. – *Прим. авт.)*ассистентом и неоднократно исполнял служебные его обязанности во время болезни или отсутствия» [179]. Медикохирургическая академия выдала ему диплом 18 июня 1868 г. за № 565/1453.

12 августа 1872 г. прошение в адрес управляющего Придворной медицинской части направил зубной врач Борис Вульфеин. Видимо, влиятельных ходатаев у него не имелось, поэтому в прошении он заявляет, что «согласен исполнять обязанности Зубного придворного врача безвозмездно, считаясь только на действительной службе по Придворному ведомству».

22 августа 1872 г. поступило прошение губернского секретаря зубного врача Василия Андреева Праведного.

31 августа 1872 г. – прошение дантиста Исидора Адольфовича Гиршфельда, работавшего дантистом при Военно-юридическом училище. За этого зубного врача просил обер-полицмейстер Санкт-Петербурга Ф.Ф. Трепов [180]: «Убедительно прошу, что возможно сделать, что ему можно, чем обяжете вашего старика».

Ф.Ф. Трепов

31 августа 1872 г. поступило прошение «состоящего на службе Министерства Государственных имуществ зубного врача Франца Роберта Шумана».

В этот же день завершил кампанию по подаче прошений зубной врач Адольф Вагенгейм. Понимая, что он аутсайдер, соискатель пытался привлечь к себе внимание, предлагая руководству Придворной медицинской части «те же услуги зубного врача, т. е. пользовать страждущих зубною болью и вместе с тем вставлять до 10 челюстей ежегодно, без всякого вознаграждения лицам, служащим при Дворе Его Императорского Величества, имеющим надобность в искусственных зубах для пищеварения по усмотрению господ лейб-медиков, иметь звание Придворного зубного врача без пользования правами службы» [181].

Таким образом, в течение августа 1872 г. прошения «о приеме на работу» подали 9 зубных врачей. Одни ссылались на свой многолетний опыт работы, другие подкрепляли свои прошения ходатайствами влиятельных покровителей, третьи обещали работать не только без всякого жалованья, но и бесплатно делать зубные протезы для служащих

Придворной медицинской части, не претендуя на чины по Табели о рангах.

В этой гонке соискателей победу одержал Карл Вагенгейм, первым подавший прошение на замещение вакантной должности. Вероятно, он был не только прекрасно осведомлен о вакансиях в Придворной медицинской части, но и имел высоких покровителей, чьи имена, к сожалению, не просматриваются в архивных делах. Правда, в документах упоминается, что именно 27-летний Карл Вагенгейм «состоял с давнего времени кандидатом на означенную должность». При этом К. Вагенгейм, для того чтобы занять единственную ставку придворного дантиста, был вынужден принять на себя обязательство вставлять «зубы и полные челюсти, по назначению врачей, безвозмездно лицам… нуждающимся в искусственных зубах для пищеварения» [182].

Как следует из формулярного списка канцелярского чиновника Медицинского департамента МВД и зубного врача С.-Петербургского Николаевского сиротского института, дантиста, коллежского регистратора Карла Леопольдовича Вагенгейма, он исповедовал лютеранство и в 27 лет оставался холостяком. К.Л. Вагенгейм, как и многие зубные врачи, приехавшие в Россию из Германии, принял российское подданство. Право на зубоврачебную практику он получил, сдав экзамены в Медико-хирургической академии в мае 1865 г. (диплом № 110).

В марте 1867 г. его определили в канцелярские служители в Медицинский департамент МВД. В 1869 г. приказом по МВД К.Л. Вагенгейма произвели в коллежские регистраторы «за отличие». 1 января 1870 г. Опекунский совет определил К.Л. Вагенгейма зубным врачом в Николаевский сиротский институт с оставлением в прежней должности. Дополнительно к своему жалованью Вагенгейм получал «по должности врача 300 руб. разъездных». К моменту назначения на должность «придворного дентиста» (10 сентября 1872 г.) Вагенгейм был награжден двумя орденами – Св. Станиславом III степени (июль 1872 г.) и Св. Станиславом II степени. Никакой недвижимостью Вагенгейм не располагал.

Назначение Карла Леопольдовича Вагенгейма (Wagenheim) на престижную должность, конечно, не было случайным. Дело в том, что К.Л. Вагенгейм был представителем старейшей династии зубных врачей, практиковавших в Петербурге со второй половины XVIII в. К 1830-м гг. клан Вагенгеймов владел семью зубоврачебными лечебницами в городе, из них четыре находились на Невском проспекте.

Естественно, Вагенгеймы периодически публиковали в «Санкт-Петербургских ведомостях» свои рекламные объявления. Например, в

одном из них (№ 4, 1821 г.) было напечатано следующее объявление: «Б. Вагенгейм, зубной врач при Главном Штабе его Императорского Величества и в Смольном монастыре, сим извещает почтенную публику, что он лечит всякого рода зубные болезни. Средствами его предохраняется десна и зубы от боли, воспаления и др. опасных последствий. Он также пилит зубы, равняет и чистит их, укрепляет шатающиеся, выдергивает испорченные, вставляет новые коренные и целые ряды зубов, которые не из кости, но приготовлены в чужих краях из самой крепкой массы и имеют весьма искусно шлифованную эмаль».

Отметим, что работа Б. Вагенгейма «при Главном Штабе его Императорского Величества» означала прямое подчинение князю П.М. Волконскому, который в 1826 г. занял пост министра Императорского двора и до начала 1850-х гг. контролировал деятельность Придворной медицинской части. Проще говоря, семейство Вагенгеймов имело внушительные связи «на самом верху». Кроме этого, уже упоминавшийся Самуил Вагенгейм в 1844 г. получил звание почетного дантиста при Императорском дворе [183]. Примечательно, что именно в 1844 г. последовало распоряжение Николая I о прекращении приема евреев на государственную службу. Но квалификация зубного врача была такова, что в данном случае еврея-дантиста на государственную службу приняли. Самуил Вагенгейм работал придворным дантистом еще в 1860-х гг. Попутно отметим, что в 1840-х гг. еще один еврей, известный зубной врач Давид Валленштейн продолжал состоять при великом князе Михаиле Павловиче, младшем брате Николая I.

В 1866 г. придворный дантист Б. Вагенгейм получил почетное гражданство «с нисходящим потомством» [184]. В «Российском медицинском списке» на 1844 г. упоминается шесть Вагенгеймов (Александр, Карл, Леопольд-Людвиг, Мартын, Самуил, Яков), занимавшихся зубоврачеванием [185]. Судя по «Всеобщей адресной книге Санкт-Петербурга», в 1860-х гг. в столице практиковало восемь зубных врачей по фамилии Вагенгейм. Были Вагенгеймы и в Москве, где у них имелось «Депо средств для сохранения зубов» на аристократическом Кузнецком мосту. В 1883 г. Карл Вагенгейм был на некоторое время привлечен для работы в качестве зубного врача при Санкт-Петербургском театральном училище [186].

Ф.М. Достоевский, не понаслышке знавший, что такое острая зубная боль, в своих «Записках из подполья» упоминает кого-то из «стоматологического клана» Вагенгеймов, которые для Петербурга стали

своеобразным символом профессии зубного врача: «И в зубной боли есть наслаждение. Тут, конечно, не молча злятся, а стонут; но это стоны не откровенные, это стоны с ехидством. В этих-то стонах и выражается наслаждение страдающего; не ощущал бы он в них наслаждения – он бы и стонать не стал. В них выражается вся для сознания унизительная бесцельность вашей боли; вся законность природы, на которую вам, разумеется, наплевать, но от которой вы все-таки страдаете, а она-то нет. Выражается сознание, что врага у вас не находится, а что боль есть; сознание, что вы, со всевозможными Вагенгеймами, вполне в рабстве у ваших зубов; что захочет кто-то, и перестанут болеть ваши зубы, а не захочет, так и еще три месяца проболят; и что, наконец, если вы все еще не согласны и все-таки протестуете, то вам остается для собственного утешения только самого себя высечь или прибить побольнее кулаком вашу стену».

О временах царствования Николая I и Александра II осталось множество небольших мемуарных зарисовок, публиковавшихся во второй половине XIX в. в различных исторических журналах. В их числе есть и «стоматологические истории» времен Александра И, рисующие применение знахарских практик, как в официальных структурах, так и на «высочайшем уровне»: «После Крымской кампании вышло распоряжение – прикомандировывать раненых офицеров к кадетским корпусам. В 1860 г. многие кадеты 1-го корпуса страдали зубами. Однажды Государь Император, заметив, что кадеты подвязаны, спросил директора корпуса г. Лихонина, что это значит. Директор доложил, что они болеют зубами.

– Как жаль, – сказал Государь, – что у нас при корпусах нет дантистов.

– У меня лечит, Ваше Величество, прикомандированный к корпусу поручик Бородин.

– Помогает?

– Помогает, Ваше Величество.

– Скажите ему от меня спасибо.

Случилось, что и я заболел зубной болью. Прихожу к Бородину и прошу его полечить меня. Он согласился охотно, но предупредил, что требуемые для лечения порошки стоят дорого, и потому следует ему за них уплатить 2 рубля.

Я, конечно, согласился. Он велел мне раздеться и лечь в постель; затем подан был кипящий самовар, жаровня с угольем и порожняя кадушка. Кадушкой он накрыл жаровню, насыпав на нее предварительно какого-то порошку, издававшего неимоверно противную, угарную вонь. Накрыв меня с головой ватным одеялом, он велел дышать над кадушкой, наполненной

дымом и паром, приказав нескольким кадетам держать одеяло, дабы я не мог освободиться.

Я полагал, что задохнусь насмерть, но через $^{1}/_{4}$часа меня раскрыли; я был в изнеможении и чувствовал сильную головную боль.

– А что, зуб – лучше? – спрашивает Бородин.

– Не знаю, – отвечал я.

Но действительно, от притупленного чувства показалось – как будто лучше.

– А посмотрим, сколько червячков-то вышло из больного зуба? Вот – целых шесть!

Уплатив требуемый гонорар, я поплелся в свою палатку. Зуб через два дня перестал болеть. По окончании лагерного сбора мы возвратились в Петербург. Не успел Бородин устроиться, как явился фельдъегерь, требуя, чтобы он отправился экстренным поездом в Петергоф к Великому князю для лечения от зубной боли его супруги. Забрав с собой порошки, кадушку и жаровню, Бородин отправился в Петергоф. Великий князь, встретив его, сказал:

– Мне Государь Император передал, что вы хорошо лечите от зубной боли. Моя жена страдает зубами, и лейб-медики не могут унять боль. Беретесь ли лечить ее?

– Берусь, если прикажете, Ваше Императорское Высочество.

– У нее голова болит; не будет ли ваше лечение противно?

– Напротив, Ваше Высочество, и головная боль должна пройти.

Входит импровизированный дантист в спальню Великой княгини; она лежит в постели, вокруг нее лейб-медики. Бородин обращается к Великому князю:

– Прикажите, Ваше Высочество, выйти г-м лейб-медикам, т. к. мое лечение составляет секрет.

Великий князь приказал им удалиться, и те, ретируясь, повстречались с жаровней, кадушкой и самоваром. Великий князь, увидев эти приспособления, говорит:

– Бородин, вы со мной не шутите! Если жене будет хуже, вам не сдобровать.

– Я с полной уверенностью приступаю к делу, Ваше Высочество.

– Хорошо, я ухожу; не хочу быть свидетелем этого лечения.

Затем Бородин проделал с Великой княгиней все процедуры так же, как и со мной. По окончании княгиня спросила вошедших лейб-медиков, можно ли напиться воды? Они изъявили свое согласие, но Бородин

запретил наотрез, и она послушалась.

После этого Великий князь приказал Бородину отправиться на гауптвахту и ожидать. Принесли Бородину сытный ужин и бутылку вина, но он так беспокоился исходом своего лечения, что почти не дотронулся до них. Ночь была им проведена тревожно. На другой день в 11 часов утра его потребовали к Великому князю.

– Ну, Бородин, спасибо за лечение: жене лучше, зубная боль унялась. А вот это примите от меня.

Великий князь преподнес ему бриллиантовый перстень и пакет, в котором оказалось 700 руб. денег. Вскоре Бородин был по Высочайшему повелению назначен дантистом к военно-учебным заведениям с приличным жалованьем. Слава поручика прогремела на весь Петербург, и его стали приглашать в аристократические дома, чем он сделал значительный подрыв известному д-ру Вагенгейму, который предлагал Бородину 25 ООО руб., чтобы он прекратил свою практику. Но импровизированный дантист ответил Вагенгейму, что эта сумма ничтожна в сравнении с размером его прибыли от практики, ибо он зарабатывает ежемесячно не менее 7000 руб.

Бородин и этим не удовольствовался: познакомившись с каким-то праздношатающимся фармацевтом, стал приготовлять у себя разные эликсиры и лечить от всех болезней. Врачебная управа не раз вызывала Бородина и просила его предъявить докторский диплом, но Бородин каждый раз отвечал, что его диплом остался у Великого князя.

В конце 1861 г. Бородин, узнав о моем выезде из Петербурга, завернул ко мне с прощальным визитом и рассказал вышеописанные подробности. Он сознался, что лечение Великой княгини было крайне рискованно. Но в случае неудачи, говорил он, голову бы не сняли, а при удаче будущность рисовалась блестящая. Я сказал, что, оставляя Петербург, лишен буду возможности повредить ему в его докторской карьере, а потому просил сообщить мне, где он научился этому лечению.

– Вот как было дело, – рассказал Бородин. – Едучи с Кавказа, на почтовой станции в Орловской губернии денщик мой так сильно заболел зубами, что просил оставить его на произвол судьбы. Но он был славный человек, и я не мог этого сделать. Начальник станции мне сказал, что в селении, верстах в 10, знахарка отлично лечит от зубной боли.

Послали за знахаркой, и она проделала известное уже вам лечение. Денщику стало лучше, через два дня он уже мог продолжать путь. Знахарка потребовала гонорара рубль, я охотно ей дал и пообещал еще другой, если она откроет мне секрет ее лечения. И она сказала, что порошок,

употребляемый ею, – это семена зелья, называемого дурманом (datura stramonium). Благодаря этому Бородин и сделался знаменитостью и богатым человеком» [187].

Надо сказать, что знахарские методы по сей день уживаются с методиками доказательной, официальной медицины. И таких примеров множество. Например, Николай I в 1840-х гг. лечил рожистое воспаление на ноге «заговоренным» платком. А в начале XX в. при семье Николая II успешно практиковал Г.Е. Распутин. С конца 1980-х гг. на экранах телевизоров продолжают периодически мелькать различные знахари. Поэтому приглашение «анонимным» великим князем вполне приличного поручика, владеющего «знахарскими методиками», к своей жене вполне достоверно. Правда, назначение «народного умельца» дантистом военно-учебных заведений при Александре II выглядит сомнительным. Что же касается самой «методики» лечения больного зуба окуриванием для изгнания зубных червей, то эти «рецепты» активно применялись еще во времена Древнего Рима.

Таким образом, К.Л. Вагенгейм в 1872 г. стал штатным придворным дантистом. Однако в 1873 г. ему пришлось понервничать, когда в Петербурге появился американский зубной врач де Марини, который совершенно не желал «играть по правилам».

Реклама стоматологического инструментария. Вторая половина XIX в.

Разворотливый американец, объявившись в Петербурге летом 1873 г., немедленно направил министру Императорского двора А.В. Адлербергу ходатайство «о назначении его дентистом Его Императорского

Величества». Озадаченный министр, в свою очередь, попросил руководство Придворной медицинской части собрать необходимые сведения об американце и сделать соответствующее «заключение Ваше по ходатайству».

В результате было установлено, что «Американский зубной врач Марини… По окончании с отличным успехом курса наук Балтиморской академии зубной хирургии (Academia Chirurgiaedentalis) получил диплом на степень доктора зубной хирургии в марте 1860 г. и сверх того особое одобрительное засвидетельствование Президента названной академии доктора Гарриса и профессора Остена о его научных и технических занятиях под их руководством.

Балтиморская академия зубной хирургии (Academia Chirurgiaedentalis)

В продолжение 10-летней практики в Нью-Йорке он известен был по искусству, ловкости и опытности в производимых всякого рода зубных хирургических операций и технических работ, доказательством чему служат статьи разных американских журналов и, между прочим, описание важной хирургико-технической операции, произведенной им с полным успехом генералу Дана Грину, который во время последней северо-американской кампании тяжело был ранен пулею в лицо с повреждением обеих челюстей.

Несмотря на недавнее пребывание в Петербурге, он успел уже обратить на себя внимание, как весьма искусный и опытный специалист по своей части.

Что касается до просимого доктором де Марини назначения его дантистом Его Императорского Величества, каковой должности в штате Придворной медицинской части не положено, то представляя об этом на благоуважение Его Сиятельства г. министра Императорского Двора, долгом считаю присовокупить, что доктору Вредену всемилостивейшее пожаловано звание лейб-отиатра [188], не бывшее в числе придворно-медицинских должностей.

<…> я со своей стороны признаю его достойным такого назначения. В. Сахаров» [189]. Любопытно, что в архивном деле имеется копия с роскошного диплома де Марини на звание доктора зубной хирургии, выданная «Academia Chirurgiaedentalis».

Интерес к американскому зубному врачу не был случаен. В это время врачи из Нового Света прочно захватили лидерство на зубоврачебном Олимпе, потеснив французов. И для хорошего специалиста руководство Придворной медицинской части готово было «найти» дополнительную штатную единицу.

В результате в январе 1874 г. состоялось решение: «Государь Император высочайше повелеть соизволил: назначить Дантиста Марини Придворным Дантистом, сверх штата, без содержания». Еще раз отметим, что «окончательное решение» о приеме дантиста «на работу» принимал лично Александр И.

К сожалению, у нас нет никаких данных о том, оказывалась ли стоматологическая помощь Александру II (кроме упоминаний о помощи Николая Сосерота будущему императору в детском возрасте). При этом Александр II погиб в марте 1881 г., когда ему шел 64 год, а в этом возрасте

стоматологические проблемы неизбежны. Поэтому к просьбе американского зубного врача отнеслись с большим интересом.

Далее напористый американец стал «оформляться на работу». Ему предложили «доставить по прилагаемой форме подписку о непринадлежности Вашей ни к каким масонским ложам или другим тайным обществам, а для принятия установленной законом присяги на верность службы пожаловать в Канцелярию мою или уведомить, когда именно и в какой церкви угодно Вам принять таковую». Присягу Георг Каролус де Марини принес в конце января 1874 г. в Англиканской церкви.

Он был женат и имел трех детей (Мария, Эдуард и Алиса). В его «виде на жительство» указано – 39 лет, среднего роста, русые волосы, карие глаза, нос и рот умеренные, подбородок круглый.

Однако по каким-то причинам американца уже в марте 1875 г. вывели за штат: «Государь Император высочайше повелеть соизволил: придворного дентиста де Марини назначить почетным дентистом Его Императорского Величества» [190]. Это тоже было немало, поскольку позволяло использовать эту пышную должность в своей рекламе. Вполне возможно, что американца не устроило штатное жалованье, и он удовлетворился пышной рекламой и деньгами, получаемыми от частной практики.

Звание почетного дантиста, как правило, давалось зубным врачам, которые долгие годы безденежно оказывали стоматологическую помощь воспитанникам военноучебных заведений, нижним чинам гвардейских полков, работали в зубоврачебных кабинетах Императорского человеколюбивого общества. Это могло быть признанием и профессиональных, и научных заслуг. Но в Зимний дворец таких врачей не допускали. У Марини сложилось по-другому. Он сохранил доступ в Зимний дворец, но при этом у него оставалось время на частную практику. При этом ради получения звания «почетного дантиста Его Императорского Величества» Марини не пришлось годами работать «безденежно».

Попутно упомянем, что в 1870-х гг. в Петербурге успешно практиковал еще один американский дантист – Я.Л. Джемс-Леви (1837–1908). В брошюре «О дантистах» (1877 г.) он писал: «Отечественные законы, касающиеся зубоврачебного дела, совершенно не соответствуют современному состоянию дентиатрии и требованиям современной жизни» [191]. Впоследствии американский дантист не только горячо поддержал идею подготовки зубоврачебных кадров в специальных институтах, но и стал основателем Зубоврачебных курсов в Вильне и позднее 1-й

Зубоврачебной школы в Варшаве (1891 г.). При этом курс протезирования вел сам Я.Л. Джемс-Леви.

Дантисты и зубные врачи Александра III

При Александре III Министерство Императорского двора реформировали. Если говорить о Придворной медицинской части, то его структуры децентрализовали. Но все штатные должности дантистов, существовавшие при различных подразделениях министерства, сохранили.

Таблица

Российский медицинский список на 1869 г.	**Российский медицинский список на 1883 г.**
Всего по Списку зубных врачей и дантистов — 224 чел.	Всего по Списку зубных врачей и дантистов — 434 чел.
Дантисты в штатах Министерства Императорского двора	Дантисты в штатах Министерства Императорского двора
1. Бейлембург Иван Севастьянович, коллежский секретарь	1. Бейлембург Иван Севастьянович, коллежский секретарь
2. Бреветер	2. Бреветер М.
3. Вагенгейм Самуил	3. Вагенгейм Самуил Бернардович
4. Валленштейн Давид Васильевич	4. Валленштейн Давид Васильевич
5. Лазарчик Гермоген Петрович, титулярный советник	5. Лазарчик Гермоген Петрович, титулярный советник
6. Лемлейн Александр Христофорович	6. Лемлейн Александр Христофорович
7. Мурфий Яков Осипович, губернский секретарь	7. Мурфий Яков Осипович, коллежский секретарь
8. Нейман Антон Мартинович	8. Вагенгейм Карл Леонидович, титулярный советник
9. Топоров Александр Васильевич	9. Топоров Александр Васильевич, титулярный советник
10. Фриков Генрих Вильгельмович	10. Фриков Генрих Вильгельмович, титулярный советник
	11. Доманн Александр Эдуард Васильевич, титулярный советник

В сентябре 1888 г. последовало распоряжение управляющего

Кабинетом Его Императорского Величества И. Петрова: «Числящийся в составе бывшей Придворной медицинской части штатный дентист титулярный советник Вагенгейм, как состоящий на службе в другом, кроме Министерства Императорского Двора ведомстве, подлежит отчислению от должности за упразднением ее. Титулярный советник Мурфий, как состоящий на должности неположенной по штатам врачебной части Министерства Императорского Двора, подлежит оставлению за штатом и затем увольнению от службы по получении о том прошения от него, г. Мурфия» [192]. В деле есть отметка – «Исполнено 17 сент. 1888 г.». Напомним, что Джеймс Мурфий работал в качестве сверхштатного врача Придворной медицинской части с июля 1852 г., т. е. 36 лет.

До 1888 г. Александру III лечил зубы Карл Вагенгейм. После его отставки эту заботу вновь принял на себя американский дантист де Марини.

Об этом свидетельствуют данные «Адрес-календарь.

И.Н. Крамской. Портрет Александра III

Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи» за соответствующие годы.

Как часто оказывалась зубоврачебная помощь царю – неизвестно. Прямых указаний или каких-либо медицинских счетов об этом на сегодняшний день не выявлено. Зубы у царя, конечно, периодически болели, как и у всех смертных… В мемуарах мимоходом упоминается о таких острых болях, которые заставляли царя даже отменять дворцовые церемонии…

Медицинские зубоврачебные звания

При Александре III многое в жизни России изменилось. 13 лет его правления стали временем стабильного развития страны. Изменения затронули и сферу зубоврачевания. Так, в 1886 г. в Санкт-Петербурге была открыта первая зубоврачебная мастерская И.И. Хрущева (1850–1914), в которой ремонтировались бормашины, закупаемые в Америке, Германии и Англии. Это свидетельствует о том, что в это время нормой стало использование в зубоврачебных кабинетах самого современного на то время оборудования. Более чем вероятно появление бормашины и в императорских резиденциях.

Поскольку при Александре III были введены процентные нормы для евреев при приеме в высшие учебные заведения, это усилило приток евреев в зубоврачевание, где никаких конфессиональных ограничений не имелось. По официальным данным на 1887 г., число евреев среди дантистов составляло 20,9 %.

Особо отметим, что обладание профессией зубного врача, дантиста и зубного техника позволяло евреям селиться вне черты оседлости, поэтому большая часть дантистов-евреев сосредотачивалась в столицах – Москве и Петербурге и в населенных пунктах черты оседлости:

Таблица

1887 г.	Дантисты-евреи
Губернии черты оседлости	51 чел.
Губернии Царства Польского	15 чел.
Прибалтийский край	5 чел.
Великороссийские губернии	37 чел.
Кавказ	2 чел.
Сибирь	1 чел.
Среднеазиатские области	0
В разных местах	5 чел.
Всего	**116 чел.**

Явный дефицит зубных врачей, дантистов и зубных техников делал их профессию весьма востребованной и выгодной в материальном отношении. Знаменитый советский шахматист М.М. Ботвинник вспоминал, что его

отец Моисей Ботвинник получил профессию зубного техника, обучаясь в Берлине и Петербурге: «Отец был очень хороший техник, дела его пошли на лад и мы переехали на Невский проспект, где жили во дворе дома № 88. Там была большая солнечная квартира из семи комнат на четвертом этаже, лифт, внизу стоял швейцар. Была кухарка, горничная, у меня с братом одно время даже была бонна» [193]. Более того, мать великого шахматиста Серафима Самойловна тоже занималась зубоврачеванием, работая зубным врачом в медпункте Обуховского завода. Собственно, когда она заказывала протезы зубному технику Моисею Ботвиннику, они и познакомились [194].

В начале 1890-х гг., в последние годы правления Александра III, в системе подготовки зубных врачей произошли важнейшие изменения. Дело в том, что вплоть до 1891 г. именование специалистов, занимавшихся зубоврачеванием, было разным.

Если говорить об Императорском дворе, то с 1801 по 1843 г. их именовали *зубными врачами {докторами)*.После создания Придворной медицинской части Министерства Императорского двора в 1843 г. и до 1891 г. – *дантистами (дентистами)*.В 1891 г. на законодательном уровне ввели два звания – *зубного врача*и *дантиста*.Кроме этого, зубоврачеванием занималось и крайне ограниченное число выпускников медицинских факультетов – *лекарей-одонтологов*.Теперь о деталях…

С начала XVIII в. строгого разделения на «дантистов» и «зубных лекарей» не имелось. Фактически это были синонимы. Кандидаты в дантисты и зубные лекари готовились путем ученичества у опытных дантистов и зубных лекарей, в основном за границей. Некоторые приобретали специальность в России. В 1710 г. в России ввели звание *«зубной врач»*,которое присваивалось всем, кто занимался лечением зубов. Проверки знаний при этом не производилось, достаточным было заявление претендента об умении лечить «страдания зубов» [195]. Однако такая практика, порожденная тотальным отсутствием специалистов, была прекращена уже в начале 1720-х гг.

В 1721, 1729 и 1750 гг. были опубликованы указы, запрещающие заниматься лечебной практикой без предварительной сдачи экзаменов и получения специального разрешения. В указе Петра I от 14 августа 1721 г. «Об учреждении в городах аптек под смотрением Медицинской коллегии, о вспоможении приискивающим медикаменты в губерниях, и о бытии под надзором упомянутой Коллегии госпиталям» говорилось: «Никакой доктор или городовой лекарь не дерзает нигде практику иметь или лечить прежде освидетельствования с Медицинской коллегией, понеже иногда многие

неученые скитающиеся без всякого наказания дерзновенно лечат, в чем великую вреду жителям причинить могут». Экзамен принимали «штат-физики» при Медицинской канцелярии (в Санкт-Петербурге) или при Медицинской конторе (в Москве).

После сдачи экзамена, получив звание лекаря, они должны были уметь делать операции в малой хирургии (к которой относилось в том числе и удаление зубов).

Следует отметить, что в начале XVIII в. в Петербурге среди всех врачей-иностранцев, занимавшихся зубоврачеванием, лишь трое имели официальное разрешение Медицинской коллегии на занятия лечебной практикой. В 1730 г. медицинская канцелярия разрешила некоему иностранцу Гофману «лечить зубы и наружные болезни», но не внутренние, в Прибалтике («Остзейском крае») [196].

Вся система подготовки зубных врачей основывалась на их ученичестве у дантистов-иностранцев, когда профессия передавалась «из рук в руки». Таким образом, исторически сложилось так, что подготовка стоматологических кадров изначально происходила *вне государственных медицинских структур*и находилась вне системы государственного медицинского образования. Государство оставляло за собой только функцию профессиональной аттестации зубных врачей.

По терминологии начала XIX в., всех, кто занимался зубоврачеванием, назвали дантистами. В «Российском медицинском списке», начиная с 1809 г., все медики, занимавшиеся зубоврачебной деятельностью, были объединены под этим названием [197]. Зубоврачеванием могли заниматься и выпускники Медико-хирургических академий и медицинских факультетов университетов. Но в основном зубоврачеванием на своем уровне занимались подлекари, фельдшера, цирюльники и знахари.

До 1808 г. экзамен на право зубоврачебной практики принимали только в С.-Петербургской Медико-хирургической академии и на медицинском факультете Московского университета. С 1808 г. Медико-хирургические академии (в Москве и Петербурге) и медицинские факультеты университетов всей России (Москва, Казань, Харьков, Дерпт, Вильно) получили право принимать экзамены и присваивать соответствующие медицинские звания, в том числе *«зубной лекарь»*.В числе экзаменационных дисциплин сдавали анатомию челюстей, зубов, болезни зубов, десен и лекарственные средства, применяемые в зубной практике. Кроме того, соискателям необходимо было уметь делать некоторые зубоврачебные операции и вставлять искусственные зубы.

Юридическая база, связанная с государственной аттестацией зубоврачебных кадров, была заложена 16 июля 1810 г. в высочайше утвержденных «Правилах об экзаменах медицинских чиновников». Законодательно устанавливалось новое звание *«зубной лекарь»*,взамен прежнего – *«зубной врач»*.В документах указывалось, что *зубной лекарь*(Dentidicus) экзаменуется из анатомии о челюстях, зубах, болезнях десен и вообще о всех зубных болезнях. Особое внимание уделялось навыкам практических операций. Кроме этого, необходимо было показать свои знания в веществах, преимущественно употребляемых для лечения зубных болезней. В заключение кандидат обязан был сделать несколько зубных операций, а также уметь делать и вставлять искусственные зубы [198].

Видимо, эти требования оказались достаточно жесткими. Об этом свидетельствует то, что число дантистов росло в России крайне медленно. Если в 1809 г. их было 18 чел., то в 1826 г. – 44. Поэтому для привлечения как можно большего числа лиц к зубоврачебной деятельности в 1829 г., по ходатайству конференции Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, было высочайше утверждено положение о допущении женщин к испытанию на звание зубного врача. Поводом послужил прецедент о допущении к подобному испытанию варшавской уроженки Марии Назан [199].

В специальной литературе упоминается, что у варшавской уроженки Марии Назан была предшественница. В 1814 г. в Дерптском университете (ныне Тартусский университет) состоялся экзамен на право ведения зубоврачебной практики в России. Экзаменуемой была Жозефина Сэрре. Специальная комиссия признала, что Ж. Сэрре «не только сдала экзамены в полное удовлетворение факультету, но также продемонстрировала при выполнении зубочелюстных операций прекрасные практические навыки и искусность». Таким образом, не М. Назан, а Ж. Сэрре стала первой дипломированной зубной лекаркой на территории Российской империи. В 1829 г. звание зубного лекаря получила ее дочь – Мария-Луиза. Тем не менее именно М. Назан стала первой «зубной лекаркой», внесенной в официальный «Российский медицинский список».

В 1833 г. в Своде законов Российской империи появился новый закон о *женщинах зубных врачах*,где было сказано: «К испытанию на звание зубного врача допускаются и женщины, и если оказывается во всем знающими, то получают дозволение на практику и называются зубными лекарями» [200]. В выдаваемом свидетельстве указывалось, что они

обучались «зубному искусству с хорошим успехом не менее трех лет и что производили разные зубные операции на живых людях с надлежащим искусством и знанием» [201].

Забегая вперед, отметим, что вплоть до конца XIX в. женщин-дантистов практиковало сравнительно немного. По данным «Российского медицинского списка» на 1870 год, правом на стоматологическую практику пользовались всего 17 женщин-дантистов: Александрович Ревека, Абрамович Роза, Вальтер Антонина, Вонгл де Свидерская Елена, Вонгл де Свидерская Софья, Горещенко Амалия, Коган Ревекка, Коган Розалия, Мыкертчянц Луиза Федоровна, Надеждина Надежда, Рубанчик Шлиома, Рыбчинская Олимпиада, Флах Анна Гейнриховна, Шот Фредерика Христиановна, Ярова Вера Александровна, Коган Марьяна, Корнблат Тауба Хася Маркусовна.

Стоматологический шприц для анестезии. Англия. 1885–1900 гг.

Дальнейшее развитие законодательно-правовой базы стоматологического образования было связано с принятием «Правил испытания медицинских, ветеринарных и фармацевтических чиновников и вообще лиц, занимающихся врачебной практикой» в декабре 1838 г. В этих правилах подробно расписывался порядок получения учено-практического

звания дантиста. Термин *дантист*(от фр. Dentiste – специалист-практик по лечению и протезированию зубов; от лат. dens (dentis) – зуб) входит в официальное употребление именно с этого года.

Согласно § 37 «Правил», для получения звания дантиста необходимо было представить утвержденное подписью местного медицинского начальства свидетельство о том, что экзаменующийся обучался «зубному врачебному искусству у известного дантиста *не менее трех лет*,с хорошим успехом, и что производил разные зубные операции на живых людях с надлежащим искусством и знанием».

Затем от кандидата требовалось выдержать *теоретический экзамен*о строении человеческих челюстей, зубов и десен, о болезнях, в этих частях случающихся, и о способах их лечения местными средствами, как единственно к употреблению дантистам дозволенными. После теоретического экзамена необходимо было сдать *практический экзамен*, который включал в себя несколько зубных операций на мертвых телах и, если обстоятельства позволяли, то и на живых людях.

Комплект стоматологических инструментов. Вторая половина XIX в

Таким образом, получение звания дантиста было трехэтапным: свидетельство от частного дантиста, теоретический и практический экзамен. В примечании к «Правилам» 1838 г. особо оговаривалось, что женщины также могут получать звание дантисток, «удовлетворив всем установленным здесь правилам» [202]. Кроме этого, еще раз законодательно было закреплено учено-практическое звание «дантист» за всеми занимавшимися зубоврачебной деятельностью. После сдачи экзамена выдавалось разрешение на тот или иной вид зубоврачебной практики в пределах России, с правом или без права выписывания лекарственных средств для приема внутрь, с правом или без права удалять зубы, или только лечить или вставлять зубы, или заниматься зубоврачебной практикой, но только в каком-нибудь одном городе. Как мы видим, градаций практической деятельности было довольно много.

В этом документе обращает на себя внимание полное *отсутствие требований* к общеобразовательному цензу экзаменующихся. Все это вело к постепенному увеличению числа дантистов при общем снижении их качественной подготовки. Получил распространение тип невежественного ремесленника-дантиста, обладавшего плохой специальной подготовкой.

В ходе масштабного реформирования высшего медицинского образования в первой половине 1840-х гг. были приняты новые «Правила испытаний врачей, фармацевтов, ветеринаров, дентистов и повивальных бабок» (18 декабря 1845 г.). К третьему разделу «специально-практических» званий были отнесены дантисты. В правилах 1845 г. были дословно повторены все требования, сформулированные правилами 1838 г. [203]

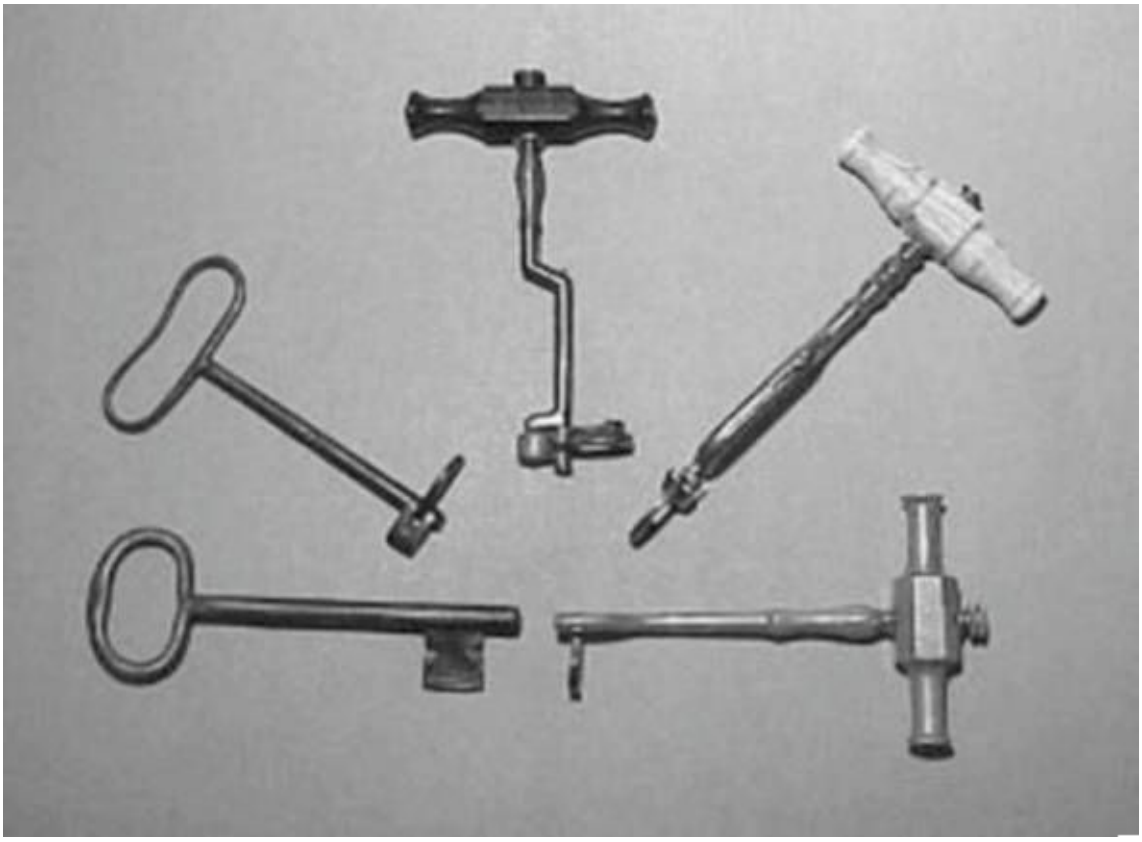
За всю первую половину XIX в. в Петербурге выдержали экзамены и получили право на зубоврачебную практику 54 лекаря, в том числе Мария Назан (1829 г.).

В марте 1850 г. законодательно определили порядок производства в классный чин дантистов, состоящих на государственной службе. Для этого вновь требовалось сдавать специальный экзамен. По сравнению с правилами 1838 и 1845 гг. его содержание было иным. Согласно программе, от дантистов требовалось сдать экзамен по богословию (для православных в объеме краткого катехизиса), показать навыки правильного чтения книг и рукописей по специальности на российском и латинском языках, продемонстрировать умение писать по правилам грамматики и четко под диктовку на русском и латинском языках. Также необходимо было знать арифметику в пределах трех действий и дать подробные объяснения аптекарского веса и аптекарских мер.

Кроме этого, дантист должен был представить документы: свидетельство университета или Медикохирургической академии о звании дантиста, свидетельство «непосредственного начальства», заверенное местной врачебной управой об успешном производстве зубных операций [204]. Таким образом, для состоящих на государственной службе дантистов был впервые установлен определенный образовательный ценз. Необходимо отметить, что он не был высоким.

Законодательная база, сложившаяся к середине XIX в., не менялась на протяжении почти 50 лет. В процессе принятия университетских уставов 1863 г. и 1884 г. неоднократно поднимался вопрос об усилении государственного влияния на порядок подготовки стоматологических кадров. Это было связано с тем, что зубоврачевания как части государственной системы подготовки медицинских кадров не существовало.

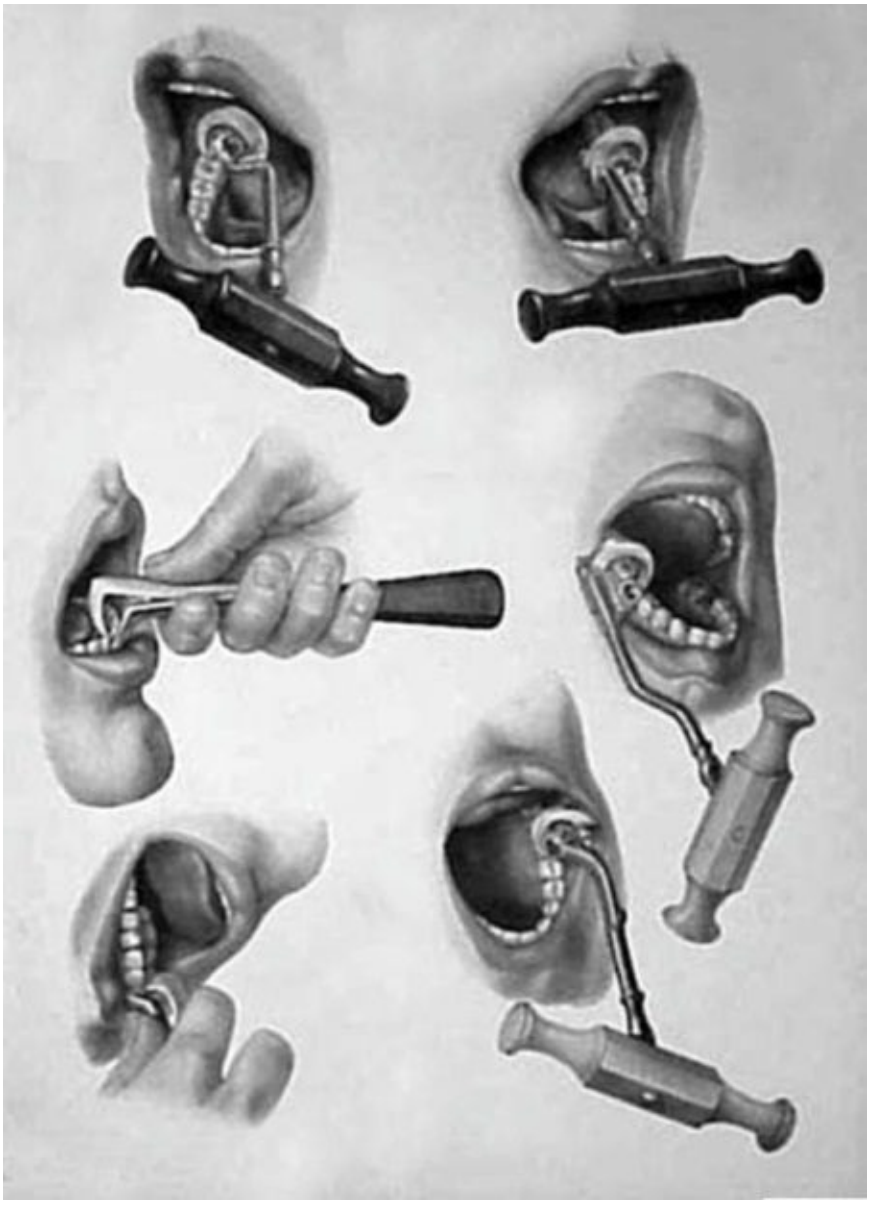
Изначально эта отрасль медицины реализовывалась в рамках частной практики и рассматривалась как вспомогательная отрасль медицины. Следовательно, потребность в кадрах целиком была связана с рыночными отношениями спроса и предложения. Подготовка кадров велась по принципу «из рук в руки». Только в 1881 году в Петербурге была открыта первая русская школа по изучению зубоврачебного искусства под руководством Ф.И. Важинского.

Дентальные ключи для извлечения зубов

К этому времени в Европе имелась многолетняя практика по подготовке специалистов в зубоврачебных школах. Первая зубоврачебная школа была открыта в Балтиморе (США, 1840 г.), позднее зубоврачебные школы открыли в Англии (1857 г.), Франции (1880 г.), Швейцарии (1881 г.) и Германии (1884 г.) [205].

В октябре 1876 г. при рассмотрении проекта медицинской части готовящегося нового Университетского устава профессор И.В. Склифосовский в особой записке поднял вопрос, связанный с подготовкой зубоврачебных кадров в России. Однако эта проблема, в отличие от проблем, связанных с подготовкой фармацевтов, не стала предметом особого заседания комиссии, а была просто принята к сведению. Вместе с тем взгляды известного хирурга на проблемы подготовки зубоврачебных кадров представляют существенный интерес.

Методика использования ключей для извлечения зубов

Записка профессора Н. Склифосовского была посвящена необходимости упорядочивания процесса подготовки дантистов. Вновь констатировалась неудовлетворительность сложившейся ситуации, поскольку на медицинских факультетах не читался курс ортодонтии. Склифосовский констатировал, что медицинская профессура не имеет «научных представлений по обширной и весьма важной специальности, именуемой учением о болезнях зубов и полости рта вообще. Этот курс науки забыт», что «нужно пойти учеником к какому-нибудь зубному врачу и пробыть у него в учении не менее двух лет» для получения письменного

удостоверения о двухгодичном обучении, которое давало право на экзамен на звание зубного врача. Для этого требовалось только письменное удостоверение от зубного врача.

Профессор возмущался сохранением явно архаичной практики получения зубоврачебного образования: «Какое громадное доверие со стороны правительства!?» [206]. Он подчеркивал, что сложившаяся ситуация приводит к засилью иностранцев в зубоврачевании, получавших право на медицинскую практику после экзамена в одном из русских медицинских факультетов. При этом требования при экзамене были так скромны, что «всякий выдерживает его». С другой стороны, «дипломы на звание зубного врача выдаются фельдшерам. Большая часть русских зубных врачей получило только фельдшерское образование, остальная часть – никакого». По мнению профессора, ситуацию можно было исправить только тогда, «когда в русских медицинских факультетах будет преподаваться отдельно учение о болезнях зубов», и в результате эта отрасль медицинских знаний окажется «в числе научных направлений» [207].

Различные зубоврачебные манипуляции.
Из книги Т.С. Сорокиной «История медицины»

В 80-х годах XIX в. при Медицинском совете МВД сформировали особую Комиссию по преобразованию зубоврачебного обучения. В состав Комиссии входили известные и уважаемые медики: проф. Козлов,

Обермиллер, Укке, Бубнов, Баталин. Кроме этого, в деятельности комиссии приняли участие доктора Лимберг и Дагаев, занимавшиеся зубоврачеванием, а также дантисты Синицын, Вульфсон, Вульф, Важинский.

Н.В. Склифосовский

Заседание Медицинского совета, где были заслушаны выводы комиссии, состоялось в августе 1885 г. Главная проблема состояла в низком уровне образования дантистов, и задачей комиссии было выявление причин этого, а также поиск путей выхода из сложившейся ситуации. Причины были достаточно очевидны, и в констатации их у участников комиссии разногласий не было.

Они сводились, во-первых, к отсутствию четких, единых требований к образовательному цензу обучающихся зубоврачеванию; во-вторых, к отсутствию единой системы специальной подготовки дантистов; в-третьих, к отсутствию эффективной системы контроля за деятельностью

практикующих дантистов. Все это порождало недоверие потенциальных клиентов, «отчего лучшая и наибольшая доля зубной техники остается исключительно в руках иностранных зубных врачей» [208].

Регулируемое стоматологическое кресло. Англия. 1701–1800 гг.

Регулируемое стоматологическое кресло. Европа. 1831–1870 гг.

Безусловно, такая ситуация требовала кардинальных изменений.

Мнения высказывались самые различные, если их обобщить, то они сводились к следующим предложениям:

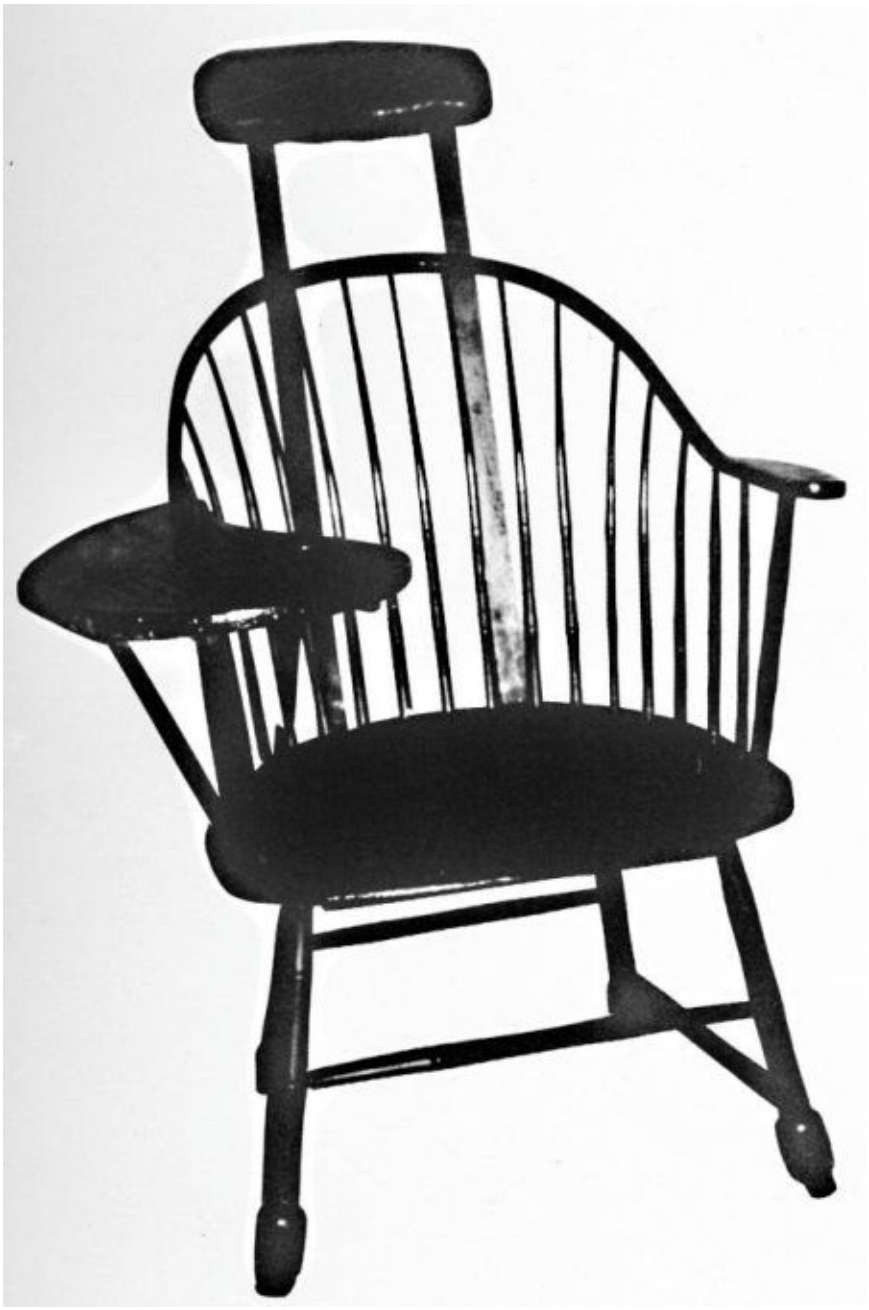
– во-первых, от желающих получить стоматологическое образование предлагалось требовать свидетельство об окончании курса какого-либо среднего учебного заведения (всех ведомств и наименований);

– во-вторых, планировалось обучать будущих дантистов при

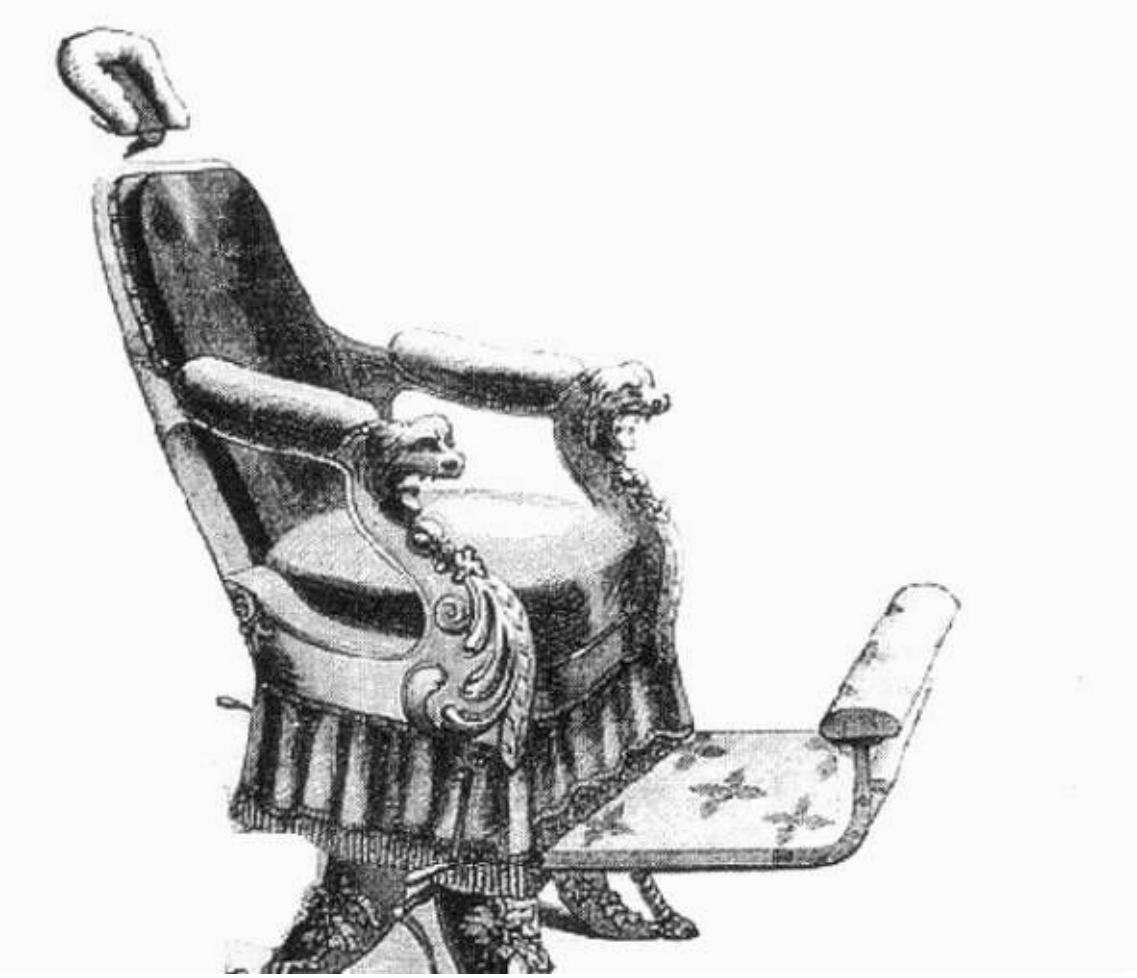
медицинских факультетах университетов, либо в особых зубоврачебных институтах или школах;

– в-третьих, больше всего разногласий вызвало обсуждение единой программы преподавания в таких школах. Среди сугубо специальных предметов назывались – анатомия, физиология, патология и терапия полости рта и близлежащих частей, патология и хирургия зубов, теория техники и теория пломбирования;

– в-четвертых, высказывалось мнение о необходимости ликвидации звания дантиста или зубного врача и предоставлении права заниматься зубоврачеванием исключительно лицам, имевшим диплом лекаря, т. е. выпускникам медицинских факультетов университетов или Военномедицинской академии. Поэтому предлагалось подготовку зубоврачебных кадров сосредоточить при этих учебных заведениях. По тем временам это было утопией, и за это предложение высказались только два члена Медицинского совета из тринадцати. Остальные посчитали необходимым сохранить status quo, но с некоторыми изменениями.

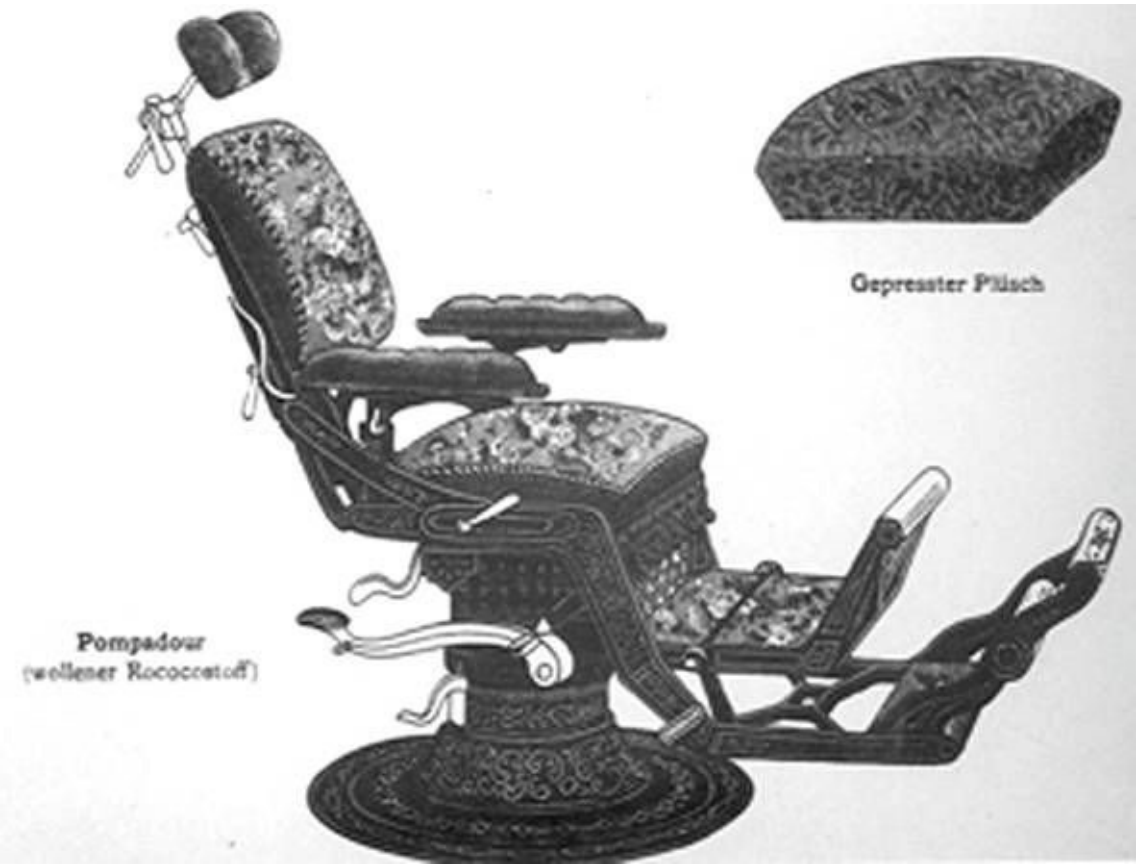
Стоматологическое кресло (изобретатель Josiah Flagg), снабженное меняющим положение подголовником и столиком на подлокотнике для инструмента (ок. 1790 г.)

Стоматологическое кресло. Около 1850 г.

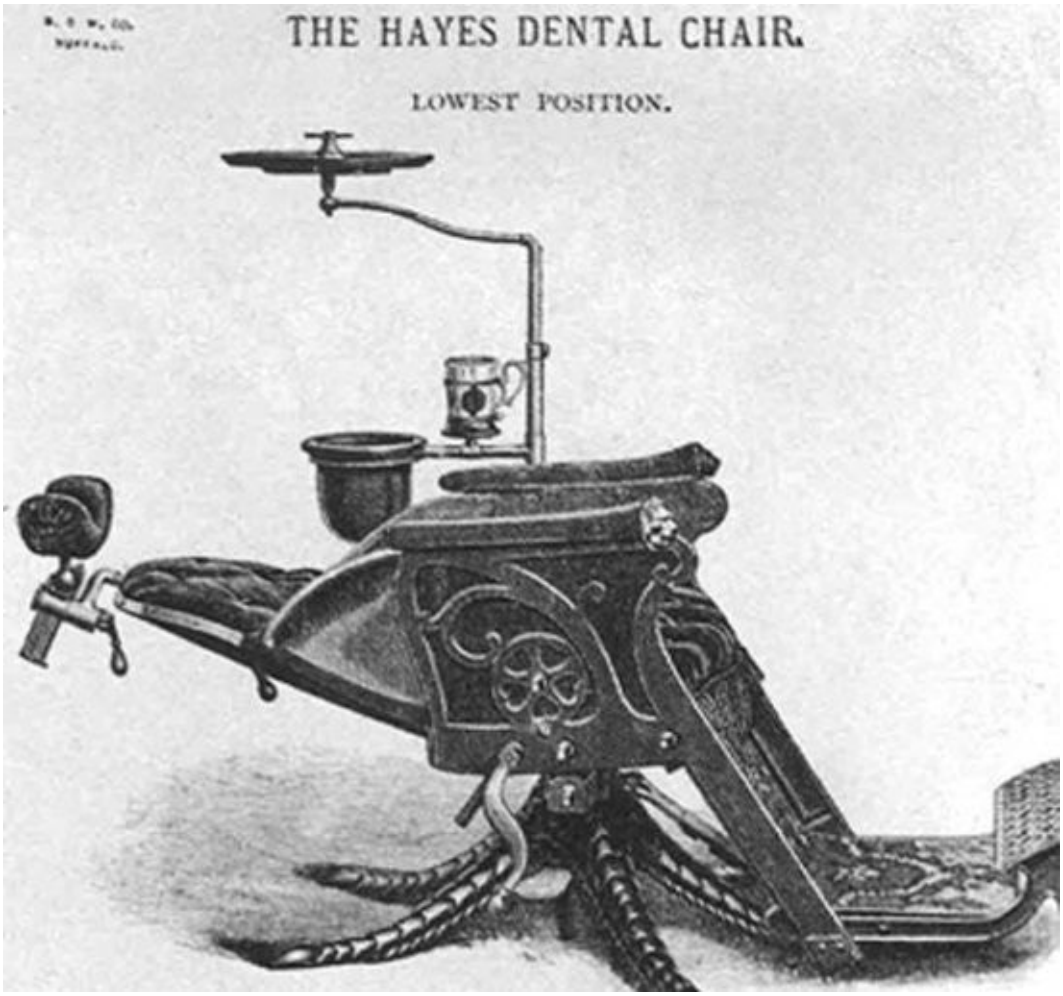

Стоматологическое кресло James Bael Morrison (1868 г.) с механизмом, позволяющим дантисту наклонять его в любом направлении. Несмотря на очевидное преимущество, их было произведено всего 4 штуки

Богато обитое материей и декорированное немецкое кресло уже могло быть поднято или опущено с помощью ножной педали. 1890 г.

По итогам обсуждения Медицинский совет единогласно признал необходимым поднять уровень образования кадров, занимающихся изучением дентиатрии. Были сформулированы и конкретные требования: общеобразовательный ценз установить на уровне шести классов классической или реальной гимназии, ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об открытии при медицинских факультетах университетов кафедр по одонтологии, лабораторий при них и амбулаторий. Наряду с этим Медицинский совет заявил, что «не встречает препятствий допустить и частных лиц к учреждению зубоврачебных школ (в университетских городах)», экзамены должны проходить или при медицинских факультетах университетов, или при Военно-медицинской академии.

Стоматологическое кресло Hayes, произведенное в 1875 г., согласно рекламе, позволяло откидывать назад спинку, что давало возможность дантисту работать сидя

Стоматологическое кресло

Упомянутая ранее школа Ф.И. Важинского сыграла значительную роль в становлении системы подготовки стоматологических кадров. Она была открыта в Санкт-Петербурге в 1881 г. с разрешения Медицинского совета МВД. Преподавание в ней велось по программам, утвержденным Медицинским советом, и в школу принимались первоначально лица, имеющие свидетельства об окончании четырех классов гимназии, а впоследствии и пяти классов. Эти требования разительно отличались от общепринятых, т. к., согласно законам империи, в ученики дантистов могли допускаться лица без всякого образовательного ценза. В 1884 г. состоялся первый выпуск школы – 23 человека, а впоследствии ежегодно выпускалось по 25 человек. В 1889 г. школа была поставлена на грань разорения тем, что Медицинский совет установил образовательный ценз для поступающих в нее – шесть классов гимназии.

Кабинет зубного врача

В конце 1880-х гг. Медицинский совет МВД начинает подготовку к широкомасштабному реформированию системы зубоврачебного образования в России. Перелом произошел в 1891 г., когда была принята целая серия законодательных актов, связанных с зубоврачебным образованием. В мае 1891 г. на рассмотрение Государственного совета по представлению МВД был вынесен законопроект «О преобразовании обучения зубоврачебному искусству», принципиально менявший порядок получения стоматологических званий в России [209]. Законодательно

устанавливались *два*учено-практических медицинских звания – *«дантист»*и *«зубной врач»*.Впервые в российской стоматологии вводилась двухзвенная градация учено-практических зубоврачебных званий.

Кабинет зубного врача

Регламентировался порядок их приобретения. Звание *дантиста*приобреталось прежним частным порядком в кабинетах

практикующих зубных врачей с последующей сдачей экзамена на одном из медицинских факультетов университетов или в Военно-медицинской академии. При этом устанавливались некоторые профессиональные ограничения. Например, дантисты не могли заниматься лечением болезней полости рта. Уже тогда имелось в виду, что рано или поздно такой порядок подготовки зубоврачебных кадров будет ликвидирован, что и произошло в 1903 г.

Звание *зубного врача*присваивалось лицам, успешно окончившим курс зубоврачебной школы и сдавшим экзамены в испытательной комиссии при университете или Военно-медицинской академии. Подтверждалось, что женщины также могут получать звание дантиста или зубного врача на общих основаниях. Зубные врачи, находящиеся на государственной службе, получали право на чин X класса.

Зубоврачебные школы учреждались и содержались частными лицами. Но при этом они находились под контролем медицинских структур Министерства внутренних дел. Принципиально важным было положение о том, что преподавателями в этих школах могли быть только лица, имеющие ученые степени. Был установлен минимальный образовательный ценз, необходимый при поступлении в зубоврачебную школу – шесть классов среднего общеобразовательного учебного заведения. Был установлен срок обучения в 2,5 года (5 семестров). Составлена базовая программа преподавания, которая включала в себя изучение более 20 предметов [210].

Еще раз отметим, что и дантисты, и зубные врачи не имели общемедицинского образования и врачами в широком смысле не являлись. Если выпускники медицинских факультетов и ВМА получали стандартный лекарский знак, то дантисты и зубные врачи до 1917 г. так и не получили своего нагрудного знака. Выпускники медицинских факультетов (лекари), специализировавшиеся на зубоврачевании, назывались врачами-одонтологами.

Принятие этого закона вывело подготовку зубоврачебных кадров на качественно новый уровень. Если раньше процесс стоматологического образования полностью находился в руках практикующих дантистов, то после принятия закона 7 мая 1891 г. оно сосредотачивалось в частных зубоврачебных школах, образовательный процесс в которых жестко регламентировался МВД. Для юридического обеспечения деятельности зубоврачебных школ 28 мая 1891 г. и 24 мая 1893 г. утвердили «Нормальный устав зубоврачебных школ».

В числе прочих в 1892 г. частную зубоврачебную школу в Москве открыл И.М. Коварский. Школа пользовалась популярностью, и

медицинский факультет Московского университета оказывал ей посильную помощь. Студенты школы имели возможность посещать анатомический театр медицинского факультета и проводить там практические занятия по экстракции зубов. Эта школа проработала 27 лет до 1 октября 1918 г. [211]За эти годы в школе подготовили порядка 2500 зубных врачей.

В 1894 г. состоялся первый выпуск в Варшавской зубоврачебной школе. После экзамена в Медицинской академии получили звание зубного врача 42 женщины и 39 мужчин [212].

Согласно «Отчету о деятельности зубоврачебной школы врача Т.А. Тычинского в г. Одессе за 1893/94 уч. год», на первом курсе обучалось 24 человека (12 женщин и 12 мужчин); на втором курсе – 35 (25 женщин и 10 мужчин) и на третьем курсе – 23 (14 женщин и 9 мужчин) [213].

Это очень характерное соотношение зубных врачей по половому признаку. В это время женщины активно пошли в стоматологию, которая гарантировала вполне устойчивое материальное положение. При этом тогда женщины могли получить высшее медицинское образование только в европейских университетах.

По данным справочника «Весь Петербург» на 1894 год, упомянуто только 4 практикующих зубных врача, среди них нет ни одной женщины. В 1901 г. в столице практиковало уже 120 зубных врачей, из них четверть, т. е. 32 человека, составляли женщины. Из 55 человек дантистов практиковало 14 женщин [214]. В Казани в 1899 г. из 9 практикующих зубных врачей 5 – женщины [215]. В Одессе в 1913 г. из 196 практикующих врачей женщин только 12 [216]. Напомним, что на медицинские факультеты университетов женщин не принимали вплоть до 1917 г. (за исключением периода революционного брожения в 1905–1907 гг.).

Можно утверждать, что в тех отраслях медицины, в которых отношения регулировались только спросом и предложением, где подготовка специалистов велась в частных структурах, половой признак отходил на второй план и действовали уже законы конкуренции, определявшие численность специалистов. Одной из самых известных женщин – зубных врачей на рубеже XIX – начала XX в. была Е. Вонгл-Свидерская.

В 1896 г. для зубоврачебных школ был издан многотомный учебник И.И. Хрущева «Полный зубоврачебный курс». В нем с глубоким знанием теории и практики были изложены все разделы стоматологии. Специальных учебных заведений для подготовки зубных техников тогда не было. Их продолжали причислять к ювелирному цеху.

Упомянув И.И. Хрущева, необходимо сказать несколько слов и об этом известном петербургском дантисте. В 1874 г. И.И. Хрущев сдал на медицинском факультете Императорского Московского университета экзамены на звание зубного врача. Переехав в Петербург, Хрущев практиковал при Императорском Женском патриотическом обществе и Ксенинском институте. В 1885 г. он основал в Петербурге мастерскую, где не только ремонтировалась импортная зубоврачебная техника и инструменты, но и изготавливались их отечественные аналоги, стоившие в 2–3 раза дешевле импортных. Как решались вопросы с правообладателями патентов, мы можем только предполагать.

Насущные проблемы зубоврачевания обсуждались на Первом съезде русских дантистов, проведение которого было высочайше разрешено в 1894 г. в Нижнем Новгороде [217]. Видимо, проблемы решались трудно, и в 1899 г. в Петербурге состоялся Второй Всероссийский съезд дантистов, зубных врачей и врачей, специально занимающихся зубоврачеванием [218]. Заметным событием на этом съезде стали доклады «Об организации правильной зубоврачебной помощи населению путем устройства зубных амбулаторий при городских и земских больницах с бесплатным приемом для бедных» (дантист Роговин), «К вопросу об организации правильной зубоврачебной помощи железнодорожному населению, служащим и их семьям» (дантист Трофимов).

Одним из ближайших результатов съездов стало то, что с 1900 г. выпуск дантистов путем ученичества был запрещен. Всего до 1917 г. состоялось шесть Всероссийских одонтологических съездов и пять делегатских съездов.

Для открытия частной зубоврачебной школы необходимо было пройти несколько бюрократических инстанций. Например, в октябре 1900 г. в Медицинский департамент МВД поступили прошения доктора медицины

Лимберга, лекаря Звержховского и зубных врачей Вонгл-Свидерских, Глокова, Тотвена о разрешении им учредить в Санкт-Петербурге частный Зубоврачебный институт. Отметим, что это были авторитетнейшие специалисты в области зубоврачевания. Тем не менее их ходатайство долго кочевало по бюрократическим инстанциям, и только в декабре 1901 г. этот вопрос рассмотрели на заседании Ученого комитета Министерства народного просвещения. В основу решения Комитета по этому делу легло заключение директора Императорского клинического института вел. кн. Елены Павловны [219], где имелось зубоврачебное отделение.

Комитет признал, что рассмотренный проект Устава мог бы быть

утвержден, если его авторы изменят название проектируемого учебного заведения, т. к. намерение присвоить «проектируемому к открытию зубоврачебного заведению название „Институт“ имеет характер рекламы». Кроме этого, «несмотря на существование в г. С.-Петербурге Еленинского Клинического Института, в котором врачи, желающие усовершенствоваться в зубоврачебном искусстве, найдут все необходимое, – открытие нового зубоврачебного заведения все-таки принесет известную пользу, тем более что оно не требует никакой субсидии со стороны правительства» [220]. Столичное Врачебное присутствие также не возражало против открытия, но требовало изменить название на «Повторительные зубоврачебные курсы». В результате попечитель Санкт-Петербургского учебного округа посчитал возможным разрешить открытие «Зубоврачебной школы» с курсом по одонтологии и основным наукам [221].

В 1902 г. в Петербурге открылась зубоврачебная школа И.А. Пашутина (доктор медицины, консультант при Императорском клиническом институте вел. кн. Елены Павловны). На третий год работы в школе обучалось 100 слушателей, а пациентов через амбулаторию школы проходило до 7000 чел. ежегодно.

К 1898 г. в России действовало девять зубоврачебных школ. К 1916 г. их было – 24. Тем не менее, несмотря на расширение подготовки зубоврачебных кадров, обеспеченность населения страны зубоврачебной помощью оставалась низкой. Так, в 1902 г. при общей численности населения России 140 млн человек, в стране был 221 специалист по зубоврачеванию, т. е. один врач приходился на 60 тыс. чел. [222]

Сохранение практики подготовки дантистов в частных зубоврачебных кабинетах периодически приводило к громким скандалам. Так, в начале 1902 г. МВД издало циркуляр «О контроле над обучением лиц, ищущих звания дантиста», в котором говорилось: «Дантисты и врачи, занимающиеся обучением, принимают к себе учеников в таком количестве, которое совершенно несоразмерно с какой бы то ни было возможностью фактического занятия обучением» [223].

На Втором одонтологическом съезде его участники обсудили вопрос о сворачивании практики подготовки дантистов. В результате участники съезда, не дожидаясь официального решения властей, единогласно высказались за прекращение подобной практики. Председатель съезда А.К. Лимберг заметил по этому поводу: «Вотум о прекращении приписки учеников к кабинетам будет занесен на страницы истории русского зубоврачебного дела как пример, когда целая корпорация во имя пользы

науки и общественного блага сочла своим долгом единодушно поступиться дарованными ей законом правами!» [224].В результате принятого решения подготовка дантистов в частных кабинетах начинает постепенно сворачиваться.

В 1909–1910 гг. число зубных врачей превысило численность дантистов. Значительную роль в этом процессе сыграл закон «О предоставлении некоторым дантистам, независимо от их образовательного ценза, права получить звание зубного врача, по надлежащим испытаниям», принятый в мае 1903 г. [225]По этому закону всем дантистам предоставлялось право в трехлетний срок получить звание зубного врача, «хотя бы сии лица, по образованию своему, не удовлетворяли установленным для сего в законе требованиям». Для получения звания зубного врача от дантистов требовалось сдать экзамены при одной из зубоврачебных школ по всем предметам, входящим в состав учебного курса этих школ. Затем необходимо было пройти «проверочные испытания» при одном из университетов или Военно-медицинской академии.

Во Врачебном уставе (ст. 607) 1905 г. звание дантиста уже не упоминалось, но в практической деятельности оно сохранялось. По действующим тогда законоположениям дантисты не имели права прописывать лекарства.

По мере развития одонтологии расширяется круг школ, готовящих зубных врачей. Все эти школы были частными, как правило, «для лиц обоего пола», и обучение в них было дорогостоящим. Например, стоимость одного семестра в зубоврачебной школе Е.С. Вонгл-Свидерской составляла в 1900 г. 120 руб. Для сравнения, стоимость одного семестра в Санкт-Петербургском Женском медицинском институте в том же году, составляла 50 руб.

В этой ситуации число зубоврачебных школ продолжало увеличиваться. Согласно законодательным нормам, эти школы могли открываться только в университетских городах, но впоследствии их разрешили открыть в Екатеринославле, Риге, Лодзи, Вильне и Минске.

Медицинская общественность также оказывала влияние на развитие законодательной базы, связанной с зубоврачебной деятельностью. Так, в 1911 г. на XI Пироговском съезде врачей вопросы, связанные с подготовкой зубных врачей, рассматривались специально. Констатировалось, что зубоврачебное образование на медицинских факультетах университетов «идеал… отдаленного будущего», что врачебная одонтология преподается

только в Военно-медицинской академии и Санкт-Петербургском Женском медицинском институте, а при других медицинских факультетах «отсутствует совершенно». Поэтому предлагалось либо ускорить создание кафедр одонтологии при медицинских факультетах университетов, либо создавать зубоврачебные институты на правах высших учебных заведений [226].

Действительно, по инициативе Н.В. Склифосовского в 1891 г. при кафедре госпитальной хирургии медицинского факультета Московского университета создается первая приват-доцентура по одонтологии.

В Петербурге первую доцентуру по одонтологии открыли в 1892 г. в Военно-медицинской академии. Военное министерство было крайне заинтересовано в развитии этой дисциплины. Связано это было с особенностями национальной политики в Российской империи, поскольку значительная часть дантистов были иудеями и на государственную службу не привлекались. В результате Главное военно-санитарное управление (ГВСУ) было крайне заинтересовано в том, чтобы лекари, оканчивающие Императорскую Военно-медицинскую академию (ИВМА), имели зубоврачебную подготовку. Поэтому Конференцией ИВМА 28 сентября 1892 г. учреждается доцентура по зубным болезням. Это была первая попытка организовать преподавание зубных болезней военным врачам и тем самым ликвидировать огромную потребность армии и флота в зубоврачебной помощи.

Первым в должности приват-доцента по зубным болезням 12 ноября 1892 г. утвержден занимавшийся частной практикой морской врач, доктор медицины П.Ф. Федоров. Он же принимал проходившие в стенах ИВМА экзамены на звание дантиста или зубного врача.

Петербургские дантисты и зубные врачи откликнулись на новации Военного министерства. Тогда же в 1892 г. П.Ф. Федоров докладывал начальнику Академии, что дантист С.Ф. Лимбек передал ему 400 руб. для приобретения необходимых предметов для зубоврачебного кабинета академии. Дантист И.И. Хрущев также просил принять в дар академии металлическое зубоврачебное кресло «с педалью», зубоврачебное кресло «с зубчатыми колесами», деревянное механическое кресло, рефлектор с лампой и бормашину системы «Parson», всего на сумму 715 руб. [227]В 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны П.Ф. Федорова призвали на флот, и преподавание зубных болезней в стенах ИВМА прекратилось [228].

В 1892 г. в Санкт-Петербурге организовал кафедру одонтологии на

Высших женских курсах А.К. Лимберг (1856–1906 гг.). Он также одновременно читал самостоятельный курс лекций по одонтологии в Клиническом институте усовершенствования врачей [229]. Это было время становления, поэтому материальная база формирующихся одонтологических кафедр была более чем скромной. Жена А.К. Лимберга оценивала потенциал одонтологической кафедры при Клиническом институте вел. кн. Елены Павловны следующим образом: «Что могла сделать почетная кафедра без штатов, без средств, без инвентаря, почти без помещения? На нее поступили кое-какие пожертвования, и она держалась главным образом самопожертвованием самого профессора (и работал даром, и инструменты нес свои, и т. д.) и готовностью зубных врачей прийти ему на помощь только для того, чтобы работать под его руководством» [230].

Несколько позже в негосударственном учебном заведении – Женском медицинском институте – была открыта еще одна одонтологическая кафедра. Особым постановлением Министерства народного просвещения от 4 декабря 1898 года было разрешено создать при Женском медицинском институте зубоврачебное отделение [231]. В результате «Кафедру физических методов лечения и учения о болезнях зубов и полости рта» открыли в 1899 г. Возможность создания такой кафедры появилась в связи с тем, что вуз был негосударственным и не подпадал под действие университетского устава 1885 г., который не предполагал создания подобных кафедр.

Возглавил кафедру доктор медицины Александр Карлович Лимберг, которого пригласили в Женский медицинский институт «преподавателем из платы по найму» (сегодня это называется «преподаватель с почасовой оплатой»).

К этому времени А. К. Лимберг являлся врачом при девичьих школах Ведомства Императорского человеколюбивого общества (с 1886 г.) и с 1892 г. состоял консультантом по зубным болезням Императорского клинического института вел. кн. Елены Павловны [232]. За отлично-усердную службу в этих учреждениях А.К. Лимберга наградили орденами Св. Станислава III и II степеней и Св. Анны III степени. В октябре 1900 г. директор института лейб-акушер Двора Его Императорского Величества профессор Д.О. Отт начал ходатайствовать о назначении А. К. Лимберга преподавателем во вверенный ему институт.

Ходатайство директора удовлетворили, и в январе 1901 года А.К. Лимберг приступил к работе в Женском медицинском институте. Но, к

сожалению, уже в феврале 1901 года он написал прошение на имя директора с просьбой об увольнении его от занимаемой должности «по случаю тяжелой болезни, лишающей возможности продолжить занятия» [233].

После ухода А.К. Лимберга некоторое время кафедру возглавлял С.Я. Чистович, а затем ее принял Ф.А. Звержховский. Своего ученика Франца Александровича Звержховского, А.К. Лимберг сразу же привлек к работе в Женском медицинском институте, предполагая использовать его знания и навыки для ведения практических занятий [234]. Именно Ф.А. Звержховский возглавлял кафедру вплоть до ее официального закрытия в 1905 г.

Уходя, А.К. Лимберг пожертвовал капитал в 6000 руб. для устройства при институте «зубоврачебного отделения имени зубного врача Самуила Федоровича Линбека» [235]. В память об организации этой кафедры на территории СПбГМУ установлена мемориальная доска.

К сожалению, созданную в 1899 г. кафедру физических методов лечения и учения о болезнях зубов и полости рта ликвидировали в 1905 г., преобразовав ее в доцентский курс при кафедре госпитальной хирургии Женского медицинского института. Причина таких изменений заключалась в том, что в 1904 г. Женский медицинский институт стал государственным учебным заведением, и его структуру «подогнали» под существующий университетский «стандарт». На это время ни в одном из медицинских факультетов российских университетов подобной кафедры не существовало. Поэтому в штатном перечне кафедр института за 1906 г. кафедра физических методов лечения и учения о болезнях зубов и полости рта уже не упоминается. Тем не менее в 1906 г. Женский медицинский институт получил право принимать экзамены на звание зубного врача у лиц, окончивших зубоврачебные школы.

Добавим, что зубной врач Ф.А. Звержховский не единожды поднимал вопрос о необходимости воссоздания кафедры одонтологии, но Совет института постоянно отклонял эти просьбы. Во время Первой мировой войны Ф.А. Звержховский был назначен инспектором челюстных лазаретов. С сентября по март 1917 г. он находился в действующей армии и руководил организацией и работой госпиталя для челюстно-лицевых раненых в Бухаресте. После распада Российской империи и восстановления независимой Польши на политической карте Европы [236] Ф.А. Звержховский вернулся на родину, где служил «по специальности» в польской армии в чине бригадного генерала [237].

Возвращаясь к судьбе одонтологических кафедр при университетах,

упомянем о том, что летом 1905 г. состоялось высочайшее решение об открытии одонтологической кафедры при медицинском факультете Александровского университета в Великом княжестве Финляндском. Дело в том, что Финляндия, вошедшая в состав Российской империи в 1809 г., развивалась как некий самостоятельный анклав. Поэтому Александровский университет в Гельсинфорсе (ныне Хельсинки) не подчинялся Министерству народного просвещения, а существовал и развивался в рамках традиционных европейских образовательных традиций, совершенно не пересекаясь с системой российского университетского образования.

В результате в июне 1905 г. на медицинском факультете Александровского университета началось преподавание зубоврачебного искусства, для чего вводились две штатные должности: «Одна по зубоврачебному искусству и другая по учению о протезах и искусственных зубах» [238]. Преподавание «зубоврачебного искусства» велось на базе «хирургической поликлиники в городе Гельсинфорсе и состоящей под надзором профессора клинической хирургии поликлиники зубных болезней». Кроме этого, при медицинском факультете имелась «техническая зубная лаборатория». Алгоритм прохождения «полного курса зубоврачебного искусства» предполагал:

– во-первых, «предварительный медицинский экзамен, или же экзамен на степень кандидата философии, требуемый для получения ученой степени по медицинскому факультету»;

– во-вторых, «публичный экзамен на степень кандидата зубоврачебного искусства, обнимающий устное испытание по анатомии, физиологии и учению о лекарства; предварительно допущенные к этому экзамену лица, держащие его, должны пройти предварительно курс бактериологии»;

– в-третьих, учащиеся должны были пройти «практические занятия в зубоврачебной клинике; односеместровый курс на моделях по предохранению зубов от порчи и двенадцатимесячные занятия в клиниках по оперативному и предохранительному врачеванию больных зубов или полости рта; односеместровый же курс на моделях в технической зубоврачебной лаборатории университета по учению о протезах и искусственных зубах и годичные клинические занятия по протезному зубоврачеванию пациентов; практические занятия при хирургической клинике в течение двух месяцев и при сифилитической клинике в течение одного месяца, а также курс общей хирургии, в объеме, необходимом для будущих зубных врачей»;

– в-четвертых, «экзамен на звание Зубного Врача, производится профессором клинической хирургии и преподавателями зубоврачебных наук» [239].

Когда в России появилась первая работоспособная Государственная дума (III Государственная дума, 1907–1912 гг.), то на ее сессии несколько раз выносились проекты «зубоврачебных законов». Например, в марте 1912 г. на обсуждение III Государственной думы был вынесен законопроект «Об утверждении нового положения о зубоврачебных школах и о передаче сих школ в ведомство Министерства народного просвещения». Впоследствии в ходе заседаний IV Государственной думы (1912–1917 гг.) рассматривался уже законопроект «О реорганизации зубоврачебного образования в России». Однако до 1917 г. эти законопроекты так и не были приняты.

Развитию зубоврачевания в России в немалой степени способствовала деятельность научно-практических зубоврачебных обществ. «Первое общество дантистов в России» возникает в Петербурге в 1883 г. (основатель – Ф.И. Важинский). Это общество объединяло дантистов старой формации, получивших свои знания в частных зубоврачебных кабинетах.

В том же 1883 г. возникает «Санкт-Петербургское общество дантистов и врачей, занимающихся зубоврачеванием» (основатель – А.К. Лимберг). Его костяк составил зубные врачи, окончившие зубоврачебные школы. Впоследствии образованное общество поменяло название и стало именоваться «Санкт-Петербургским зубоврачебным обществом». Отметим, что в 1884 г. А.К. Лимберг выступил в стенах «своего» общества с докладом «О необходимости обязательного высшего образования зубных врачей в России».

С 1885 г. начинается издание первого научного зубоврачебного журнала «Зубоврачебный вестник». Основателем журнала стал русский дантист А.П. Синицын. Возможность обмена мыслями, опытом работы на страницах журнала имела огромное значение для развития отечественного зубоврачевания.

Первое «Московское одонтологическое общество» было образовано в 1891 г. Научные зубоврачебные общества создавались в Киеве, Одессе, Тифлисе и других городах России. В 1899 г. было создано «Российское одонтологическое общество».

В последней четверти XIX в. начали издаваться периодические издания по зубоврачеванию: газета «Зубоврачебный вестник» (издатель А.П. Синицын, с 1885 по 1917 г.); издавались журналы «Одонтологическое

обозрение» (1899–1915 гг.) и «Зубоврачебное дело» (с 1906 г.) [240].

В начале 1900-х гг. при Женском медицинском институте начали проводиться конкурсы научных работ. Инициатором их организации стало Санкт-Петербургское зубоврачебное общество, располагавшееся на Исаакиев-ской площади. 22 октября 1903 г. на заседании общества было принято постановление, в котором говорилось, что, «сочувствуя учреждению при Женском медицинском институте кафедры болезней зубов и полости рта», оно решило передать в пользу учебного заведения «препараты и коллекцию, составляющие музей общества, и передать учрежденный при обществе капитал имени зубного врача С.Ф. Линбека, на проценты с которого должны выдаваться премии за лучшие сочинения по зубоврачеванию на русском языке» [241].

Зубоврачебное общество передало в полную собственность института препараты и коллекции со шкафом для их хранения. Они должны были служить целям преподавания и находились в полном распоряжении профессора кафедры болезней зубов и полости рта. При этом все препараты следовало без всяких ограничений предоставлять для осмотра всем желающим, работникам института, всем посторонним. По условиям общества назначался определенный день и час, раз в неделю или раз в две недели, когда можно осмотреть экспозицию музея.

17 января 1904 г. директор института профессор Д.О. Отт направил в Зубоврачебное общество ответ, в котором указал, что «Совет Женского медицинского института постановил принять на предложенных условиях зубоврачебный музей от зубоврачебного общества и выразить ему искрению благодарность за означенное пожертвование» [242].

Заметным событием в жизни института стали деньги, переданные ему Зубоврачебным обществом для учреждения премии. В «Положении» о премии указывалось, что при Женском медицинском институте учреждается премия имени зубного врача С.Ф. Линбека для «поощрения оригинальных русских работ по отделу зубоврачевания». Для этой цели предназначался капитал в 1000 рублей (один билет Государственной 4 %-ной ренты), хранившийся в Государственном банке в числе специальных средств института. Проценты с этого капитала, выдаваемые каждые три года, составляли данную премию, которая присуждалась один раз в три года в размере 100 рублей.

Согласно условиям «Положения», премия назначалась за самостоятельные научные сочинения «на русском языке по зубоврачеванию, которые должны носить по преимуществу клинический

характер и касаться практической стороны консервативного, оперативного или протезного зубоврачевания». На соискание премии принимались сочинения, внесенные к определенному сроку в конференцию профессоров Женского медицинского института, как напечатанные в течение последних трех лет, так и в рукописи. Участвовать в конкурсе могли все врачи, зубные врачи и дантисты, имеющие дипломы российских университетов, Женского медицинского института и Военно-медицинской академии без различия вероисповедания, за исключением членов конференции Женского медицинского института.

Для рассмотрения сочинений, представленных на соискание премии, конференция профессоров Женского медицинского института выбирала из своей среды комиссию из трех человек, которая могла привлекать для оценки конкурсных сочинений и специалистов «со стороны». На основании письменного доклада специальной комиссии обо всех рассмотренных сочинениях конференция профессоров Женского медицинского института на заседании накануне традиционного дня годичного торжественного акта присуждала премию большинством голосов закрытым голосованием. На торжественном акте института ученый секретарь в своем отчете сообщал о присуждении премии, упоминая имена и фамилии авторов. При подаче работы к печати награжденному разрешалось указать, что она отмечена премией имени зубного врача С.Ф. Линбека.

Предложенное Зубоврачебным обществом «Положение» доработала комиссия, созданная из профессоров Женского медицинского института. В нее вошли: ординарный профессор по кафедре госпитальной хирургической клиники, доктор медицины, статский советник А.А. Кадьян; ординарный профессор по кафедре факультетской хирургической клиники, доктор медицины, действительный статский советник Ю.Ю. Трейберг; ординарный профессор по кафедре хирургической патологии, доктор медицины, статский советник В.А. Тиле и доктор медицины Ф.А. Звержховский. Проработав предложенный проект, они внесли целый ряд дополнений и изменений. Например, в случае, если премия не будет присуждена, то сумма ее целиком присоединяется к премии следующего года. Если сдается рукопись, то Совет института вправе требовать от автора, чтобы рукопись была четко и чисто написана. Рукописи сочинений должны присылаться в адрес института «под особым девизом», а имя и фамилия автора и его адрес прилагаются в особом конверте. По присуждению премии конверт вскрывался. Если же сочинение не удостаивалось премии, то конверт уничтожался.

23 декабря 1905 г. министр народного просвещения утвердил

«Положение о премии С.Ф. Линбека» [243]. Только после этого Санкт-Петербургское зубоврачебное общество направило в адрес института билет 4 %-ной Государственной ренты в 1000 рублей номинальной стоимости серии 82 № 1283 и наличные деньги в сумме 94 руб. 40 коп., скопившиеся на капитал процентов [244].

Санкт-Петербургское зубоврачебное общество желало, чтобы конкурс на премию был объявлен уже в 1905 г., но долгое продвижение бумаг в Министерстве народного просвещения не позволило его объявить. Совет Женского медицинского института объявил первый конкурс в 1908 г. На заседании 10 мая 1908 г. председатель сообщил, что накоплена достаточная сумма для объявления конкурса на премию им. С.Ф. Линбека [245]. Срок представления сочинений на конкурс был определен до 1 мая 1909 г. Уже 13 июня 1908 г. были разосланы объявления о конкурсе: в Императорский клинический институт вел. кн. Елены Павловны; в Императорскую Военномедицинскую академию; в Императорские Петербургский, Московский, Харьковский, Казанский, Киевский, Варшавский, Новороссийский, Томский и Юрьевский университеты. Также напечатали объявления о конкурсе в популярных медицинских журналах: «Русском враче», «Зубоврачебном вестнике» и «Одонтологическом обозрении». К сожалению, подобная оперативность не привела к желаемому результату. На заседании Совета 30 апреля 1909 г. ученый секретарь сообщил об окончании 1 мая 1909 г. срока приема сочинений на конкурс и доложил, что таковых не поступило [246]. Было предложено повторно объявить о конкурсе на премию.

Поскольку кафедра одонтологии к этому времени была уже ликвидирована, то и инициатива, связанная с продвижением премии им. С.Ф. Линбека, угасла. Несмотря на «первый блин», который традиционно «вышел комом», именно в 1908 г. в институте было положено начало конкурсам на лучшие научные работы. Эта традиция сохраняется по сей день…

Если говорить о количестве практикующих зубных врачей и дантистов, то в статистических источниках приводятся следующие данные:

– по данным «Российского медицинского списка», в 1883 г. в России практиковал 441 дантист;

– к 1887 г. в России в 43 губерниях практиковало 372 дантиста (при них работало 225 учеников) [247];

– к 1891 г. в России работали 617 дантистов, в том числе 27 женщин;

– на 1 апреля 1894 г. в России насчитывалось 774 дантиста, в их числе

работали не менее 100 женщин-дантистов [248];

– в 1897 г. в области зубоврачевания в России практиковало 1139 чел.: 141 зубной врач и 998 дантистов;

– в 1902 г. – 2231 зубоврачеватель: 537 зубных врачей и 1658 дантистов;

– на 1913 г. в империи занималось стоматологической практикой 5161 зубной врач и 3007 дантистов [249];

– на 1913 г. в России работали 26 зубоврачебных школ: в Петербурге – 4; в Москве – 6, в других городах – 16 школ.

Несмотря на отчетливо обозначившуюся в начале XX в. динамику роста числа зубных врачей и дантистов, дефицит стоматологических кадров, особенно в провинции, был ужасающим. С учетом того, что в России в 1902 г. проживало порядка 140 млн человек, на одного зубного врача приходилось 63 тыс. человек. По статистическим данным, по Киевской губернии ни одного зубного врача не было в таких городах, как Канев с уездом (290 тыс. жителей), Липовец (211 тыс.), Тараща (232 тыс.) [250]. В ряде губерний, особенно за Уралом, ситуация была еще более тяжелой.

И тем не менее можно констатировать, что на протяжении XIX – начала XX вв. сложилась законодательно-правовая база зубоврачебного образования. Общая тенденция была связана с постепенным повышением образовательного ценза зубных врачей и жесткой регламентацией порядка их государственной аттестации. Во второй половине 1890-х гг. начинается постепенная интеграция зубоврачебного образования в государственные медицинские структуры. При этом основная часть зубных врачей готовилась в частных зубоврачебных школах по стандартным программам, утвержденным Министерством народного просвещения. В результате зубоврачебное образование, изначально рассматривавшееся как ремесло, к которому допускались лица с низким образовательным цензом, начинает становиться частью системы медицинского, в том числе высшего, образования в России. Постепенно складывается система подготовки зубоврачебных кадров, вполне отвечающая требованиям своего времени.

Глава 5
Зубоврачевание в конце XIX – Начале XX века

Когда цесаревич Николай Александрович стал императором Николаем II, ему было 26 лет, его жене Александре Федоровне – 22 года. В этом возрасте стоматологические проблемы еще сильно не беспокоят. Однако рождение императрицей Александрой Федоровной в течение 8 лет пятерых детей сделало ее главной пациенткой придворных зубных врачей.

Но вернемся еще раз к Придворной медицинской части Министерства Императорского двора. К концу XIX в. Придворная медицинская часть превратилась в серьезную структуру, в состав которой входили госпитали дворцовых городов: Санкт-Петербургский Дворцовый госпиталь; госпитали в Царском Селе, Петергофе и Гатчине. В этих госпиталях оказывалась и зубоврачебная помощь. По данным отчетов Придворной медицинской части, в них амбулаторно было удалено зубов [251]:

Таблица

Госпиталь	1899 г.	1902 г.	1907 г.
С.-Петербургский	Удалено — 8 зубов	Удалено — 3	Удалено — 6
Царскосельский	Удалено — 103	Удалено — 467	Удалено — 462
Гатчинский	Удалено — 1040; пломб — 1297	Удалено — 1230; пломб — 811	Нет данных
Петергофский	Удалено — 540; пломб — 89	Удалено — 868	Удалено — 1954

Значительные цифры оказания зубоврачебной помощи в Гатчине и Петергофе, видимо, связаны с их относительной удаленностью от Петербурга, где конкуренция среди зубных врачей и дантистов была достаточно велика.

По данным справочника «Весь Петербург на 1915 г.», только на

Невском проспекте проживал и вел прием 191 медик, из них 59 зубных врачей и дантистов [252].

Император Николай II и Александра Федоровна. 1895 г.

В госпиталях Придворной медицинской части медицинская помощь оказывалась бесплатно всем лицам, входившим в штат Министерства Императорского двора, от лакеев до фрейлин и их родственников. Этой помощью в 1907 г. воспользовалось около 60 % посетивших госпиталь

больных, в 1906 г. – более 65 % и в 1905 г. – 58 %.

Большую часть платных больных, в том числе и стоматологических, в придворных госпиталях составляли крестьяне и мещане [253]:

Таблица

Сословие	1905 г., % случаев	1906 г., % случаев	1907 г., % случаев
Крестьяне	67,9	58,5	64,8
Мещане	8,8	13,7	13,2
Лица разного звания	15,7	20,5	14,3
Дворяне	7,6	7,3	7,7

По положению, утвержденному в 1855 г., платная медицинская помощь, в том числе и зубоврачебная, оказывалась: «Крестьянам Государственной Царскосельской вотчины, мастеровым Царскосельского имения, а также крестьянам удельным, казенным, господским дворовым людям, солдатским женам и их детям, купцам, мещанам, работникам цеховых мастерских и лицам всех прочих званий, не принадлежащих к дворцовому ведомству, за плату 18 коп. сер. в сутки» [254].

Таким образом, зубоврачебная служба Придворной медицинской части Министерства Императорского двора к началу XX в. превратилась в разветвленную структуру, которая оказывала профессиональную помощь не только императорской семье, но и многочисленным придворным. Кроме этого оказывались платные стоматологические услуги всем категориям населения дворцовых городов и Петербурга.

В контексте рассматриваемой темы следует сказать несколько слов и о распространении зубоврачебной помощи через структуры Российского общества Красного Креста. Тем более что высочайшей покровительницей этого общества с 1880 по 1917 г. являлась императрица Мария Федоровна (супруга Александра III). Императрица Александра Федоровна со времен Русско-японской войны (1904–1905 гг.) также активно участвовала в деятельности этой самой крупной в России неправительственной организации.

Итак, начало профессиональной зубоврачебной помощи в русской армии было положено в ходе Русско-японской войны. Это произошло в 1904 г. в Порт-Артуре. Инициатива в этом деле принадлежала Российскому обществу Красного Креста (далее – РОКК). При этом инициатива шла

«снизу». Дело в том, что в Порт-Артуре врачи Красного Креста использовали брошенный зубоврачебный кабинет, а несколько позже Главноуполномоченный РОКК И.В. Балашев нашел для этого кабинета профессионального дантиста. В результате к кабинету потянулись как офицеры, так и солдаты гарнизона Порт-Артура. Эта практика получила значительный резонанс, и 28 июля 1904 г. на заседании Исполнительной комиссии РОКК в Петербурге обсуждался вопрос – нужны ли зубные врачи армии? Вопрос был решен положительно, однако создание зубоврачебных кабинетов было оставлено на усмотрение Главноуполномоченных Красного Креста, которые лучше знали ситуацию на местах.

В результате при Ярославском лазарете Красного Креста был открыт зубоврачебный кабинет. Его открыл зубной врач Никитин, работавший при лазарете Красного Креста. Поскольку зубоврачебный кабинет оказался востребован, то Никитин в июле 1905 г. открыл в Чите еще один зубоврачебный кабинет Красного Креста. Об открытии этого кабинета было объявлено в приказе по гарнизону. О степени загрузки кабинета свидетельствуют следующие данные: с мая 1904 г. по сентябрь 1905 г. Никитин принял 1704 больных. Из них 65 офицеров, 1276 нижних чинов и 363 прочих больных. При этом характер лечения состоял: «извлечений – 1042, лечений – 668, вставлено пломб – 587» [255].

Понятно, что профессиональная нагрузка была колоссальной. Можно также упомянуть, что в начале 1905 г. в Петербурге по направлениям «Комитета по размещению эвакуированных воинов с Дальнего Востока» бесплатно лечили зубы, протезировали и ставили пломбы в частных зубоврачебных кабинетах. Правда, эта помощь носила крайне ограниченный характер, поскольку таких направлений было выдано всего на 13 чел. [256]Этими немногочисленными примерами и исчерпывалась зубоврачебная помощь русским войскам в период Русско-японской войны.

После начала Первой мировой войны Красный Крест возобновил практику оказания профессиональной стоматологической помощи в войсках. Эта помощь была развернута в конце 1915 – начале 1916 г., когда война приняла позиционный характер. Тогда при госпиталях Красного Креста открыли 18 зубоврачебных кабинетов. Как правило, эти кабинеты формировались «стихийно» там, где в структурах Красного Креста работали специалисты соответствующего профиля.

Следует подчеркнуть, что кроме зубных врачей и дантистов в распоряжении РОКК имелись и зубоврачебные кадры среднего звена, готовившиеся в ряде общин Красного Креста в Петербурге.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в перечне «Фондов учреждений, государственных и общественных организаций по санитарному и материально-техническому обеспечению армии» упоминаются как самостоятельные фонды: Зубоврачебный кабинет литер «Д» Красного Креста (создан в 1916 г.); Зубоврачебный кабинет Красного Креста при 35-м армейском корпусе (1916 г.); 23-й зубоврачебный кабинет Красного Креста при 36-й пехотной дивизии (1916 г.); Зубоврачебный кабинет Красного Креста при перевязочном отряде 46-й пехотной дивизии (1916 г.); Зубоврачебный кабинет Красного Креста при 81-й пехотной дивизии (1916 г.); Зубоврачебный кабинет Красного Креста при перевязочном отряде Сводной пограничной пехотной дивизии (1916 г.); Зубоврачебный кабинет при 37-м передовом отряде Красного Креста (1916 г.).

Инициаторами работы по созданию зубоврачебных кабинетов выступали уполномоченные Красного Креста фронтового уровня. Так, в начале 1916 г. заведующий медицинской частью Красного Креста Западного фронта проф. С.Р. Миротворцев поднял вопрос о высылке в его распоряжение 10 оборудованных зубоврачебных кабинетов. В ответ на этот запрос Главное управление Красного Креста приняло решение заказать Совету складов оборудование для 10 зубоврачебных кабинетов для нужд

Западного района [257]. Весной 1916 г. в адрес Главного управления последовало аналогичное ходатайство Главноуполномоченного Красного Креста Юго-Западного района сенатора Б.Е. Иваницкого. В результате Главное управление РОКК одобрило проект создания особых автомобильных одонтологических отрядов Красного Креста, снабженных зуботехнической мастерской. Эти отряды должны были выезжать по вызову на передовые позиции. Каждая из машин была укомплектована зубным врачом, зубным техником, шофером и санитаром. Стоимость оборудования одного автомобиля составляла 2000 руб. [258]

Наряду с мобильными одонтологическими отрядами в 1916 г. начали развертываться и крупные специализированные подразделения. Так, 23 сентября 1916 г. было утверждено штатное расписание «Одонтологического лазарета Российского общества Красного Креста в городе Бухаресте». В штатном расписании значились: главный врач; 3 врача ординатора-хирурга; старший зубной врач; 3 зубных врача ординатора; старший зубной техник; 3 младших зубных техника; 2 помощницы при зубоврачебных кабинетах (женщины, зубные врачи); старшая сестра; 2 операционные сестры; 14 сестер милосердия;

рентгенолог; завхоз; бухгалтер; делопроизводитель и 23 санитара [259].

В ходе Первой мировой войны на Восточном фронте на территории России работал Американский госпиталь Красного Креста, в составе которого было челюстное отделение на 40 кроватей и одонтологическая лаборатория при нем. Согласно штату, утвержденному Главным управлением Красного Креста 18 ноября 1916 г., в его состав входили: заведующий отделением (врач-одонтолог), помощник заведующего (зубной врач), заведующий амбулаторией (зубной врач), 2 старших зубных техника, младший зубной техник, 4 сестры милосердия и 10 санитаров [260]. 18 ноября 1916 г. был утвержден штат «Передового челюстного отряда Красного Креста Юго-Западного фронта» в составе зубного врача, зубного техника, шофера, 2 сестер милосердия и 6 санитаров [261].

Таким образом, профессиональная зубоврачебная помощь в русской армии начала оказываться с 1904 г., и вплоть до 1917 г. эта помощь была сосредоточена в подразделениях Российского общества Красного Креста.

Зубные врачи семьи Николая II

Если говорить о зубоврачебных услугах непосредственно царской семье, то наиболее документирован период, связанный с жизнью последней императорской семьи. Скрупулезность повседневных записей в дневниках Николая II позволяет нам по крупицам восстановить особенности придворной зубоврачебной службы в период царствования Николая II. О каждом визите зубного врача в дневнике царя оставалась запись, так как совершенно очевидно, что посещение подобного специалиста в то время, да и сегодня, – это всегда сильные ощущения. Упоминаний о самом характере зубоврачебной помощи значительно меньше, но по косвенным признакам можно восстановить и это.

Как правило, у всех есть «свой» стоматолог. Даже у стоматологов. Как правило, это человек, опыту и рукам которого мы доверяем. К такому человеку мы приходим либо через опыт неудачных походов по стоматологическим клиникам, либо по рекомендации знакомых.

У последней императорской семьи также были «свои» зубные врачи, которых они, как и все, подбирали «по рекомендациям знакомых» или на основании собственного «опыта». У семьи Николая II за 23 года царствования было три личных зубных врача. Согласно установленным правилам, они включались в штат Придворной медицинской части.

Первым из них был уже упомянутый нами американец Жорж Шарль де Марини, проработавший при Николае II на должности «Дантиста Его Императорского Величества» с 1894 по 1898 г. Этот врач был унаследован молодым императором от отца – Александра III.

Вторым дантистом императора также был «американский врач, почетный дантист Wollison». Он также перешел к Николаю II от его отца – Г. Воллисон начал работать при Министерстве Императорского двора с 1896 г. в качестве почетного дантиста.

«Личный дантист Их Императорских Величеств» Генрих В. Воллисон проживал в Санкт-Петербурге на Адмиралтейской набережной в доме № 10. Это было совсем рядом с Зимним дворцом, в котором с декабря 1896 г. по апрель 1904 г. жил русский император. Позже дантист переехал на ул. Рубинштейна, 86 [262]. Попутно упомянем, что в 1900 г. в Петербурге практиковало 634 зубных врача и 59 дантистов. В числе последних значились и 16 женщин. В 1898 г. только на Невском проспекте устроили себе кабинеты 59 зубных врачей и дантистов.

Бухгалтерские книги Николая II, в которых фиксировались все его покупки, позволяют реконструировать уровень повседневной стоматологической гигиены, бытовавшей в конце XIX – начале XX в. Все, что было необходимо царю для ежедневной профилактики ротовой полости, закупалось у придворного зубного врача – это прежде всего зубные щетки и зубной порошок.

Судя по всему, вплоть до 1908 г. Николай II обходился только зубными щетками и зубным порошком. Все это регулярно приобреталось его камердинерами у почетного дантиста Воллисона. За весь 1903 г. для царя были куплены 24 зубные щетки и зубной порошок на 60 руб. Этими щетками царь пользовался вплоть до января 1907 г., когда была закуплена следующая партия зубных щеток и зубного порошка. Следовательно, купленных зубных щеток хватило на 4 года – «расход» составил 4 зубные щетки в год. Напомним, что щетки тогда изготавливались из натуральной щетины, как и для деда царя – императора Николая I. При этом Николай I менял свои щетки значительно чаще.

Периодически Генрих Воллисон осматривал зубы императора, поскольку «по правилам игры» придворные медики постоянно «мониторили» состояние здоровья царя. В том числе и зубные врачи.

Видимо, стоматологические проблемы у Николая II накопились, поскольку в 1908 и 1910 гг. дантисту из «царских сумм» платили уже за работу. Всего в 1910 г. дантисту уплатили 1327 руб. 25 коп., из них «за работу» царь «отдал» 1300 руб. Остальные 27 руб. 50 коп. пришлись на зубные щетки, порошок и зубной эликсир. Судя по очень приличной сумме, лечение оказалось весьма основательным, при этом следует учесть, что это был один из первых «зубных» счетов царя, которому в 1910 г. исполнилось 42 года.

Таблица

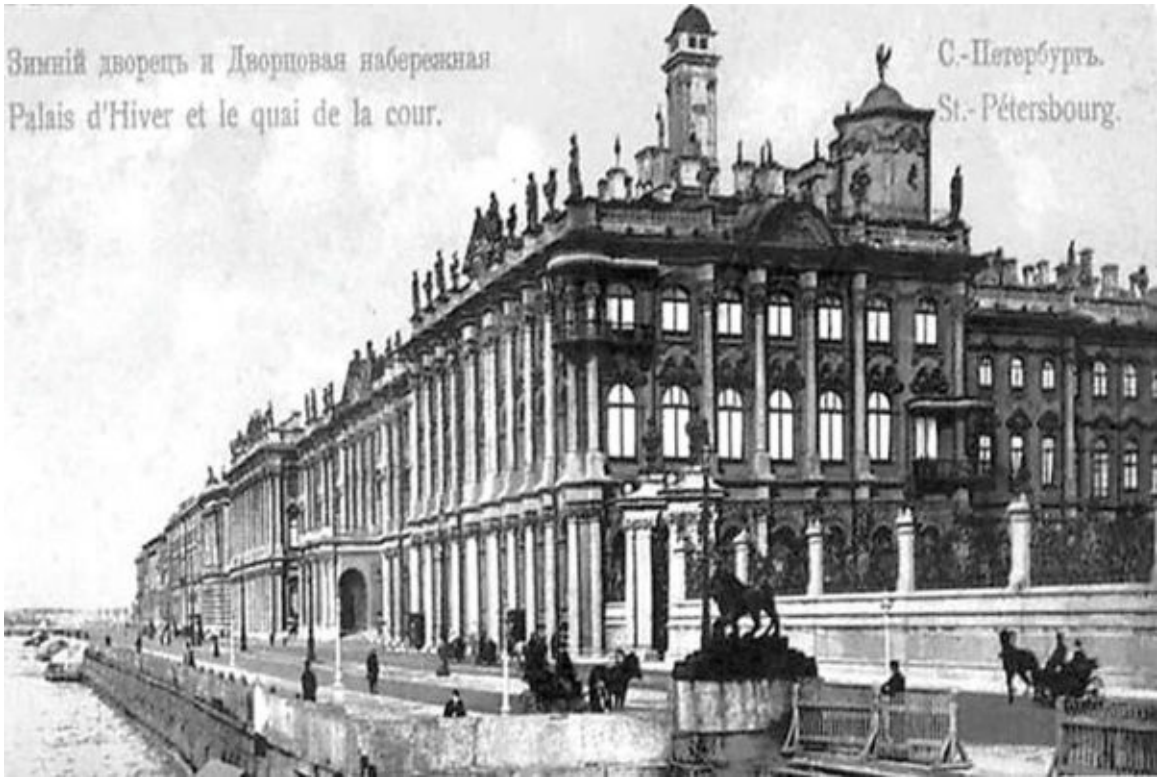
Год	Зубной врач	Зубной порошок	Зубные щетки (шт.)	Стоимость
1896[1]	Wollison	60 коробок	34	94 руб.
1903	Wollison	зубной порошок	24	60 руб.
1907	Почетный дантист Wollison	зубной порошок	щетки	36 руб.
1908	Wollison	зубной порошок	—	24 руб.
1910	Wollison	зубной порошок	щетки	24 руб.
1911	Wollison	зубной порошок	18	42 руб.
1914	Wollison	зубной порошок	зубные щетки	51 руб. 21 коп.
1915	Wollison	—	зубные щетки	30 руб.
1917[2]	Wollison	за пудру	зубные щетки	33 руб.
1917[3]	Wollison	12 банок зубного порошка + эликсир (9 руб.)	12 (12 руб.)	33 руб.

[1] РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 1. Л. 7 об. // Бухгалтерская книга по суммам Его Императорского Величества Государя императора. 1896 г.

[2] РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 3. Бухгалтерская книга по суммам Его Императорского Величества. 1914–1917 гг.

[3] РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 535. Денежные документы по суммам Государя Императора. Январь 1917 — март 1918 гг.

Хотелось бы отметить, что зубоврачебная помощь российским императорам оказывалась только «на дому», т. е. прямо в императорских резиденциях. К концу XIX в. стандарты зубоврачебной помощи стали таковы, что наличие специального кресла и бормашины было обязательным для лечения больного. Поэтому в Зимнем дворце для дантиста императора оборудовали «рабочее место». Подтверждением этому служит счет, по которому в 1896 г. «доктору Воллисону» уплатили из средств императрицы Александры Федоровны «за одно кресло – 250 руб.» [263].

На втором этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца располагалась квартира Николая II. Слева направо: 2 окна – кабинет императрицы; 2 окна – спальня; 1 окно – будуар Александры Федоровны; 1 окно – гардеробная Николая II, крайнее справа (с балконом) – рабочий кабинет Николая II

Напомним, что Александра Федоровна вышла замуж за Николая II в ноябре 1894 г. Во второй половине 1896 г. царская семья оборудовала себе квартиру на втором этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца. В начале ноября 1896 г. императрица родила дочку в Царском Селе и в конце декабря 1896 г. молодая семья переехала в Зимний дворец.

Вероятнее всего, именно в процессе ремонта царской половины где-то в служебных комнатах Зимнего дворца и установили их «собственное» стоматологическое кресло. Надо заметить, что это было в традициях Императорского двора. У российских императоров была лошадь «собственного седла» или «собственный сервиз», следовательно, могло быть и «собственное стоматологическое кресло». К «собственному креслу» прилагался и «собственный зубоврачебный инструментарий». Другими словами, то, к чему российская стоматология пришла относительно недавно – разовый стоматологический инструментарий, появился при

императорском дворе еще в конце XIX в.

Императрица Александра Федоровна и цесаревич Алексей. 1906 г. Чуть-чуть видны зубы императрицы

Этим «собственным» стоматологическим креслом императрица время от времени пользовалась. Именно Воллисон посетил Александру Федоровну летом 1900 г. Буквально перед началом работы Воллисона Александра Федоровна писала Николаю II: «Я должна скорей позвать детей и кончать это послание, пока не пришел дантист. С большим трудом и морем слез я выдворила детей из комнаты, так как они хотели посмотреть, как дантист трудится над моими зубами… Он положил две пломбы, почистил зубы и полечил десны. Он приедет снова в понедельник, т. к. деснам нужен отдых» [264].

В 1910–1914 гг. Воллисон постепенно отошел от практики, хотя в его клинике Николай II продолжал покупать зубной порошок и зубные щетки вплоть до весны 1917 г.

В мае 1914 г. у семьи Николая II появляется новый «собственный» зубной врач – коллежский регистратор Сергей Сергеевич Кострицкий. Поскольку в придворный штат врачей включали не сразу, мы можем с уверенностью предположить, что С.С. Кострицкий уже имел опыт лечения членов царской семьи. И, судя по всему, этот опыт был удачным.

Поскольку С.С. Кострицкий практиковал в Ялте, поблизости от которой располагалась императорская резиденция Ливадия, то, видимо, первое знакомство зубного врача с царственными пациентами произошло в 1911 г., когда императорская семья после долгого перерыва приехала в Крым, «обновив» свой великолепный белоснежный дворец, построенный архитектором Н.П. Красновым всего за полтора года. В Крыму царская семья жила по месяцу – полтора. И, похоже, работой Кострицкого были довольны. Поэтому «цари» предпочли скромного ялтинского зубного врача сонму блестящих петербургских эскулапов.

Ливадийский дворец. Крым

Совершенно очевидно, что стареющий Воллисон аккуратно «подводил» к царской семье свои креатуры. Но, видимо, они «не пришлись», и С.С. Кострицкий стал личным выбором императрицы Александры Федоровны, которой все чаще требовались услуги зубного врача.

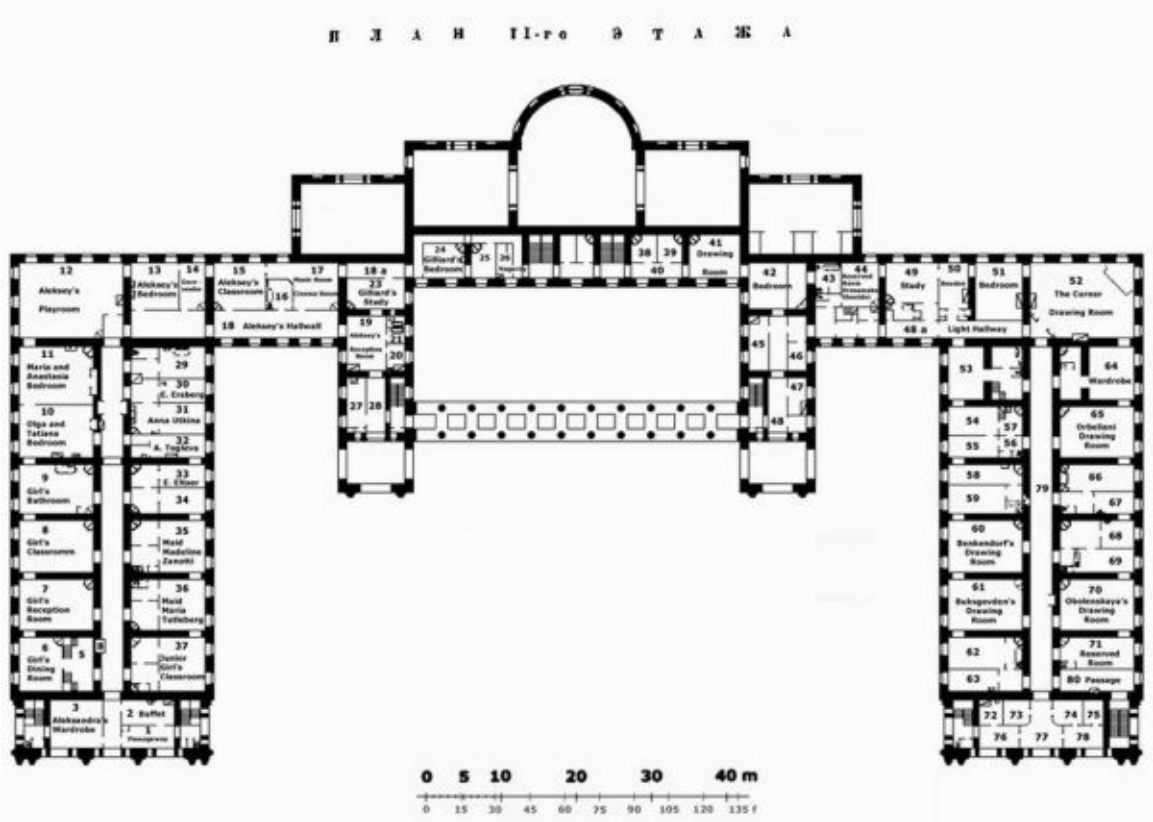
В результате высочайшим приказом по Министерству Императорского двора, «данного в Ливадии мая 25 дня 1914 г. за № 12», зубной врач, коллежский регистратор Сергей Кострицкий был пожалован «в звание Зубного Врача Их Императорских Величеств» [265]. Отметим, что С.С. Кострицкий действительно был врачом, поскольку окончил медицинский факультет Киевского университета, поэтому его правильнее именовать врачом-ортодонтом. Возможно, он был выкрестом, поскольку в литературе упоминается имя его отца – Л.С. Пельтцер. В период правления Александра III и позже, когда в университетах ввели процентные ограничения для иудеев, довольно много евреев принимали лютеранство или православие, для того чтобы обойти этот запрет.

Как это ни удивительно, но, несмотря на это высокое пожалование, С.С. Кострицкий не переехал в Петербург, а продолжал жить и практиковать в Ялте. Когда высоким клиентам требовалась его профессиональная помощь, его вызывали в Петербург. С учетом внезапных зубных болей, это было не совсем удобно и врачу, и его царственным пациентам. Однако Александра Федоровна и Николай II предпочли именно этот вариант.

К 1914 г. царская семья уже 10 лет постоянно жила в Александровском дворце Царского Села. Для того чтобы лечить царственных клиентов, Кострицкому потребовалось оборудовать там «свой» зубоврачебный кабинет. Это следует из письма секретаря императрицы, который 12 сентября 1914 г. сообщил С.С. Кострицкому, со ссылкой на лейб-медика Е.С. Боткина, что «по случаю приглашения Вас по повелению Их Императорских Величеств в Царское Село… за труды ваши по лечению и по оборудованию зубоврачебного кабинета… одну тысячу руб.» [266].

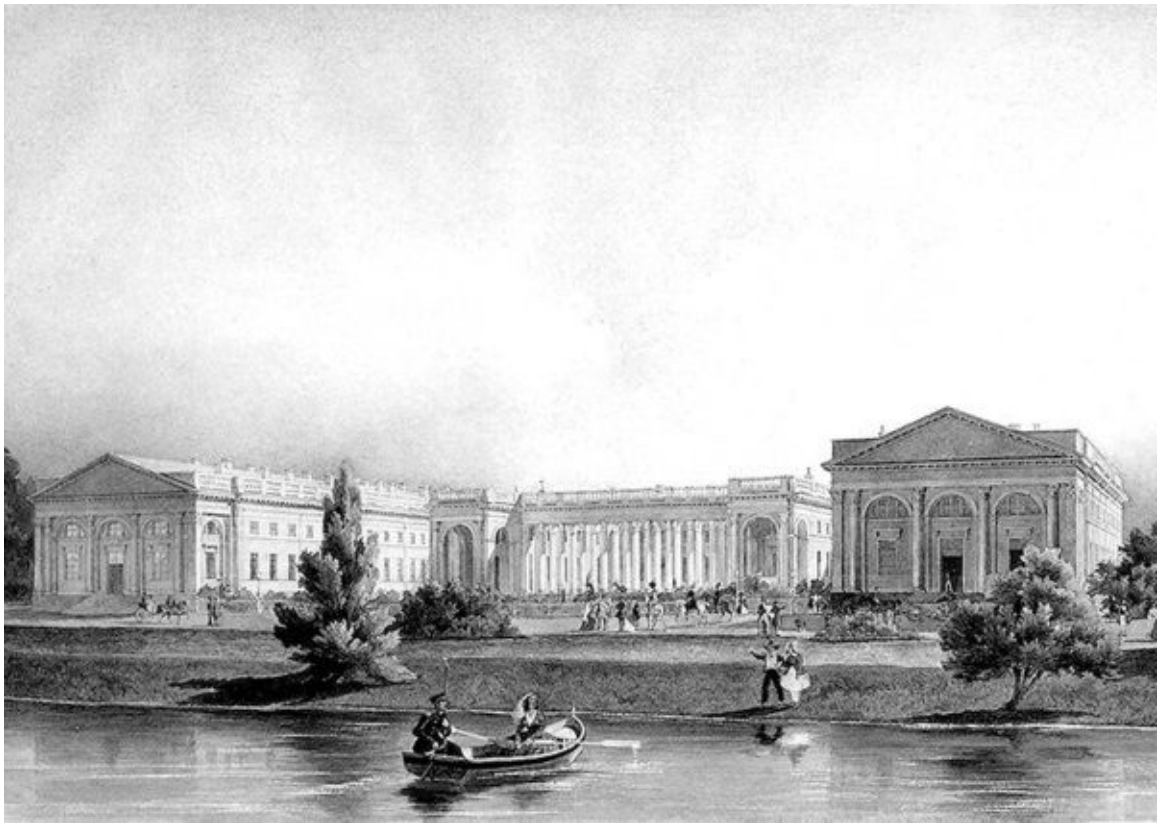
Как уже упоминалось, в 1896 г. собственное зубоврачебное кресло в Зимнем дворце имелось. В 1914 г. С.С. Кострицкий оборудовал зубоврачебный кабинет в Александровском дворце Царского Села. В исторической литературе о существовании подобного кабинета нет упоминаний. Известно только то, что для врачей, дежуривших в Александровском дворце во время частых недомоганий цесаревича Алексея, на втором этаже дворца оборудовали небольшой кабинет. Вероятнее всего, именно в этом помещении и расположили стоматологическое кресло. По стандартам начала XX в., оно было просто необходимо. Даже в кабинетах для бедных имелись профессиональные зубоврачебные кресла. При этом ни один император никогда не лечил зубы в специализированных лечебницах. Следуя «традиции прежних лет», вся

медицинская помощь, включая зубоврачебную, оказывалась самодержцам только «на дому».

План второго этажа Александровского дворца. Комната дежурного врача № 25. Вероятнее всего, там и стояло зубоврачебное кресло

Кстати говоря, именно на лейб-медике Е.С. Боткине, который был домашним врачом царской семьи, лежала обязанность определения размера гонорара для каждого из лечащих врачей, приглашаемых в императорскую резиденцию. Как следует из письма Е.С. Боткина, он исходил из того, что «Кострицкий зарабатывает своею практикой около 400 руб. в неделю и пробыл в Царском Селе две недели, то было бы соответственно определить ему вознаграждение за труды по лечению и оборудованию зубоврачебного кабинета в 1 тыс. руб.». Далее из архивных документов следует, что Кострицкий, занимаясь оборудованием царского кабинета, счел необходимым закупить новый инструментарий – боры на 200 руб. и инструменты на 400 руб.

А.М. Горностаев. Александровский дворец в Царском Селе. 1847 г.

Комментируя цифру заработка зубного врача в 400 руб. за одну неделю, упомянем, что в начале 1900-х гг. годовой заработок женщины-врача в 600 руб. был самым обычным делом. В то же время годовое жалованье ординарного профессора Петербургского университета составляло 3000 руб. в год, а драгоценные пасхальные яйца «императорской серии», работы мастеров фирмы К. Фаберже, стоили в те годы 1000–2000 руб. Добавим, что услуги лейб-медиков уровня лейб-акушера Д.О. Отта оплачивались скромнее. Ему платили 25 руб. за один визит в Петербурге и 50 руб. за визит в пригородной резиденции.

Обращались к С.С. Кострицкому довольно часто. Из финансовых документов следует, «…что зубной врач Кострицкий пользовал Ея Величество три раза. Наследника Цесаревича четыре раза; Великую княжну Ольгу Николаевну три раза; Великую княжну Татьяну Николаевну один раз; Великую княжну Марию Николаевну пять раз и Великую княжну Анастасию Николаевну пять раз. 19 августа 1915 г.». За эту работу зубной врач получил из кассы Министерства двора 1300 руб., которые раскладывались на: путевые расходы (200 руб.); на приобретение

инструментов (400 руб.) и «вознаграждение за 21 визит» (700 руб.) [267]. Следовательно, один визит зубного врача оценивался примерно в 33 руб.

Отметим и то, что, несмотря на закупку стоматологического инструментария весной 1914 г. (400 руб.), летом 1915 г. врач вновь покупал инструменты. С чем это связано, трудно сказать. Вряд ли тогда эти инструменты использовались как одноразовые. «Собственные» – да, но не одноразовые. Возможно, закупка инструментов была связана с заболеванием наследника гемофилией и попыткой максимально обезопасить цесаревича от занесения инфекции.

В вышеприведенном документе очень важным является упоминание о том, что С.С. Кострицкий «пользовал» наследника цесаревича Алексея Николаевича *четыре раза*.Как известно, наследник был болен гемофилией и в 1912 г. едва не умер от последствий удара и внутреннего кровотечения. В этой ситуации неоднократное лечение зубов наследника было большой проблемой и риском для С.С. Кострицкого.

Вряд ли за четыре «пользования» врач поставил четыре пломбы. Вероятнее всего, над одной пломбой он работал несколько дней. При работе, конечно, использовались весьма несовершенные тогда бормашины, и малейшая ошибка врача могла привести к непредсказуемым последствиям.

Официальная фотография детей Николая II. Слева направо: Мария

(1899 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), Ольга (1895 г.р.), Алексей (1904 г.р.)

В качестве примера можно привести эпизод осени 1915 г., когда во время поездки на фронт у цесаревича порвался сосуд в носу. Его едва успели привезти в Царское Село, где сосуд прижгли, остановив кровотечение, которое в очередной раз едва не свело наследника в могилу. У С.С. Кострицкого таких накладок не было, и императрица Александра Федоровна очень его ценила.

Любопытно, что по сложившейся при Императорском дворе практике «стоматологические суммы», шедшие на гонорарные выплаты зубному врачу, «раскидывались» между царственными «клиентами» в той пропорции, в какой потребовалось зубоврачебное вмешательство. Проще говоря, великие княжны Мария и Анастасия Николаевны, с которыми доктор работал по пять раз, уплатили больше, чем их старшие сестры Ольга (три раза) и Татьяна (один раз). Александра Федоровна тоже платила за себя из своего кошелька. И это не мелочность – это традиция, уходящая корнями в XVIII в.

Например, в 1916 г. цесаревич Алексей уплатил из своих сумм «Зубному врачу Кострицкому за лечение и возмещение путевых расходов $^{1}/_{6}$часть – 116 руб. 66 коп.» [268]. Это означает, что врач в равной степени осмотрел всю семью, за исключением Николая II ($^{1}/_{6}$– т. е. всю сумму «разбросали» на шесть человек).

В декабре 1915 г. зубной врач С.С. Кострицкий заработал «на царях» еще 1000 руб. Тогда он проработал 4 дня – с 14 по 18 декабря 1915 г. Императрица Александра Федоровна писала мужу: «Завтра будет очень мало времени для писания, так как меня ожидает дантист… Я была целый час у дантиста… Сейчас я должна идти к дантисту… Он работает над моим зубом (фальшивым)… в 10.30. идти к дантисту… Дантист покончил со мной на этот раз, но зубная боль еще продолжается… я курю, потому, что болят зубы и – еще более лицевые нервы» [269].

В феврале 1916 г. С.С. Кострицкий вновь приехал из Ялты в Царское Село, получив за визит 700 руб. Причиной тому было очередное обострение у императрицы Александры Федоровны. 2 февраля 1916 г. Александра Федоровна писала царю: «…не спала всю ночь. Сильная боль в лице, опухоль. Послала за крымским другом… я одурела: всю ночь не спала от боли в щеке, которая распухла и вид имеет отвратительный. Вл. Ник. думает, что это от зуба, и вызвал по телефону нашего дантиста. Всю

ночь я держала компресс, меняла его, сидела в будуаре и курила, ходила взад и вперед… Боль не так сильна, как те сводящие с ума боли, какие у меня бывали, но мучит вполне достаточно и без перерыва, от 11 часу я устроила полный мрак, но без всякого результата, и голова начинает болеть, а сердце расширилось» [270].

Однако февральский визит не решил проблем, и С.С. Кострицкому пришлось в марте 1916 г. еще раз посетить Царское Село. Гонорар за работу был стандартный – 700 руб. О ритме работы врача говорят следующие данные: 13 марта 1916 г. Кострицкий выехал из Ялты, работал над зубами императрицы 16,17,18 марта. 19 марта зубной врач уехал в Ялту, куда прибыл 23 марта 1916 г. Его гонорар за эти 10 дней сложился из платы за поездку туда и обратно (200 руб.) и собственно гонорара за работу (500 руб.). Всего 700 руб.

В письме императрицы об этом стоматологическом эпизоде написано следующее: «Опять послала за бедным дантистом – у меня было столько различных докторов за последнее время, что, думаю, лучше придти и ему, осмотреть и, быть может переменить пломбу, так как возможно, что образовалось новое дупло. Чувствую себя совершенно одуревшей… Дантист выехал из Крыма сегодня вечером… Это от тройничного нерва в лице. Одна ветка идет к глазу, другая к верхней челюсти, третья к нижней, а главный узел находится около уха… Щеке и зубам гораздо лучше – сегодня вечером, левая челюсть все время выпадает, а глаза очень болят… после завтрака у меня будет дантист…Мне пора вставать и идти к дантисту. Он убивает мне нерв в моем последнем зубе справа, полагая, что это успокоит остальные нервы, потому что для самого зуба совсем не требуется удаление нерва. Он очень расстроен моими болями. Голова и глаза продолжают болеть…» [271].

В этой цитате есть важное упоминание, показывающее, что работы с императрицей у С.С. Кострицкого было действительно много. Александра Федоровна упоминает, что у нее все время выпадает «левая челюсть». Вероятнее всего, так она именовала мост. Под последним зубом справа, она, видимо, имела в виду крайний зуб, тот, что называется «восьмеркой».

В июне 1916 г. Кострицкий пробыл в Царском Селе 14 дней, получив за этот визит 1500 руб. При этом деньги платили из стандартного расчета – по 100 руб. в день за работу и по 100 руб. за материалы. Во время этого визита «Кострицкий пользовал почти исключительно Ея Императорское Величество Александру Федоровну и лишь самое незначительное время посвятил пользованию августейших детей» [272].

Императрица писала тогда Николаю II: «…Зубной врач пришел и скоро начнет меня мучить… Сейчас зубной врач начнет меня терзать… Меня ежедневно терзает зубной врач и от этого у меня сильно болит щека… послала за зубным врачом (в третий раз за один день), чтобы вынуть пломбу, больно, – видишь ли, воспаление надкостницы очень затрудняет лечение… Зубной врач мучает меня ежедневно: лечение очень медленно продвигается из-за воспаления надкостницы… Должна принять многих, а также Кострицкого… потом на час придет зубной врач… после него опять зубной врач на 1 час 30 мин. От 5 до 7 у меня был зубной врач и сегодня жду его опять… Ежедневные посещения зубного врача способны довести до безумия – надеюсь завтра покончить с ним… Наконец сегодня вечером я заканчиваю лечение зубов» [273]. В этом эпизоде обращает на себя продолжительность всего эпизода лечения – две недели и продолжительность каждого сеанса – по полтора, два часа. Если считать все упоминания в письмах по дням, то получится около 20 часов работы зубного врача.

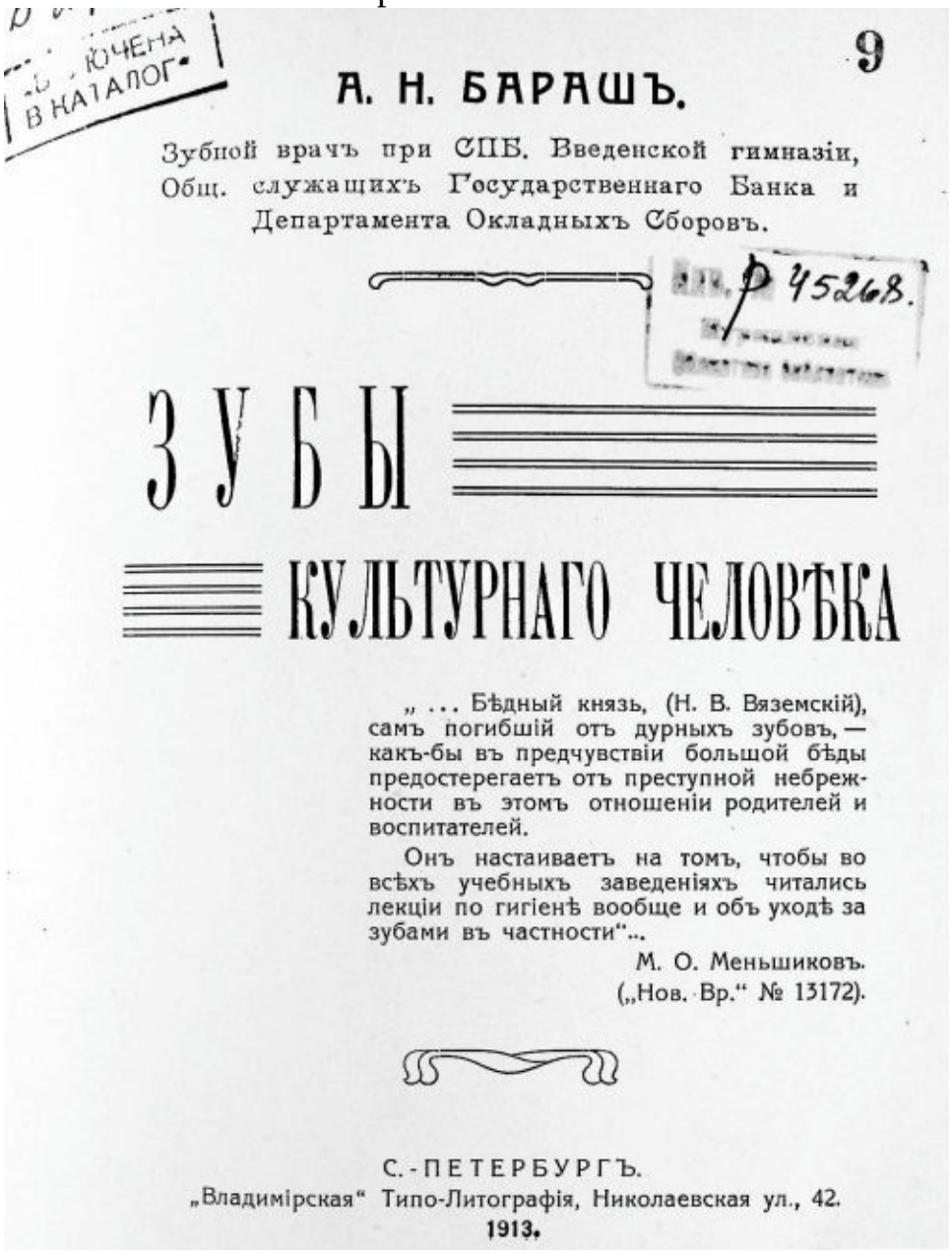
Говоря о зубоврачебной помощи семье Николая II, упомянем еще о нескольких эпизодах, косвенно связанных с этой темой. Мы уже упоминали о «стоматологических подношениях» Александру II в виде зубного порошка и зубного эликсира. Были такие подарки и семье Николая II. Видимо, в среде зубных врачей было известно, что императрица часто обращается к их профессиональной помощи, поэтому некоторые из них пошли по проторенной дороге, обращаясь с просьбой принять в дар разработанные ими зубные порошки, эликсиры и даже книги.

Например, весной 1913 г. зубной врач А. Бараш обратился в Канцелярию императрицы с просьбой принять от него в дар несколько экземпляров книги «Зубы культурного человека». При этом стоматолог именовал себя «учредителем и заведующим зубной лечебницей, состоящим при Санкт-Петербургской гимназии Императора Петра I, Общества служащих Государственного Банка и департамента Окладных сборов» [274].

Книги предназначались самой императрице, наследнику и всем великим княжнам. В прошении, конечно, указывалось о чувствах «беспредельной любви и привязанности. Принятием моей книжки Царская Семья бесконечно осчастливит меня».

Получив это прошение, Канцелярия императрицы запустила стандартные механизмы по всесторонней проверке просителя. Последовал запрос к Санкт-Петербургскому градоначальнику с просьбой о сборе «конфиденциальных сведений о личности, происхождении, семейном и

имущественном положении» Бараша.

ВКЛЮЧЕНА В КАТАЛОГ

А. Н. БАРАШЪ.

Зубной врачъ при СПБ. Введенской гимназіи, Общ. служащихъ Государственнаго Банка и Департамента Окладныхъ Сборовъ.

Инв. № 45268.

ЗУБЫ КУЛЬТУРНАГО ЧЕЛОВѢКА

„ ... Бѣдный князь, (Н. В. Вяземскій), самъ погибшій отъ дурныхъ зубовъ, — какъ-бы въ предчувствіи большой бѣды предостерегаетъ отъ преступной небрежности въ этомъ отношеніи родителей и воспитателей.

Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ читались лекціи по гигіенѣ вообще и объ уходѣ за зубами въ частности“...

М. О. Меньшиковъ.
(„Нов. Вр.“ № 13172).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Владимірская“ Типо-Литографія, Николаевская ул., 42.
1913.

Обложка книги А.Н. Бараша с экслибрисом великой княжны Марии Николаевны

Через некоторое время ответ был получен. В нем сообщалось, что «по собранным сведениям, дантист, сын купца г. Бобруйска Александр-Исай Нахимович Бараш 30 лет от роду, иудейского вероисповедания, женат, имеет малолетнего сына, поведения и образа жизни хороших и неблагоприятных в политическом отношении сведений о нем, а также о судимости его, в делах управления моего не имеется. Занимается

зубоврачебной практикой, недвижимым имуществом не владеет…».

Из Государственного банка также подтвердили, что «зубной врач Александр Бараш, согласно его предложению и заключенному с ним частному условию, пользует с июля 1911 г. чинов ведомства Государственного банка…».

После указанной проверки 2 августа 1913 г. прошение Бараша доложили императрице, сопроводив его пятью экземплярами книги. Естественно, зубному врачу сообщили о принятии его дара.

После этого зубной врач делает предсказуемый ход – выходит второе издание книги «Зубы культурного человека», в котором указывается, что «за поднесение» ее «Наследнику Цесаревичу и августейшим дочерям Их Императорских Величеств автор удостоился Всемилостивейшей благодарности от Августейшего имени Их Императорских Величеств». Надо сказать, что подобная «рекламная деятельность» жестко пресекалась Министерством Императорского двора, поэтому автору предписали убрать эту рекламную информацию.

Теперь вновь вернемся к С.С. Кострицкому. За месяц до Февральской революции 1917 г. С.С. Кострицкий приехал из Ялты в Царское Село в последний раз. Николай II записал в своем дневнике о своих встречах с зубным врачом с 3 по 7 января. Это первое упоминание о стоматологических проблемах царя в опубликованных письмах и мемуарах: «После завтрака просидел полтора часа наверху у зубного врача Кострицкого, приехавшего из Ялты… После завтрака был у Кострицкого долго… От 2 до 3.30 сидел у Кострицкого» [275]. Царь был крайне педантичен в своих записях. Иногда он мог зачеркнуть указанное время какой-либо встречи и рядом вписать новые цифры с исправлением на 5-10 минут. Поэтому мы можем точно указать, что в январе 1917 г. Николай II пять раз был на приеме у зубного врача, и каждая процедура продолжалась в среднем 1,5 часа. В январе 1917 г. Николаю II шел 49-й год.

Как ни странно, но в январе 1917 г. царь сблизился со своим зубным врачом. В это тяжелое для него время Николай II искал вокруг себя простых, нормальных человеческих отношений. Один из руководителей охраны царя полковник А.И. Спиридович вспоминал, что «Государь любил заходить побеседовать к зубному врачу С.С. Кострицкому… Простота, правдивость и искренность Сергея Сергеевича нравились Государю». Они говорили «о литературе, о людях, о событиях. О многих приближенных говорил с ним Государь откровенно, зная, что собеседник сумеет сохранить в тайне, что следует. По часу, по два просиживал Государь у Кострицкого…

и уходил морально отдохнувшим» [276].

Хотелось бы подчеркнуть, что эти упомянутые мемуаристом два часа разговоров с зубным врачом дорогого стоили при постоянном цейтноте «царской работы». И все это на фоне войны (с августа 1915 г. Николай II занимал пост Верховного главнокомандующего русской армии) и нараставшего экономического и политического кризиса.

Более того, именно через С.С. Кострицкого Николай II пытался зондировать «общественное мнение». Это касалось ситуации, связанной с настойчивыми предложениями оппозиции о создании «ответственного министерства», куда, естественно, должны были войти все лидеры оппозиции. А.И. Спиридович упоминает о разговорах царя с Кострицким по этому вопросу: «Вот какой произошел у Государя в том месяце разговор по этому поводу с приехавшим по вызову Его Величества из Ялты в Царское Село личным зубным врачом Е.В., Сергеем Сергеевичем Кострицким.

Зная, что Кострицкий объехал много городов, побывав даже на Кавказе, куда его вызывал Вел. Кн. Николай Николаевич, Государь, любивший приходить в кабинет Кострицкого (оборудованный во дворце) и беседовать с ним, спросил его однажды:

– Что нового, как настроение в стране?

Кострицкий извинился, что будет откровенен и затронет вопросы, которые его по профессии не касаются, рассказал Государю о всеобщей тревоге, о многих непорядках и затруднениях в тылу. Он высказал предположение, что, может быть, дарование ответственного министерства, о котором все говорят, и внесло бы успокоение в общество, и принесло бы пользу стране.

Государь помолчал и сказал:

– Это выгодно.

Кострицкий не понял, удивился. Заметив его удивление, Государь пояснил, что это, конечно, было бы очень выгодно для него (Государя) лично, так как сняло бы с него много ответственности. Он заметил, что даровать во время войны ответственное министерство он не находит возможным.

– Сейчас это неблагоприятно отразится на фронте. А вот через три, четыре месяца, когда мы победим, когда окончится война, тогда это будет возможно. Тогда народ примет реформу с благодарностью… Сейчас же все должно делаться только для фронта.

И не раз в те дни Государь говорил с Кострицким об ответственном министерстве и не раз утверждал, что даст его стране, но только по

окончании войны.

– Вот закончим войну, там примемся и за реформы, – говорил Государь в те же дни другому лицу, – сейчас же надо думать только об армии и фронте» [277].

Все эта планы оказались неосуществленными, поскольку в конце февраля 1917 г. либеральная оппозиция сумела раскачать ситуацию в стране и вывести народ на улицы Петрограда. В результате 2 марта 1917 г. Николай II подписал отречение. Эти события получили название Февральской революции 1917 г.

После Февральской революции 1917 г., отречения Николая И, падения монархии почти все медики сохранили верность царю. В том числе и С.С. Кострицкий. В октябре 1917 г. он приезжал с разрешения Временного правительства в Тобольск, куда царскую семью вывезли в августе 1917 г. из Царского Села.

Митинг на Марсовом поле. Лето 1917 г. Петроград

Николай II писал в своем дневнике 17 октября 1917 года: «…Узнали о приезде Кострицкого из Крыма». Его приезд был вызван просьбой

Александры Федоровны. Комиссар Временного правительства В.С. Панкратов, проведший 14 лет в одиночке Шлиссельбургской крепости, писал в своих воспоминаниях о беседе с императрицей: «…Здравствуйте, господин комиссар, – отвечает она, – благодарю вас, здорова. Иногда болят зубы. Нельзя ли вызвать нашего зубного врача из Ялты…

– Он уже вызван. Временное Правительство разрешило ему приехать сюда».

Панкратов писал о своем впечатлении от знакомства с С.С. Кострицким. Пожалуй, это единственный взгляд на зубного врача «со стороны»: «Наконец приехал из Крыма зубной врач, который считался зубным лейб-медиком царской семьи… на меня он производил впечатление доброго открытого человека, именно человека, а не ремесленника, карьериста» [278].

Николай II упомянул в дневнике о визитах С.С. Кострицкого – 19, 21, 25, 26 октября 1917 г.: «…Перед завтраком посидел внизу у Кострицкого… До чая сидел у Кострицкого… Утром показывал Кострицкому все наши комнаты… От 10 до 11 часов утра сидел у Кострицкого. Вечером простился с ним, он уезжает в Крым» [279]. По терминологии Николая II «сидел» означало процесс лечения.

Остались крайне лаконичные записи о визите зубного врача и в дневнике императрицы Александры Федоровны. 17 октября: «Приехал дантист Кострицкий (из Крыма)»; 18 октября: «Повидала Кострицкого»; 19 октября: «11–12 [часов]. Дантист. [Знак сердца. – *Прим. авт.] V/* $_2$[часа]»; 21 октября: «1У $_2$[часа]. Дантист»; 22 октября: «1У $_2$[часа]. Дантист»; 23 октября: «Дантист»; 26 октября: «Дантист. Обедала с Бэби. Отдыхала и читала. Попрощалась с Кострицким, который уезжает в субботу утром».

Таким образом, С.С. Кострицкий работал с Александрой Федоровной пять раз. Записи императрицы крайне лаконичны. Из них можно только понять, что каждый сеанс продолжался не менее часа. Очень показателен рисунок сердца в дневнике («Знак сердца»). Это могло означать все что угодно. И то, что императрице стало плохо с сердцем во время первого сеанса работы над ее зубами. И то, что императрица душевно расположена к зубному врачу, ради нее приехавшему из Ялты в Тобольск (это Сибирь. – *Прим. авт.),*через всю страну, охваченную революционной анархией.

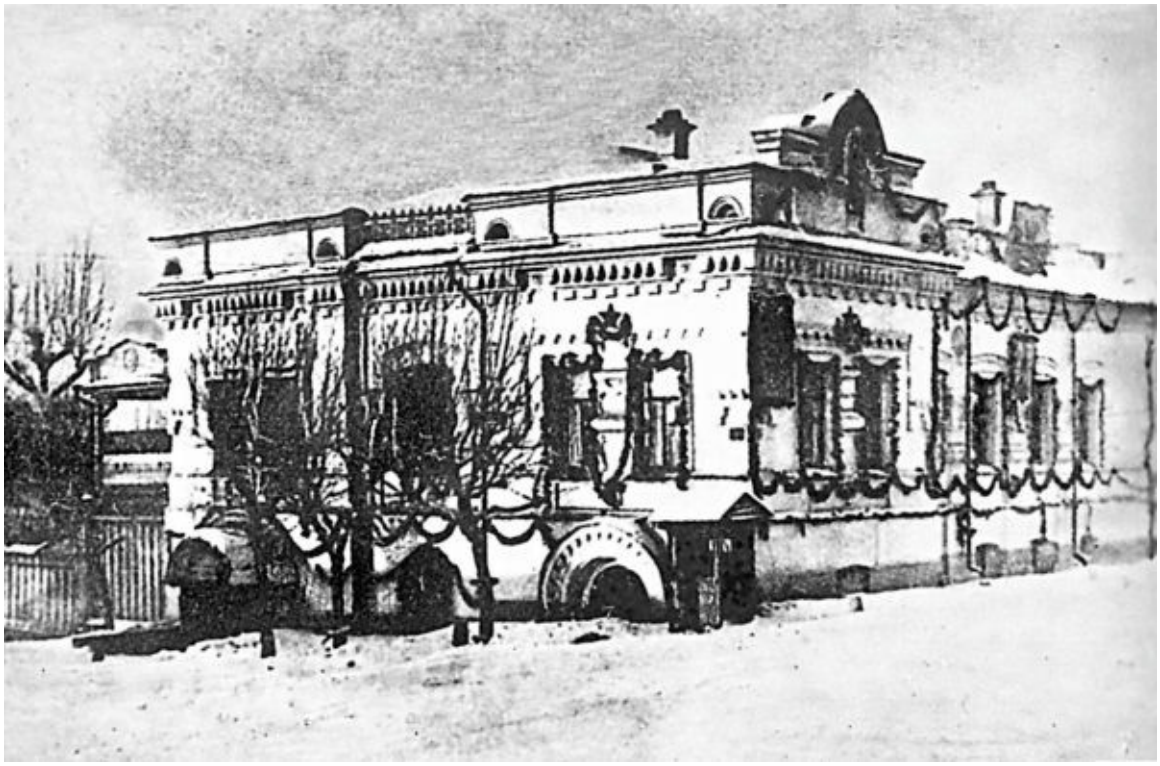
Примечательно, что через день после отъезда С.С. Кострицкого из Тобольска в дневнике Александры Федоровны появилась примечательная запись: «28 октября 1917 г. 2-я революция. Врем<енное> прав<ителъство> смещено. Большевики с Лениным и Троцким во главе. Разместились в

Смольном. Зимний дворец сильно поврежден».

Об этом визите С.С. Кострицкого в октябре 1917 года упоминал и П. Жильяр – воспитатель и гувернер цесаревича Алексея Николаевича. Он записал в своем дневнике о том, что через С.С. Кострицкого, у которого установились хорошие личные отношения с комиссаром Временного правительства, царская семья пыталась решать мелкие бытовые проблемы. Через зубного врача Николай II и Александра Федоровна поддерживали отношения со своими родственниками, находившимися в Крыму.

Императрица Мария Федоровна, жившая в это время в Крыму, осторожно упоминала в письме к Николаю II (27 ноября 1917 г.) о том, что вся корреспонденция, переданная через зубного врача, благополучно доставлена в Крым [280]: «Никита [281]был у дантиста К., только от него слышала о вас немного. Радуюсь, что у бедной Алике не болят зубы и что он окончил свою работу» [282].

В дневнике Николая II упоминается, что кроме С.С. Кострицкого в Томске царя осматривала дантист Мария Лазаревна Рендель. Ее визиты состоялись 10, 11, 15, 17 и 24 декабря 1917 г. [283]В дневнике Александры Федоровны об этих визитах не упоминается вообще. В дневнике царя 10 декабря 1917 г. имеется следующая запись: «До завтрака сидел у зубного врача г-жи Рендль»; 11 декабря: «После завтрака снова сидел полчаса у той же Рендль»; 15 декабря: «После завтрака сидел у дантистки»; 17 декабря: «До завтрака сидел у дантистки»; 24 декабря: «Утром сидел полчаса у дантистки». Какой характер носило лечение, ставились ли пломбы – неизвестно. К сожалению, расшифровать царское – «сидел у дантистки» не представляется возможным.

Ипатьевский дом в Екатеринбурге

В июле 1918 г. царская семья вместе со слугами (всего 11 чел.) была расстреляна большевиками в Екатеринбурге в подвале дома инженера Ипатьева…

Посмертная экспертиза

История поиска и обнаружения останков семьи Николая II общеизвестна. После того как останки царской семьи в 1991 г. извлекли из-под мостика из шпал на Коптяковской дороге в Поросенковом логе под Екатеринбургом (тогда Свердловском), встала проблема их научной идентификации. Частью этой работы должна была стать полноценная стоматологическая экспертиза.

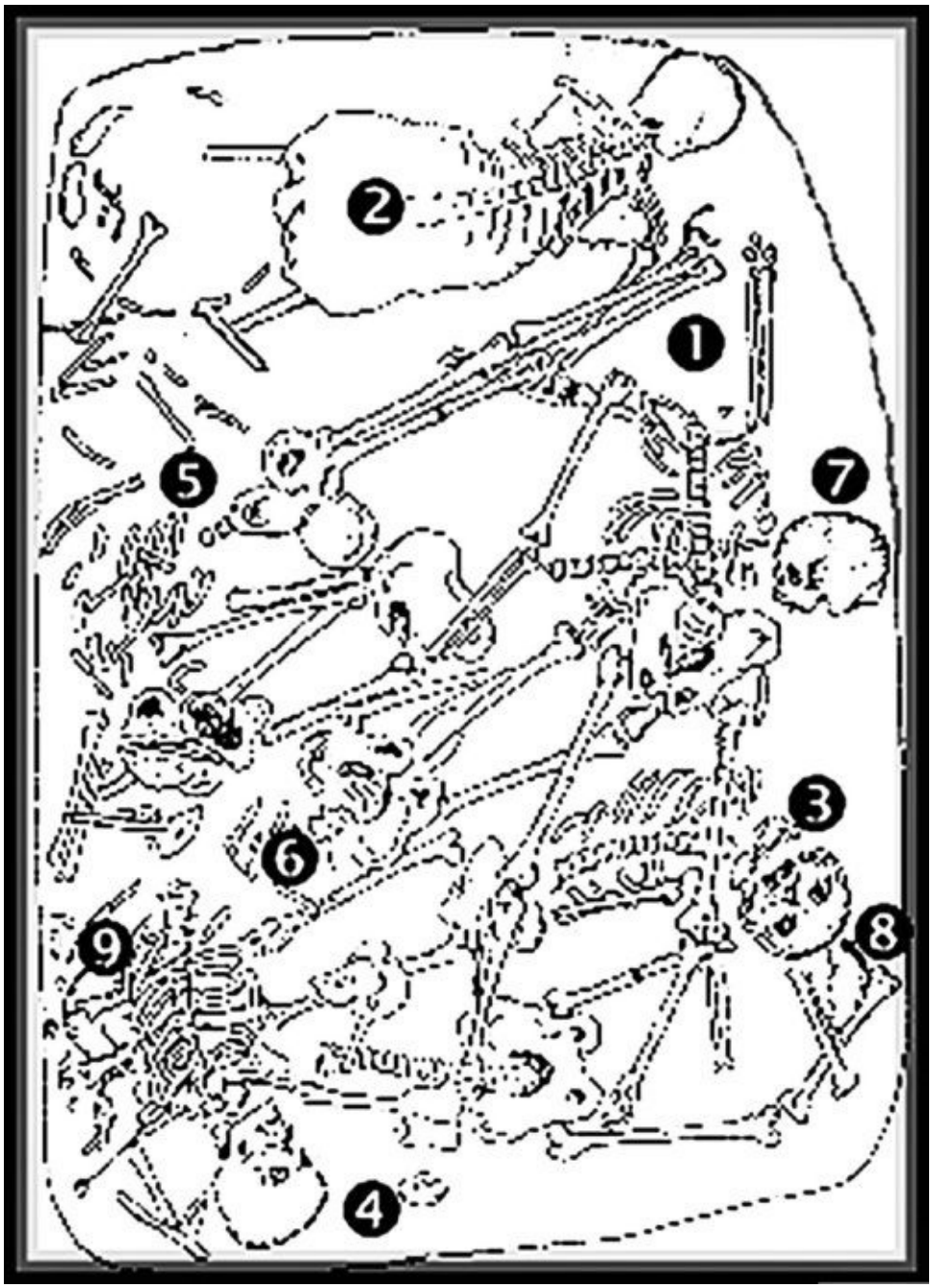

Схема останков императорской семьи

Для проведения экспертизы привлекли специалистов по судебной медицине с их огромным опытом идентификации останков по особенностям зубной полости погибшего. Черепа, извлеченные из Ганиной ямы, должны были стать основой для соответствующего исследования.

Естественно, исследователи обратились к «истории вопроса». Выяснилось, что дантист семьи Николая II – С.С. Кострицкий – не только

уцелел в буре Гражданской войны в России, но и вывез в Европу свой архив. По крайней мере так утверждается в многочисленных публикациях, хотя материалы упомянутого архива никто не видел.

Выяснилось, что в 1920-х гг., когда Романовы и различные шарлатаны вроде известной «Лже-Анастасии» начали борьбу за «царские деньги», они привлекали и С.С. Кострицкого, который удостоверил, что пломбы на зубах «Лже-Анастасии» не его работы: «Доктор Кострицкий, дантист Императорской Семьи, письменно засвидетельствовал, что зубы госпожи Чайковской, слепок с которых, изготовленный нашим семейным дантистом в 1927 году, мы ему переслали, не имеют ничего общего с зубами Великой княжны Анастасии Николаевны».

Попутно упомянем, что С.С. Кострицкий был в числе тех, что в ноябре 1920 г., буквально в последний момент, сумел эвакуироваться из Крыма в Константинополь. С одной стороны, весьма сомнительно, что в хаосе эвакуации дантист сумел вывезти какой-либо архив. А с другой стороны, имеется прецедент, когда подруга императрицы Александры Федоровны А.А. Вырубова, бежав из Советской России в Финляндию по льду Финского залива, сумела вынести семь альбомов с фотографиями царской семьи, которые выставлены сейчас на сайте Йельского университета.

В Константинополе С.С. Кострицкий открыл зубоврачебный кабинет. В то время, когда блестящие гвардейские офицеры грузили уголь в порту Стамбула, а аристократки шли на панель, профессия продолжала кормить зубного врача. Затем С.С. Кострицкий, как очень многие эмигранты, переехал во Францию и жил в г. Медоне, где опять открыл зубоврачебный кабинет. Более того, С.С. Кострицкий занялся бизнесом в своей профессиональной нише. В Париже на средства Ф.И. Шаляпина и С.В. Рахманинова он открыл лабораторию по производству паст и зубных эликсиров для борьбы с пародонтозом. «Эликсир Кострицкого» производился во Франции вплоть до конца 1990-х гг. Лаборатория существовала до 1995 г. Сам же С.С. Кострицкий умер в 1944 г. в Париже. Его похоронили на одном из кладбищ города Бордо (департамент Савойя) [284].

Так или иначе, в 1990-х гг. было проведено стоматологическое исследование останков 9 человек. Исследованиями состояния зубочелюстной системы занимались петербургские специалисты: проф. В.Л. Попов, проф. В.И. Трезубов, проф. В.И. Балин, к.м.н. А.В. Ковалев.

Результаты исследования оказались противоречивыми. С одной стороны, к этому времени стали известны материалы, доказывавшие, что зубоврачебная помощь царской семье оказывалась на высоком для своего

времени уровне. Это заключение подтвердила часть экспертов: «Экспертами отдельно было отмечено наличие признаков системного поражения кариесом зубов на скелетах №№ 3, 5, 6 и 7 со следами тщательного и высококвалифицированного лечения». Эксперты установили, что скелет № 4 принадлежал Романову Николаю Александровичу; скелет № 7 – Романовой Александре Федоровне; скелет № 3 – Романовой Ольге Николаевне; скелет № 5 – Романовой Татьяне Николаевне; скелет № 6 – Романовой Анастасии Николаевне.

Эксперт С. Никитин демонстрирует методику наложения на череп Николая II скульптурного пластилина

С другой стороны, судебно-стоматологическое исследование, проведенное профессором В.Л. Поповым с коллегами, показало, что:

«Стоматологический статус людей, которым принадлежат останки № № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 9, позволяет осуществить их отождествление при предъявлении медицинских документов о прижизненном состоянии их зубов.

Женщины, которым принадлежат останки №№ 3, 5, 6 и 7, объединены кровным родством, имели высокий социальный статус, пользовались постоянной высококвалифицированной стоматологической помощью, в течение некоторого времени до смерти (возможно – месяцы) были лишены такой помощи.

Женщина, которой принадлежат останки № 1, получала зубоврачебную помощь невысокого качества.

Найдены два верхних 7-х зуба, принадлежащих подростку 1-16 лет, которые не могут принадлежать останкам №№ 1–9».

Также в экспертизе с 1993 г. принимали участие специалисты США. Например, в работе следствия принимал участие известный американский антрополог, профессор Мейплз (кроме него в экспертизе принимали участие Л. Левин, М. Баден, К. Оукс, А. Меламуд, В. Гамильтон из США). Он в своем заключении касательно черепа императора отмечал: «Челюсть и немногие уцелевшие зубы демонстрируют признаки серьезных пародонтальных заболеваний. На этих зубах *нет никаких следов лечения или пломбирования*(курсив наш. – *Прим. авт.);*они буквально испещрены кариесными впадинами и съедены почти до самых десен. Подобное состояние челюсти, на которой налицо все признаки пародонтальных заболеваний, и состояние самих зубов свидетельствует о том, что в таком виде они находились долгие годы при жизни императора, не получая никакого лечения» [285]. Заявление профессора трудно комментировать, поскольку внятных фотографий костных останков (черепа) Николая II не публиковалось.

Подобные мнения среди специалистов положили начало дискуссии о подлинности царских останков. Одна часть специалистов высказывалась в пользу признания подлинности останков. Другая группа специалистов исходила из того, что найденные останки не имеют никакого отношения к расстрелянной семье Николая II.

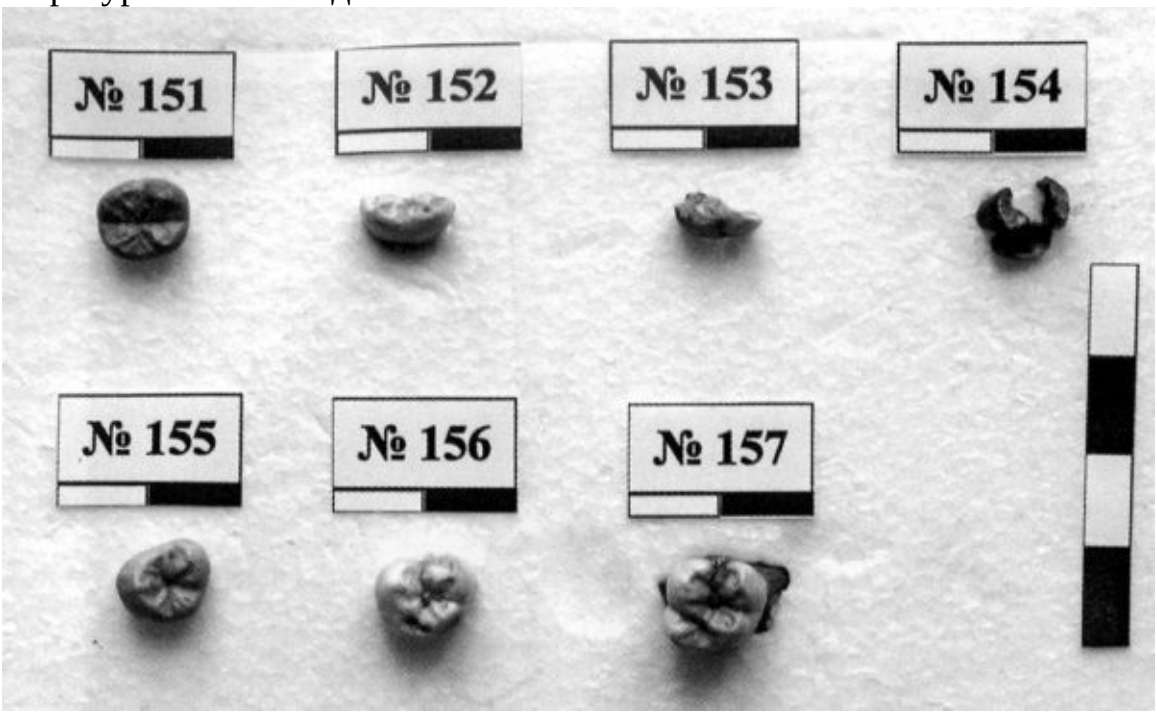
В литературе упоминается, без всяких ссылок на источники, что дантист М.Л. Рендель, которая осматривала зубы царя в Тобольске, оставила сыну некие записи по состоянию зубов Николая II. Заметим, что эти записи (насколько известно авторам) не публиковались. Кроме этого, зубоврачебной карты Николая II никогда не существовало, поскольку истории болезни в ее современном понимании в Придворной медицинской части не вели.

После того как летом 2007 г. обнаружили останки цесаревича Алексея и великой княжны Марии Николаевны, также провели экспертизу костных

останков [286]. Отметим, что общая масса костных останков не превышала 100 граммов. Для нас важно, что среди них имелись зубы со следами стоматологического вмешательства. Важно и то, что фотографии этих зубов были опубликованы. Эксперт установил, что царевичу Алексею принадлежали четыре зуба, приведенные на фотографии под № 152, № 155–157. Великой княжне Марии Николаевне три зуба – № 151, 153,154.

На двух молярах (объекты № 156 и № 157 – зубы цесаревича Алексея) выявлены следы врачебного вмешательства по поводу кариеса в виде трех амальгамных пломб. Основными металлами пломб является серебро и ртуть, а примесными – медь, железо и олово [287]. Поскольку тела убитых сжигались и обливались серной кислотой, то в зубе № 155 пломба вытекла.

Далее в экспертизе указано (мы берем данные только по зубам. – *Прим. авт.):*«По данным инфракрасной спектрофотометрии, объекты… № 152 (цемент), 156 (эмаль), 157 (цемент), 157 (эмаль) подвергались сожжению при температуре около 300–35 °С… При этом объекты… № 156 (эмаль) испытали также действие кислотной среды, вызвавшей изменения неорганического состава кости. Наличие ртути в амальгамовых пломбах объектов № 156 и № 157 является дополнительным свидетельством о температуре сжигания данных объектов ниже 35 °С.

Исследовав зубы и их фрагменты, эксперты пришли к выводу, что они принадлежали двум лицам молодого возраста европеоидной расы, и с

точностью указали их возраст

Эмаль зубов объектов № 151, 152, 153, 154, 155, судя по ИК-спектрам, подвергалась воздействию температуры около 350–40 °С длительностью не более 2–3 часов. Признаки воздействия кислотных факторов различной продолжительности имели место на эмали объектов № 151,153 и 154 и отсутствовали на эмали коронок зубов объектов № 152 и 155» [288].

Авторы не ставят задачу установления истины в вопросе о подлинности царских останков. Мы просто акцентируем внимание читателей на упомянутых противоречиях. Добавим, что исследования останков великой княжны Марии и цесаревича Алексея, выполненные после 2007 г., подтвердили подлинность всего комплекса останков. Утверждения оппонентов о том, что под Екатеринбургом большевики расстреляли семью-двойника, не выдерживают никакой критики и граничат с бредом, тем более что один из авторов много лет занимался историей организации охраны царской семьи [289].

Интерес к судьбе последней императорской семьи не угасает, несмотря на то что опубликованы десятки книг, посвященных этой теме. Например, выставка «Гибель семьи императора Николая II. Следствие длиною в век», проведенная в июне 2012 г. в выставочном зале ГАРФ, вызвала большой резонанс. Отметим, что на этой выставке имелась и стоматологическая составляющая в виде найденных зубов великой княжны Марии и цесаревича Алексея. Там же была представлена и вставная челюсть лейб-медика Е.С. Боткина, расстрелянного вместе с царской семьей.

Заключение

Судьбы первых лиц всегда привлекали и будут привлекать к себе внимание. Пишутся книги, снимаются документальные и художественные фильмы. Все это формирует некие мифы, весьма далекие от исторических реалий. Авторы настоящей книги попытались коснуться биографии своих героев через призму истории зубоврачевания. Надеемся, что такой взгляд привнесет новые грани в формирование наших представлений о людях, определявших историю нашей страны.

Приложения

Приложение 1

Зубные врачи российских монархов (XIX – начало XX в.)
Таблица

Император (годы правления)	Штатные зубные врачи (дантисты)	Сверхштатные зубные врачи (дантисты)	Почетные зубные врачи (дантисты)
Александр I (1801–1825)	*Карл Август Сосерот* 1806–1820 гг. Коллежский асессор (1807 г.)	*Иван Петрович (Жан Баптист) Деспин* 1816–1820 гг.	–
	Иван Петрович (Жан Баптист) Деспин 1820–1826 гг. С 1826 по 1831 гг. надворный советник (1828 г.)		
	Фонци 1823–1831 гг.		

Император (годы правления)	Штатные зубные врачи (дантисты)	Сверхштатные зубные врачи (дантисты)	Почетные зубные врачи (дантисты)
Николай I (1825–1855)	*Николай Августович Сосерот.* 1826—1839 гг. Коллежский асессор (1826 г.). Надворный советник (1836 г.).	*Генрих Жоли.* 1829–1837 гг. 1838–1841 гг. в отпуске С 1841 г. в отпуске за границей бессрочно (по 1855 г.). Орден. Св. Станислава III степени	*Иван Севастьянович (Иоганн) Бейлембург* с 1836 г. по 1839 г. Коллежский асессор (1839 г.)
	Иван Севастьянович (Иоганн) Бейлембург 1839—1855 гг. Губернский секретарь (1851 г.)	*Яков Осипович (Джеймс) Мурфий* С 1851 по 1855 г.	*Александр Христофорович Лемлейн.* с 1837 г. Орден Св. Станислава IV степени
			Дантист Бревстер с 1844 г.
			Самуил Берндт Вагенгейм с 1844 г.
			Давид Валленштейн с 1851 г.
Александр II (1855–1881)	*Иван Севастьянович (Иоганн) Бейлембург* 1855–1858 гг. Губернский секретарь (1851 г.). Коллежский секретарь (1856 г.)	*Яков Осипович (Джеймс) Мурфий* С 1855 по 1881 г. Губернский секретарь (1867 г.). Коллежский секретарь (1870 г.). Титулярный советник (1875 г.).	*Василий Амбургер* с 1856 г.

Александр II (1855–1881)	*Генрих Фридрих Вильгельм Фриков* 1858–1872 гг. Губернский секретарь (1870 г.)	*Яков Осипович (Джеймс) Мурфий* С 1855 по 1881 г. Губернский секретарь (1867 г.) Коллежский секретарь (1870 г.). Титулярный советник (1875 г.).	*Антон Нейман* с 1857 г.
	Карл Леопольдович Вагенгейм 1872-1881 Коллежский регистратор (1869 г.) Губернский секретарь (1874 г.) Титулярный советник (1879 г.)	*Жорж де Марини* 1874–1875 гг.	*Жорж де Марини* С 1875 по 1888 г.
		Александр Васильевич Топоров 1880—1881 гг. Коллежский секретарь	
Александр III (1881–1994)	*Карл Леопольдович Вагенгейм* 1881–1888 гг. Коллежский регистратор (1869 г.). Губернский секретарь (1874 г.). Титулярный советник (1879 г.)	*Яков Осипович (Джеймс) Мурфий* С 1881 по 1888 г. Губернский секретарь (1867 г.) Коллежский секретарь (1870 г.) Титулярный советник (1875 г.)	*Генрих Верне Воллисон* 1896–1898 гг.

	Жорж Шарль де Марини Дантист Его Императорского Величества 1888–1894 гг.	*Александр Васильевич Топоров* 1881–1882 гг. Коллежский секретарь	*Генрих Верне Воллисон* 1896–1898 гг.
Николай II (1994–1917)	*Жорж Шарль де Марини* Дантист Его Императорского Величества 1894–1898 гг.	–	*Генрих Верне Воллисон* 1914–1917 гг.
	Генрих Верне Воллисон Дантист Их Императорских Величеств 1898–1914 гг. Коллежский регистратор (1900 г.). Коллежский секретарь (1901 г.)		
	Сергей Сергеевич Кострицкий 1914–1917 гг.		

Составлено авторами по материалам: «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи» за соответствующие годы.

Приложение 2

«Список медицинским чинам, имеющим ограниченное право на производство врачебной практики». Российский медицинский список. СПб., 1812 г.

Таблица

Звание	Чин	Ф. И. О.
Дентист	Колл. асессор	Ашер Яков Брамсон Григорий Вагенгейм Карл Гартвиг Карл Гофман Николай Доссарг Петр Жоли Жан Кони Иосиф Кон Леви Левестам Матвей Лероа Дютель Антон Лефевр Лудовик Лузгин Илья Парис Иосиф Пешмега Луи Ренгарт Иоган Ремберг Густав Сейла Джон Пьер Серро Иоганн Якоб Йозеф Сосерот Карл Август Сосерот Иосиф Франк Фридрих Вильгельм Шлезингер Самуил Иосиф Шнейдер Венделин

Приложение 3

Зубные врачи и дантисты в Российской империив 1905,1910 гг.
Таблица

Регионы	Зубные врачи		Дантисты	
	1905 г.	1910 г.	1905 г.	1910 г.
Неземские губернии	125	426	548	784
Привисленские губернии	108	305	231	433
Остзейские губернии	32	137	110	178
Область Войска Донского	26	80	21	29
Земские губернии	598	1688	995	1342
Итого в Европейской России	889	2636	1905	2766
На Кавказе	82	228	87	102
В Сибири	20	117	27	42
В Средней Азии	7	47	15	28
Итого в Азиатской России	109	329	129	172
Всего в Империи	**998**	**3028**	**2034**	**2938**

Приложение 4

Зубные врачи и дантисты в Российской империи1911,1912,1914 гг.
Таблица

Регионы	Зубные врачи			Дантисты		
	1911 г.	1912 г.	1914 г.	1911 г.	1912 г.	1914 г.
В северном районе	13	21	—	9	8	—
Приозерном районе	486	540	—	432	383	—
В Московском промышленном районе	498	597	—	258	457	—
Центральном земельном районе	130	175	—	116	112	—
Средневолжский район	152	189	—	95	97	—
Приуральский район	60	71	—	60	54	—
Нижневолжский район	62	81	—	62	53	—
Малороссийский район	167	199	—	101	105	—
Юго-Западный район	172	201	—	193	224	—
Новороссийский район	554	643	—	288	300	—
В Белорусском районе	102	145	—	276	260	—
В Литовском районе	79	109	—	236	224	—
В Остзейских губерниях	141	153	—	207	202	—

Итого в 50 губерниях Европейской России	**2615**	**3124**	—	**233**	**2479**	—
В Привисл. губ	362	450	—	450	453	—
Итого в Европейской России	**2977**	**3574**	**4078**	**2783**	**2932**	**2087**
На Кавказе	243	295	356	128	129	80
В Сибири	150	179	177	144	40	22
Итого в Средней Азии	**63**	**65**	**95**	**29**	**24**	**27**
Итого в Азиатской России	**456**	**539**	**628**	**201**	**193**	**129**
Всего в Империи	**3433**	**4113**	**4706**	**2984**	**3125**	**2216**

notes

Примечания

1

*Сорокина Т.С.*История медицины. М., 2004. С. 17.

2

Valvin E. Ring Dentistry. An illustrated history. NewYork: Abrams, 1985. P. 140.

3

Так, до настоящего времени в восточных регионах сохранилась традиция, когда молодые люди из состоятельных семей с хорошими зубами закрывают зубы золотыми коронками, демонстрируя тем самым статус и богатство семьи.

4

*Valvin E.*Ring Dentistry. An illustrated history. NewYork: Abrams, 1985. P. 18.

5

*Пареньков ДА.*Зубы как символ социального статуса // История стоматологии. II Всерос. конф. М., 2008. С. 130–132.

6

Используемые профессиональные термины (например, «дантисты», «стоматологи»), конечно, не имеют никакого отношения к реально существовавшей терминологии во времена указанной династии.

7

Мушкенум – в Вавилоне обычно царский служащий низшей категории, получавший в условное владение от царя земельный участок.

8

Эти параграфы фактически повторяют древнееврейскую норму талионного права: «Око за око, зуб за зуб».

9

*Valvin E.*Ring Dentistry. An illustrated history. NewYork: Abrams, 1985. P. 27.

10

Мастаба (араб, «скамья») – гробница в Древнем Египте периода Раннего и Древнего царств, имевшая форму усеченной пирамиды с подземной погребальной камерой и несколькими помещениями внутри, стены которых покрывались рельефами и росписями.

11

*Сорокина Т.С.*История медицины. М., 2004. С. 78.

12

Раскопки в Фивах египтолога Г. Эберса в 1873 г.

13

*Сорокина Т.С.*История медицины. М., 2004. С. 78.

14

*Сорокина Т.С.*История медицины. М., 2004. С. 79.

15

Там же.

16

*Марченко Ю.Ф.*Загадки палеовизита. Египет, Индия, Корея. М., 2002. С. 213. Именно этот автор считает, что во времена IV династии фараоны общались со своими подданными «на русском языке».

17

В специальной литературе упоминается 116 точек.

18

Сегунат – военно-феодальная система правления в Японии, при которой император выполнял сугубо церемониальные функции, а реальная власть принадлежала реальному правителю – сегуну.

19

Асклепий (в древнеримской мифологии – Эскулап) – в древнегреческой мифологии – бог медицины и врачевания.

20

Архиген – греческий врач. Родился в Сирии, с таким успехом лечил в Риме в царствование Траяна, что Ювенал дал его имени значение всякого великого врача. Из сочинений Архигена сохранились одни отрывки.

21

Вотивные предметы, или дары (от лат. Votivus – посвященный богам, votum – обет, желание), – различные вещи, приносимые в дар божеству по обету ради исцеления или исполнения какого-либо желания.

22

Еще в 285 г. н. э. римский император Диолектиан разделил Римскую империю на восточные и западные области. В 330 г. н. э. римский император Константин Великий сделал Византию официальной столицей восточных областей.

23

Наряду с прочими лекарственными травами трактат подробно описывает лечебное применение конопли, которая «растет, когда воздух не слишком горяч и не слишком холоден, и такова же ее природа, а ее семена содержат целебную силу, и здоровому человеку надлежит есть их в цельном виде, и они легки и полезны для желудка, ибо изгоняют из него слизь, и они легко перевариваются и уменьшают количество дурных жидкостей и усиливают благотворные жидкости. Но если коноплю будет есть человек с нездоровой головой и пустым мозгом, у него будет болеть голова. Тому же, чья голова здорова и мозг полон, она не причинит вреда. У того, кто тяжело болен, она вызовет боли в желудке. Тому же, кто умеренно болен, она не причинит вреда. Но тот, у кого простужен желудок, пусть выварит коноплю в воде и, отжав, завернет ее в тряпицу. И пусть положит на свой желудок, пока она не остыла, и это укрепит его и вернет ему здоровое состояние… Конопляный холст полезен для перевязывания язв и ран, ибо тепло в нем умеренное».

24

Книга «Аль-хави» («Всеобъемлющая книга по медицине») и 10-томная «Медицинская книга, посвященная Мансуру». Ар-Рази (латинизир. имя Разес) также составил наставления по сооружению больниц и выбору места для них, написал труды о значении специализации врачей («Один врач не может лечить все болезни»), о медицинской помощи и самопомощи для неимущего населения («Медицина для тех, у кого нет врача») и др. Он одним из первых начал применять вату при перевязках и кетгут при сшивании ран, описал специальный инструмент для извлечения инородных тел из глотки.

25

Среди других медицинских трактатов Авиценны упомянем: «Лекарственные средства» – в произведении подробно приведены роль сердца в возникновении и проявлении пневмы, особенности диагностики и лечения заболеваний сердца; «Удаление вреда от разных манипуляций посредством исправлений и предупреждений ошибок»; «О пользе и вреде вина»; «Поэма о медицине»; «Трактат о пульсе»; «Мероприятия для путешественников»; «Трактат о сексуальной силе», в котором описаны диагностика, профилактика и лечение сексуальных нарушений; «Трактат о уксусе и меде» – описаны приготовление и лечебное применение различных по составу смесей уксуса и меда; «Трактат о цикории»; «Кровеносные сосуды для кровопускания».

26

Из 2600 лекарственных средств, описанных в «Каноне», 1400 – растительного происхождения.

27

«Взять четыре семени лука-порея и два с половиной лука, замесить их с жиром козла до получения однородной пасты и сделать из нее пилюли весом в один монету. Сжечь одну пилюлю при покрытой голове пациента».

28

Цит. по: *Давыдова Т.В.*«Канон врачебной науки», как источник по истории зубоврачевания Среднего Востока // Материалы VI Все-рос. конф. «История стоматологии». М., 2012. С. 77–79.

29

Эпулис (наддесневик) – это доброкачественное опухолевидное разрастание, возникающее на альвеолярном отростке челюстей, чаще в области малых коренных зубов.

30

Реплантация зуба – это удаление зуба, например, с целью ликвидации хронического очага инфекции и последующее его внедрение в его альвеолу на прежнее место.

31

История развития бормашин. Электронная версия.

32

Цит. по: *Новик Д.И., Ильченко Д.В., Щербаков Д.В.*Ключ в зубоврачевании: инструмент или орудие? // Материалы VI Всерос. конф. «История стоматологии». М., 2012. С. 145–148.

33

Цит. по: *Румянцев РА., Щербаков Д.В.*Женщины-зубоврачеватели в различных эпохах и культурах // Материалы VI Всерос. конф. «История стоматологии». М., 2012. С. 174.

34

*Valvin E.*Ring Dentistry. An illustrated history. New-York: Abrams, 1985. P. 17.

35

*Valvin E.*Ring Dentistry. An illustrated history. New-York: Abrams, 1985. P. 19

36

*Valvin E.*Ring Dentistry. An illustrated history. New-York: Abrams, 1985. P. 21.

37

Имелись и «производственные причины» преждевременного истирания зубов. Так, этнографы описывают, что эскимосские женщины Гренландии, придавая коже добытых китов необходимую гибкость, жевали ее зубами, что со временем приводило к их полному истиранию.

38

Биофлавоноиды – это растительные фенольные соединения, встречающиеся преимущественно в растениях желтых и бесцветных оттенков, растворимые в воде «спутники» витамина С.

39

История развития бормашин. Электронная версия. Опубликовано в 2005 г.

40

Кюретаж пародонтальных карманов – стоматологическая процедура, применяемая при лечении десен. Пародонтальный карман – это небольшое углубление в виде щели, которое находится между краем десны и пришеечной частью зуба. В пародонтальном кармане постепенно скапливаются микроостатки пищи, поселяются микробы ит. д.

41

О преславный священномучениче Антиппо и скорый помощниче христианам в болезнех! Верую от всея души и помышления, яко дадеся тебе от Господа дар болящия исцеляти, недугующия врачевати и расслабленныя укрепляти. Сего ради к тебе, яко благодатному врачу болезней, аз, немощный, прибегаю и, твой досточтимый образ с благоговением лобызая, молюся: твоим предстательством у Царя Небесного испроси мне, болящему, исцеление от удручающия мя зубныя болезни: аще бо и недостоин есмь тебе, благостнейшего отца и приснаго заступника моего, но ты, быв подражатель человеколюбия Божия, сотвори мя достойна твоего заступления чрез мое обращение от злых дел к благому житию, уврачуй обильно дарованною тебе благодатию язвы и струпы души и тела моего, даруй ми здравие и спасение и во всем благое поспешение, да такое тихое и безмолвное житие пожив во всяком благочестии и чистоте, сподоблюся со всеми святыми славити Всесвятое Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. См.: *Пашков КА.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 13–14.

День памяти св. Антипы – 11 (24) апреля.

42

Мощи святого Ионы хранятся в Успенском соборе Московского Кремля. Дни памяти: 31 марта, 27 мая (перенесение мощей), 15 июня, 5 октября (московский святой).

43

*Скороходов Л.Я.*Краткий очерк истории русской медицины. Л., 1926.

44

Добродея-Евпраксия-Зоя, дочь Мстислава Владимировича и Христины Шведской, родилась в начале XII в. В летописи под 1122 г. сообщается: «Ведена Мстиславна в греки за царь». Греческим именем Евпраксия, что в переводе означает «добродеяние», называли русскую княжну в Византии, где при коронации ей дали второе имя – Зоя, которое означает «жизнь». См.: *Jlonapee X.*Русская княжна Евпраксия Мстиславна (XII в.) как вероятный автор медицинского сочинения // Сборники в честь А.И. Соболевского. СПб., 1905. С. 1–14.

45

Этот труд дошел до нас в неполном виде и хранится в библиотеке Медичи во Флоренции (Италия). Микрофильм рукописи, полученный в 1955 г. профессором Б.Д. Петровым, переведен и находится в Российской государственной библиотеке.

46

*Пушкарева НЛ.*Женщины Древней Руси. М., 1989. Электронная версия.

47

*Литаврин Г.Г.*Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. СПб., 1997.

48

Пит.: *Пашков КА.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 15–16.

49

Чемерица (от лат. Veratrum) – род растений из семейства Лилейные.

50

Александров Н.П.[и др.]. Народный лечебник. Секреты русских знахарей. СПб., 2009. С. 72–73.

51

Миронов С.П.[и др.]. Кремлевская медицина. М., 2000. С. 9.

52

Цит. по: *Панова ТД.*Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 51.

53

*Миронов С.П.*и др. Кремлевская медицина. М., 2000. С. 10.

54

Ральф Стендиш (ок. 1522–1559) поступил в Кембриджский университет в 1542 г. В 1543 г. получил степень бакалавра, в 1547 г. – магистра. В 1553 г. был аттестован на степень доктора медицины. В 1556 г. Стендиш выдержал экзамен в Королевской медицинской коллегии и получил лицензию, которая давала право на частную практику.

55

Ричард Рейнольдс (ок. 1529–1606) поступил в Кембридж в 1546 г., в 1550 г. получил степень бакалавра, в этом же году оставил теологию и занялся медициной. 1551 г. – магистр. В 1567 г. готовился к экзамену на соискание степени доктора медицины, но, не получив ее, отправился в Россию.

56

Элизиус Бомелиус (1530–1575?) в 1559 г. – студент Кембриджского университета, с 1564 г. – практикующий врач. Один из самых известных врачей Лондона. Консультировал английскую королеву Елизавету.

57

Цит. по: *Пашков К.А.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 16.

58

*Пушкарева Н.*Частная жизнь в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2011. С. 45.

59

*Самойлова Т.Е., Панова ТД.*Усыпальница царя Ивана Грозного. М., 2004. С. 44.

60

*Алисиевич В.*Череп Ивана Грозного. Судебно-медицинское исследование останков Царя Ивана Грозного, его сыновей и князя Скопина-Шуйского // Записки криминалистов: Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах Московского юридического института. Вып.1. М., 1993. С. 160–167.

61

Остеофит (от др. – греч. oxeov – кость, и Фихоу – растение) – патологический нарост на поверхности костной ткани. Как правило, это краевое разрастание кости, подвергающейся деформирующим нагрузкам, или вследствие нарушения обмена кальция в костной ткани. В основном остеофиты возникают на поверхностях костей стоп (в частности, в виде пяточных шпор) и рук. Остеофит может явиться следствием патологического процесса, сопутствующего некоторым заболеваниям (например, остеомиелиту или диабету). Обычно развитие остеофитов сопровождается ограничением подвижности и развитием болей.

62

Цит. по: *Герасимов М.М., Герасимова К.М.*Михаил Герасимов: Я ищу лица. О восстановлении внешнего облика исторических лиц. М., 2007. С. 148.

63

*Герасимов М.М.*Документальный портрет Ивана Грозного // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 139.

64

*Панова Т.П.*Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 209.

65

*Панова Т.П.*Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 210.

66

*Панова Т.П.*Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 212.

67

*Седов П.В.*Закат Московского царства: Царский двор конца XVIII века. СПб., 2008. С. 386.

68

Исследователям удалось провести рентгено-флюоресцентный анализ (РФА) кусочка мозга Ирины Годуновой, обнаруженного в черепе при подготовке к реконструкции портрета. Анализ установил повышенное содержание в мозге царицы (по сравнению со средним, фоновым, наблюдаемым в наше время) некоторых металлов – железа, меди, свинца и минералов – ртути, мышьяка. Из наиболее вредных веществ особенно повышено содержание свинца (в 80 раз), ртути (в 10 раз) и мышьяка (в 4 раза). Объяснить это можно, скорее всего, тем, что Ирине Годуновой приходилось длительно лечиться мазями – ртутными, свинцовыми и др.

69

*Пушкарева Н.*Частная жизнь в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2011. С. 64.

*Пушкарева Н.Л.*Женщины Древней Руси. М., 1989.

71

*Седов П.В.*Закат Московского царства: Царский двор конца XVIII века. СПб., 2008. С. 267.

*Седов П.В.*Закат Московского царства: Царский двор конца XVIII века. СПб., 2008. С. 326.

73

*Пашков К Л.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 20.

74

*Пашков К А.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 21.

75

Фредерик Рюйш (1638–1731) – голландский анатом. Выпускник Лейденского университета. С 1665 г. – профессор анатомии.

76

*Пашков КА.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 23.

77

Опись предметам, хранящимся при Императорской Академии наук (в здании Кунсткамеры), в отделении, называемом: Кабинет Петра Великого, произведенном в новое устройство в 1837 г. СПб., 1837.

78

Ныне – Главный военный госпиталь им. Н.Н. Бурденко.

79

*Пашков КА.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 25.

80

Зубоврачевание в Киевской Руси // Стоматология и зубоврачевание. Кафедра истории медицины МГМСУ. Электронная версия.

81

Цит. по: *Аржанов Н.П.*Петербургские истории: Бахерахт, Валленштейн, Вагенгейм. Электронная версия.

82

*Пашков КА.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 27.

83

*Пашков КА.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 28.

84

Цит. по: *Аржанов Н.П.*Петербургские истории: Бахерахт, Валленштейн, Вагенгейм. Электронная версия.

85

*Аржанов Н.П.*Петербургские истории: Бахерахт, Валленштейн, Вагенгейм. Электронная версия.

86

*Пашков К А.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 29.

87

Бургав (Боергав-Кау) Герман (1705–1753) – лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны, главный директор Медицинской канцелярии.

88

Гюйон (Гион) (ум. в 1763 г.) – лейб-хирург; прибыл в Россию из Голландии в 1753 г.

89

Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение. М., 1990.

90

*Зимин И.В.*Медицина и власть // Пародонтология. 1997. № 3. С. 89–90.

91

*Головкин Ф.Г.*Двор и царствование Павла I. Электронная версия.

92

*Кьяндский А.А.*История зубоврачевания в дореволюционной России // Ученые записки СПб ГМУ им. акад. И.П. Павлова. Т. XIV.
№ 2. СПб., 2007. С. 47.

93

*Кьяндский Л.Л.*История зубоврачевания в дореволюционной России // Ученые записки СПб ГМУ им. акад. И.П. Павлова. Т. XIV. № 2. СПб., 2007. С. 47.

94

РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 26. Л. И // О достопамятных вещах, принадлежавших Императорской фамилии со времен Императора Петра I, хранящихся в разных казенных зданиях. 1826–1830.

95

РГИА. Ф. 519. Оп. 9. Д. 291. Л. 2 // О бриллиантовых и золотых вещах блаженныя памяти Государя Императора Александра I, хранящихся у гардеробмейстера 5-го класса Геслера. 1826.

96

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 179. Л. 69 // Ведомости золотых, серебряных, мельхиоровых вещей, картин, мебели, находящихся в Музее и царских комнатах Зимнего дворца. 1910–1911.

97

РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 // Переписка с Кабинетом о приобретении драгоценностей для Императрицы Александры Федоровны. 1826–1830.

98

РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 // Переписка с Кабинетом о приобретении драгоценностей для Императрицы Александры Федоровны. 1826–1830.

99

Есть упоминания, что первую щетку для зубов сделали в 1498 г. из щетины борова и кости для китайского императора.

100

*Соловова Ю.В., Морозова С.И.*История создания зубной щетки // История стоматологии. II Всеросс. конф. М., 2008. С. 158–159.

101

*Щепанская Т.*Красота. Иллюстрированная энциклопедия: Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005. С. 280.

102

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 13. Л. 1 // Об открытии комода, поступившего в Кабинет Его Величества после кончины блаженный памяти Государыни Императрицы Екатерины II, и об отправлении некоторых из вещей к разным лицам по назначению г. министра Императорского двора. 1831 г.

103

*Пашков К Л.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX в.). Казань, 2011. С. 30.

104

См. Приложение № 2. В литературе часто упоминается, что первым в этом списке значится Илья Лузгин. Это не так, поскольку «Список дантистов» составлялся в алфавитном порядке. Заметим и то, что биографических данных на первого «лицензированного» дантиста «из природных русских» Илью Лузгина не имеется.

105

Заметки одного из русских воспитателей императора Александра Павловича / Сообщ. М.П. Погодин // Русский архив, 1866. Вып. 1. Стб. 98. Электронная версия.

106

РГИА. Ф. 519. Оп. 3. Д. 58. Л. 2 // Об увольнении от службы Придворного зубного лекаря Сосерота, с пенсионом по 2000 руб. в год. 1820.

107

РГИА. Ф. 519. Оп. 3. Д. 58. Л. 4 // Об увольнении от службы Придворного зубного лекаря Сосерота, с пенсионом по 2000 руб. в год. 1820.

108

РГИА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 209. Л. 4 // Об определении ко Двору зубного врача Деспина. 1817.

109

*Кузыбаева М.П.*Зубоврачебный инструментарий в собрании хирургического музея ИМХА // История стоматологии. II Всерос. конф. М., 2008. С. 100.

110

РГИА. Ф. 519. On. 1. Д. 207. Л. 1 // О заплате за елексир и зубной порошок, отпущенной в комнату Его Величества. 1817.

111

РГИА. Ф. 519. Оп. 7. Д. 500. Л. 5 // О пожаловании разным дамам бриллиантовых подарков. 1824.

112

РГИА. Ф. 519. Оп. 2. Д. 296. Л. 2 // Об уплате придворному зубному лекарю Деспину 3477 руб. за лекарства. 1817.

113

РГИА. Ф. 519. Оп. 3. Д. 80. Л. 2 // Об увольнении придворного зубного врача Деспина по болезни и домашним обстоятельствам, в отпуск за границу. 1820.

114

РГИА. Ф. 519. Оп. 6. Д. 47. Л. 1 // О назначении иностранного зубного врача Фонци сим званием ко Двору Его Величества. 1823.

115

Российский медицинский список на 1825 г. СПб., 1825.

116

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1050. Л.1 0 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1801 года.

117

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1056. *Л.*45 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1807 года.

118

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1059. *Л.*26 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1810 года.

119

В апреле 1843 г. «токарю Хемстейну за 6 зубных щеток» было уплачено 12 руб. См.: ОР РНБ Ф. 650. Д. 1071. Л. 79 об. // Книга гардеробной суммы 1838–1843 гг.

120

РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1285. Л. 4 // Формулярные списки о службе медицинских чинов. С 1832 по 1841 год.

121

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

122

РГИА. Ф. 519. Оп. 9. Д. 41. Лл. 12–16 // Об определении к Высочайшему Двору сына бывшего придворного лекаря Сосерота – Николая Сосерота зубным доктором с жалованьем по 2000 р. в год и

о произведении его в коллежские асессоры. 1826.

123

РГИА. Ф. 519. Оп. 9. Д. 41. Л. 9 // Об определении к Высочайшему Двору сына бывшего придворного лекаря Сосерота – Николая Сосерота зубным доктором с жалованьем по 2000 р. в год и о произведении его в коллежские асессоры. 1826.

124

Четыре письма Жуковского // Наше наследие. 2003. № 65. Электронная версия.

125

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

126

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. И. Л. 1.

127

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 287. Л. 1.

128

*Фредерикс МЛ.*Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 72.

129

Подробнее см.: *Зимин И.В.*Медицина и власть // Пародонтология. 1997. № 3. С. 89–90.

130

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 494. Л. 1.

131

Дневники Николая II позволяют достаточно полно реконструировать зубоврачебную практику при Императорском дворе. См. подробнее: *Зимин И.В.*Стоматологическая служба в последней императорской семье // Пародонтология. 1999. № 4. С. 42–44; *Девятое С.В., Жиляев В.И., Зимин И.В.*[и др.]. Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX веков / Под ред. *Г.Г. Онищенко*.М., 2008.

132

Российский медицинский список, по Высочайшему повелению издаваемый Медицинским департаментом МВД на 1840 г. СПб.,
1840 г.

133

РГИА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 401. Л. 1 //О врачебном присмотре при Высочайшем дворе. 21 января 1818 г.

134

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 110. Л. 33 об.

135

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 110. Л. 26.

136

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 110. Л. 4.

137

*Маркус.*Краткое руководство для врачей к познанию Российских законов учреждений и государственной службы. СПб., 1843. С. 51.

138

Обзор деятельности Министерства Императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего Государя Императора
Александра III. 1881–1894. Кн. 2. Ч. 1. СПб., 1901. С. 223.

139

РГИА. Ф. 472. On. 1. Д. 493. Л. 1 // О награждении дантиста Валленштейна почетным Придворным зубным врачом. 1851 г.

140

Цит. по: *Аржанов Н.П.*Петербургские истории: Бахерахт, Валленштейн, Вагенгейм. Электронная версия.

141

РГИА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 296. Л. 1–2 // О зубном враче Валленштейне. О награждении его золотой медалью на Владимирской ленте за пользование воспитанников и чинов Морского Кадетского корпуса. 1855 г.

142

Канонизирована в 249 г. н. э.

143

Столяренко П.Ю. Роль дантистов в развитии обезболивания в хирургии и стоматологии // История стоматологии. II Всерос. конф. М., 2008. С. 161–163.

Сорокина Т.С. История медицины. М., 2004. С. 436.

145

Пашков КА. Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX в.). Казань, 2011. С. 41–42.

146

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 494. Л. 3.

147

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 494. Л. 6.

148

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 579. Л. 2 // По отношению Директора Императорского Александровского лицея о помещении придворного дантиста Мурфия, зубным врачом при лицее с оставлением и в прежней должности. 1852.

149

РГИА. Ф. 472. On. 1. Д. 617. Об увольнении придворного дантиста Мурфия от службы в Лицее. 1853.

150

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 838. Л. 1 // О награждении званием Почетного дантиста, состоящего при Московском Елисаветинском училище дантиста Василия Амбургера. 1856.

151

РГИА. Ф. 472. On. 1. Д. 859. Л. 1 // О пожаловании зубному врачу Эвансу звания Придворного дантиста. 1856.

152

РГИА. Ф. 472. On. 1. Д. 936. Л. 3 // Относительно определения к Высочайшему двору зубного врача Неймана, о награждении его званием Почетного дантиста. 1857.

153

РГИА. Ф. 472. On. 1. Д. 942. Л. 2 // О допущении зубного врача Эдуарда Вагенгейма к врачебной по его званию практике при Дирекции Императорских Театров без жалованья и без права государственной службы. Тут же об увольнении его и о помещении вместо него брата его Адольфа Вагенгейма. 1857.

154

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 999. Л. 2 // Об увольнении от службы сверхштатного дантиста при Московских театрах губернского секретаря Лазарика и о назначении на его место сына его Германа Лазарика. 1858.

155

РГИА. Ф. 479. Оп. 6. Д. 785. Л. 1 // О службе зубного врача при Императорском театральном училище в Москве, коллежского секретаря Алексея Щеголева (1903–1908 гг.). Там же: Ф. 479. Оп. 6. Д. 807. Л. 1-39 // О службе зубного врача при Императорском театральном училище в Санкт-Петербурге коллежского секретаря Синицына (1903–1917 гг.).

156

РГИА. Ф. 479. Оп. 6. Д. 972. Л. 1 // О службе зубного врача при Московском театральном училище Юлии Ильинской (1907—
1915 гг.).

157

РГИА. Ф. 472. On. 1. Д. 1273. Л. 1 // О пожаловании придворного дантиста Амбургера золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте. 1864.

158

РГИА. Ф. 472. On. 1. Д. 2038. Лл. 1-29 // Об исходатайствовании состоящему при врачебном дежурстве для исправления должности лекарского помощника, имеющего звание дантиста коллежскому секретарю Топорову, назначение его сверхштатным дантистом при сем дежурстве, с сохранением получаемого им поныне содержания. 1879.

159

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 980. Л.1 // Об увольнении от службы Придворного Дентиста коллежского секретаря Бейлембурга с мундиром, пенсионом и с выдачею в пособие полугодового оклада жалованья. 1858.

160

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 980. ***Л.*** 12 // Об увольнении от службы Придворного Дентиста коллежского секретаря Бейлембурга с мундиром, пенсионом и с выдачею в пособие полугодового оклада жалованья. 1858.

161

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 44. О пожаловании зубного врача Бейлембурга в XIV кл. 1839 г.

162

Примечание в утвержденном штате: «Придворные медицинские чины, которые получат содержание более противу назначенного штатом, сохраняют прежние свои оклады. Но впредь поступающие на их места должны получать содержание, определяемое настоящим штатом».

163

РГИА. 472. On. 1. Д. 235. Л. 2 // По рапорту придворного дантиста XIV класса Бейлембурга о внесении в формулярный список принятия им присяги на подданство России и о вступлении его во второй брак. 1846.

164

РГИА. Ф. 472. On. 1. Д. 252. Л. 1 // По рапорту придворного дантиста 14 класса Беймельбурга о награждении ему пенсии за 20-летнюю службу. 1846.

165

РГИА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 58. Лл. 1-14 // По рапорту Придворного дентиста 14 класса Бейлембурга, с представлением свидетельства санкт-петербургской Евангелического-лютеранской Консистории,

о расторжении брака его с Мариею-Луизою урожденною де-Серр, с правом вступить ему во вторичное супружество. 1844.

166

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 495. Л. 3 // Бейлембург. О производстве его в губернские секретари за выслугу лет. 1851.

167

РГИА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 188. Л. 1–8 // Прошение придворного дентиста Беймельбурга об увольнении в отпуск по болезни за границу на 4 месяца. 1852.

168

РГИА. Ф. 472. On. 1. Д. 1237. Л. 1 // О назначении вдове бывшего Придворного дантиста коллежского секретаря Беймельбурга с дочерью, пенсии по 321 руб. 22 коп. и о производстве ей в течение одного года полной пенсии мужа 571 руб. 84 коп. по имевшемуся у него знаку о беспорочной службе. 1863.

169

РГИА. Ф. 479. Оп. 3. Д. 134. Л. 2 // О выдаче капитану 7-го Западно-Сибирского линейного батальона фон Бейлембургу, прошенные им копии с документов деда его, умершего Придворного дантиста, коллежского секретаря Бейлембурга. 1895.

170

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 980. Л. 7 // Об увольнении от службы Придворного Дентиста коллежского секретаря Бейлембурга с мундиром, пенсионом и с выдачею в пособие полугодового оклада жалованья. 1858.

171

РГИА. Ф. 479. On. 1. Д. 980. Л. 11 // Об увольнении от службы Придворного Дентиста коллежского секретаря Бейлембурга с мундиром, пенсионом и с выдачею в пособие полугодового оклада жалованья. 1858.

172

РГИА. Ф. 479. Оп. 1.Д. 1518.

173

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 584. Л. 1 // По просьбе проживающего в Москве Прусского поданного, зубного врача Людвига Беркмейера

о разрешении ему поднести Государю Императору изобретенные им зубные средства. 1876.

174

Медико-филантропический комитет был учрежден императором Александром I в мае 1802 г.

175

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1178. Л. 2 // Об определении состоящего при Высочайшем Дворе дентиста Фрикова, сверх настоящей должности, дентистом же по Медико-филанропическому комитету. 1862.

176

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 1733. ***Л.2//Ö*** смерти Придворного дантиста губернского секретаря Фрикова. 1872.

177

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1734. Л. 6 // Об определении зубного врача Карла Вагенгейма на вакансию Дентиста при Высочайшем дворе. 1872–1874.

178

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1734. Л. 1 // Об определении зубного врача Карла Вагенгейма на вакансию Дентиста при Высочайшем дворе. 1872–1874.

179

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1734. Л. 3 // Об определении зубного врача Карла Вагенгейма на вакансию Дентиста при Высочайшем дворе. 1872–1874.

180

Трепов Федор Федорович (1812–1889) – государственный и военный деятель, генерал-адъютант (1867 г.), генерал от кавалерии, обер-полицмейстер Петербурга (1866 г.), градоначальник (1873–1878 гг.).

181

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1734. Л. 12 // Об определении зубного врача Карла Вагенгейма на вакансию Дентиста при Высочайшем дворе. 1872–1874.

182

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1734. Л. 16 // Об определении зубного врача Карла Вагенгейма на вакансию Дентиста при Высочайшем дворе. 1872–1874.

183

РГИА. Ф. 472. On. 1. Д. 131. Л. 1 //О назначении придворного дантиста Вагенгейма. 1842.

184

РГИА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 957. Л. 1–9 // О службе почетного придворного дантиста Вагенгейма, с присовокуплением мнения по предмету возведения его с нисходящим потомством в почетное гражданство. 1866.

185

Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему повелению Медицинским Департаментом Министерства внутренних дел на 1844 г. СПб., 1844. С. 422.

186

РГИА. Ф. 479. Оп. 3. Д. 66. Л. 1 // О предполагаемом поручении штатному Придворному дантисту Вагенгейму в случае надобности исполнять обязанности зубного врача по Санкт-Петербургскому театральному училищу. 1883.

187

Добровольский К.Н. Как поручик Бородин сделался зубным врачом // Русский Архив. 1907. № 6. С. 286–288.

188

Лейб-отиатр – врач, специализирующийся на лечении ушных болезней.

189

РГИА. Ф. 479. On. 1. Д. 1787. Л. 2 // По отношению Канцелярии Министерства Императорского двора о доставлении ближайших сведений о докторе Марини и заключения по ходатайству касательно назначения его Дентистом Его Императорского Величества. 1873—
1875.

190

РГИА. Ф. 479. On. 1. Д. 1787. Л. 16 // По отношению Канцелярии Министерства Императорского двора о доставлении ближайших сведений о докторе Марини и заключения по ходатайству касательно назначения его Дентистом Его Императорского Величества. 1873—
1875.

191

Пашков КА. Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX в.). Казань, 2011. С. 46.

192

РГИА. Ф. 479. Оп. 3. Д. 366. Л. 1 // Об отчислении штатного дентиста при Высочайшем Дворе, титулярного советника Вагенгейма от должности за упразднением ея и об оставлении за штатом сверхштатного при Высочайшем дворе дентиста титулярного советника Мурфия и затем об увольнении его от службы. 1888.

193

Ботвинник М.М. Шах двадцатому веку. М., 2010. С. 14.

194

Там же. С. 19.

195

Миронов СЛ. [и др.]. Кремлевская медицина. М., 2000.

196

Кьяндский А.А. История зубоврачевания в дореволюционной России // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова. Т. XIV.

№ 2. 2007. С. 46.

197

Тем не менее в деловой переписке и некоторых официальных документах продолжало упоминаться звание «зубного врача».

198

СП МНП. Т. 1. 1802–1825. СПб., 1875. Стб. 624.

199

БМЭ.М., 1985. Т. 24. С. 287.

200

Первый женский календарь на 1900 г. СПб., 1900. С. 138.

201

Глинский Б.Б. Очерки русского прогресса. СПб., 1900. С. 251.

202

ПСЗ. Изд. 2. Т. 13. Отд. 2. № 11896. 28 декабря 1838 г.

203

СП МНП. Т. 2. 1825–1855. (Отд. 2. 1840–1855). СПб., 1864. Стб. 591.

204

Там же. Стб. 963.

205

Сорокина Т.С. История медицины. М., 2004. С. 462.

206

РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 108. Л. 1–3.

207

Там же.

208

РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 839. Л. 9 об.

209

Полное собрание законов Российской империи. Изд. 3 (1881 — 1913). Т. XI (1891). № 7673. 7 мая 1891 г.

210

Полное собрание законов Российской империи. Изд. 3 (1881 — 1913). Т. XI (1891). № 7673. 7 мая 1891 г.

211

То есть до постановления НКЗ и НКПроса о национализации частных зубоврачебных школ.

212

Хроника // Зубоврачебный вестник. 1894. Т. 16. С. 179.

213

Отчет о деятельности зубоврачебной школы врача Т.А. Тычинского в г. Одессе за 1893/94 уч. год // Зубоврачебный вестник. 1894. Т. 16. С. 529.

214

Весь Петербург на 1901 год. СПб., 1901. Стб. 635–638.

215

Вся Казань на 1899 год. Казань, 1899. С. 164–165.

216

Вся Одесса на 1913 г. Одесса, 1913. Стб. 185.

217

Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Т. 14. Изд. 3. № 10381. 24 февраля 1894 г.

218

ПСЗРИ. Т. 18. Изд. 3. № 15453. 28 мая 1898 г.

219

С 1885 г. – Клинический институт вел. кн. Елены Павловны; с 1896 г. – Императорский клинический институт вел. кн. Елены Павловны; с 1917 г. – Еленинский клинический институт; с 1918 г. – Советский институт для усовершенствования врачей; с 1922 г. – Государственный клинический институт для усовершенствования врачей, с 1924 г. – Государственный институт для усовершенствования врачей; с 1993 г. – Медицинская академия последипломного образования. В 2011 г. МАПО включена в структуру Северо-Западного медицинского университета им. И.И. Мечникова.

220

РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 1956. Л. 2–5.

221

РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 283. Л. 2–4.

*Сорокина Т.С.*История медицины. М., 2004. С. 462.

223

Цит. по: *Пашков К. А.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011.

С. 49.

224

Цит. по: *Пашков КА.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX в.). Казань, 2011.

С. 50.

225

ПСЗ. Т. 23. Изд. 3. № 23024. 26 мая 1903 г.

226

XI Пироговский съезд врачей. СПб., 1911. Т. 1. С. 437–439.

227

*Чепик Г.С.*Дантист и зубоврачебных дел мастер Иван Иванович Хрущев // Материалы VI Всерос. конф. «История стоматологии». М., 2012. С. 236.

228

*Прохватилов Г.И., Иорданишвили А.К.*Этапы развития военной стоматологии и челюстно-лицевой хирургии // Материалы VI Всерос. конф. «История стоматологии». М., 2012. С. 166.

229

*Сорокина Т.С.*История медицины. М., 2004. С. 462.

230

Цит. по: *Пашков К. А.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011.

С. 61.

231

*Кушите ММ.*Из истории петербургской улыбки. Невский 46: зубоврачевание и не только. СПб., 2004. С. 27.

232

ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14556. Лл. 2–8.

233

Там же. Л. 15.

234

Там же. Л. 13.

235

ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14613. Л. 1.

236

Напомним, что в результате трех разделов между Пруссией, Австрией и Россией Польша в 1795 г. исчезла с политической карты Европы.

Авторы благодарят к.и.н., доц. А.А. Журавлева за предоставленные сведения.

238

ПСЗРИ. Изд. 3. Т. 25. № 26376. 8 июня 1905 г. О преподавании зубоврачебного искусства в Александровском университете.

239

ПСЗРИ. Изд. 3. Т. 25. № 26376. 8 июня 1905 г. О преподавании зубоврачебного искусства в Александровском университете.

240

*Сорокина Т.С.*История медицины. М., 2004. С. 463.

241

ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14686. Л. 1.

242

Там же. Л. 5.

243

ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14686. Л. 18.

244

Там же. Л. 6.

245

ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14802. Л. 128.

246

ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14821. Л. 48.

247

Зубоврачебный вестник. 1889. № 9. С. 127–128.

248

Зубоврачебный вестник. 1894. Т. 16. С. 281.

249

Статистический ежегодник России. 1915 г. Пг., 1916. С. 2 (приложение).

250

*Пашков КЛ.*Зубоврачевание и стоматология в России. Основные этапы и направления развития (IX–XX вв.). Казань, 2011. С. 52.

251

Придворная медицинская часть в 1899 г. Отчет инспекции. СПб., 1890. С. 65.

252

Весь Петербург на 1915 г. СПб., 1915. С. 696–697.

253

Придворная медицинская часть в 1907 г. Отчет инспекции. СПб., 1909. С. 46.

254

Обзор деятельности Министерства Императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего Государя Императора
Александра III. 1881–1894. Кн. 2. Ч. 1. СПб., 1901. С. 241.

255

*Кауфман Л.М.*фон. Красный Крест в тылу армии в японскую кампанию 1904–1905 гг. Т. II. Забайкальский район. Ч. 1. СПб., 1909.

С. 169.

256

*Воейков В.Н.*Обзор деятельности Распорядительного комитета особой комиссии Главного управления Российского общества Красного Креста, состоящей под Покровительством великой княгини Марии Павловны и под почетным Председательством великой княгини Ксении Александровны, по бесплатному размещению больных и раненых воинов в пределах С.-Петербургского, Виленского и Варшавского военных округов. 1904–1907. СПб., 1908. С. 7.

257

Зубоврачебные кабинеты для армии // Вестник Красного Креста. № 3. 1916. С. 1003.

258

Одонтологические отряды // Вестник Красного Креста. 1916. № 4. С. 1258.

259

Сборник штатов, учреждений Российского общества Красного Креста военного времени. Пг., 1917. С. 112.

260

Сборник штатов, учреждений Российского общества Красного Креста военного времени. Пг., 1917. С. ИЗ.

261

Там же. С. 114.

262

Весь Петербург на 1915 г. СПб., 1916. С. 696–697.

263

РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 65. Л. 56 // Бухгалтерская книга Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. 1895–1899.

264

*Мейлунас А., Мироненко С.*Николай и Александра. М., 1998. С. 203.

265

РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 156. Л. 1 // Кострицкий Сергей Сергеевич, коллежский регистратор – зубной врач. 25 мая 1914 г.

266

РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 156. Л. 2 // Кострицкий Сергей Сергеевич, коллежский регистратор – зубной врач. 25 мая
1914 г.

267

РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 156. Л. 7 // Кострицкий Сергей Сергеевич, коллежский регистратор – зубной врач. 25 мая
1914 г.

268

РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 32. *Л.*23 // Отчеты по суммам бывшего великого князя Алексея Николаевича за 1916 г.

269

Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. 1914–1915. М., 1923. С. 490, 494, 498.

270

Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4.1916–1917. М., 1926. С. 75.

271

Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4.1916–1917. М., 1926. С. 111, 120,139,145, 154.

272

РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 156. Л. 17 // Кострицкий Сергей Сергеевич, коллежский регистратор – зубной врач. 25 мая 1914 г.

273

Там же. С. 305, 310, 314, 319, 322, 333, 334, 345, 350, 353.

274

РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (216/2714). Д. 163. Л. 1 // Бараш Александр, зубной врач. 1913.

275

Дневник Императора Николая II. М., 1991. С. 618.

276

*Спиридович А.И.*Великая война и Февральская революция. 1914–1917. Нью-Йорк. Т. 1. 1960. С. 27.

277

*Спиридович А.И.*Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960–1962. Электронная версия, http: // militera.lib.ru

278

*Панкратов В.С.*С Царем в Тобольске // Былое. Л., № 25/26. С. 145, 156.

279

Дневник Императора Николая II. М., 1991. С. 655–656.

280

Ай-Тодор – резиденция великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Николаевны (младшая сестра Николая II), в которой жила императрица Мария Федоровна (мать Николая II и супруга Александра III) с весны 1918 г. по весну 1919 г.

281

Сын великой княгини Ксении Александровны, племянник Николая II.

282

*Боханов А.*Сердечные тайны. М., 1999. С. 375.

283

Дневник Императора Николая II. М., 1991. С. 661.

284

Мнухин Л., *Авриль М.*, *Лосская В.*Российское зарубежье во Франции 1919–2000. М., 2008.

*Maples, Dr. William R. and Michael Browning.*Dead Men Do tell Tales. N.Y. 1994. P. 259.

Ее проводил В.Н. Звягин – зав. отделом Российского центра судебно-медицинской экспертизы, д.м.н., почетный член Международной академии интегративной антропологии.

287

Романовы. Подвиг во имя любви / Сост. В.П. Долматов, Л.А. Лыкова. М., 2010. С. 342.

Романовы. Подвиг во имя любви / Сост. В.П. Долматов, Л.А. Лыкова. М., 2010. С. 343.

289

История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917. М., 2006; Энциклопедия Федеральной службы охраны Российской Федерации. Т. 1. История органов государственной охраны и специальной связи / Под общ. ред. Е.А. Мурова. М., 2011.; *Зимин И.В.*Александр III и его телохранители // Родина. 2011. № 8. С. 18–24.